БОРИС
АКУНИН

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Семнадцатый
век

Annotation

Семнадцатый век представляется каким-то потерянным временем, когда страна топталась на месте, но в истории Российского государства этот отрезок занимает совершенно особое место, где спрессованы и «минуты роковые», и целые десятилетия неспешного развития. Наиболее тугим узлом этой эпохи является Смута. Это поистине страшное и захватывающее зрелище – сопоставимый по масштабу кризис в России повторится лишь триста лет спустя, в начале XX века. Там же, в семнадцатом веке, нужно искать корни некоторых острых проблем, которые остаются нерешенными и поныне.

Книга «Между Европой и Азией» посвящена истории третьего по счету российского государства, возникшего в результате Смуты и просуществовавшего меньше столетия – вплоть до новой модификации.

- Борис Акунин
  -
  -
  - Предисловие
  - Гибель государства
    -
    - Сомнительная власть
      - «Окаянный франт»
      - Путь наверх
      - Предпосылки успеха
      - Превратности войны
      - Победа без сражения
      - Царь Дмитрий Первый
      - Переворот
    - Слабая власть
      - Царь Василий IV
      - Призрак Самозванца
      - Война Болотникова
    - Двоевластие
      - Новый Лжедмитрий
      - Скромное начало

        - Серьезные игроки
        - Два царя
        - Невыгодный союз
        - Война с Польшей
        - Катастрофа
    - Безвластие и оккупация
        - Москва капитулирует
        - Оккупация Москвы
        - Гибель Лжедмитрия II
        - Великое посольство
        - Падение Смоленска
        - Первое ополчение
        - Шведская оккупация и новый Лжедмитрий
- Возрождение
    -
    - Выход из Смуты
        - Второе ополчение
        - Освободительный поход
        - Избрание царя
        - Новая власть и стоящие перед ней задачи
        - Конец гражданской войны
        - Конец интервенции
    - Первые шаги новой династии
        - Михаил I в жизни
        - В тени матери
        - В тени отца
        - Устройство
        - Трудный рост
        - Проблемы и испытания
        - Международные отношения
        - Яркие личности неяркого времени
- Зрелость и застой
    -
    - Алексей Тишайший: человек и правитель
        - Личность и семья
        - Фавориты и соправители
    - Главные события царствования Алексея I

-
- Украинский узел
  - Причины взрыва
  - Богдан Хмельницкий. Начало восстания
  - Зборовский мир
  - Хмельницкий маневрирует
  - Трудные времена
  - Присоединение
  - После Хмельницкого (1657–1672)
- Войны
  -
  - Польская война. Первый этап
  - Шведская война
  - Польская война. Второй этап
  - Турецкая война
- Раскол
  -
  - Причины и ход церковной реформы
  - Протест и раскол
- Бунты
  -
  - Соляной бунт
  - Медный бунт
  - Восстание
- Жизнь страны при Алексее I
  -
  - Система управления
  - Коррупция
  - Законотворчество
  - Экономика
  - Сословия
  - Отношения с другими странами
  - Европейские веяния
- Кризис
  -
  - Царь Федор III
  - Правление без правителя

        - Конец войны
        - Робкие преобразования
        - Год потрясений
        - Правительница и оберегатель
        - Внутренняя и внешняя политика
        - Движение на восток
        - Второй лагерь
        - Переворот
    - Заключение. Перед выбором пути
- notes
    - 1
    - 2

Борис Акунин
Между Европой и Азией. История Российского государства. Семнадцатый век

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентствами Shutterstock, МИА «Россия сегодня», Diomedia и свободными источниками

© B. Akunin, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Рецензенты:
К. А. Кочегаров
(Институт славяноведения РАН)

Ю. М. Эскин
(Российский государственный архив древних актов)

С. Ю. Шокарев
(Историко-архивный институт РГГУ)

Предисловие

Движение истории неравномерно. Памятные для потомства происшествия – обычно это какие-то эпохальные перемены или потрясения – чередуются с периодами, про которые в древних летописях коротко сообщается «ничего не бысть» (то есть всё было неплохо и рассказывать особенно не о чем). Темп событий то ускоряется, то замедляется; быстрые «вдохи» сменяются протяжными «выдохами»; иногда государство начинает рывкообразно развиваться, – как правило, это происходит при появлении целеустремленного вождя, реализующего некую программу; бывают столь же стремительные кризисы – по причинам как внутренним, так и внешним.

Вот почему рассказывать о разных периодах удобнее по-разному, приспосабливая методику изложения к особенностям и «важности» эпохи. Русский семнадцатый век, которому посвящен данный том, в этом смысле труден для описания. В сравнительно небольшой отрезок истории спрессованы и «минуты роковые», требующие детального изучения, и целые десятилетия неспешного развития, когда интереснее говорить не о событиях, а о явлениях и тенденциях.

Этим объясняется асимметричная структура книги. Ее первая часть отдана подробному рассказу всего о нескольких годах, а три следующие части куда более лапидарны. Впрочем, такая же пропорция наблюдается и во всем массиве исторических исследований о русском семнадцатом веке: о его драматическом начале написано гораздо больше, чем о последующих событиях – вплоть до самого конца столетия, когда Россия словно проснулась или же перешла с медленной ходьбы на быстрый бег.

Однако реформы Петра I будут темой пятого тома, четвертый же закончится 1689 годом. Наиболее тугим узлом этой эпохи является Смута – опыт крушения государства. Сопоставимый по масштабу кризис в России повторится лишь триста лет спустя, в начале XX века.

Русское государство, разрушенное Смутой, было по исторической преемственности вторым. Первое – Киевское великое княжество – возникло в IX веке, когда род Рюриковичей взял под контроль торговый путь «из варяг в греки». Раннее русское государство сохранялось до тех пор, пока речной транзит в XI–XII веках не утратил своего прежнего

значения. После этого центральная власть ослабела и страна начала дробиться на отдельные княжества, ставшие легкой добычей для монгольского нашествия.

Вторая централизация была осуществлена московским князем Иваном III (1462–1505), который взял за образец устройство Чингисхановой империи, самого великого государства, известного тогдашним русским людям. Крепость Орды зиждилась на пирамидальной иерархичности власти, единственным носителем которой являлся великий хан. Страна управлялась не по общим для всех законам, а по ханским указам, которые издавались с учетом конкретной ситуации и могли в любой момент изменить прежние «правила игры». Морально и религиозно принцип такой ничем не ограниченной власти поддерживался сакрализацией особы монарха, заступника и посредника за народ перед богом.

«Второе» русское государство архитектурно представляло собой очень простую конструкцию. Все сколько-нибудь важные решения принимались исключительно государем, который не только ведал всеми направлениями политики, но и стремился полностью контролировать жизнь в регионах своей немаленькой страны. При этом центральное правительство и областная администрация находились в зачаточном состоянии. Страна управлялась как личная вотчина одного хозяина.

В условиях Средневековья подобная структура безусловно имела свои плюсы, к числу которых относились неплохая управляемость, аккумуляция ресурсов и высокая мобилизационная способность. Главным соперникам московских самодержцев – польско-литовским королям – для войны требовалось заручиться согласием аристократии и получить санкцию на сбор финансов, поэтому западный сосед всегда запаздывал с началом боевых действий, а потом часто оказывался не в состоянии воспользоваться плодами побед из-за безденежья. Русскому же государю было достаточно просто приказать – все людские и материальные ресурсы страны находились в его полной воле.

Главная слабость «второго» государства, как водится, была обратной стороной его силы. При деятельном и способном правителе страна крепла и росла, с правителем средних способностей – оказывалась в состоянии застоя, плохой правитель вел страну к упадку. И совершенной катастрофой становилось отсутствие самодержца, оно приводило государство к параличу.

Именно это произошло в апреле 1605 года, о чем было рассказано в предыдущем томе и к чему мы вернемся опять, посмотрев на те же события с другой стороны – стороны Самозванца. Мы увидим, что его авантюра была плохо организована и несомненно закончилась бы поражением, если бы в Москве внезапно не скончался царь Борис. Здесь совпали два роковых фактора. Во-первых, наследник Бориса был подростком и не мог править самостоятельно. Во-вторых, новая династия, возникшая всего семь лет назад, еще не успела обрасти ореолом сакральности (обстоятельство, сохранившее страну во время малолетства Ивана Грозного).

Если формулировать совсем коротко, главной причиной краха «второй» Руси стало слишком сильное самодержавие при слишком слабом государстве. Сочетание безграничной власти монарха с неразвитостью институтов сделало политическую систему хрупкой. Стоило переломиться единственному стержню, на котором она держалась, – и государство рассыпалось.

История Смуты (как и события 1917 года) демонстрирует, что вроде бы могучая держава может развалиться очень быстро. Это поистине страшное и захватывающее зрелище.

По сравнению со Смутой следующая часть книги выглядит тусклой. Пропадает высокий драматизм, исчезают яркие личности, всё словно бы мельчает и обесцвечивается. Рассказ о царствовании Михаила Романова менее выигрышен – но история получения раны всегда сюжетно интереснее, чем описание ее лечения. Вместе с тем, с точки зрения истории государства, процесс заживления и восстановления сил страны, процесс создания новой системы вместо рухнувшей не менее важен.

Московское царство семнадцатого века при внешнем сходстве сильно отличается от Московского царства века шестнадцатого. Я полагаю, что тут речь идет о несколько иной модели, и подробно объясню, почему считаю это государство «третьим».

Центром развития мировой цивилизации стала Европа, и Россия политически, технологически, культурно все больше дрейфует в западном направлении. В семнадцатом веке она уже находилась ближе к Европе, чем к Азии, но «ордынский фундамент» оставался прежним, и построить на нем нечто принципиально новое было трудно. Всего через семьдесят лет возникнет необходимость в новой модификации.

Книга «Между Европой и Азией» состоит из четырех частей, которые соответствуют стадиям жизни почти всякого государства: предшествующему хаосу; рождению и росту; зрелости и застою; наконец – исчерпанности и кризису.

Гибель государства

В семнадцатый век Россия вошла, по внешней видимости, крепкой и благополучной державой. С пятнадцатимиллионным народом она была одной из самых населенных стран Европы, а по размерам – первой. Москва поддерживала мир с соседями, которые уважали ее мощь; казна была полна; торговля процветала; росли города. На престоле сидел опытный правитель Борис Годунов, вроде бы державший страну в ежовых рукавицах: запуганная аристократия боялась интриговать, забитые крестьяне не бунтовали. Казалось, на Руси после тяжелых испытаний, пережитых во второй половине предыдущего столетия, надолго установились спокойные, мирные времена.

Однако эта прочность была иллюзией.

Важнейшим элементом системы самодержавия, основанной Иваном III, являлось обожествление царской власти – только этим с

религиозной и рациональной точек зрения можно было оправдать безраздельную власть одного человека над огромной страной, все жители которой считались его «холопами». Если такая власть установлена самим Богом, роптать не на что: на небе – Господь, и все Его рабы; на земле – Государь, и все его холопы.

Однако Годунов тоже вышел из «холопов», о чем знала и помнила вся держава. Он и сам отлично понимал эту свою уязвимость и компенсировал ее неким подобием «народного мандата», для чего при воцарении впервые в русской истории устроил нечто вроде выборов – не самовольно уселся на престол, а был «упрошен» патриархом с боярами и «выкрикнут» столичной толпой, то есть заменил небесную сакрализацию земной легитимизацией.

Этот опасный эксперимент дорого обошелся и государству, и самодержавию. Столичное население вдруг ощутило свою силу, а тайные враги власти со временем поняли, что народом можно манипулировать. В русскую политическую историю ворвался фактор так называемой «площади» – столичной толпы, способной к бунту. Этого джинна, выпущенного из бутылки Годуновым, не удавалось загнать обратно на протяжении всего семнадцатого века. Пока дела в стране шли хорошо, всё было тихо, но в кризисные периоды царская власть оказывалась перед угрозой восстания – и не где-нибудь, а в собственной столице.

С 1602 года на Московское царство обрушилась череда потрясений: три неурожая подряд; вызванный ими страшный голод; отток населения в более сытные южные области; народные восстания; затем объявился претендент на престол – царевич Дмитрий, якобы чудесно спасшийся от убийц. И внешне крепкая держава в несколько лет развалилась.

Опасность самозванства заключалась не в военной интервенции, а в том, что слух о «законном» наследнике бил в самое болезненное место – в правомочность существующей власти. Кризис государства начался с сомнения в легитимности правителя.

Процесс полного распада «второго» русского государства занял семь лет и состоял из нескольких этапов: сомнительная власть – слабая власть – двоевластие – безвластие – наконец, иностранная оккупация. Когда страна не в состоянии управлять собой сама, всегда находятся иные распорядители.

Каждая ступень на этой ведущей вниз лестнице приводила современников в ужас, но следующая была еще страшнее.

В истории нации нет большей трагедии, чем крах государства. Развал политической системы сопровождается тотальным хаосом. Исчезают закон и порядок; все воюют со всеми; города стоят разграбленные, села пустеют; крестьяне не выращивают хлеб, купцы не торгуют; к кровопролитию прибавляются голод и эпидемии; убийства и зверства становятся обыденностью и нормой.

Эту горькую чашу России предстояло испить до дна.

Сомнительная власть

«Окаянный франт»

Всякий, кто писал о Смуте, задавался тем же вопросом, что и безымянный автор «Плача о пленении Московского государства»: «Откуды начнем плакати, увы, коликаго падения преславныя и ясносияющия превеликая Росии, которым ли началом воздвигнем пучину слез рыдания нашего и стенания?»

Пожалуй, «начнем плакати» с фигуры Самозванца.

В предыдущем томе было рассказано, как действия «царевича» выглядели из Москвы. Теперь попробуем реконструировать ход тех же событий, глядя с противоположной стороны.

Судьба Лжедмитрия I совершенно невероятна. Этот совсем еще молодой человек, «нелепою дерзостию и неслыханным счастием достигнув цели – каким-то обаянием прельстив умы и сердца вопреки здравому смыслу – сделал то, чему нет примера в истории» (Карамзин). Отечественные хронисты семнадцатого века не жалеют бранных слов для возбудителя Смуты. В том же «Плаче» он назван «окаянным франтом[1] Гришкой» (автор исходит из официальной версии о том, что самозванцем был Григорий Отрепьев); современный событиям автор Иван Тимофеев величает его лютым «скименом» (молодым львом) и даже облекшимся в человеческую плоть Антихристом.

Победа безвестного авантюриста над могущественным царем выглядит чем-то поразительным и с расстояния в несколько веков. Неудивительно, что многие историки пытались объяснить ее происками внешних или внутренних врагов.

Дмитрий Иловайский, знаменитый автор исторических учебников, на которых выросло несколько поколений русских гимназистов, считал эпопею фальшивого Дмитрия «гнусной польской интригой». «Адский замысел против Московского государства – замысел, плодом которого явилось самозванство, – возник и осуществился в среде враждебной польской и ополяченной западнорусской аристократии», – уверенно заявляет он. Эту версию вроде бы подтверждает дальнейшее развитие событий, приведшее к оккупации, однако же в 1604 году, когда

зародился мятеж, польскому королю было совершенно не до «адских замыслов» против восточного соседа: Сигизмунд готовился воевать со шведами, к тому же в Речи Посполитой назревала собственная смута – так называемый «рокош».

В. Ключевский и С. Платонов полагали, что Лжедмитрий мог быть креатурой боярских кругов, враждебных Годунову. «Винили поляков, что они его [Самозванца] подстроили; но он был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве», пишет первый; второй выражается чуть осторожнее: «Изо всех существующих мнений о происхождении самозванца наиболее вероятным представляется то, что это был московский человек, подготовленный к его роли в среде враждебных Годунову московских бояр и ими пущенный в Польшу».

Однако похоже, что никакие зловещие силы Самозванца никуда не «пускали» и никто его не «заквашивал». Со временем у Лжедмитрия появились покровители и союзники, но, как мы увидим, он нашел их сам, а потом его подхватила и понесла волна, остановить которую он при всем желании был уже не властен.

В Москве царю Борису, остро ощущавшему сомнительность своей власти и от этого боявшемуся собственной тени, воскресший царевич казался грозным и страшным великаном, сметающим всё на своем пути (в третьем томе я рассказывал о годуновских метаниях); претенденту же в его крайне шатком положении несокрушимой махиной представлялась Москва – он шел на нее, потому что слишком заигрался и отступление означало бы для него верную гибель. Но непреодолимые препятствия, как в сказке, рухнули, несметные вражеские полчища расступились, крепостные стены рассыпались, гордые московские вельможи склонились – и свершилось то, «чему нет примера в истории».

Кем же был этот удивительный юноша?

Вопросом о загадке Лжедмитрия I русскую публику впервые заинтриговал Карамзин – до него отечественной историей общество интересовалось мало. Знаменитая старуха пушкинских времен Загряжская говорила перед смертью: «Мне нужно сделать Господу Богу три вопроса: кто был Лжедмитрий, кто Железная маска и кто шевалье д'Еон?» Похоже, что иного способа раскрыть тайну Лжедмитрия и не существует. Мы не знаем, откуда взялся этот человек, и, очевидно, никогда уже не узнаем.

В 1605 году итальянец Бареццо Барецци пересказывает версию о спасении московитского «царевича» следующим образом: «Когда Борис прислал людей для убиения Димитрия, воспитатель его (который, как говорят, был немец из окрестностей Кёльна) уведомлен был матерью Димитрия об их прибытии, а также и о месте и времени избранных для убиения Царевича. Поэтому наставник положил в одну постель с Димитрием мальчика таких же лет и сходной наружности, не сказавши о том никому, и как скоро мальчик уснул, велел тайно унести Димитрия из постели… Димитрий, тайно воспитанный своим наставником, убежавшим из сожженного города, узнал от того же наставника, вскоре умершего, что он законный наследник Иоанна Васильевича».

Если бы неведомый проходимец, объявивший себя сыном Ивана Грозного, не только сверг Годуновых, но и основал новую династию, придворные историографы несомненно придали бы этой красивой сказке канонический вид и в последующие века школьников учили бы, что в 1591 году младший сын Ивана IV чуть не погиб от руки подосланных Годуновым убийц, «немца из Кёльна» ради патриотизма заменили бы на какого-нибудь русака, и все кроме особенно скептичных исследователей свято верили бы в эту легенду – мало ли в отечественной да и всякой другой истории сомнительных преданий?

Но Лжедмитрий был свергнут и сразу же после смерти опорочен, поэтому возобладала иная версия о его происхождении, разработанная еще дьяками Бориса Годунова и попавшая в учебники: о том, что самозванцем был беглый монах Григорий (в миру Юрий) Отрепьев.

> Юрий Богданович Отрепьев существовал на самом деле. Он был сыном стрелецкого сотника и происходил из небогатых костромских дворян. По соседству от их поместья находилась большая вотчина знатного боярского рода Романовых, к числу мелких клиентов которого, должно быть, относились и Отрепьевы. Во всяком случае, «Юшка» с ранних лет жил слугой на московском подворье Романовых и их близких родственников князей Черкасских (это обстоятельство в позднейшие, романовские времена всячески замалчивалось).
>
> Затем с Отрепьевым произошла какая-то неприятность, в результате которой он постригся в монахи. Согласно официальной правительственной версии, Юшка «впал в

> ересь, и воровал, крал, играл в зернь, и бражничал», и «за то его воровство хотели его повесить, и он от тое смертные казни сбежал, постригся в дальних монастырех, а назвали его в чернецех Григорием». Однако лучший исследователь эпохи Руслан Скрынников связывает пострижение Отрепьева с событиями 1600 года, когда Романовы и Черкасские попали в опалу. Многие их слуги угодили в тюрьму, а прочие остались без средств к существованию. Вероятно, Юрия погнали в монастырь страх и безысходность. Какое-то время он отсиживался в отдаленных обителях, а когда гроза утихла, обосновался в столичном Чудовом монастыре, где жил на покое его дед.
>
> Смышленого чернеца приметил сначала архимандрит, а затем и сам патриарх. Надо полагать, бывший Юрий, а ныне Григорий был ловок и неплохо образован. Вскоре он оказался в числе патриарших дьяконов и участвовал в составлении божественных книг.
>
> Скрынников вычислил, что в Кремль Отрепьев попал в начале 1601 года, а в феврале 1602 года бежал в Литву – очевидно, с ним опять произошла какая-то беда. Показания одного из ушедших с Григорием чернецов, Варлаама Яцкого, впоследствии и стали основанием для того, чтобы объявить «царевича Дмитрия» беглым монахом Гришкой Отрепьевым.

Таким образом, о Юрии (Григории) Отрепьеве известно не так уж мало. Проблема в том, что «царевич» вряд ли был Гришкой Отрепьевым.

Есть два обстоятельства, заставляющие отнестись к годуновской официальной версии с сомнением: фактическое и психологическое.

Во-первых, человека по имени Гришка Отрепьев, беглого московского монаха, в феврале 1605 года разыскали в Литве и доставили в путивльскую ставку претендента. Гришка оказался мужчиной лет тридцати пяти (что и неудивительно, патриарший книжник не мог быть очень уж юн). Конечно, можно предположить, что Самозванец просто хотел развеять опасные слухи, но тогда довольно было показать лже-Отрепьева войску, а потом по-тихому от него избавиться. Однако Дмитрий не побоялся взять расстригу с собой в Москву и, кажется, не придавал ему никакого значения. Очевидец и

участник событий капитан Маржерет пишет: «Потом он [Отрепьев] вернулся домой, и всякий, кто хотел, видел его; еще живы его братья, имеющие земли под городом Галичем».

На второй повод для сомнений обращают внимание и те историки, кто уверен в том, что Лжедмитрий I и Гришка Отрепьев – одно лицо. Дело в том, что претендент *явно не ощущал себя самозванцем*. «Он держался как законный, природный царь, вполне уверенный в своем царственном происхождении; никто из близко знавших его людей не подметил на его лице ни малейшей морщины сомнения в этом», – пишет Ключевский.

Во всех действиях загадочного молодого человека чувствуется абсолютная убежденность в правдивости его истории и правомочности его претензий на престол. Мы увидим, что последующие самозванные Дмитрии – и второй, и третий – вели себя совершенно иначе. Они юлили, прятались от тех, кто мог их опознать. Этот же ни от кого не прятался – наоборот, охотно встречался с людьми, кто когда-то знал маленького царевича.

Разумеется, он не был чудесно спасшимся Дмитрием (тот погиб в Угличе в 1591 году), однако, кажется, искренне верил в то, что он – Дмитрий. Может быть, в раннем детстве кто-то вселил в него эту уверенность, либо же это был случай радикальной аутосуггестии – самовнушения с заменой реальных воспоминаний на фантазийные. Впрочем, это относится к числу совсем уж вольных предположений, поэтому повторю лишь: вопрос о личности первого Лжедмитрия остается открытым.

В конце концов, с исторической точки зрения хоть и любопытно, но не столь уж существенно, кем был человек, нанесший смертельный удар по «второму» русскому государству. Важнее знать, что это был за человек.

Судя по тому, что нам известно от современников, Самозванец был личностью яркой. По словам Маржерета, часто и близко его видевшего, он «был среднего роста, с сильными и жилистыми членами, смугл лицом; у него была бородавка около носа, под правым глазом; был ловок, большого ума, был милосерден, вспыльчив, но отходчив, щедр; наконец, был государем, любившим честь и имевшим к ней уважение»,

после чего француз присовокупляет: «в нем светилось некое величие, которого нельзя выразить словами».

Художник Лука Килиан, в 1604 году видевший таинственного московита в Кракове, оставил потомкам прижизненный портрет царевича. Гравюра (слева), очевидно, точнее передает внешность Лжедмитрия, чем парадная парсуна, сделанная несколько позднее. Впрочем, на обеих картинах хорошо виден характер: упрямый и твердый.

Голландский посланник Исаак Масса сообщает, что Дмитрий «обладал большою силою в руках… был отважен и неустрашим, не любил кровопролития, хотя не давал это приметить». Папский нунций, встретившийся с претендентом в Кракове, отмечает: «В его походке, в поворотах и голосе видно было благородство и отвага». Такое же впечатление молодой человек произвел на немецкого наемника Конрада Буссова: «По его глазам, ушам, рукам и ногам было видно, а по словам и поступкам чувствовалось, что был он multo alius Hector [совсем иной Гектор], чем прежние, и что он получил хорошее воспитание, много видел и много знал». Даже польский гетман Станислав Жолкевский, относившийся к авантюре Самозванца враждебно и считавший его

обманщиком Отрепьевым, признает: «У Гришки было довольно ума, красноречия и смелости».

Поднявшись на вершину власти, Лжедмитрий оставался прост и некичлив, был нежесток и склонен к милосердию, а в гневе отходчив. К этому нужно прибавить редкостную сообразительность и феноменальные способности к обучению. Ему легко давались языки, он поражал советников знаниями и остротой суждений, а более всего широтой и масштабностью планов. Костомаров пишет, что еще задолго до победы претендент говорил русским и полякам: «Когда я с Божиею помощью стану царем, то заведу школы, чтоб у меня по всему государству выучились читать и писать; в Москве университет заложу, как в Кракове; буду посылать своих в чужие земли, а к себе стану принимать умных и знающих иностранцев, чтоб их примером побудить моих русских учить своих детей всяким наукам и искусствам».

Были у этого человека и недостатки, в конечном итоге приведшие его к гибели. По-видимому, его ум отличался остротой, но не глубиной. Лжедмитрий не просчитывал надолго вперед, часто бывал недостаточно предусмотрителен, неважно разбирался в людях (большой дефект для правителя), легко наживал врагов. Имелись у него и обычные для его возраста, но опасные для непрочного властителя слабости: чрезмерная чувственность и безоглядная расточительность. Однако проявиться эти пороки могли лишь после победы, а в безвестности и бедности юноша поражал литовских вельмож своим достоинством и благородными манерами; именно так, по их мнению, должен был держаться принц в изгнании.

Никаких других козырей кроме красноречия и харизмы у молодого иностранца, объявившегося в восточной части польско-литовского королевства около 1602 года, не было.

Путь наверх

Впрочем, тамошним вельможам очень хотелось поверить невероятному рассказу беглеца. Вишневецкие, Ружинские и другие приграничные магнаты издавна враждовали с Москвой из-за спорных земель; взаимные обиды и претензии копились десятилетиями. Всякая потенциальная возможность досадить царю была кстати.

Кроме того, страна была переполнена бедными и вовсе нищими шляхтичами. У многих членов этого беспокойного, воинственного сословия не было ничего кроме сабли. Полуголодное, не годное ни к какому делу кроме драки «рыцарство» было одним из факторов вечной политической нестабильности Речи Посполитой. Готовые собраться под любое знамя, шляхтичи охотно ввязывались в какую угодно свару – особенно если она сулила добычу.

И все же Неизвестный (буду из корректности пока называть Самозванца так) далеко не сразу обзавелся влиятельными сторонниками. Первые попытки оказались неудачны.

Сначала он явился к киевскому воеводе князю Константину Острожскому, известному гостеприимством по отношению к русским православным людям (он и сам был русским и православным). Но здесь россказням бродяги не поверили и, кажется, попросту выставили его за ворота.

Тогда Неизвестный пристроился в другом хлебосольном доме, у пана Гавриила Хойского, в городке Гоща, на Волыни. Этот богатый, влиятельный дворянин был одним из вождей арианства – религиозного учения, популярного в тогдашней Польше. Должно быть, Неизвестный объявил себя сторонником секты, во всяком случае он был принят в арианскую школу. Движение польских ариан славилось вольнодумством, поощряло ученость. Полагают, что именно в Гощской школе Неизвестный научился польскому языку и начаткам латыни, прошел курс мировой истории и географии. Там же, вероятно, он набрался навыков светского общения, которые потом пришлись очень кстати, освоил искусство верховой езды и фехтования. Однако, наученный горьким опытом, панам Хойским о своем царском происхождении Неизвестный не говорил – видимо, чувствовал, что не поверят. Сам он потом рассказывал, что жил в Гоще «молча».

Нужно было искать более доверчивого патрона, и в конце концов такой нашелся в лице князя Адама Вишневецкого, приятеля Хойских. Это был человек несметно богатый и резко враждебный по отношению к Годунову, при котором русские разорили часть его владений. Судя по дальнейшему поведению князя, умом он не отличался.

Наш Неизвестный поступил к Вишневецкому на службу и, выждав удобный момент, провернул ловкий фокус: заболев и якобы готовясь к последнему причастию, открыл священнику на исповеди свою

заветную тайну. Наверное, юноша хорошо знал попа, которому сделал свое признание «на пороге смерти», и не сомневался, что тот немедленно побежит к князю. Так и вышло.

Кажется, у Неизвестного имелся сообщник – некий ливонец, будто бы в 1591 году состоявший при маленьком Дмитрии в Угличе. Этот свидетель сказал, что приметы совпадают: у царевича тоже на лице была бородавка, а у правой подмышки красная родинка.

Доверчивому Вишневецкому этого оказалось достаточно. Ему было лестно, что он стал участником такого великого дела. Князь разодел высокого гостя в пух и прах, приставил к нему слуг, стал повсюду вывозить на карете с шестью лошадьми – одним словом, наслаждался всеобщим интересом и вниманием, да и сам «царевич» не подкачал: он превосходно держался, красно говорил и всем очень нравился.

Естественно, Вишневецкий сразу же сообщил о поразительном открытии королю Сигизмунду III, а сам тем временем уже начал собирать войско, чтобы идти с Дмитрием на Москву и посадить его на престол вместо узурпатора Годунова.

Однако при дворе к этой авантюре отнеслись настороженно. Всего три года назад королевство заключило с Москвой перемирие на двадцать лет и вовсе не собиралось его нарушать. У Сигизмунда и без того хватало проблем. Самый могущественный человек Польши, знаменитый Ян Замойский, канцлер и делатель королей, устроил князю Адаму выговор, написав, что подобная затея не принесет Польше ничего, кроме бесславия. Вишневецкий был вынужден отказаться от военных приготовлений и, кажется, начал охладевать к своей «игрушке».

Вероятно, эпопея Неизвестного на этом и закончилась бы, если бы им не заинтересовались иезуиты, старавшиеся не упустить никаких шансов для распространения католичества на новые страны. «Царевич» не держался за свое православие (он хорошо усвоил у ариан уроки вольнодумства) и совершенно не возражал против перехода в латинскую веру. То же он сулил сделать и со всей Русью – в его положении не следовало скупиться на обещания. Иезуиты связали покладистого претендента с папским нунцием Рангони, который уговорил короля все-таки посмотреть на московита.

Очень нескоро, через полгода переписки, «царевича» наконец привезли в Краков, где король дал ему неофициальную аудиенцию, а месяц спустя – еще одну. По-видимому, Неизвестному удалось произвести хорошее впечатление (он это умел), и Сигизмунд заколебался. Но ближайшие советники – канцлер Замойский и гетман Жолкевский заклинали короля не ввязываться в сомнительную авантюру.

В конце концов Сигизмунд решил занять выжидательную позицию: посмотреть, не вмешиваясь, что из всего этого выйдет.

С «царевичем» он разговаривал вежливо, но уклончиво. Выделил ему на содержание сорок тысяч злотых в год (сумма, на которую можно было содержать небольшой штат слуг, но не войско) и отправил обратно на Украину. Однако – и это главное – Сигизмунд не запретил желающим добровольно присоединиться к московскому принцу. В это время король готовился осуществить нечто вроде конституционного переворота, установив наследственную власть своей династии и ограничив права Сейма. Предвидя возмущение, он был рад возможности избавиться от какой-то части буйной шляхетской вольницы, отправив ее за пределы Речи Посполитой. Дальше этого «адский замысел» и «гнусная польская интрига» на том этапе, видимо, не простирались.

Сигизмунд и «московский царевич». *К. Вениг*

Вскоре центральной фигурой предприятия становится сандомирский воевода и львовский староста (то есть губернатор) Ежи Мнишек, отодвинувший легкомысленного Вишневецкого на второй план.

Ежи Мнишек (1548–1613) был в Польше личностью известной, но уже «вышедшей в тираж» и к тому же с подмоченной репутацией. Расцвет его могущества остался в далеком прошлом. Когда-то он был фаворитом распутного и суеверного Сигизмунда-Августа (1548–1572), которому поставлял колдунов и любовниц. Ходили слухи, что после кончины короля Мнишек похитил часть казны, на чем и разбогател. Однако за минувшие годы состояние вельможи пришло в расстройство, и привычка к роскошной жизни уже не соответствовала доходам. Нынешний монарх доверил пану Ежи управление одним из своих имений, но ко двору не звал. Хитрый и алчный Мнишек был рад возглавить дело, которое могло принести барыши и вернуть былое положение.

Кроме общности целей «царевич» был привязан к Мнишекам и по причине сугубо личной: он влюбился в шестнадцатилетнюю дочь воеводы Марину, которой было суждено сыграть важную роль в российской истории. Вероятно, в тех обстоятельствах бедному изгнаннику дочь магната представлялась ослепительной и недостижимой, но мы увидим, что Неизвестный сохранит эту любовь и на престоле – значит, чувство было сильным.

Самозванец и Марина Мнишек. *С. Галактионов*

В апреле 1604 года «царевич» перешел в католичество – тайно, потому что всем было понятно, что за неправославным государем русские не пойдут. Дмитрий пообещал святым отцам обратить в римскую веру всю страну в течение года после того, как займет престол. Вскоре, тоже тайно, он подписал договор с будущим тестем. За помощь и руку дочери Ежи Мнишек должен был получить миллион злотых, а невеста в личный удел – Новгородчину и Псковщину. Смоленск и Северский край по кондициям переходили к Польше.

Тот, у кого ничего нет, легко раздает обещания. Какие из них царь Дмитрий I потом выполнил, а какие нет, мы еще увидим.

Пока же его первая цель была достигнута. За подготовку экспедиции взялись два магната – Мнишек и Вишневецкий, которые,

что важно, заручились личной поддержкой литовского канцлера Льва Сапеги.

Летом 1604 года покровители «законного наследника» приступили к найму солдат и кинули клич среди шляхты. Одновременно с этим Дмитрий от собственного имени отправил гонцов к донским и запорожским казакам, а на русскую сторону границы запустил своих агитаторов. Эта инициатива в конечном итоге и определила успех дела.

Предпосылки успеха

Воззвания «чудесно спасшегося царевича» были подобны искрам, попавшим в сухой хворост. Казаки-то всегда с готовностью участвовали в любом лихом деле, сулившем возможность поживиться, но взрывоопасной была и ситуация на самой Руси.

Это объяснялось несколькими факторами.

Прежде всего – затяжным голодом. Вследствие общеевропейского похолодания хлеб вымерзал на пашнях три года подряд. Правительство долгое время не знало, как решить проблему перераспределения ресурсов между урожайными и неурожайными регионами, отчего часть населения вымерла, а часть пришла в движение, покидая родные места и уходя туда, где имелось хоть какое-то пропитание. Так получилось, что пограничные с Украиной области переполнились людьми, находившимися в отчаянном положении.

Среди них были не только беглые крестьяне, но и такие, кто умел владеть оружием. В прежние «сытые» времена бояре и богатые дворяне держали у себя много дворни – слуг, охранников, псарей, конюхов. Когда продовольствия стало не хватать, нахлебников-холопов стали выгонять на все четыре стороны. Кто-то из них ушел в казацкие степи, еще больше радикализовав эту буйную вольницу, а многие оказались вынуждены добывать себе пищу оружием, то есть поневоле превратились в разбойников. С этого времени на Руси расплодились так называемые «гулящие люди», число которых во время Смуты, по мере распада привычного уклада жизни, постоянно увеличивалось.

В 1603 году разбойные шайки собрались в целое войско под предводительством некоего Хлопка Косолапа, которое разоряло окрестности столицы и не побоялось вступить в сражение с правительственными отрядами. В конце концов восстание было

разгромлено, но его уцелевшие участники бежали на окраины страны – в том числе на украинскую границу. Таких «злодейственных гадов» там собралось не меньше двадцати тысяч.

Еще больше было крестьян, ушедших из родных мест. Представители этого забитого, угнетенного класса обычно не бунтовали. В крайнем случае, когда жизнь становилась совсем уж невыносимой, просто снимались с места и уходили. Ключевский пишет: «Московские люди как будто чувствовали себя пришельцами в своем государстве, случайными, временными обывателями в чужом доме; когда им становилось тяжело, они считали возможным бежать от неудобного домовладельца, но не могли освоиться с мыслью о возможности восставать против него или заводить другие порядки в его доме». Однако весть о том, что Годунов – не истинный «домовладелец», а узурпатор, взбаламутила и это мирное сословие.

Московская власть стала *сомнительной*, это подрывало самое основу государственного порядка. Чем дальше распространялась весть о спасшемся царевиче, тем больше волновались деревни и городские посады. Слухи о том, что Дмитрия в Угличе не убили, ходили еще с 1591 года, то усиливаясь, то ослабевая. Теперь, при общей воспаленности массового сознания, они вдруг получили реальное подтверждение.

Положение ухудшал и сам Годунов, пытавшийся загасить недовольство репрессиями. «И вот день и ночь не делали ничего иного, как только пытали, жгли и прижигали каленым железом и спускали людей в воду, под лед, – пишет очевидец событий Масса. – Одним словом, бедствия были непомерно велики, страна была полна дороговизны, безумия, поветрий, войн и беспокойной совести, ибо никто не смел сказать правду… И все приказные были воры, никому не оказывавшие справедливости, так что бедствие было повсюду».

Как всегда бывает в подобное время, немедленно появились пугающие предзнаменования и мистические явления.

> Караульные стрельцы видели, как в полночь над Кремлем летала карета и одетый по-польски возница лупил по стенам кнутом. На Троицу комета, хвостатая и страшная, была видна даже средь бела дня.
>
> Конрад Буссов в своих записках пересказывает то, что видел сам и слышал от других: «По ночам на небе появлялось

> грозное сверкание, как если бы одно войско билось с другим, и от него становилось так светло и ясно, как будто взошел месяц; временами на небе стояли две луны, а несколько раз три солнца, много раз поднимались невиданные бури, которые сносили башни городских ворот и кресты со многих церквей. У людей и скота рождалось много странных уродов. Не стало рыбы в воде, птицы в воздухе, дичи в лесу, а то, что варилось и подавалось на стол, не имело своего прежнего вкуса, хотя б и было хорошо приготовлено. Собака пожирала собаку, и волк пожирал волка… Разной породы лисицы, голубые, красные, черные, бегали среди белого дня по Москве внутри стен, и их ловили».

Современники относились ко всей этой чепухе очень серьезно, и правильно делали. В ту суеверную эпоху внезапная эпидемия слухов о нехороших чудесах была верным признаком нервозности, охватившей все слои населения.

Здание некрепкого государства шаталось.

Превратности войны

Общий ход военных действий 1604–1605 гг. изложен в предыдущем томе, но теперь я подробнее остановлюсь на описании той силы, которая разрушила государство.

Для своего предприятия легкомысленные покровители «царевича» собрали совсем немного войска. Мнишек объявил себя главнокомандующим, назначил на офицерские должности своих родственников и приятелей, однако с набором рядовых дело шло туго. Денег, которые сумел занять сандомирский воевода, хватило на совсем небольшое количество профессиональных солдат; остальную часть экспедиции составили добровольцы-шляхтичи, имевшие весьма приблизительное представление о дисциплине. Они объединялись в отряды-«товарищества» и сами выбирали себе командиров. Суммарно польско-литовский контингент насчитывал около полутора тысяч пехотинцев и гусаров.

Украинские и донские казаки сначала прислали посланцев «посмотреть» на царевича. Он показался им настоящим, о чем и было

доложено на войсковых кругах. Из Москвы на Дон прибыл дворянин Хрущев – отговаривать казаков от «воровства», но опоздал. Атаманы и старшины уже признали Дмитрия «природным государем», а царского эмиссара арестовали.

Благодаря казачьему пополнению силы вторжения увеличились примерно втрое.

С этим невеликим воинством Дмитрий намеревался пройти тысячу с лишним километров до русской столицы. В те времена никто не начинал войну в канун осенней распутицы, но Самозванец не мог ждать – денег на содержание войска не было. В октябре он перешел границу.

Затея казалась безумной. На пути горстки авантюристов находились крепости с сильными гарнизонами, а потом на интервентов обрушилась бы вся военная мощь великой державы: стрелецкие и солдатские полки, дворянская конница, артиллерия.

Однако главным врагом царя Бориса была не четырехтысячная ватага казаков и шляхтичей, а великое шатание, поселившееся в умах и сердцах его подданных. Этот яд проникал в души русских воинов, заставлял их сомневаться в правоте своего дела: а что если они бьются с истинным государем? Колебались и военачальники, у многих из которых имелись личные причины ненавидеть Бориса. Простонародье же, в особенности городские низы, сразу приняли сторону юного царевича.

Этим настроениям, а вовсе не собственным доблестям Самозванец был обязан своими первыми успехами.

В Чернигове начались народные волнения. Воевод князя Татева, князя Петра Шаховского и Воронцова-Вельминова схватили и выдали Дмитрию. Только один из троих, последний, сохранил верность присяге и был казнен. Оба князя перешли на сторону царевича и остались в его свите. Это были первые знатные перебежчики, но далеко не последние.

Главной крепостью всего края был Путивль, единственный город с каменными стенами. Взять эту твердыню штурмом сходу было невозможно, осаждать – не с чем. Но делать этого и не пришлось. Население восстало, стрельцы гарнизона выступили за «законного государя», воеводы сдались и поспешили присягнуть Дмитрию. В качестве трофеев он получил сильную артиллерию и немалую казну, в которой нуждался еще больше, чем в пушках.

Точно так же пали Курск и Рыльск.

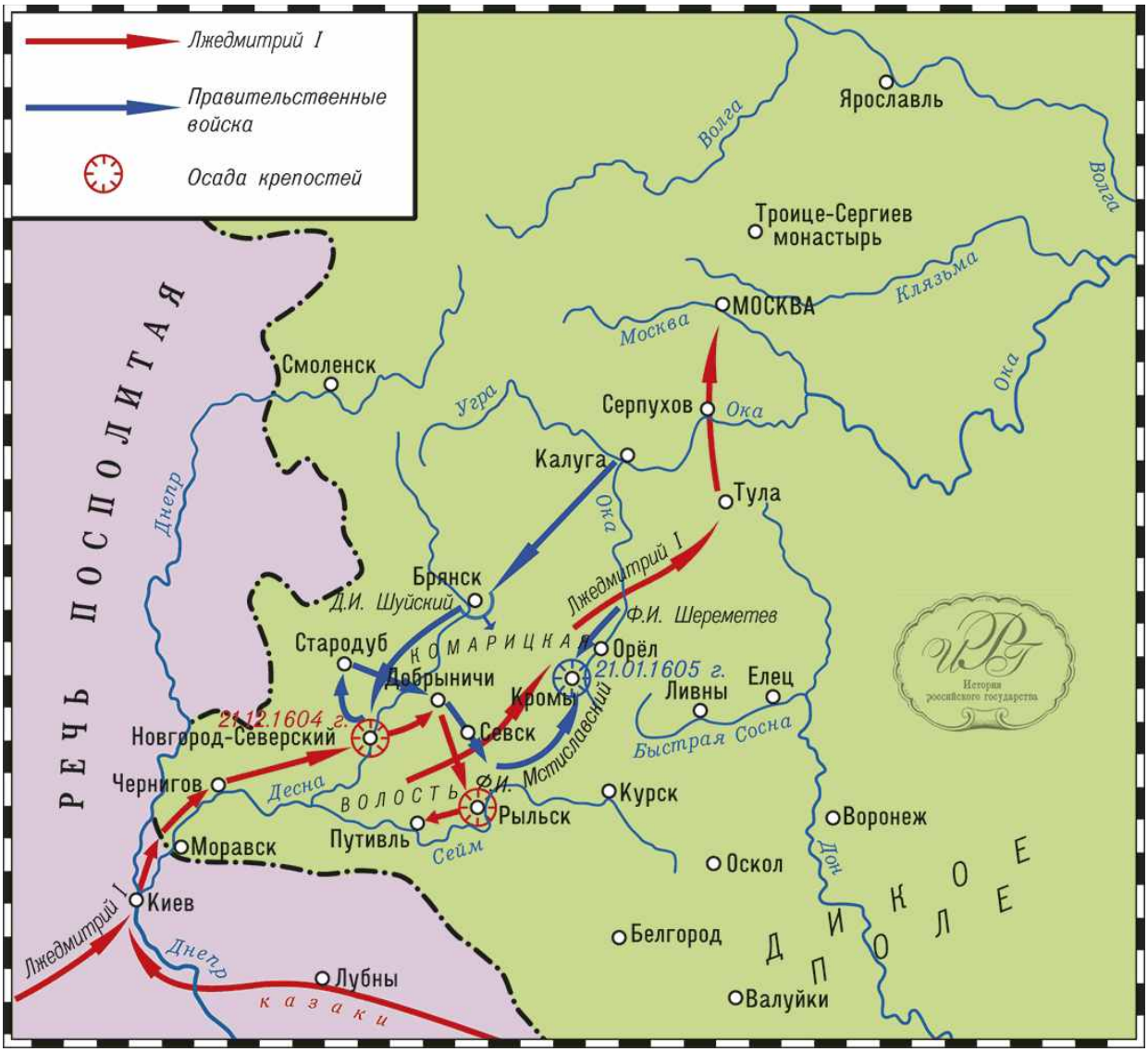
Единственным местом, где Самозванцу дали отпор, была Новгород-Северская крепость, начальник которой Петр Басманов поддерживал крепкую дисциплину и отбил все попытки штурма. Однако общей ситуации это не изменило. Весь юго-запад был на стороне Дмитрия. В начале зимы ему передалась небольшая, но стратегически важная крепость Кромы – через некоторое время ей предстояло стать центром военных действий.

Пока побеждали не поляки, побеждало имя «природного» государя в противовес «небогоданному» московскому царю. Но правительство наконец отправило на подавление восстания большую армию, и теперь мятежникам предстояло показать, чего они стоят на поле брани.

Это испытание маленькое польско-казацкое войско выдержало с честью. Правда, к зиме оно сильно увеличилось за счет многочисленных добровольцев и уже являлось польско-казацко-русским с количественным преобладанием третьего элемента. Большинство теперь составляли перебежчики-стрельцы, горожане, крестьяне и бродяги. Это, собственно, была уже не интервенция, а гражданская война.

Но численное преимущество все равно было на стороне царской рати. В ней насчитывалось порядка 50 000 человек, вел ее князь Федор Мстиславский. Он был невеликим полководцем, но для Бориса это не имело значения. Мстиславский, потомок Гедимина, считался знатнейшим вельможей державы, что было важно в этой войне авторитетов, а в исходе боевого столкновения при таком перевесе сомневаться вроде бы не приходилось.

Войско Самозванца оказалось зажато между царской армией и Новгородом-Северским, где засел упорный Басманов. Положение казалось безвыходным, но удача сопутствует отважным. Пока Мстиславский производил тяжеловесные маневры, польская конница предприняла отчаянную атаку, и одному отряду удалось прорваться к ставке князя. Он был ранен, что вызвало в войсках замешательство, и они в беспорядке отступили.



Поход Лжедмитрия I. *А. Журавлев*

Неожиданная победа в сражении 21 декабря 1604 года обернулась для Дмитрия новым испытанием. Гордые своим успехом шляхтичи и наемники стали вести себя заносчиво, потребовали немедленной выплаты жалованья, а денег заплатить всем не было – захваченная в Путивле казна почти иссякла. По неопытности претендент совершил ошибку: тайно рассчитался с одной особо отличившейся ротой. Узнав об этом, остальные подразделения возмутились, разграбили обоз и чуть не избили своего номинального предводителя. Истинный командующий Ежи Мнишек не сумел восстановить дисциплину, пал духом. Он забрал

примкнувших к нему шляхтичей и вернулся в Польшу, бросив питомца на произвол судьбы.

Самозванец попал в очень тяжелую ситуацию. В его лагере царил разброд, осажденный Басманов делал вылазки, а царская армия отступила недалеко, и к ней шли подкрепления.

Здесь Дмитрий впервые доказал, что он не просто игрушка в польских руках. С уходом Мнишека «царевич» перестал быть марионеткой и превратился в настоящего вождя.

Он сумел восстановить порядок в оставшейся части армии – русским, в отличие от поляков, уходить было некуда – и отступил к Путивлю, но не спрятался за его каменными стенами, а принял смелое решение двигаться вперед, на территорию, еще не охваченную восстанием.

Дмитрий знал, что главным его оружием по-прежнему являются воззвания и слухи об «истинном» государе. Местные жители снабжали войско продовольствием, со всех сторон стекались добровольцы, подошли новые отряды запорожцев и донцов, так что через несколько недель у Самозванца была армия больше прежней, и он самонадеянно перешел в наступление.

21 января 1605 года, ровно через месяц после предыдущего сражения, состоялось новое, у села Добрыничи.

К оправившемуся от ран Мстиславскому пришли подкрепления, в числе которых были части иноземного строя и русская регулярная пехота. Прошлая победа не научила Дмитрия ничему, кроме лихости. Он опять всё поставил на фланговый кавалерийский удар, и когда атака захлебнулась под залповым огнем пушек и мушкетных линий, дело было проиграно.

Самозванец потерял пять или шесть тысяч человек, всю артиллерию, знамена и еле унес ноги – он лично участвовал в рубке и под ним убили коня.

Царские воеводы повесили всех пленных русских как бунтовщиков и изменников, а пленных поляков отправили в Москву. Мстиславский полагал, что война выиграна, теперь «вор» сам уберется за пределы державы.

Но Дмитрий не собирался отказываться от борьбы. Полководцем он оказался скверным, но зато обладал хорошим стратегическим чутьем. Отступив, он занял выжидательную позицию, копя силы.

Окрестное население по-прежнему было на его стороне, а с Дона на помощь шли новые отряды.

Этих опытных воинов Мстиславский опасался больше, чем мужичьей рати Самозванца, и поэтому повернул свои основные силы к крепости Кромы, к которой должны были выйти казаки, и надолго там увяз.

> Осада Кром – одна из самых странных страниц этой диковинной эпопеи. Огромное войско, чуть ли не в восемьдесят тысяч человек, много недель топталось у деревянной крепостцы, в которой засели несколько сотен защитников, в основном казаков. Дубовые стены быстро разнесла мощная осадная артиллерия, дома все выгорели, но мятежники зарылись в землю, и выкурить их оттуда было невозможно.
>
> Буссов рассказывает: «Когда московиты приближались для схватки или посылали людей на штурм, казаки, как мыши, вылезали из земляных нор и храбро оборонялись, а если московиты начинали одолевать их, они живо через отверстия забирались снова во внутренний ров и ждали там преследования со стороны московитов, но тех мороз пробирал по коже, и они не хотели залезать туда; так они и стояли там около трех месяцев, расстреляли много пороха и свинца и ничего не добились». Маржерет называет кромское стояние «смехоподобным».
>
> Трудно понять, почему нельзя было оставить для блокады жалкого городишки небольшой отряд и развернуться всей мощью против Самозванца или против донских подкреплений. Вероятно, всё объяснялось инертностью Мстиславского, которому не хотелось куда-то вести войска через позднезимнюю, а затем весеннюю грязь. Уверенный в победе, князь дожидался конца распутицы, и время было потрачено впустую.

Не вызывает сомнения, что, поживи царь Борис подольше, правительственные войска в конце концов разгромили бы Самозванца – слишком неравны были силы. Но время «второго» российского государства истекло. Система, державшаяся исключительно на личной

власти самодержца, надломилась, когда 13 апреля тот, кто единственно мог принимать государственные решения, скоропостижно умер. Наследник был еще мальчик. Теперь сомнительная власть Годуновых стала вдобавок слабой.

Самозванцу сказочно повезло. Дальнейшие события происходили уже сами собой. «Яко комар льва не дошед поразил» – так охарактеризовал современник событий эту победу.

Победа без сражения

Одним из первых решений нового царя Федора, вернее, его советников, была замена армейской верхушки. Мстиславского и его заместителя князя Василия Шуйского отозвали в Москву, вместо них прислали Петра Басманова, который после доблестной защиты Новгород-Северского вошел у Годуновых в фавор. Басманов был энергичен и храбр. Правительство надеялось, что такой командующий быстро покончит с бунтом.

Но кадровыми перестановками исправить дело было уже нельзя. Главные процессы сейчас происходили не в Кремле и не в ставке Дмитрия, а в огромном лагере под Кромами. Там шло опасное брожение. Воины устали от осадных лишений, от бездарного начальства; повсюду сновали агитаторы Самозванца. К тому времени, когда Басманов прибыл к армии, она уже не хотела сражаться за Годуновых.

К тому же в войске созрел заговор. Его зачинщиками, по-видимому, были братья князья Голицыны, командовавшие авангардом. Этот древний и знатный род при Годунове отошел в тень и ненавидел новую династию. Впрочем, душой заговора были не Голицыны, а рязанец Прокофий Ляпунов, человек решительный и смелый. В передовом полку служило много рязанских дворян, у которых Прокофий пользовался большим авторитетом. Они и сделали всё дело.

Заговорщики выступили 7 мая, когда Басманов приводил войска к присяге царю Федору. Старший Голицын, князь Василий, оробел и остался у себя в шатре, причем велел себя связать на случай неудачи, но Ляпунов управился и сам. Он и его соратники подожгли лагерные постройки, чтобы вызвать панику. В суматохе раздались крики во славу

царя Дмитрия, охотно подхваченные воинской массой. Тогда рязанцы окружили ставку Басманова и потребовали от него ответа: за кого он.

Трудно сказать, что именно подтолкнуло полководца к предательству. Вряд ли страх – это был человек не робкого десятка. К тому же воевода мог бы схитрить: сказать заговорщикам одно, а потом повернуть дело иначе. Возможно, Басманов знал о заговоре от тех же Голицыных, его близких родственников, и, понимая слабость кремлевской власти, заранее сделал выбор. Своей изменой воевода обеспечивал Дмитрию царский трон и мог рассчитывать на щедрую награду.

Басманов объявил армии, что законным государем является Дмитрий Иоаннович. Верные царю Федору военачальники и отряды ушли из лагеря в сторону Москвы, но таких было немного. Большинство остались с Басмановым – и с Дмитрием.

Исход противостояния разрешился. Фактически династия Годуновых пала 7 мая 1605 года.

При медленности тогдашних коммуникаций весть о катастрофе дошла до столицы нескоро, а когда стало известно, что войско передалось Самозванцу, бояре сразу перестали его именовать этим нехорошим словом. Все покинули юного царя. В Москве появились агитаторы Дмитрия, столичное население заволновалось. Бывший глава комиссии по расследованию угличской трагедии Василий Шуйский, который совсем недавно клялся, что царевич погиб, теперь заявил горожанам обратное: Дмитрий-де спасся, а вместо него убили какого-то поповского сына.

1 июня в Кремль ворвалась «площадь». Царя и его семью арестовали. Охрана даже не пыталась их защитить. Всем было ясно, что Годуновым конец.

Разумеется, начались грабежи и бесчинства – насильственная смена власти всегда приводит к анархии. Исаак Масса пишет: «Во время грабежа некоторые забрались в погреба, где стояло вино, и они перевернули бочки, выбили днища и принялись пить, черпая одни шапками, другие сапогами и башмаками, и они с таким жаром предались питию – на что они все там падки, – что потом нашли около пятидесяти, упившихся до смерти». Этот жуткий эпизод выглядит

символическим предвестием долгого смертного запоя, в который скоро сорвется вся страна.

Тем временем в лагере победителей происходило следующее.

Из армии к Дмитрию отправилась делегация во главе с князем Иваном Голицыным. «Царевич» сначала не поверил своему счастью и, кажется, заподозрил ловушку. Он не поехал в Кромы сам, а откомандировал своего представителя привести войска к крестному целованию.

Затем, по-прежнему издали, распустил дворянское ополчение и большинство стрельцов. Ход оказался очень неглупым. Служивые с удовольствием разошлись по домам и разнесли по всей Руси известие о победе Дмитрия. В домассмедиальную эпоху трудно было найти более эффективный способ оповещения страны о великой перемене.

Но и после этого Дмитрий предпочитал держаться от наполовину уменьшившейся правительственной армии на расстоянии. Он взял к себе Басманова, а при войске оставил Василия Голицына. Окруженный поляками и казаками, Самозванец следовал позади, не торопясь занять покорившуюся Москву.

У этой неспешности имелись свои причины.

Во-первых, перед торжественным явлением нового государя кто-то должен был устранить прежнего, хоть и арестованного, но еще живого.

Эту грязную работу взялся исполнить Василий Голицын, давний ненавистник Годуновых. 10 июня свергнутого царя и его мать, вдовствующую царицу, убили, объявив народу, что они покончили с собой. Теперь престол был пуст. Это злодеяние свершилось если не по прямому приказу Самозванца, то по его молчаливому согласию. Во всяком случае, непосредственные исполнители, дворяне Михаил Молчанов и Андрей Шерефединов, скоро окажутся в кругу ближних помощников нового царя (о первом из них мы еще услышим).

Было и другое неотложное дело хоть и не кровавое, но тоже неприятное: требовалось сместить патриарха Иова, верного соратника Годуновых. С главой церкви церемониться не стали: содрали со старика облачение и выслали из столицы в монастырь. У Дмитрия уже был наготове преемник, рязанский архиепископ Игнатий, поспешивший отречься от Годуновых раньше других церковных иерархов.

Ну и, наконец, победитель желал дождаться официального признания Боярской думой, высшим правительственным органом.

Самозванец остановился в Туле, истребовав бояр к себе. Делегация отправилась, но в нее не вошли первые лица Думы – ни Мстиславский, ни Шуйские, должно быть, опасавшиеся кары за участие в войне. Дмитрий грозно разбранил прибывших к нему вельмож. Это произвело на них большое впечатление – они сочли, что он ведет себя, «яко прямый царский сын».

Наконец, явились на поклон и главные бояре. Они приготовили новому властителю торжественную встречу в подмосковном Серпухове, поставив пышные парчовые шатры и пригнав дворцовые кареты. Доставили царские наряды, регалии.

Но и теперь Самозванец не торопился. Сначала он сменил кремлевскую стражу и разослал по всем городам грамоты о восшествии на престол.

Убийство Годуновых. *К. Маковский*

Только 20 июня, почти через полтора месяца после победы, Дмитрий триумфально въехал в Москву при огромном стечении народа. Буссов записал, что горожане кричали молодому царю: «Da Aspodi, thy Aspodar Sdroby» (вероятно, «Дай, Господи, те, Государь, здоровья!») и «Thy brabda Solniska» («Ты вправду солнышко!»).

> Дмитрий очень хорошо понимал важность массовых зрелищ и умел их организовывать. Вскоре после прибытия он заставил москвичей расчувствоваться, устроив целый спектакль из встречи с «родной матерью» – бывшей царицей Марией Нагой, давно постриженной в монахини. Инокиню Марфу везли из дальнего монастыря, и любящий сын почтительно устремился ей навстречу – но не очень далеко: столичный люд должен был насладиться трогательной картиной.
>
> Царь ехал верхом, небыстро, так что толпа не отставала.
>
> Марфа в ее положении, вероятно, признала бы родным сыном кого угодно, так что здесь проблем не возникло. Эта женщина вообще не отличалась принципиальностью. Как мы увидим, она и в будущем всегда будет говорить то, что потребуется.
>
> В селе Тайнинском мать и воскресшее дитя упали друг другу в объятья и простояли так не менее четверти часа, чтобы все успели насмотреться и прослезиться.
>
> Представление удалось на славу.

Теперь передачу власти можно было считать завершенной. Нового государя признали и Дума, и церковь, и родная мать, и «площадь».

Воистину удивительно, откуда в совсем молодом человеке сыскалось столько ума и ловкости.

Царь Дмитрий Первый

Сведения о правлении Лжедмитрия были сильно цензурированы при следующем монархе Василии IV, которому требовалось очернить своего предшественника и оправдать его убийство. Грамоты Дмитрия Иоанновича и почти все официальные документы были преданы

сожжению. Не жаловали Самозванца и позднейшие официальные историки: дореволюционные – за то, что узурпатор, советские – за то, что привел на Русь «польских оккупантов». Вот почему восстановить картину этого короткого царствования не так-то просто.

Попробую опираться не на суждения, а на факты, благо сохранились довольно многочисленные записки иностранных свидетелей. Им тоже не во всем следует доверять, но, сопоставляя разные источники, можно реконструировать события с определенной степенью достоверности.

Если рассматривать деятельность Дмитрия непредвзято, возникает ощущение, что это был правитель с большим потенциалом. Многие его начинания и поступки выглядят привлекательно. Одна из причин, по которой после него объявились и второй, и третий Дмитрии, видимо, заключается в том, что первый самозванец оставил о себе в народе хорошую память. Многим хотелось верить, что этот добрый и везучий государь опять спасся.

Правда, новому царю досталось неплохое наследие. В последний год годуновской власти положение с продовольствием исправилось. Правительство научилось перераспределять ресурсы зерна между областями, а затем подоспел и хороший урожай. Появился дешевый хлеб, голод закончился.

Но Дмитрий своими указами еще и улучшил экономическое положение страны – прежде всего тем, что ввел свободу торговли и промыслов. Он отменил ограничения на въезд в страну и на выезд. Из-за этого товаров стало больше, цена на них упала. Люди теперь могли позволить себе то, что раньше было недоступно. Выражаясь по-современному, заметно поднялся уровень потребления.

Помогло и то, что царь отменил плату за судопроизводство, удвоил жалованье судьям и дьяческому сословию, начал строго наказывать за взятки. На любые злоупотребления теперь можно было жаловаться хоть самому государю – на это Дмитрий отвел два дня в неделю, среду и субботу. Конечно, челобитчики со всей страны прийти со своими проблемами к царю не могли, но сама идея того, что на всякое лихо можно найти управу, была очень важна.

Скрынников цитирует случайно сохранившийся манифест от января 1606 года, где «служилым и всяким людям», объявляется, «что

царское величество их пожаловал, велел их беречи и нужи их рассматривать чтоб им ни в чем нужи не было и они б служивые и всякие люди царским осмотрением и жалованием по его царскому милосердию жили безо всякие нужды».

Известно, что царь велел составить новый кодекс законов, в котором крестьянам снова разрешалось уходить от помещика в Юрьев день, но этот свод документов впоследствии был уничтожен. Беглых крепостных теперь разрешалось разыскивать и возвращать к хозяину в течение не более чем пяти лет. Появился и указ, облегчавший участь кабальных холопов: после смерти кредитора они должны были освобождаться от рабства.

Известно также, что Дмитрий постоянно толковал о важности образования и, подобно Борису Годунову, собирался отправлять юношей на учебу за границу, а в Москве думал создать университет, подобный Краковскому. Одним словом, по выражению Костомарова, «для Русской земли это царствование как будто обещало хороший поворот жизни».

Пока Самозванец был изгнанником, он очень легко раздавал авансы полякам и иезуитам, суля территориальные уступки, католизацию Руси и что угодно. Но, заняв престол, благоразумно не стал выполнять этих обещаний. Сигизмундову послу он сказал, что одержал победу благодаря признанию русского народа, а не по милости поляков, которые бросили его в самый трудный момент (что, как мы знаем, отчасти было правдой). Ни Смоленска, ни Северской земли король не получил.

Было еще обещание помочь Польше против Швеции, и царь вроде бы велел войску начать приготовления, но война с северным соседом не соответствовала тогдашним интересам русского государства, и Дмитрий отказался участвовать в ней, сославшись на возражения Боярской думы.

Католизация страны ограничилась тем, что около царского дворца построили небольшой костел для приехавших в Москву поляков. Сам Дмитрий и не помышлял объявлять народу о своем переходе в латинскую веру, да с его религиозной индифферентностью, кажется, и не вспоминал об этом.

В своей переписке с Сигизмундом новый государь с самого начала держался не просто как равный, а как властитель великой державы. Он объявил себя императором. (Позднейшие цари от этого иностранного титула отказались, вернулся к нему лишь Петр I.) Это была не пустая декларация. Дмитрий действительно собирался превратить Россию в империю: намеревался завоевать Крым и Причерноморье, начать наступление на Турцию, создав и чуть ли не возглавив коалицию христианских государств. Он начал собирать близ крепости Елец войска и припасы, чтобы идти походом на Азов, заключив военный союз с Польшей, Империей, Венецией и Францией. К французскому королю Генриху IV молодой царь относился с особенной симпатией, хваля этого монарха за то, что тот старается облегчить жизнь народа. Маржерет пишет, что Дмитрий даже хотел отправиться в заморское путешествие, чтобы «посмотреть на Францию».

Во всем этом, конечно, ощущается привкус прожектерства и мегаломании, естественной для человека, так высоко взлетевшего из ничтожества. Но верно и то, что для Дмитрия энергичная внешняя политика и военные триумфы были самым верным способом укрепить свое в высшей степени сомнительное положение.

Чего-чего, а энергии у молодого государя было много.

Он всюду успевал. Каждый день заседал в Думе, где поражал бояр своей ученостью, остротой суждений и красноречием. Лично обучал войска, щеголяя меткостью пушечной стрельбы и наездническим мастерством. Разбирал петиции, составлял законы, вносил изменения в сложный придворный этикет, вникал в тысячу разных мелочей.

Царь Дмитрий и бояре. *И. Сакуров*

Все пишут, что Дмитрий не был жесток. Расправившись с Федором Годуновым чужими руками, он больше не проливал крови. Никто из бояр, сражавшихся против Самозванца и казнивших его сторонников, не подвергся каре. Даже уцелевшие Годуновы в скором времени были амнистированы и возвращены на службу.

Помимо природной незлопамятности такая линия поведения строилась и на трезвом расчете. Дмитрий однажды сказал в частном разговоре, что в его ситуации можно править двумя способами: суровым мучительством либо щедрым великодушием, и он выбирает второе.

Хитрый и предприимчивый Василий Шуйский, вечно участвовавший в каких-то интригах, почти сразу же затеял заговор

против еще непрочной новой власти, но был изобличен и предан суду. Его не пытали – он сам во всем признался и плакал, просил прощения за «глупость». Боярина подвели к плахе – и по царскому приказу помиловали. А через короткое время Дмитрий всех Шуйских вернул из ссылки, обласкал и приблизил.

Летом 1605 года в Москве произошел опасный инцидент, который хорошо демонстрирует, с одной стороны, ум, а с другой – милосердие царя.

Столичных жителей очень раздражали скопившиеся в городе поляки, которые действительно вели себя спесиво и беспутно. Одного из них, шляхтича Липского, даже пришлось арестовать. Виновного приговорили к битью батогами – обычному тогдашнему наказанию за мелкое правонарушение.

С польской точки зрения, такая экзекуция для дворянина была бесчестьем, и товарищи кинулись отбивать Липского у приставов с оружием в руках. Драка переросла в кровавое побоище. Против поляков поднялся весь город. Мелкое происшествие грозило перерасти в уличную войну с непредсказуемыми последствиями.

Дмитрий сумел не только урегулировать конфликт, но и никого против себя не настроить.

Народу он объявил, что накажет поляков и при необходимости велит палить по ним из пушек. Трое шляхтичей, зачинщиков драки, в самом деле были схвачены.

Однако и поляки, боевые товарищи Самозванца, в обиде не остались. Арестованных царь потихоньку отпустил, а жолнеров и гусаров успокоил денежными подарками.

До поры до времени всё утихло.

Государь отказывался признавать чопорный церемониал дворцовой жизни. Он запретил приближенным благоговейно водить его «под локоток», не молился перед трапезой, не любил пышности. Ко всему любопытный, непосредственный, он велел советникам разговаривать с ним свободно, не раболепствуя. По городу разъезжал без охраны, и не в карете, а верхом, иногда даже заходил в лавки. Такого царя на Москве никогда не видывали.

Вместо старого тесного дворца Дмитрий велел выстроить новый, затейливой архитектуры с горницами, обитыми веселой разноцветной тканью. Там играла музыка, там пели и пировали.

Помимо обычных царских забав – охоты, медвежьих боев – государь развлекался и небывалыми прежде игрищами: велел построить большую снежную крепость и на радость зрителям устроил потешный штурм.

«Москва стала изменять свой суровый характер, – пишет Костомаров. – Теперь уже не преследовались забавы, как бывало в старые годы: веселые скоморохи с волынками, домрами и накрами [барабанами] могли как угодно тешить народ и представлять свои «действа», не чинили наказания ни за зернь [кости], ни за тавлеи [шашки]. В корчмах наряжались в хари [маски], гулящие женки плясали и пели веселые песни».

Нечего и говорить, что подобные новшества многим не нравились, тем более что не все царские забавы, кажется, были невинны. Ходили слухи о том, что молодой государь с собутыльниками много блудит с мужними женами и девицами, в том числе даже с монахинями. Шептались, что он взял в наложницы Ксению, дочь покойного царя Бориса. Эту сплетню, в сущности, никем не подтвержденную, почти все историки повторяют как непреложный факт, хотя дьяк Тимофеев выражается более осторожно: удивительно, пишет он, если злодей не совершил над царевной «тайноругательное что».

Дмитрий, конечно, был не ангел, но к гибели его привели не мелкие грехи, а ряд серьезных промахов, которые допустил этот способный, но легкомысленный правитель.

Главной ошибкой было недостаточное осознание собственной уязвимости. Захватить власть легче, чем удержать ее. Ахиллесовой пятой нового царя было вечное сомнение в правдивости рассказа о чудесном угличском избавлении. Перейдя от Годунова к Дмитрию, высшая государственная инстанция в глазах народа все равно осталась «недостаточно священной». Своей простотой и несолидностью царь лишь усиливал это ощущение. Он явно не понимал, как устроено сознание его подданных.

Дмитрий вел себя, будто природный властитель, уверенный в незыблемости своего положения. Должно быть, он свято верил в свою звезду. Не будем также забывать, что он был очень молод.

Более расчетливый человек постарался бы укрепить свое положение хотя бы среди боярства, породнившись с каким-нибудь сильным родом и заручившись его поддержкой. Но нет – Дмитрий остался верен слову, данному Марине Мнишек.

Более расчетливый человек всячески демонстрировал бы свое благочестие – но Дмитрий словно нарочно дразнил подданных, без конца нарушая разные религиозные правила.

Более расчетливый человек осторожнее обходился бы с высшим сословием, боярами, которые по своей близости к престолу представляли для верховной власти наибольшую опасность, – Дмитрий сделал всё, чтобы настроить аристократию против себя.

Сначала бояре его очень боялись. Они ждали жестоких кар в духе царя Ивана или суровых репрессий, как при царе Борисе. Но очень скоро выяснилось, что новый государь совсем не грозен. И тогда первоначальный страх сменился дерзостью. Сознание московских вельмож, воспитанных в системе ордынского самоуничижения, не знало середины: эти люди умели или трепетать, или дерзить.

Иностранный очевидец с изумлением пишет, что бояре запросто могли сказать царю «ты врешь», и им ничего за это не бывало. Однажды окольничий Михайла Татищев посмел выбранить Дмитрия за то, что тот плохо соблюдает пост. Сначала царь вспылил, но быстро отошел и оставил наглеца при дворе (совершенно напрасно, потому что Татищев вскоре стал одним из активных участников заговора).

Одним словом, царь проявлял мягкость, когда требовалась суровость, и шел напролом, когда следовало маневрировать.

Не только бояр, но многих русских людей раздражала явная приверженность царя к иностранцам. Дмитрий любил даже одеваться по-западному, что было совсем уж неразумно.

Все просчеты и недостатки Самозванца проявились в истории с его женитьбой, которая стала прологом и непосредственной причиной кровавого финала.

Мотивы, по которым Дмитрий не отказался от намерения жениться на уже не нужной ему Марине Мнишек, в общем, психологически понятны. Если правда, что во время разлуки он напропалую беспутничал, вряд ли можно говорить о какой-то большой любви. Скорее тут сказалось тщеславное желание поразить «гордую полячку»,

которая знала его в ничтожестве, своим теперешним величием. Ну и кроме того, московские боярышни, выросшие взаперти, робкие, необразованные, должны были казаться жовиальному молодому человеку скучными.

Дмитрий засыпа́л невесту и будущего тестя письмами, торопя приезд. Мнишеку было послано несколько сотен тысяч злотых, чтобы он мог как следует экипироваться.

Пан Ежи не торопился, очевидно, не уверенный, что его протеже прочно сидит на троне. В путь Мнишеки тронулись только в апреле 1606 года.

Встреча была пышной, свадьба великолепной.

Но сразу же начались трения с москвичами.

Юная невеста вела себя неумно. По обычаю, она должна была несколько дней просидеть в монастыре, якобы знакомясь с православной верой, но Марина капризничала, развлекалась музыкой, отказывалась есть русскую пищу – это немедленно становилось известно в столице, настороженно приглядывавшейся к будущей царице.

Неосторожен был и Мнишек. Он всячески демонстрировал боярам, что собирается занять первое место в государстве. А с Мнишеком прибыло больше двух тысяч поляков, которые держались хозяевами в городе, и без того уставшем от иноземцев.

Еще больше обострил ситуацию сам Дмитрий, когда вопреки обычаям и традициям потребовал короновать Марину раньше свадьбы. К неудовольствию русских, требование было исполнено, но все заметили, что девушка отказалась принять православное причастие.

На свадебном пиру царица появилась в польском платье, а Дмитрий, тоже переодевшись в нерусский наряд, танцевал с женой (о ужас!) нерусские танцы.

Празднества продолжались несколько дней, а тем временем шли последние приготовления к перевороту.

Переворот

У заговора было несколько причин. Во-первых, возмущение «исконного» боярства тем, что ему пришлось потесниться. Главные места в Думе теперь занимали худородные приверженцы Самозванца из

числа перебежчиков, а после свадьбы появилась новая опасная фигура в лице царского тестя. Во-вторых, многих раздражали новации – пристрастие Дмитрия ко всему иноземному и нарушение древних обычаев. Главная же причина безусловно заключалась в том, что сомнительная власть в отличие от власти, освященной стариной, всегда вызывает искушение ее свергнуть. Рано или поздно находится честолюбец, который начинает примеривать корону на себя.

Такой честолюбец в окружении Дмитрия имелся: князь Василий Иванович Шуйский, один из знатнейших бояр, глава большого и сильного рода, человек огромной хитрости и изворотливого ума. Он потихоньку собирал вокруг себя тайных врагов Самозванца. Заговорщики ждали лишь удобного момента для удара.

Свадебные торжества создали идеальную ситуацию для исполнения их замысла.

Дмитрий от радости утратил бдительность (которой у него и так было немного), а обстановка в городе стала взрывоопасной – москвичи находились в большом озлоблении на пришельцев с Запада.

Как мы знаем, столкновения горожан с поляками происходили и прежде. Самодовольство спутников Мнишека переполнило чашу терпения. Шляхтичи и наемники были повсюду. Они вели себя шумно и задиристо, приставали к женщинам, чуть что хватались за оружие. Из-за свадебных гуляний город был переполнен пьяными – как поляками, так и русскими.

Беспорядки начались 14 мая, когда слуга Адама Вишневецкого поколотил москвича и потом огромная толпа чуть не разнесла двор польского князя. На следующий день чужаки на улице оскорбили боярыню, и опять по улицам бродили возмущенные толпы, гудел набат. Обстановка накалилась до такой степени, что царь расставил по городу в местах возможных столкновений усиленные караулы из стрелецких сотен и солдатских рот – не для собственной безопасности, а для защиты поляков. Уверенный в народной любви, Дмитрий за себя не опасался.

Шуйский решил, что пора действовать.

Возмущение горожан действительно было направлено не против царя, а против иноземцев, но заговорщики и не собирались устранять Самозванца руками толпы. Их план был хитрее.

«Площадь» требовалась лишь для отвлекающего маневра; переворот должны были осуществить другие люди.

Дмитрий собирал силы для грядущей войны с турками, и близ Москвы стояло лагерем дворянское ополчение с Новгородчины. В этой области у рода Шуйских издавна было много сторонников. Из числа новгородцев князь Василий и набрал добровольцев. Их было всего две или три сотни, но больше и не требовалось.

Правда, царский дворец днем и ночью охраняли иноземные алебардщики, по сто солдат в смене, но в ночь на 17 мая Шуйский передал дежурной роте фальшивый приказ, по которому в личных покоях государя осталось всего тридцать телохранителей, остальных отпустили домой.

Теперь всё было готово для удара.

Еще затемно новгородцы заняли все двенадцать кремлевских ворот, а на рассвете в городе раздался колокольный звон, звавший москвичей на улицы. Агитаторы кричали, что «литва» собирается перебить бояр и умертвить царя. Взбудораженные толпы начали избивать поляков, живших по домам маленькими группами, и осадили дворы, где остановились магнаты с большими отрядами. Союзники Дмитрия были блокированы и теперь не смогли бы прийти к нему на выручку.

Сам Шуйский с обнаженной саблей и крестом, во главе ударной группы, двинулся в Кремль.

Дмитрий находился с женой в опочивальне. Сначала ему сказали, что набат звонит из-за большого пожара. Когда под окнами появились вооруженные люди, царь послал к ним Петра Басманова, который со времен Кромского мятежа стал его ближайшим другом и наперсником.

Буссов пишет, что воевода вернулся к царю с криком «Achthy mney, thy, Aspodar moia, sam Winewacht (Ахти мне! Ты, государь мой, сам виноват)!», после чего попробовал образумить заговорщиков. Михайла Татищев, которому Дмитрий недавно, по ходатайству того же Басманова, простил грубость, отплатил своему заступнику ударом кинжала. Воевода упал мертвым.

Царь с кучкой солдат попробовал остановить натиск. Рассказывают, что он размахивал алебардой и кричал: «Я вам не Борис!» Но силы были неравны.

Крикнув жене, чтобы она спасалась, Дмитрий выпрыгнул из окна в задний двор с высоты в 20 локтей (около 10 метров). Он сильно расшибся и на время потерял сознание.

Царя подобрали стрельцы, не участвовавшие в заговоре, и взяли было под свою охрану, но тут толпой нагрянули заговорщики, стали грозить, что сожгут Стрелецкую слободу вместе с женщинами и детьми, – и последние защитники Дмитрия сложили оружие.

Гибель Лжедмитрия. *К. Маковский*

Сколько-то времени враги глумились над еще живым Самозванцем, осыпая его оскорблениями и ударами. Потом кто-то застрелил его. (Впоследствии объявились целых три кандидата на роль убийцы «вора»: сын боярский Валуев, дворянин Воейков и какой-то купец Мыльник. Все они получили от нового царя награду.)

Вытащили из покоев инокиню Марфу, потребовали – это уже стало традицией – честно сказать, сын или не сын ей убитый. Бывшая царица ответила уклончиво: мол, раньше надо было спрашивать, а теперь чего уж, когда Дмитрий мертв.

Вопрос, впрочем, был риторический. Люди Шуйского кричали по всему городу, что в Кремле убили не сына Ивана Грозного, а самозванца.

Теперь, когда дело было сделано, требовалось спасти поляков. Воевать с Сигизмундом бояре не хотели.

Не сразу, дня за два, порядок в городе был восстановлен. Шуйскому, можно сказать, повезло. Никого из важных иностранцев не убили – только два десятка шляхтичей да сотни четыре челяди. Царицу Марину и ее отца посадили под стражу. Остальных поляков взяли под охрану. Кровавый переворот закончился.

Но всеобщее возбуждение еще долго не спадало, и виноваты в этом были победители, решившие устроить Самозванцу посмертную экзекуцию. Отвратительный спектакль был затеян для того, чтобы окончательно десакрализировать убитого царя в глазах народа.

Нагой труп, зацепив «срамным образом», волокли по улицам, хлестали кнутом, распороли живот, кинули сверху скоморошью «харю», в рот сунули дудку. Три дня останки провалялись на Красной площади. Исаак Масса (вообще-то не расположенный к Лжедмитрию) заметил, что некоторые москвичи тайком утирали слезы.

Потом тело привязали к конскому хвосту и оттащили на кладбище, где хоронили бродяг.

Идея с глумлением над трупом была опрометчивой. Убийство царя и ритуальное посрамление произвели такое сильное впечатление на народ, что поползли всякие тревожные слухи. Масса пишет: «Когда тело убрали, в ту самую ночь в окрестностях Москвы содеялось великое чудо, ибо все плоды, как злаки, так и деревья, посохли, словно были опалены огнем, и так на двадцать миль вокруг Москвы, да и

вершины и ветви сосен, которые все время, и зимой и летом, бывают зелеными, повысохли так, что жалостно было глядеть. Того ради московиты говорили, что хоть он [Димитрий] и мертв, но душа его с помощью дьявола творит чары, поэтому почли за лучшее сжечь его тело и, отыскав, взяли его и там сожгли и прах развеяли по ветру, и полагали, что, совершив все это, будут жить без страха и заботы».

В самом деле, испугавшись молвы о чародействе, власти, посоветовавшись с духовенством, решили эксгумировать труп и сжечь. Согласно преданию, прахом будто бы выстрелили из пушки, чтобы от Самозванца совсем ничего не осталось.

Эта суеверная предосторожность не помогла, а в символическом смысле лишь предвосхитила дальнейшие события, когда пепел самозванства разлетится по всей стране.

Слабая власть

Царь Василий IV

С появлением Самозванца верховная российская власть в лице Бориса Первого стала сомнительной, что в конечном итоге и стало причиной его краха. Власть Дмитрия Первого была еще более сомнительной, что, в свою очередь, погубило и этого правителя. Однако вплоть до майского переворота 1606 года это пока еще была сильная власть. Когда царь приказывал, никому не приходило в голову ослушаться.

Через два дня после убийства Самозванца кучка бояр-заговорщиков стала рядить между собой, кому быть новым государем – «а захотели многие на царство», пишет летописец. Оно и неудивительно: князь Мстиславский, князь Шуйский, князь Голицын или Романовы были примерно равны по своему статусу. Сторонники Василия Шуйского, организатора переворота, просто оказались бойчее. У них план действий наверняка был подготовлен заранее. Самый нахрапистый из них, тот самый Михайла Татищев, что зарезал Басманова, первым крикнул Шуйского, агитаторы из толпы подхватили, и всё решилось очень быстро, без особенных церемоний. Чуть ли не прямо с Красной площади, показавшись случайному скоплению москвичей (по выражению Буссова, всяким Piroschnicken und Saposchnicken, то есть «пирожникам и сапожникам»), Василий отправился в Успенский собор короноваться. Бояр заставили присягнуть новому царю, и он тоже присягнул на крестоцеловальной грамоте (об этом речь впереди), после чего по городам и областям разъехались гонцы с известием: у страны теперь новый монарх, а прежний оказался обманщиком. Эта суетливость выглядела несолидно и странно.

Шуйский воцарился не по решению Земского собора, как Годунов, и не в результате военной победы, как Лжедмитрий, – он «самохотно восхищением наскочивше безстудне [бесстыдно] на царство» (дьяк Тимофеев). Боярина хорошо знали в столице, но не в регионах. Многие провинциалы впервые услышали это имя из воззвания о смене власти. Настоящей опоры у Шуйского нигде не было – для высшей

аристократии Василий был ровней, московский люд знал цену этому «богопомазаннику». Государство двинулось еще дальше по пути деградации: теперь власть стала не только сомнительной, но и слабой. Это главная особенность следующего периода Смуты.

Князья Шуйские происходили от старшего брата Александра Невского – то есть генеалогически были родовитей московских Рюриковичей и всегда помнили об этом. Пик могущества Шуйских пришелся на годы малолетства Ивана IV, когда эта семья фактически управляла государством. Будущий Грозный ненавидел узурпаторов и, войдя в возраст, велел слугам умертвить регента Андрея Шуйского (1543).

После этого влияние рода уменьшилось. Внук убитого диктатора Василий Иванович начинал службу с низших придворных должностей. Его карьера вся состояла из взлетов и падений.

Первый раз он чуть не погиб в конце царствования царя Ивана – чем-то разгневал старого деспота, был заточен в темницу и спасся только чудом.

Потом, уже при царе Федоре, род Шуйских проиграл Годуновым в борьбе за первенство, и Василий вместе с родней угодил в опалу.

В третий раз, как мы помним, он провинился перед Лжедмитрием и чуть не сложил голову на плахе.

Но всякий раз, упав, Василий Иванович поднимался – и взлетал выше прежнего. Борис Годунов и Дмитрий не доверяли ему, но ценили за ум, распорядительность и полезность. Немалую роль играло и то, что князь Василий считался главным «экспертом» по Угличскому делу, которое с 1604 года обрело огромную важность. Тогда, в 1591 году, Шуйский возглавлял следствие по делу о смерти маленького Дмитрия и потом неоднократно менял свою позицию: то царевич зарезался сам, то его спасли от убийц, то все-таки убили и так далее. Не нужно удивляться тому, что современники каждый раз относились к свидетельству старого лиса с доверием – он всегда говорил то, что от него хотели услышать.

В мае 1606 года Шуйский наконец доманеврировал до царского трона.

Новый государь был хорошо на шестом десятке, держался и выглядел не по-царски: «с наружностию невыгодною (будучи роста малого, толст, несановит и лицом смугл; имея взор суровый, глаза красноватые и подслепые, рот широкий), даже с качествами вообще нелюбезными, с холодным сердцем и чрезмерною скупостию», – пишет Карамзин. Надо сказать, ни у кого из современников и историков не нашлось для этого царя доброго слова. Очевидно, любить Василия Ивановича было совсем не за что.

Кажется, что все силы и способности этого человека истратились на достижение заветной цели, а ухватившись за кормило высшей власти, Шуйский не знал, что с нею делать. Интриганство и управление страной – таланты совершенно разного свойства.

Единственное, что у Василия хорошо получилось и в чем он не имел себе равных – придворные рокировки.

Царь Василий. *(На рисунке XIX века он выглядит вполне благообразно)*

Как обычно при смене власти, новому царю нужно было прежде всего заручиться поддержкой церкви, а для этого требовалось поставить своего человека в патриархи.

Прежнего патриарха Игнатия, скомпрометированного близостью к Лжедмитрию, сняли сразу же. Самым очевидным кандидатом в преемники был митрополит Филарет Романов, и Василий вроде бы дал

свое согласие. На этом этапе он нуждался в поддержке сильного боярского рода. Но одновременно царь затеял расследование о связях Романовых со сторонниками Лжедмитрия, потянул время и, когда положение несколько стабилизировалось, отменил свое решение. В качестве компромиссной фигуры патриархом стал престарелый митрополит Гермоген, после смерти которого Василий, вероятно, рассчитывал сделать главой церкви кого-нибудь из верных людей.

Примерно такую же операцию царь провел в правительстве, многие члены которого были ставленниками Самозванца. Подвергать их репрессиям хитрый Василий не стал, для этого он был недостаточно силен, но перевел неугодных ему людей на службу подальше из Москвы. Князь Григорий Шаховской поехал воеводой в Путивль, князь Рубец-Мосальский – на шведскую границу, Богдан Бельский – в Казань и так далее.

(Забегая вперед, скажу, что даже и эти «аппаратные» решения, в которых Василий был докой, в конечном итоге вышли ему боком. Гермоген оказался упрям, трудноуправляем и вовсе не так уж дряхл, а высланные из столицы соратники Лжедмитрия скоро перебаламутят окраины.)

Другой тревогой Василия были упорные слухи о том, что Дмитрий спасся. В изуродованном трупе, выставленном на всеобщее обозрение, узнать свергнутого царя было трудно, все толковали о зловещих знамениях, а поспешное сожжение праха Самозванца (да и самозванца ли?) многим показалось подозрительным.

Шуйский придумал акцию, которая должна была произвести перемену в общественных настроениях: эксгумировать останки царевича и предъявить их Москве.

> Эта жуткая и одновременно комичная эпопея заслуживает отдельного рассказа.
>
> Идея состояла в том, чтобы окончательно убедить «площадь» в гибели маленького Дмитрия. Привезли из Углича гроб с останками, раскрыли, выставили в Архангельском соборе Кремля, чтобы все желающие могли убедиться: мальчик мертв.
>
> Как положено, привели Марию-Марфу Нагую. Она, как положено, поплакала.

Шуйский опять поменял версию случившегося – царевич-де не зарезался сам, а его убили. Это нужно было для того, чтобы Дмитрия можно было канонизировать, а самоубийца святым стать не мог.

Устроители спектакля несколько перестарались. Мало того что покойник был целехонек («на лице плоть и на главе власы целы чермны и на костях плоть цела») и в нарядной, нисколько не истлевшей одежде, но на груди для пущей трогательности положили орешков – «а сказывают: как он тешился, и в ту-де пору те орехи кушал, и как ево убили, и те орехи кровью его обагрилися». Орешки за пятнадцать лет тоже совсем не высохли. (Буссов пишет: «Чтобы эта дурацкая затея выглядела как можно лучше, Шуйский приказал сделать новый гроб. Он приказал также убить одного девятилетнего поповича, надеть на него дорогие погребальные одежды, положить в этот гроб и отвезти в Москву»).

Немедленно начались чудеса, необходимые для канонизации. В первый же день у мощей исцелились тринадцать недужных, во второй – двенадцать. Грамоты об исцелениях были разосланы повсюду.

Огромная толпа окружала собор днем и ночью, все жаждали новых чудес. Казалось, пропагандистское шоу отлично удалось.

Но затея оказалась действительно дурацкой. Через две недели произошла неприятность. Один скорбный телом, еле переставлявший ноги, вдруг взял и помер прямо перед гробом. Очень возможно, что это не была случайность – поговаривали, будто тайные враги Шуйского нарочно запустили в церковь умирающего.

Так или иначе после этого спектакль пришлось сворачивать. Тело спрятали. Акция провалилась. По всей Руси по-прежнему шептались, что царь Дмитрий спасся от заговорщиков.

Ситуация в стране становилась все более опасной. Соловьев описывает ее так: «До сих пор области верили Москве, признавали каждое слово, приходившее к ним из Москвы, непреложным, но теперь Москва явно признается, что чародей прельстил ее омрачением

бесовским; необходимо рождался вопрос: не омрачены ли москвитяне и Шуйским? До сих пор Москва была средоточием, к которому тянули все области; связью между Москвою и областями было доверие ко власти, в ней пребывающей; теперь это доверие было нарушено, и связь ослабела, *государство замутилось*».

Сильная власть могла бы восстановить порядок мерами устрашения, но у Василия были связаны руки. При воцарении он целовал перед боярами грамоту, что отказывается от права карать кого бы то ни было по собственному произволу, без надлежащего следствия и суда. Иными словами, монарх поступился главным принципом «ордынского» самодержавия: что слово государя выше любых законов и что он «волен казнить своих холопей».

Лишенный «кнута», Василий не мог прибегнуть и к помощи «пряника». Лжедмитрий опустошил казну своим расточительством: подготовлениями к турецкому походу, расходами на свадьбу, подарками польским соратникам. У Шуйского не хватило денег даже на коронационные торжества; тем более ему нечем было жаловать и награждать слуг.

Всего через неделю после воцарения Василия чуть не свергли. В Кремль ворвалась толпа недовольных. Шуйский говорил боярам, плача и отдавая скипетр, что он готов уйти и пусть они выбирают царем, кого захотят.

В тот день толпу кое-как успокоили, но власть «боярского царя» всё время висела на волоске. По словам Костомарова, «природная неспособность сделала его [Шуйского] самым жалким лицом, когда-либо сидевшим на московском престоле».

Призрак Самозванца

Если уж Шуйский с трудом удерживался в собственной столице, то на периферии разброд и шатание были почти повсеместными. Отдаленные города и целые области – Тверь, Новгородчина и Псковщина, Тула, Рязань, Астрахань и Заволжье – отказывались признавать нового царя, веря, что Дмитрий жив.

Хуже всего дела обстояли на юго-западе – в местах, откуда два года назад Самозванец начал наступление на Москву. Этот очаг смуты Шуйский устроил собственными руками: желая избавиться от

соратника Лжедмитрия князя Григория Шаховского, царь назначил ненадежного человека воеводой в тот самый Путивль, где была жива добрая память о «природном царевиче».

В Путивле Шаховской сразу же объявил, что настоящий царь жив и бежал в Польшу. Весь Северский край немедленно встал за Дмитрия.

И очень скоро Дмитрий нашелся. Стало известно, что спасшийся от убийц государь скрывается в Самборе у своей тещи, пани Мнишек. Выяснились и подробности. Якобы у царя был двойник, некто Барковский, которого заговорщики и умертвили, а Дмитрий благополучно избежал опасности. Правда, беглец вел себя загадочно: никому кроме тещи не показывался и ехать в Путивль не спешил.

Для потомков личность самборского затворника тайны не составляет. Это был тот самый Михайла Молчанов, который в мае прошлого года участвовал в убийстве юного Федора Годунова и после этого вошел в фавор к Дмитрию. Он не занимал видных должностей, но, по слухам, бражничал и распутничал с молодым царем. После переворота Молчанов сбежал и добрался до Самбора, где, видимо, и уговорил пани Мнишек поддержать его авантюру. Вероятно, он обещал воеводше, муж и дочь которой находились в московском заточении, что таким образом сумеет вызволить пленников.

Известно, что между Молчановым и Шаховским велась переписка. Шаховской требовал поскорее предъявить «царя Дмитрия», а Молчанов, нисколько не похожий на убитого, боялся высунуть нос из своих покоев: вокруг было слишком много людей, лично знавших Самозванца.

Возникла странная ситуация. Очень многие и в России, и в Польше ждали Дмитрия и готовились его поддержать в борьбе с Шуйским. Дмитрий рассылал повсюду свои грамоты, скрепленные царской печатью (говорят, что Молчанов при бегстве похитил ее из Кремля), но сам не появлялся. Жило одно его имя, и оно было грозной силой, но этот призрак всё никак не материализовался.

Потребность в вожде была так велика, что в отсутствие «крупного самозванца» начали появляться мелкие, совсем уж нелепые. Фантастический успех Лжедмитрия многим вскружил голову. Нашлись лихие головы, сообразившие, что самозванство – хороший способ половить рыбу в мутной воде.

Самой крупной из афер такого рода была история «царевича Петра». Этот фантом зародился в среде самой дальней группы тогдашнего казачества – терского. Атаман Федька Бодырин с ватагой человек в триста сначала собирались на Каспий пограбить восточных купцов, но потом решили, что лучше «погулять» по Волге и русским землям: оно и ближе, и проще. А чтобы придать себе больше важности и заручиться поддержкой населения, хорошо бы тоже обзавестись каким-нибудь царевичем вроде Дмитрия.

Люди немудрящие, в династических тонкостях не разбирающиеся, казаки придумали царственного отпрыска, которого в природе никогда не бывало: некоего Петра, сына Федора Иоанновича, последнего «настоящего» государя. Легенду казаки изобрели диковинную, но понравившуюся простонародью своей сказочностью. Царица Ирина-де, страшась злого Годунова, объявила, что у нее родился не человеческий детеныш, а полуребенок-полумедвежонок, сама же велела царевича отдать в люди, где он рос сиротой, «пока не набрался разуму». По другой ходившей версии, мальчика подменили посторонней девочкой, которую Годунов вскоре уморил (царевна Федосья, умершая в младенчестве, действительно существовала).

На роль «царевича» назначили молодого казака Илейку, выгодно отличавшегося от своих товарищей тем, что он однажды побывал в Москве и хоть видел столицу собственными глазами. Для царевича, согласно легенде родившегося в 1591 году, Илейка был староват, но это никого не смущало, тем более что «Петра» не очень-то показывали народу. Достаточно было того, что есть какой-то царевич, вокруг которого можно объединиться.

Началась эта эпопея еще при жизни Дмитрия, и на первых порах казаки утверждали, что Петр идет на Москву, чтобы «пособить дяде». Когда же Дмитрия убили, Лже-Петр стал самостоятельной силой. В короткое время отряд удесятерился за счет добровольцев и превратился в серьезную военную силу, свободно бродившую по Волге и Дону.

Потом Григорий Шаховской, метавшийся в Путивле без кандидата в цари, позвал «племянника» к себе, и казацко-крестьянское войско Петра переместилось в сторону польской границы.

В дальнейшем на Руси появились и другие «царевичи», один причудливей другого: Август, Лаврентий, Савелий, Василий и так далее вплоть до «царевича Мартынки» и «царевича Ерошки». Как сказали бы в более поздние времена, «идея пошла в массы».

Организаторы самборской интриги понимали, что непрезентабельный Илейка-Петр для роли царя не годился, а взять нового Дмитрия было неоткуда, поэтому Молчанову пришла в голову здравая идея. Если для народа довольно одного призрака, то можно пока обойтись и без физического воплощения Дмитрия. Гораздо нужнее настоящий вождь, который был бы полномочным представителем «законного государя» и мог бы возглавить войско – ни Шаховской, ни тем более Молчанов настоящим боевым опытом не обладали.

Молчанов стал искать подходящего человека и вскоре нашел его.

Война Болотникова

Приглядываясь к разным людям, Молчанов встретился в Самборском замке с неким Иваном Болотниковым, который, по-видимому, произвел на интригана самое выгодное впечатление. Судя по всему, это и в самом деле был молодец хоть куда. Исаак Масса пишет: «Он был детина рослый и дюжий… удалец, отважен и храбр на войне». Прибавим к этому, что, судя по дальнейшему, Болотников обладал незаурядными лидерскими качествами (хоть, как мы увидим, и не был сильным полководцем).

Год рождения Ивана Болотникова, как и происхождение, неизвестны. В молодости он был сыном боярским или, может быть, боевым холопом при воеводе князе Андрее Телятевском. Потом вдруг оказался на юге, среди казаков. Вероятно, это произошло из-за великого голода, когда огромное количество лишних ртов были выставлены своими хозяевами за ворота. Но непохоже, что Болотников бежал из-

за конфликта с господином – тот потом станет соратником своего бывшего челядинца.

Будучи казаком, Иван попал в плен к туркам и был гребцом на галере. После морского сражения его как христианина освободили венецианцы. В Самбор Болотников пришел пешком, возвращаясь из Италии на родину.

Одним словом, это был человек бывалый, много скитавшийся и воевавший.

Вот как сам он (в переложении Буссова) рассказывал о самборской встрече: «Какой-то молодой человек, примерно лет двадцати четырех или двадцати пяти позвал меня к себе, когда я из Венеции прибыл в Польшу, и рассказал мне, что он Дмитрий и что он ушел от мятежа и убийства, убит был вместо него один немец, который надел его платье. Он взял с меня присягу, что я буду ему верно служить… Истинный он или нет, я не могу сказать, ибо на престоле в Москве я его не видел. По рассказам он с виду точно такой, как тот, который сидел на престоле».

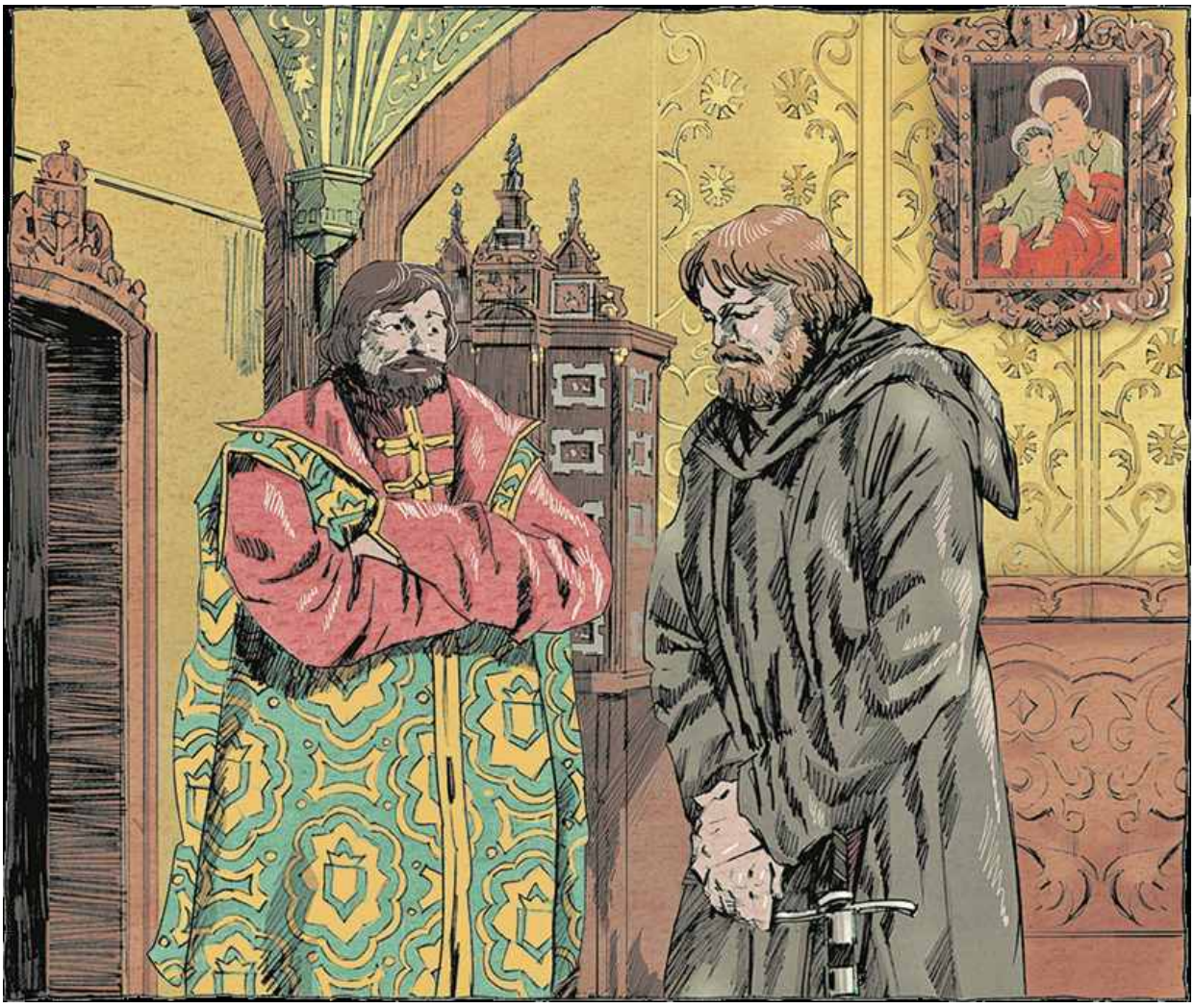
От «царя Дмитрия» Болотников получил шубу, саблю, тридцать золотых и грамоту, по которой он назначался «большим воеводой», то есть главнокомандующим. В этом качестве Болотников и прибыл в Путивль к Шаховскому.

Отодвинуть на вторые роли Илейку-Петра такому человеку было нетрудно, но к этому времени в повстанческом лагере возникли и другие лидеры, с которыми у Болотникова сложились непростые отношения.

Во-первых, это был уже знакомый нам Прокофий Ляпунов, в 1605 году устроивший мятеж под Кромами. Он возглавлял сильный отряд, в основном состоявший из рязанских дворян. Во-вторых, появился другой дворянский вождь – сын боярский Истома Пашков, предводитель тульского дворянства.

Вообще складывается впечатление, что восстание Болотникова было не «народной войной против крепостничества» или крестьянским бунтом, как утверждали некоторые, прежде всего советские историки, а в первую очередь движением дворянским. Именно дворяне, недовольные воцарением Василия Шуйского, составляли основную ударную силу повстанческой армии, а среди командиров было немало

аристократов, в том числе и князья: Шаховской, Мосальский, Телятевский.



Молчанов и Болотников. *И. Сакуров*

В Северском краю и Комарицкой волости, которые годом ранее горячо поддержали Лжедмитрия, нашлось много желающих снова встать под то же знамя. Но в распоряжении Шуйского была вся регулярная армия: стрелецкие и солдатские полки плюс та часть дворянства, которая сохраняла верность Москве.

Главной ареной боевых действий стали окрестности крепости Елец, где скопились огромные запасы снаряжения и продовольствия, которые были заготовлены для несостоявшегося турецкого похода.

Правительственный воевода князь Иван Воротынский без особенного труда одолел пестрое воинство Болотникова в сражении, но взять Елец не смог. Точно так же застрял князь Юрий Трубецкой у стен Кром – эта роковая твердыня снова упорно билась за царя Дмитрия, вернее, за его призрак.

Да, Болотников был неважным стратегом, но особенных полководческих талантов от него и не требовалось. В целом повторялась ситуация кампании 1604–1605 годов: правительственная армия, обладая решающим преимуществом в военной силе, потеряла инициативу и попусту растратила время. Пока полки проедали припасы, восстание распространялось всё шире. Скоро в московском войске началось дезертирство. Слабая власть не внушала ополченцам-дворянам страха, и они начали разъезжаться по домам. В августе 1606 года остатки армии Шуйского начали отходить в сторону Москвы.

Болотников немедленно перешел в наступление. В конце сентября под Калугой он снова потерпел поражение в бою, и опять это не изменило хода событий. Город Калуга выступил на стороне «Дмитрия», против Шуйского, а тем временем отряд Истомы Пашкова шел прямиком на столицу, не дойдя до нее всего одного перехода.

В это время от Василия отступился важный город Тула. В октябре повстанческие отряды соединились у Коломны, последней крепости на пути к Москве. Положение Шуйского стало отчаянным. Он собрал все наличные силы, поставив командующими все того же Федора Мстиславского и своего брата Дмитрия Шуйского. Оба высокородных князя были никудышными военачальниками, и в битве у села Троицкое, в 50 километрах от Кремля, правительственные войска впервые потерпели поражение.

Столица оказалась в осаде, которая продолжалась больше месяца.

Скорее всего, власть царя Василия, брошенного большинством сторонников, тогда же и пала бы, но Иван Болотников совершил роковую ошибку – следует признать, что Михайла Молчанов впопыхах выбрал на роль предводителя не самую удачную кандидатуру.

Надеясь поднять против Шуйского простой народ, Болотников стал засылать в город агитаторов, которые призывали москвичей перебить бояр, дворян и купцов, а их имущество разграбить.

Эти воззвания, с одной стороны, заставили знать и богатых людей сплотиться вокруг царя, а с другой (что было для восстания еще

губительнее) насторожили и дворян осаждающего лагеря. Они понимали, что от грабежа городских усадеб недалеко до грабежа поместий.

К этому социальному конфликту прибавился личностный. Истома Пашков, примкнувший к восстанию раньше Болотникова, никак не мог смириться с ролью «второго» вождя и предпочитал действовать автономно. Когда, подойдя к Москве, повстанцы захватили царский загородный дворец в Коломенском, Пашков расположил там свою ставку, но потом подошел с основными силами Болотников и потребовал уступить резиденцию ему. Этот, в сущности, пустяшный случай окончательно испортил отношения между предводителями.

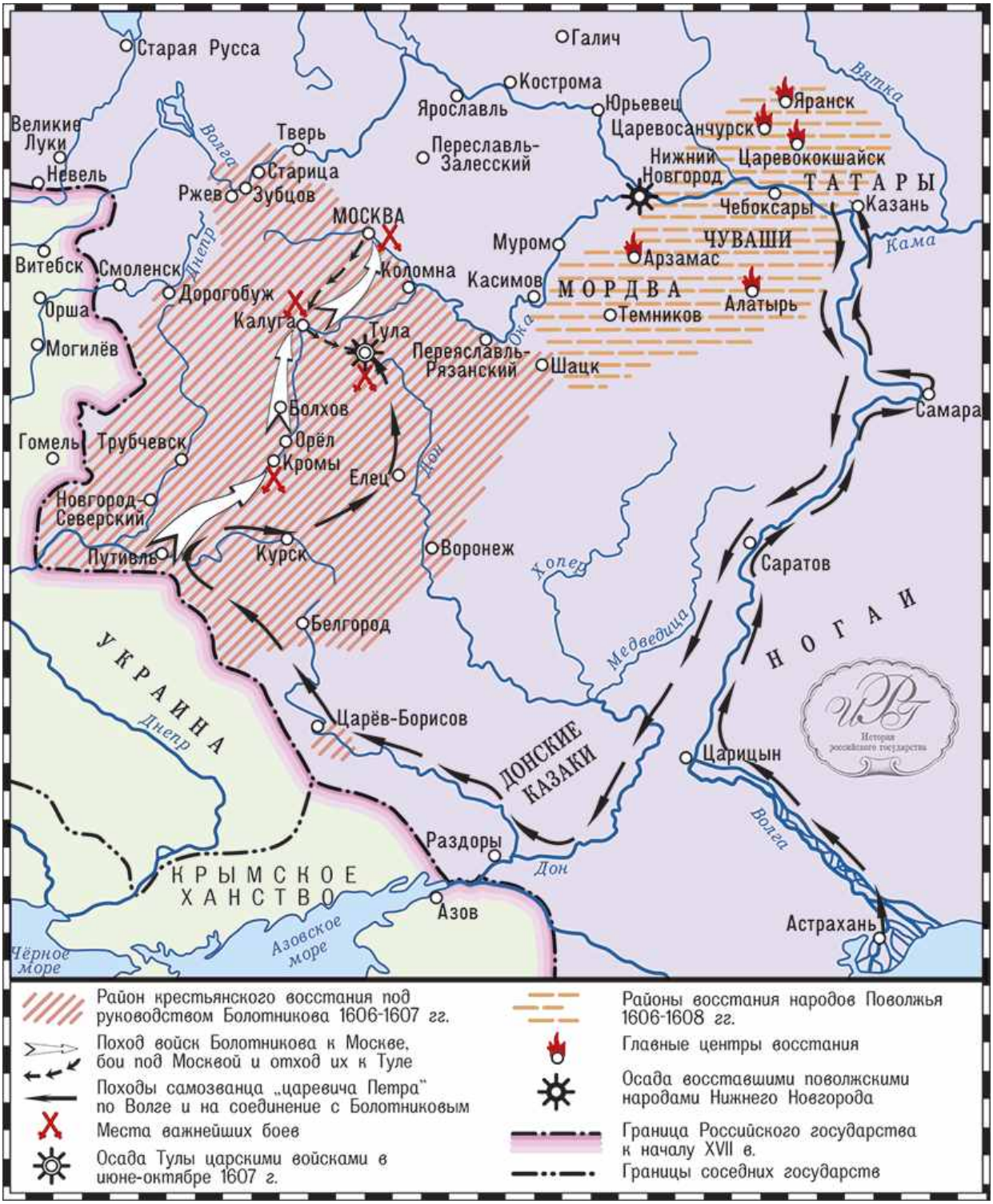
Еще большее недовольство проявлял честолюбивый Прокофий Ляпунов, вынужденный довольствоваться положением третьего из воевод – притом что он был из них самым известным. Оба дворянских лидера относились с недоверием к грамоте «царя Дмитрия», на основании которой безвестный бродяга Болотников получил место главнокомандующего.

Первым восстанию изменил Ляпунов.

15 ноября Болотников ворвался в столицу со стороны Замоскворечья, и в этот решающий момент Ляпунов и его рязанцы «градом всем от тех воров отьехаша и приехаша к Москве», то есть всем лагерем передались на сторону Шуйского. Штурм был сорван, а Ляпунов присягнул царю и получил в награду чин думного дворянина.

Две недели спустя к Василию подошли подкрепления. Вел их царский родственник Михаил Скопин-Шуйский. Воеводе едва исполнилось двадцать лет, но он обладал задатками выдающегося полководца. Болотников развернул на Скопина свои основные силы, но не смог добиться успеха, и тут восстанию изменил второй дворянский вождь – Истома Пашков. Вместо того чтобы идти на помощь Болотникову, Пашков присягнул царю Василию.

Остаток повстанческого войска, разгромленный и преданный, отступил от Москвы. Болотников – к Калуге, «царевич Петр» – к Туле.



Восстание Болотникова. *А. Журавлев*

Весь остаток зимне-весенней кампании 1606–1607 годов прошел в боях, причем верх одерживала то одна, то другая сторона. Пока

восстание распространялось вширь, совладать с ним было невозможно: вместо одних очагов немедленно воспламенялись новые.

Но затем Болотников совершил очередную стратегическую ошибку. Он стянул все отряды в одну точку, к Туле, да еще и стал готовиться к обороне.

Пользуясь пассивностью неприятеля, Шуйский набрал огромное войско, чуть не в сто тысяч человек, сам его возглавил и повел на Тулу.

Это была неприступная крепость, а у Болотникова хватало и людей, и припасов, но участь восстания решилась еще до начала осады. Когда пожар локализован, погасить его нетрудно.

После нескольких неудачных сражений Болотников спрятался за прочными каменными стенами, уверенный, что сумеет отразить все штурмы. И действительно, первые приступы результата не дали.

И тогда царские воеводы, самым предприимчивым из которых был молодой Скопин, нашли способ одолеть врага без дальнейшего кровопролития.

> У стен Тульской крепости протекала река Упа, а сам город лежал в низине. И вот один из царских воинов, некий дворянин Кровков, подал челобитную, в которой предлагал затопить Тулу, перегородив реку: «и вода де будет в остроге и в городе, и дворы потопит, и людем будет нужа великая, и сидеть им в осаде не уметь». Идею приняли не сразу, она показалась царю фантастической. Но никак иначе взять город было нельзя, и решили попробовать.
>
> Сначала вдоль низкого берега Упы возвели дамбу длиной в полкилометра, чтобы вода не растеклась по равнине. Потом заперли реку: каждый ратник притащил на себе по мешку с землей, и так перегородили течение. Тем временем подошла осень, и дело довершили дожди.
>
> Скоро Тула превратилась в озеро, из которого торчали крыши домов и стены кремля. Осажденные сгрудились на немногих сухих участках, почти все припасы погибли. «И людем от воды учала быть нужа большая, а хлеб и соль у них в осаде был дорог, да и не стало», – пишет очевидец. К тому же еще начались болезни.

Отрезанным от внешнего мира защитникам казалось, что подмоги ждать неоткуда и надеяться не на что (в этом, как будет видно из следующей главы, они ошибались). Болотников начал переговоры о капитуляции, но не безоговорочной, а на определенных условиях: царь должен был поклясться, что никого из повстанцев не казнит.

Шуйский пообещал, и 10 октября 1607 года после трех с лишним месяцев «сидения» гарнизон сдался. Иван Болотников, преклонив перед царем колени и положив себе на шею саблю, сказал, что верно служил «тому, кто называет себя Дмитрием», и так же верно будет служить царю Василию.

Единственным, кого предали смерти, был Илейка-Петр, посмевший объявить себя царевичем. Остальных повстанцев Шуйский помиловал, но предводителей взял под стражу и разослал по отдаленным тюрьмам. Болотникова отправили на север, в Каргополь. Там этого опасного человека, выждав некоторое время, сначала ослепили, а затем «посадили в воду», то есть утопили.

Но подавление болотниковского восстания не принесло покоя ни «замутившейся» стране, ни слабому монарху.

Двоевластие

Новый Лжедмитрий

Причина покладистости, которую проявил царь в переговорах с Болотниковым, объяснялась просто. Затягивать осаду было ни в коем случае нельзя. Тот, кого повстанцы уже отчаялись дождаться, наконец появился: живой Дмитрий, и он шел к ним на выручку. Если бы в Туле об этом узнали, ни за что бы не сдались.

Самозванец, известный в истории под именем Лжедмитрия II, или Тушинского Вора, не имел никакого отношения к интриге Михайлы Молчанова. У новой авантюры были другие создатели. В отличие от первого Лжедмитрия, второй был не столько инициатором событий, сколько жертвой обстоятельств – можно сказать, «самозванцем поневоле».

> Кем на самом деле был этот проходимец, опять-таки в точности неизвестно. На первых порах ходили слухи, что он поповский сын – то ли Митька, то ли Матюшка. Родом он был, по-видимому, из Белоруссии, так что говорил и по-русски, и по-польски.
>
> Дотошные иезуиты, проведя расследование, пришли к выводу, что самозванец был крещеным иудеем Богданкой. Эта идея впоследствии очень понравилась официальной Москве. После гибели Лжедмитрия II объявили, что в его вещах найдены бумаги на еврейском языке и талмуд – то есть получалось, что злодей тайно держался чужой религии.
>
> Очень вероятно, насчет иудейства – выдумка, призванная подчеркнуть «неправославие» Тушинского Вора, однако несомненно он происходил из белорусских социальных низов. Манеры, речь, весь стиль поведения выдавали в нем простолюдина.
>
> Правдоподобней всего выглядит версия, согласно которой самозванец был сначала учителем в Шклове, а потом слугой у могилевского попа.

Судя по всем рассказам, человечишка это был никудышный – трусоватый, неумный, лживый, подверженный всяким мелким порокам. В конце концов его выгнали из слуг, и он оказался в безвыходном положении.

Весной 1607 года в белорусском городке Пропойск (70 километров от Могилева) Митьку-Матюшку-Богданку за что-то посадили в тюрьму – якобы по подозрению в шпионстве, хоть и непонятно, какому государству мог понадобиться шпион в Пропойске. Не исключено, что бродяга попросту попался на воровстве или еще каком-то преступлении.

Здесь, не от хитрости и ума, а с перепуга, ожидая кары, узник объявил, что он не абы кто, но важная персона – родственник убитого царя Дмитрия, скрывающийся от врагов. С этой уловки и начались большие приключения маленького человека.

Неловкое вранье лишь отсрочило бы расплату, если б поглазеть на «царского родственника» не пришел один поляк, ротмистр Миколай Меховецкий. Он командовал небольшим отрядом, участвовавшим в московском походе, и после падения Лжедмитрия I остался не у дел. Тогда по приграничным областям России и Польши бродило множество подобных кондотьеров, которые искали способ прокормиться.

Лжедмитрий II. *Фантазийный рисунок XIX в.*

Меховецкий видел в Москве первого самозванца и решил, что пропойский бродяга похож на него «издали», то есть ростом и фигурой. В те времена, когда народ мог увидеть монарха самое большее с изрядного расстояния, этого было достаточно. Шляхтич, конечно,

понимал, что этот шут никакой не царь, но знал, с каким нетерпением на Руси ждут воскресшего Дмитрия, и решил не упускать такого случая. Очень уж дальних планов поляк скорее всего не строил, в этом смысле мало отличаясь от казацкого атамана Федьки с его «царевичем Петром». Выступая под знаменем законного государя, можно было неплохо поживиться на русских просторах.

Кажется, тюремный сиделец сначала очень испугался неожиданного предложения. Но выбор был такой: или соглашаться на роль помазанника Божия, или пропадать прямо сейчас.

Меховецкий объявил, что неведомый бродяга – не царский родственник, а сам царь. Для Пропойска ротмистр, явившийся туда во главе собственного конного отряда, был важной персоной, к словам которого нельзя не прислушаться. Да и местным жителям, подданным польского короля, наверное, было все равно: царь так царь.

В любом случае чудесный гость в местечке не задержался. Меховецкий перевез его на русскую сторону границы, в городок Стародуб, откуда во все стороны поскакали гонцы и полетели «прелестные письма».

Скромное начало

Как и предполагал Меховецкий, долгожданная весть о возвращении Дмитрия воспламенила многих. Весь этот край, в свое время первым выступивший за предыдущего самозванца, был настроен против московской власти. К Стародубу стали стекаться и ветераны недавней войны, и новые добровольцы из Польши и казацких краев.

Несколько городов, в числе которых были Путивль, Новгород-Северский и Чернигов, охотно присягнули Дмитрию. «Царь» даже собрал при себе «Боярскую думу», но на первых порах ее состав выглядел весьма скромно – «настоящих» бояр взять было неоткуда.

Истинный предводитель Меховецкий объявил себя гетманом. Царя он все время держал при себе и старался лишний раз людям не показывать – очень уж тот был несолиден.

За лето в стародубском лагере набралось тысячи три разношерстного войска. В начале сентября оно тронулось в поход.

Шли на Тулу, вроде бы спасать болотниковцев, но двигались небыстро – армия была невелика. Города сами отворяли ворота.

Сдались Брянск, Белев. 8 октября разросшееся войско гетмана Меховецкого одержало победу в первом более или менее серьезном столкновении с правительственными отрядами, но тут ситуация коренным образом переменилась.

Не зная об успехах «Дмитрия», Болотников капитулировал, и Меховецкий оказался один против всей мощи Шуйского. Брянск, находившийся в тылу у мятежников, сразу же перешел на другую сторону. Нужно было отбить его обратно, но на сей раз ворота не открылись, а взять город штурмом не удалось.

Затем подошли царские полки и нанесли Меховецкому поражение. К тому же заволновались «литовские люди», которым нравилось наступать, но не хотелось сложить голову за гиблое дело. Забрав награбленную добычу, большинство поляков и запорожцы покинули лагерь.

К середине декабря армия почти растаяла. Меховецкий увел остатки к городу Орлу, сохранившему верность «царю Дмитрию».

Шуйский в очередной раз совершил ошибку, не добив самозванца в его зимнем логове. Держать дальше большое войско было дорого, оно устало, все хотели по домам. Авантюра нового самозванца представлялась пустяком по сравнению с мятежом Болотникова, и царю казалось, что гроза рассеялась.

Но закончилась не война, закончилась лишь ее первая кампания.

Серьезные игроки

Если бы главой предприятия и дальше оставался мелкий авантюрист Меховецкий, оно вероятнее всего действительно рассыпалось бы. Слишком жалок был «царь», которого собственные польские опекуны презрительно именовали «цариком», слишком мало было денег, слишком мало военной силы.

Но в это время в Польше завершилась длительная внутренняя распря, так называемый «рокош». Король наконец одолел непокорных магнатов, и с обеих сторон освободилось множество сабель. Бесприютные шляхтичи и безработные наемники помнили об успехе первого Дмитрия, были наслышаны о лихом московском походе, о богатой добыче, о щедрых наградах.

На Русь, в лагерь Дмитрия начали прибывать новые люди. В основном это были опытные, хорошо вооруженные воины.

Вскоре появились и серьезные игроки, не чета ротмистру Меховецкому.

Самым заметным из них был молодой князь Роман Ружинский, человек смелый и энергичный. Ему хотелось повторить успех Ежи Мнишека, сумевшего посадить на московский трон своего ставленника (во всяком случае, так победу Дмитрия воспринимали в Польше).

В апреле 1608 года Ружинский явился в Орел с большим отрядом пехоты и кавалерии, что сразу сделало его хозяином положения. Ни с «гетманом», ни тем более с «цариком» магнат церемониться не стал. Первого он выгнал, заняв место главнокомандующего сам, а второго поставил перед фактом. (Меховецкий не смирился со своим поражением, долго интриговал, плел заговоры, и в конце концов Ружинский лично зарубил его прямо на глазах у Лжедмитрия.)

Тогда же в лагере инсургентов появились еще три ярких военачальника, каждый из которых сыграет в истории Смуты важную роль – крупнее, чем сам Ружинский.

Во-первых, это был усвятский староста Ян Сапега (кузен литовского канцлера Льва Сапеги), известный в Польше удалец. Он привел собственное войско, которое в дальнейшем оставалось под его началом и не сливалось с остальными силами.

Не меньшим приобретением для орловского лагеря стал полковник Александр Лисовский, мастер конного боя, прославившийся дерзкими рейдами вглубь неприятельской территории.

Но самым крупным деятелем гражданской войны суждено было стать не шляхтичу, а плебею – Ивану Заруцкому.

> Иван Мартынович Заруцкий был из мещан украинского города Тернополь. Год его рождения неизвестен, обстоятельства ранней жизни туманны.
>
> Кажется, он был захвачен в плен крымцами во время какого-то из набегов. Потом бежал из плена на Дон, поступил в казаки. Участвовал во всех этапах гражданской войны: и в походе первого Лжедмитрия, и в движении Болотникова. Благодаря воинским талантам Заруцкий выдвинулся из рядовых казаков в командиры. Современник-поляк называет его в это время ротмистром, русские источники – атаманом.

Тульской блокады Иван избежал, потому что в это время отправился навстречу второму Лжедмитрию, где вскоре занял место предводителя казачьей части войска. Все признавали доблесть атамана, но известно про него и то, что он был «сердцем лют и нравом лукав». К этому следует прибавить, что Заруцкий отличался еще и дерзостью. Пишут, что однажды «царик», желая покрасоваться перед поляками своей рыцарственностью, затеял турнир и выбрал в соперники богатыря-атамана, уверенный, что тот поддастся. Но Заруцкий не чинясь первым же ударом вышиб «великого государя» из седла, на чем турнир и завершился.

Имея таких соратников и получая из Польши все новых волонтеров, князь Ружинский начал активно готовиться к летней кампании.

Теперь это была уже не та армия, что в прошлом году: неплохо организованная и вооруженная, высокомобильная и, главное, находившаяся под умелым командованием.

Дело приобрело совсем иной масштаб.

Ян Сапега. *Рисунок XVII в.*

Два царя

Когда подсохли дороги, мятежники двинулись на Москву тремя разными маршрутами. Основные силы под командованием Ружинского наступали через Калугу, Сапега сделал фланговый обход через Смоленск, а Лисовский с конницей и артиллерией зашел со стороны Зарайска и Коломны.

Василий не знал, куда посылать войска. Его полки потрепали отряд Лисовского, но Ружинский одержал более важную победу над главным корпусом правительственных сил во главе с Дмитрием Шуйским.

К 1 июня армия Лжедмитрия уже оказалась у Москвы. Ночью Ружинский внезапно атаковал царский лагерь, находившийся на Пресне, и разгромил его, но сил для разгрома московской рати у гетмана не хватило, и пришлось отступить за реку Химку.

25 июня Ружинский попытался ворваться в столицу еще раз, но опять не преуспел.

Боевые действия приостановились. У Лжедмитрия недоставало мощи взять Москву, у Василия не было возможности перейти в наступление.

Самозванец устроил свою ставку в селе Тушино, откуда до Кремля было меньше 15 километров (сейчас это район Москвы). Временное пристанище оказалось для самозванца постоянным – отсюда и прозвище Тушинский Вор.

Со временем лагерь превратился в настоящий город и даже в нечто большее – во вторую столицу (а может быть, по значимости даже и в первую). И так продолжалось целых полтора года.

> «Царику» срубили деревянный дворец, где он проводил время в пирах и распутстве, а иногда заседал в «Боярской думе», но все важные решения за него принимали другие. Вокруг резиденции стояли разноцветные шатры польских военачальников и перевезенные со всей округи избы, где жили знатные русские перебежчики. Остальная часть «царского двора» и войска соорудили себе будки, лачуги и землянки.
>
> Купцы на базаре продавали всевозможные товары, днем и ночью шумели кабаки, не умолкали женские крики – как веселые, так и жалобные, поскольку кроме гулящих отовсюду привозили и насильно похищенных. Мычал и блеял реквизированный скот, в панских псарнях лаяли охотничьи

собаки. Одним словом, в Тушине жили куда разгульней и праздничней, чем в скучной, напуганной Москве.

Страна оказалась разделена надвое. Каждый город и каждая провинция сами решали, за какого из царей им быть, и чаша весов все больше склонялась в сторону Дмитрия. Ему присягали повсюду, от северной Вологды до южной Астрахани. Объяснялось это пассивностью Шуйского, практически отрезанного от своей державы. Людей Дмитрия на периферии видели чаще, чем посланцев Василия. К тому же Тушинец щедро награждал поместьями всех, кто являлся к нему на службу (по окончании Смуты эти пожалования вызовут жуткую неразбериху в земельных отношениях). Что же касается легитимности, то в этом смысле обе власти выглядели неважно: сомнительный сын Ивана Грозного, без конца воскресающий из мертвых, против непонятно кем выкликнутого боярского царя.

В этом смысле положение Дмитрия, пожалуй, было даже выигрышнее. Вскоре после начала тушинского сидения самозванец получил два важных доказательства своей «истинности», которые произвели должное впечатление на русских людей.

Тушинский лагерь. *С. Иванов*

Если б тушинцам удалось заполучить Марфу, мать царевича, та наверняка признала бы и этого сына, но до августейшей инокини было не достать. Зато имелась царица Марина, и кому как не жене было опознать собственного мужа?

В начале июля царь Василий, очень боявшийся того, что на помощь врагу придет польский король, сделал очередную глупость: решил умилостивить Сигизмунда, отпустив домой поляков из числа приближенных Лжедмитрия I. В их числе были и Мнишеки.

Как только об этом стало известно в Тушине, за конвоем Мнишеков отправилась погоня. Охрану разогнали, царского тестя и жену освободили. Отец и дочь толком не знали, к кому их везут – к тому самому Дмитрию или к другому, но в любом случае не возражали. Марина очень хотела снова стать московской государыней, да и пан Ежи охотно занял бы видное (желательно первое) место при «зяте».

Но к «царику» их допустили не сразу. Сначала Ружинский объяснил Мнишеку, что ни первого, ни какого другого места сандомирский воевода при дворе Дмитрия занимать не будет, только получит в утешение деньги и вотчины. Пан Ежи долго торговался, но в конце концов дал себя уговорить. Смутило его и сообщение о том, что Дмитрий все-таки фальшивый, а значит, дочери придется жить в грехе. Эту проблему совести решили, условившись, что Марину и самозванца тайно обвенчают по католическому обряду.

Похоже, что саму Марину брак с неведомым проходимцем не особенно тревожил. Это была уже не та легкомысленная девочка, которая три года назад приехала в Москву веселиться и танцевать. Плен, унижения, лишения ожесточили и закалили вдову первого Лжедмитрия, и главной ее страстью теперь было честолюбие.

Во всяком случае, свою роль она исполнила превосходно. Во время публичной встречи с «любимым супругом» лобызала его, обнимала и рыдала. Это очень укрепило положение «царика».

А Ежи Мнишек, пожив в тушинском лагере до конца года, в конце концов понял, что он здесь никому не нужен, разругался с дочерью и отбыл домой, в Польшу.

Второй «статусной» победой Лжедмитрия, пожалуй, не менее важной, чем Маринины лобзанья, было привлечение на свою сторону Филарета Романова.

Обманутый Шуйским, так и не получивший патриаршего престола Филарет был вынужден вернуться в Ростов Великий, на митрополичью кафедру. Туда к нему через месяц после «воссоединения царской семьи» и явились посланцы Вора. В исторических сочинениях много пишут о том, как злодеи глумились над святым отцом: сорвали с него облачение, напялили сермягу и татарскую шапку, увезли на простой телеге и так далее, но есть подозрение, не выдуманы ли Филаретовы страдания в романовскую эпоху, чтобы как-то оправдать этот стыдный эпизод в биографии основателя династии Романовых. Непонятно, зачем поляки стали бы без нужды оскорблять того, кто был им очень нужен, да и дальнейшие события не дают оснований полагать, что митрополит действовал по принуждению.

Лжедмитрий принял его с почетом, предложил сан патриарха – и Филарет согласился, хотя много раз видел первого самозванца и не мог не знать, что имеет дело с ряженым.

Теперь двоевластие наступило не только в государстве, но и в церкви: два государя, два патриарха.

Встреча «супругов» после разлуки. *И. Сакуров*

Но ценность Филарета этим не ограничивалась. Как глава самой родовитой боярской фамилии и родственник угасшей династии, он обладал огромным весом и влиянием в среде московской знати.

Теперь в Тушино потянулись настоящие аристократы – Трубецкие, Черкасские, Салтыковы, Барятинские, Плещеевы и многие другие. Боярская дума Лжедмитрия существенно «облагородилась» и теперь не уступала московской по блеску имен. Боярским званием был пожалован простолюдин Заруцкий, оказался в думе и вновь вынырнувший на поверхность Григорий Шаховской, но первые роли в этом марионеточном правительстве играли «природный» боярин Михаил Салтыков (родственник Филарета), князь Дмитрий Трубецкой и князь Дмитрий Черкасский. Я называю тушинскую думу марионеточной,

потому что ее роль была декоративной и вся полнота власти по-прежнему находилась у военного командования, по преимуществу польского.

Вслед за «большими людьми» в стан самозванца стали являться перебежчики помельче. Чем скуднее и голоднее становилось в Москве, тем гуще делался этот поток. От Шуйского уходили дворяне, дьяки, военные. Купцы увозили из города в Тушино на продажу и так немногочисленные припасы, потому что у Вора лучше платили. Если же положение Дмитрия ухудшалось (в его лагере постоянно случались какие-то потрясения), поток устремлялся в обратную сторону. Одни и те же люди меняли свое «подданство» по несколько раз. Таких прозвали «перелетами». Оба царя нуждались в сторонниках, принимали и награждали перебежчиков, что еще больше поощряло эту вакханалию измен. Костомаров с горечью пишет, что у служивого сословия «не оказалось в наличии чувства долга». Хотя чему ж тут удивляться? Ни один из царей не вызывал ни любви, ни уважения.

Устав томиться под стенами столицы и не имея достаточно средств, чтобы взять ее приступом, польские предводители тушинской армии решили действовать по-другому. К осени 1608 года войско Лжедмитрия разрослось до 60 000 человек: поляков, перебежчиков-дворян и казаков (таковыми называли не только донцов и запорожцев, а вообще всех «гулящих людей»).

С такими силами можно было взять Москву в плотную блокаду и вынудить к сдаче голодом. Нужно было лишь перекрыть все дороги, по которым в столицу попадали подкрепления и припасы.

Части Яна Сапеги и Александра Лисовского обошли город с севера, со стороны Волги; другие отряды предприняли такой же маневр с юга, через Оку. Чтобы замкнуть кольцо, оставалось только взять укрепленный Троице-Сергиев монастырь, сторживший Ярославскую дорогу.

Древняя обитель, которой управляли архимандрит Иосиф и келарь Авраамий Палицын, твердо стояла против самозванца. Захватить ее можно было только силой. Толстые стены и водные преграды, а также довольно сильный гарнизон делали задачу непростой, но Сапега не сомневался в успехе. Он пришел к лавре с большим войском, притащил 90 пушек. Поторопился прибыть и Лисовский, всегда алчный на

добычу – в монастыре хранились немалые сокровища. В лавре было около трех тысяч защитников, в большинстве своем людей, не привычных к оружию – монахов и местных жителей; у Сапеги и Лисовского в несколько раз больше, причем настоящих воинов.

И все же обитель сдаваться не собиралась. Защита Троицы – чуть ли не единственная красивая страница в горькой саге о распаде русского государства (будет еще и оборона Смоленска, тоже героическая, но все же менее поразительная).

> Сапега встал с запада от монастыря, Лисовский с востока. Сначала попробовали договориться о сдаче – получили отказ. Тогда начали правильную осаду. Руководили делом опытные инженеры. Поляки построили передвижные башни для пушек, вырыли траншею, соорудили земляной вал. Несколько дней вели канонаду, но толстых стен пробить не смогли. Тогда вечером 13 октября пошли на приступ с лестницами, катя перед собой деревянные щиты. Атакующие не ждали серьезного отпора, но угодили под такой плотный огонь, что пришлось отступить.
>
> Тогда польские саперы взялись за дело еще основательней: затеяли рыть подкоп, чтобы сделать пролом с помощью мины.
>
> Среди осажденных не было мастеров подземной войны, и все же двое крестьян – Слота и Шилов – своим разумением как-то дорылись до «тихой сапы» и подожгли заготовленный поляками порох. Оба при этом погибли, но крепость спасли.
>
> Сапеге и Лисовскому ничего не оставалось, как истомить монастырь блокадой. Всю зиму и всю весну Троица держалась, жестоко страдая от голода и особенно от холода. Топить было нечем, каждая вылазка за дровами стоила жертв. К тому же от скученности начался мор. Царевна Ксения Годунова, постриженная в монахини и оказавшаяся в осаде, писала: «Да у нас же за грехи наши моровое поветрие: великие смертные скорби объяли всех людей; на всякий день хоронят мертвых человек по двадцати, по тридцати и побольше, а те, которые еще ходят, собою не владеют: все обезножили».

И все же монастырь додержался до лета. В конце мая, увидев, что блокада не помогает, поляки устроили второй штурм – неудачно. Месяц спустя еще один – с тем же результатом.

Последний, четвертый по счету штурм произошел в конце июля 1609 года. На стенах бились не только мужчины, но и женщины. Опять отбились.

После этого поляки поняли, что твердыню им не взять, и оставили у Троицы сравнительно небольшие силы. Всего же осадная эпопея длилась целых шестнадцать месяцев.

Стойкость защитников тем поразительней, что в монастыре, как и во всей Руси, не было лада и согласия. Воеводы (их было двое – Григорий Долгорукий и Алексей Голохвастов) не ладили между собой, монастырские старцы без конца бранились друг с другом, бедные злились на богатеев, что те-де лучше кормятся и теплее греются, кто-то писал доносы, кто-то интриговал, было много лишних жертв, много дополнительных тягот от плохого управления, царь Василий не присылал никакой подмоги. Авраамий Палицын сообщает, что в боях и «от осадные немощи» погибли 2125 человек, с обычной для той эпохи небрежностью прибавляя: «кроме женска полу и недорослей, и маломощных, и старых». Он же красочно, почти стихами, пишет про будни осажденных: «И не ведуще же, что сотворити: или мертвых погребати, или стен градских соблюдати; или с любовными своими разставатися, или со враги разсекатися…»

В осажденной Троице. *В. Верещагин*

Брошенная царем, непонятно на что надеющаяся Троица стояла и выстояла. Это упорство производило сильное впечатление на всю деморализованную, заметавшуюся между двумя царями страну и, конечно, укрепляло положение Шуйского. Пользуясь тем, что основные отряды Дмитрия стянуты к монастырю, Василий понемногу накапливал силы.

Однако рассчитывал он не на свою малонадежную армию, а на ход, должно быть, казавшийся ему очень ловким: победить врага чужими руками.

К хаосу гражданской войны должна была прибавиться еще и интервенция.

Невыгодный союз

Когда читаешь книги иных отечественных историков, складывается ощущение, что главные виновники Смуты – чужеземные супостаты, поляки со шведами, только о том и думавшие, как бы погубить русское государство. На самом же деле главное политическое

противостояние в восточной Европе того времени разворачивалось не между Россией и Польшей или между Россией и Швецией, а между Польшей и Швецией. Это соперничество, перешедшее в семнадцатый век из шестнадцатого, продлится и после Смуты, причем Речь Посполитая будет становиться все слабее, а скандинавская держава все сильнее.

К взаимным претензиям территориального и торгово-конкурентного свойства, обычным между соседями, тут прибавлялись еще династический и религиозный конфликты. Сигизмунд III из шведской династии Ваза поначалу был монархом обеих стран, но шведскую корону у него отобрал дядя Карл IX. Две эти страны, католическая Польша и протестантская Швеция, люто враждовали друг с другом и, начиная с 1600 года, в течение трех десятилетий находились в состоянии войны, то затихавшей, то вновь разгоравшейся.

Карлу очень не нравилось, что польские подданные, пускай даже не от имени Сигизмунда, захватили половину России и по-хозяйски там распоряжаются. Шведы считали Лжедмитрия креатурой своих врагов. Несколько раз они предлагали царю Василию военную помощь – они хотели не захватить русские земли, а вывести соседнюю страну из зоны польского влияния.

Шуйский долго отказывался, поскольку помощь предлагалась небесплатно, но в начале 1609 года, когда положение московской власти сделалось совсем аховым, решил, что при поддержке шведских копий сумеет наконец одолеть Вора.

По договору Карл должен был прислать войско в пять тысяч хороших солдат, а царь обязался платить им 100 тысяч талеров ежемесячно (не так уж много), отказаться от претензий на Ливонию (вернуть которую и так не представлялось возможным) и – единственное болезненное условие – уступить королю «за его любовь и дружбу» крепость Корелу (современный Приозерск) с уездом. С другой стороны, что значил один отдаленный и малонаселенный уезд, когда Василий лишился половины державы?

Юный Михаил Скопин-Шуйский, прославившийся во время болотниковской войны, возглавил русскую часть союзной армии; во главе шведской был поставлен почти такой же молодой генерал Якоб Понтуссон Делагарди, сын знаменитого Понтуса Делагарди (1520–

1585), который доставил русским столько хлопот во время Ливонской войны.

На первых порах основную часть войска составляли шведские полки, которые на самом деле состояли из наемников разных европейских стран. У Скопина было не более трех тысяч воинов.

В мае 1609 года они двинулись от Новгорода в сторону Твери и в первом же сражении разбили тушинское войско. Но здесь оказалось, что денег на солдатское жалованье нет – Шуйский пообещал прислать казну и не прислал. Наемники заявили, что уходят. Делагарди не смог их вернуть и остался только с природными шведами, каковых насчитывалось около тысячи.

С этого момента главной силой армии становятся русские, а главным полководцем Скопин. Дьяк Тимофеев пишет про воеводу, что тот был «во бранех лют на враги и стремлением зело изкусен, и ратник непобедим», сравнивая его с молодым быком, который ломает рога врагов, словно гнилые ветки.

Скопин медленно двинулся к столице, повсюду набирая новых людей. К осени у него была 15-тысячная армия. Делагарди тоже увеличил свой контингент, но шведов насчитывалось едва две тысячи, и они шли своим маршрутом.

Несмотря на возраст, Скопин отличался осторожностью и обстоятельностью. Он не торопился, попусту не рисковал. Двигаясь к Москве с севера, полководец повсюду строил остроги и оставлял в этих опорных пунктах сильные гарнизоны – это лишало польские конные отряды возможности перерезать пути снабжения армии.

Тушинцы постепенно отступали, пятясь к своему лагерю, где нарастала паника. Лжедмитрий рассорился с гетманом Ружинским и 1 января 1610 года, переодевшись мужиком, сбежал в Калугу. Через несколько дней наконец завершились страдания осажденных в Троице – Ян Сапега был вынужден прекратить осаду и отступил.

Казалось, что дипломатический маневр Шуйского сработал. Возможно, проку из шведской помощи вышло немного, по-настоящему она пригодилась лишь для первой битвы, но и этого хватило, чтобы повернуть ход событий.

Михаил Скопин-Шуйский. *Парсуна XVII в.*

Однако царь ошибался, если думал, что заплатит за победу над Лжедмитрием одним Корельским уездом. Заключив союз со шведами, Шуйский навлек на Русь беду еще худшую, чем Тушинский Вор.

До сих пор король Сигизмунд всячески подчеркивал, что держится в стороне от русской Смуты. Иногда он даже создавал препятствия для

поляков, которые желали отправиться на войну с московитами. Но теперь, когда царь Василий объединился с Карлом Шведским, у Сигизмунда появился законный повод начать против ослабевшей Москвы настоящую войну – тем более что и внутрипольские обстоятельства тому благоприятствовали.

Война с Польшей

Польская монархия – выборная и ограниченная – была вечным пугалом для московских самодержцев и вечным соблазном для русской знати. Она демонстрировала, что можно существовать и так: без ордынского обожествления верховной власти, по единым для всех законам, с правом легальной оппозиции государю и даже вооруженного сопротивления его произволу (такой узаконенный мятеж назывался «рокош»). Жестокие казни бояр при Иване Грозном и репрессии Бориса Годунова объяснялись не столько памятью о былой непокорности удельных князей, сколько страхом оказаться в положении польского короля, целиком зависевшего от расположения магнатов и шляхты.

Сигизмунд III тоже имел перед глазами соблазнительный пример: Московское государство, где царю не приходилось клянчить денег у собственных подданных и заручаться согласием Сейма для всякого мало-мальски значимого решения.

Король стремился превратить Речь Посполитую из аристократической республики в абсолютную монархию: закрепить престол за своими потомками, кардинально централизовать систему власти, превратить Сейм в совещательный орган, урезать права дворянства. Это, естественно, вызывало противодействие со стороны аристократии. Сигизмунд не мог себе позволить активно вмешаться в интересные московские события, поскольку у него хватало собственных забот. После смерти осторожного и мудрого канцлера Замойского (1605), пытавшегося не довести конфликт до обострения, оппозицию возглавил упрямый краковский воевода Зебжидовский, именем которого историки и назвали польскую гражданскую войну 1606–1609 годов: «рокош» Зебжидовского.

Пока Шуйский сражался с Болотниковым и Тушинским Вором, Сигизмунд бился со сторонниками Зебжидовского. В конце концов королевские войска победили, но такой дорогой ценой, что от идеи

абсолютизма пришлось отступиться. Король амнистировал всех мятежников и подтвердил права шляхты.

Царь Василий выбрал исключительно неудачный момент для дружбы со шведами. Во-первых, у Сигизмунда наконец развязались руки. Во-вторых, король рассчитывал победой над внешним врагом укрепить свое положение внутри собственной страны – история изобилует подобными примерами. К тому же страну наполняли оставшиеся без работы наемники и вечно несытые шляхтичи.

Одним словом, король с удовольствием отправился на войну. Серьезного сопротивления он не ожидал, хорошо зная состояние российских дел и финансовые затруднения шведов.

Хорошей целью полякам представлялся Смоленск, расположенный близко от границы. Этот город в прошлом принадлежал Литве. Взяв Смоленск, Сигизмунд затмил бы славу своего великого предшественника, Стефана Батория.

Крепость слыла неприступной, в ней размещался довольно большой гарнизон, но король был уверен, что Смоленск капитулирует. Кто захочет погибать за никчемного царя Василия, не способного защитить даже ближнюю Троицу от тушинского сброда?

Но героическая Троицкая оборона, о которой говорила вся страна, придала смолянам мужества. Воевода Михаил Шеин вооружил горожан и приготовился к отпору.

Сигизмунд никак не рассчитывал на такой оборот событий. Он явился к Смоленску в сентябре 1609 года с недостаточным количеством пехоты и почти без артиллерии.

Быстрого триумфа не получилось. Пришлось затевать осаду и ждать подкреплений.

Дешевле и проще всего было пополнить войско за счет поляков, уже находившихся в России, то есть за счет армии Лжедмитрия. Сигизмунд отправил в тушинский лагерь приказ своим подданным: немедленно явиться к Смоленску, а самозванца выдать. Между тушинскими поляками произошел раскол. Многие были склонны подчиниться королю, тем более что военные дела шли неважно. Армия Скопина-Шуйского наступала, надеяться на скорый захват Москвы не приходилось. Роман Ружинский и Ян Сапега рассорились, а затем, боясь предательства, из лагеря сбежал и сам «царик». Это окончательно решило дело. Большинство польских воинов ушли к королю. В Тушине

остались главным образом русские. Ружинский потерял былую власть и тоже заявил о преданности Сигизмунду, но под Смоленск не отправился.

> Звезда тушинского «гетмана», на протяжении последних двух лет бывшего фактическим диктатором половины русских земель, закатывалась. Он остался без «царя», без союзников, один против Скопина. Тот, правда, не торопился, справедливо полагая, что силы Ружинского растают сами. Так и произошло. В марте 1610 года польский князь ушел из Тушина всего с тремя тысячами людей, да и те вскоре взбунтовались. Ружинский в потасовке был сбит с ног, у него открылась рана, полученная в одном из недавних боев, и через несколько дней один из главных разрушителей русского государства, всеми брошенный, умер.

Русские бояре, составлявшие тушинскую думу, оказались в трудном положении. Своего царя у них больше не было, он сбежал. Идти на поклон к Шуйскому большинство не желали – такой государь их тоже не устраивал. Сигизмунд выглядел предпочтительней.

И тогда возникла идея пригласить на царство королевского сына юного Владислава. В Смоленск отправилась делегация, которая заключила с Сигизмундом соответствующий договор. Согласно ему, Владислав становился русским царем, но при этом брал на себя определенные обязательства. От него не требовали перехода в православие, но венчаться на царство королевич должен был по русскому обычаю, от русского патриарха, а также дать гарантии неприкосновенности русской веры и церкви.

> Документ, подписанный под Смоленском 4 февраля 1610 года, интересен во многих отношениях. В нем содержится несколько вполне революционных статей, свидетельствующих о том, что авторы договора намеревались не просто сменить одного царя на другого, а коренным образом перестроить государство.
>
> Так, изменение законов должно было происходить не единоличной волей монарха, а по решению бояр и «всей земли». Царь не мог вводить новых податей, не мог никого

казнить без судебного разбирательства, а если преступник будет осужден, имущество не могло быть конфисковано. Нельзя было никого разжаловать «из великих чинов», если человек ни в чем не провинился, и в то же время – поистине эпохальное новшество – «меньших людей» следовало повышать по заслугам (а не по родовитости). Было в договоре специально оговорено и такое любопытное обязательство: «Для науки вольно каждому из народа московского ездить в другие государства христианские, кроме бусурманских поганских, и господарь отчин, имений и дворов у них за то отнимать не будет».

Все эти новации несут на себе отпечаток предполагавшихся реформ первого Лжедмитрия, из числа сторонников которого в значительной степени состояла тушинская дума. Кажется, это первая в отечественной истории задокументированная попытка перейти от «ордынского» самодержавия к конституционной монархии. Ключевский пишет: «Самая идея личных прав, столь мало заметная у нас прежде, в договоре 4 февраля впервые выступает с несколько определенными очертаниями».

Впрочем, для Сигизмунда это соглашение служило всего лишь тактическим маневром. У короля были иные планы.

Бояре один за другим покидали пустеющий тушинский лагерь, перебираясь в ставку Сигизмунда. Отправился туда и Филарет Романов, в ту пору поддерживавший идею о польском царе (этот конфузный факт потом всячески обходили официальные российские историки). Но по дороге «воровского патриарха» перехватил один из правительственных отрядов и доставил в Москву. Василию было не с руки наказывать главу могущественного рода Романовых, и дело изобразили так, будто митрополит ростовский (уже не патриарх) освобожден из плена. Филарет остался в столице и начал интриговать против царя, постепенно увеличивая число сторонников Владислава.

А между тем понемногу усиливался в Калуге беглый «царик». Теперь Лжедмитрий, избавившийся от опеки Ружинского, стал самостоятельнее, но вождь из него был никудышный. Люди шли к нему ради имени или от безысходности – те, кто не желал служить ни польскому королю, ни Москве. В основном это были казаки. В Калугу

же перебралась неугомонная Марина Мнишек, нарядившись в мужской костюм и прицепив саблю.

Политическая ситуация в стране еще больше усложнилась. Двоевластие превратилось в троевластие. Теперь царей стало трое: Василий, Дмитрий и Владислав.

Катастрофа

При этом весной 1610 года дела Шуйского выглядели не так уж плохо. Сигизмунд надолго увяз под Смоленском, у Лжедмитрия осталась лишь малая часть былой силы, а русско-шведское войско под командованием Скопина наступало и освобождало все новые области. Блокада Москвы прекратилась, хлеб подешевел, голод закончился.

12 марта в столицу торжественно вступили триумфаторы – Скопин-Шуйский и Делагарди. Молодого воеводу встречали восторженно, повсюду приглашали, чествовали, превозносили до небес. Он принимал знаки народного обожания как должное, с царственным родственником держался независимо. Многие заговорили, что из Михаила царь получится лучше, чем из Василия, и что по родовому старшинству ветвь Скопиных знатнее.

Скопин-Шуйский и Делагарди. *И. Сакуров*

Близ Москвы собиралась большая армия – идти против поляков. С таким командующим и при таком подъеме можно было надеяться на победу.

Василия не могла не тревожить мысль о том, что после разгрома поляков Скопин вернется в столицу хозяином положения и вполне может согнать троюродного дядю с престола. Многим казалось, что царь опасается юного героя больше, чем поляков.

Поэтому, когда в конце апреля Михаил Скопин, молодец богатырского сложения и здоровья, вдруг захворал странной болезнью и умер, моментально распространился слух об отравлении. Винили жену царева брата Дмитрия (возможно из-за того, что она была дочерью приснопамятного опричного палача Малюты Скуратова).

Доказательств никаких не имелось, но слух сильно озлобил москвичей против Василия.

Еще хуже было то, что на место главнокомандующего царь поставил брата Дмитрия, руководствуясь вечным принципом слабой власти назначать на ключевые посты не способных, а лояльных.

Про Дмитрия Шуйского шла слава, что он «сердцем лют, но не храбр». В «Хронографе» сказано: «В его [Скопина] место дал воеводу сердца не храбраго, но женьствующими обложена вещми, иже красоту и пищу любящаго, а не луки натязати и копия приправляти хотящаго».

В июне царский брат повел тридцатитысячную рать на запад.

Сигизмунд, всё осаждавший Смоленск, смог выделить для встречного похода только семь тысяч человек, но это были отборные части, в основном «крылатые гусары», и командовал ими лучший польский полководец Станислав Жолкевский. Этот опытный государственный муж, занимавший должность коронного польного гетмана, изначально был против смоленского похода, считая его авантюрой, но не стал отказываться от трудного поручения.

Короткая летняя кампания 1610 года – классическое подтверждение древней истины о том, что побеждают не числом, а умением, и наполеоновской максимы об армии львов, возглавляемой бараном.

Сначала Дмитрий Шуйский разделил свои силы, и Жолкевский нанес поражение отделившемуся корпусу Григория Валуева, заперев его в Царево-Займищенском остроге. Потом развернулся и 24 июня перед рассветом атаковал главную русскую армию у села Клушино.

> Было бы ошибкой представлять себе Клушинскую битву как сражение русских с поляками. В армии Жолкевского состояло множество русских казаков; в армии Шуйского – множество иностранных наемников. Это было столкновение не между двумя нациями, а между двумя партиями, претендующими на престол, – именно так современники и воспринимали смысл той войны, а умопостроения о патриотической борьбе русского народа против иноземных захватчиков возникли много позже. Во времена Смуты человека называли изменником не за то, что он предал Родину (самого этого понятия, кажется, еще не существовало), а за то, что он изменил присяге, данной конкретному монарху.

Сражение, начавшееся в темноте, получилось сумбурным. Польская конница налетала и отступала, понемногу тесня царский авангард. Шуйский мог бы прийти ему на помощь, но предпочитал отсиживаться в укрепленном лагере, под защитой пушек.

Часа через четыре бой начал стихать. Поляки выдохлись, и Шуйскому следовало бы перейти в контратаку, но он по-прежнему бездействовал.

И тут вдруг взбунтовались наемные роты в корпусе Делагарди. Солдатам, как обычно, задерживали жалованье, и между ними прошел слух, что это делается нарочно: начальство-де надеется, что многих перебьют, и тогда положит деньги себе в карман.

Заметив в рядах противника смятение, Жолкевский послал туда парламентеров с заманчивыми предложениями. Наемники начали массово переходить на сторону королевского войска. Делагарди пытался этому помешать, но опять, как в прошлый раз, остался с одними шведами и был вынужден заключить с гетманом сепаратное перемирие.

Клушинская битва. *Картина XVII в.*

Дмитрий Шуйский и его свита, видя это, в панике бежали, а за ними кинулась вся армия. По дороге в Москву люди разбредались кто куда. Делагарди с остатком шведов отступил в сторону Новгорода. Брошенные в Царево-Займище полки присягнули Владиславу и влились в польское войско.

Жолкевский шел на беззащитную русскую столицу. Из Калуги спешно явился Лжедмитрий, ожидая, что москвичи позовут его на царство, и встал лагерем близ столицы, в Коломенском.

В Кремле еще сидел Василий, но его всерьез уже никто не воспринимал. Шуйского постигла та же участь, что Федора Годунова: царь, лишившийся армии, теряет и власть.

На следующий же день после прибытия Тушинского Вора, 17 июля 1610 года, город заволновался. На Красной площади собралась толпа. В ней сновали агитаторы двух соперничающих группировок: в одной верховодил Прокофий Ляпунов с братьями, хотевшие крикнуть царем князя Василия Голицына, в другой – бывшие тушинцы, изменившие

Лжедмитрию в пользу Владислава. Объединяло обе партии то, что ни Вора, ни тем более Шуйского видеть царем они не желали.

Поэтому вначале они действовали совместно – стали требовать, чтобы Василий отрекся. Переворот устраивать не понадобилось, потому что царь остался в одиночестве, если не считать патриарха Гермогена, но увещеваний старика никто не слушал.

Попробовали уговорить Шуйского добром. Он заартачился. Тогда его взяли за руки и насильно постригли в монахи, превратив из Василия в инока Варлаама, после чего заточили в келью, под стражу.

> Дальнейшая судьба Василия Ивановича печальна. Ему не дали окончить дни в каком-нибудь дальнем монастыре, а по требованию поляков выдали Сигизмунду. Король увез пленника в Варшаву в качестве трофея, где бывшего московского царя заставили низко кланяться победителю и целовать ему руку.
>
> Потом братьев Шуйских посадили в камеру и продержали так два года, пока Василий и Дмитрий не умерли в течение одной недели – как раз в те дни, когда польские дела в России начали принимать скверный оборот. Современники подозревали, что это было убийством.

Когда Василия убрали из дворца и трон очистился, у мятежников согласие кончилось. Начался разброд.

Василия Голицына бояре не захотели. Но и открыто выступить за Владислава было боязно – москвичам это могло не понравиться, а «площадь» гудела тут же, за окнами.

Тогда Филарет сменил курс и предложил в цари своего четырнадцатилетнего сына, приходившегося двоюродным племянником Федору Иоанновичу, последнему царю династии Рюриковичей (так впервые прозвучало имя Михаила Романова в качестве кандидата на престол).

Большинство были против, и вообще все со всеми разругались.

Постановили созвать особый собор из представителей «всей земли», разослали во все стороны гонцов.

Царя свергли, на его место никого не поставили. Это стало последним ударом по московскому государственному порядку. В стране наступило безвластие.

Царь становится монахом. *И. Сакуров*

Безвластие и оккупация

Москва капитулирует

Самые влиятельные бояре – таких было семеро – сами себя назначили правительством, которое так и называют: Семибоярщина. В ее состав вошли князь Федор Мстиславский, князь Василий Голицын, Иван Романов (брат Филарета), князь Иван Воротынский, князь Андрей Трубецкой, князь Борис Лыков и Федор Шереметев. Они были вынуждены во всем советоваться с патриархом Гермогеном.

В «Хронографе» сказано, что Семибоярщина «два месяца власти насладишася», но «наслаждаться» было особенно нечем: власть странного органа распространялась только на столицу, притом весьма условно.

Время было потрачено на споры из-за кандидатуры царя. Пока бояре интриговали, к востоку от города ждал Лжедмитрий, а с запада разбил лагерь Жолкевский.

В течение месяца над трупом государства шла торговля, в которой участвовали три стороны: самозванец, интервент и кучка ни в чем между собой не согласных узурпаторов.

Московская «площадь» скорее симпатизировала тушинцам; люди побогаче боялись казаков и склонялись к Владиславу; Семибоярщину не поддерживал никто.

Главные игроки пробовали договориться между собой, без посредника. Лжедмитрий посулил Сигизмунду контрибуцию в триста тысяч злотых, ежегодные выплаты по сто тысяч в течение десяти лет и 15 000 войска для войны со Швецией. Король в ответ предложил «царику» город в своих владениях – Гродно или Самбор. Тушинский Вор обиделся и ответил, что заберет себе Краков, а Сигизмунду, так и быть, оставит Варшаву. В общем, не договорились.

В Москве же победила «польская» партия. Королевич Владислав представлялся меньшим злом: от буйных толп Лжедмитрия добра не жди, а Жолкевский по крайней мере наведет в стране порядок.

Теперь уже не тушинские, а московские бояре заключили с поляками договор, взяв за основу смоленское соглашение от 4 февраля. Но все реформаторские статьи (не представлявшие для Жолкевского

никакой ценности) из документа исчезли. Пропал пункт о карьерном возвышении за личные заслуги, вычеркнули бояре и упоминание о заграничном учении. Зато вставили важное для себя условие о том, что иноземцы не должны ущемлять «в чести» московских князей и бояр.

Гермоген дал свое согласие неохотно и лишь после того, как его уверили, что королевич примет православие (на самом деле каждая сторона толковала пункт о вере по-своему).

17 августа 1610 года российское временное правительство признало царем Владислава.

«Седмочисленыя же боляре Московския державы и всю власть Русьския земли предаша в руце литовских воевод: оскудеша убо премудрыя старцы и изнемогоша чюдныя советники», – сетует автор «Хронографа».

Уже через десять дней «чюдные советники» принесли Владиславу присягу в наскоро сооруженных шатрах близ польского лагеря. Назавтра церемония продолжилась в Успенском соборе Кремля.

Спешка объяснялась тем, что в Москве узнали о планах тушинцев ворваться в город силой, а отбиваться было нечем, и Семибоярщина нуждалась в защите.

По всей стране были разосланы извещения, и множество городов послушно присягнули царю Владиславу Жигмонтовичу.

Оккупация Москвы

Военный исход противостояния зависел еще от одной силы – Яна Сапеги, давно уже действовавшего самостоятельно. Этот кондотьер кормился за счет грабежей и реквизиций, у него было собственное войско, не очень большое, но отлично вооруженное. Сапега всем предлагал свои услуги, и стоили они недешево.

Гетман Жолкевский договорился с Сапегой о нейтралитете, с Семибоярщиной – о том, что ему дадут беспрепятственно провести полки через Москву, и ударил по Лжедмитрию.

Тот по своему обыкновению предпочел сбежать – ретировался обратно в Калугу, которая традиционно поддерживала тушинцев.

То, что отряды Жолкевского прошли через столицу, не устроив никаких бесчинств и не нарушив условий договора, очень понравилось

боярам. Они укрепились в надежде, что при поляках порядка будет больше, а «площадь» станет не страшна.

Поэтому в сентябре 1610 года Жолкевского пригласили в город, уже чтобы остаться. Таким образом, Москва сама открыла полякам ворота. Оккупация совершилась мирно.

Царь московский Владислав. *Неизв. художник*

Во всей этой истории нельзя не отметить дипломатические таланты Станислава Жолкевского. То был человек осторожный, хитрый и дальновидный. Он очень хорошо понимал важность добрых отношений с покоренным городом, население которого многократно превосходило численность не столь уж большого польского гарнизона.

Гетман повел дело с умом.

Он ввел в своих войсках строгую дисциплину и безжалостно наказывал ее нарушителей. Все конфликты между русскими и поляками решались межнациональным судом. Например, одного солдата, спьяну выстрелившего в православную икону, казнили по русскому закону о кощунстве: отсекли руку и сожгли на костре.

В Москве было много русских стрельцов, которые представляли для оккупантов потенциальную опасность. Жолкевский постарался расположить к себе это воинское сословие угощениями и дарами, так что стрельцы не возражали, когда начальником к ним назначили польского полковника Александра Гонсевского.

Особенно ловко гетман себя повел с патриархом. Гермоген сначала отказывался даже встречаться с басурманом, но Жолкевский сумел обаять сурового старца, и у них установились самые добрые отношения.

Если бы Сигизмунд проявил столько же мудрости, сколько его наместник, вся история России могла бы пойти по иному пути.

Но король был недоволен Жолкевским, считая, что тот чересчур миндальничает с русскими. Издалека дело казалось простым: московиты разгромлены и завоеваны, церемониться с ними незачем. И уж совсем дикой фанатичному католику Сигизмунду казалась идея о том, что его сын может перейти в другую веру. Впрочем, под воздействием военных успехов король уже передумал сажать на русский престол Владислава – он сам хотел стать царем.

Жолкевский пытался доказать, что это большая ошибка, но его не слушали. В конце концов гетман получил приказ возвращаться на родину с трофеями (в числе которых были пленные Шуйские), а командование передать полковнику Гонсевскому.

Недавно назначенный начальник Стрелецкого приказа хорошо знал Москву, где долгое время был сначала посланником, потом, после гибели Лжедмитрия I, почетным пленником. Полковник говорил по-русски, превосходно разбирался в московских тонкостях, но это был человек жесткий и властный. Он совершенно не считался с Боярской думой, расставил на ключевые посты послушных людей, а если кто-то из вельмож выражал недовольство, такого без церемоний сажали под арест.

С отъездом Жолкевского польское управление превратилось в настоящую диктатуру. Первым помощником Гонсевского, главой Казенного приказа, стал безродный дьяк Федор Андронов, из бывших торговцев. Это оскорбило бояр больше всего.

Расквартированные по частным домам жолнеры и наемники вели себя по-хозяйски, притесняя и обижая горожан. Вокруг Москвы разъезжали конные отряды, реквизируя всё, что им хотелось.

Поляки вели себя не как слуги русского царя Владислава, а как иноземные захватчики, каковыми они и являлись.

Станислав Жолкевский. *Неизв. художник*

Гибель Лжедмитрия II

При этом размер оккупационного корпуса оставался невеликим: четыре с половиной тысячи поляков и некоторое количество наемных солдат, перешедших из армии царя Василия. Этого худо-бедно хватало для контроля над столицей, но не над всей страной.

А страна была неспокойна.

С этого момента единственным знаменем, способным объединить самые разные группы населения, становится религия, защита православия. Русские люди держались за веру так истово, потому что у них ничего больше не осталось. Государство развалилось, царь в плену, последняя твердыня Смоленск вот-вот падет. Всё, что можно было потерять, – потеряно, всё, что можно отобрать, – отобрано. Но веру, субстанцию нематериальную, отобрать нельзя, вот за нее и держались.

В указе, который Семибоярщина разослала по провинциям, объявлялось, что царь Владислав примет русскую веру, но подтверждений этому не последовало. А в Калуге сидел свой православный царь, уж какой ни есть. И акции Тушинского Вора вновь пошли вверх – не по его заслуге, а от безысходности. Раньше патриоты антипольской направленности делились на сторонников царя Василия и сторонников царя Дмитрия, теперь остался только второй.

Волновались Владимир и Суздаль, Тверь и Ростов Великий. В лагерь к самозванцу тянулись люди из глубинки, и Лжедмитрий опять становился грозной силой. Появился в калужском стане и деятельный предводитель – вернулся Иван Заруцкий, какое-то время послуживший королю и понявший, что у поляков ему дороги не будет.

С Заруцким отряды Лжедмитрия стали вести себя боевито. Они активно нападали на польские разъезды, убивали шляхту, грабили литовских купцов, перерезали коммуникации.

Если прежде Лжедмитрий подрывал власть царя Василия, то теперь он становился серьезной проблемой для польской Москвы, у которой было еще меньше войск, чем в свое время у Шуйского.

Правительство позвало на помощь Яна Сапегу, который не отказался скрестить сабли со своими вчерашними соратниками (он ведь долго служил Лжедмитрию), но в ноябре-декабре Заруцкий нанес сапежинцам два поражения и отбросил их.

Неизвестно, чем бы закончилось очередное возвышения Тушинского Вора, если бы в это время он не погиб.

Смерть второго Лжедмитрия так же несуразна, как вся его история.

В тушинском стане долго находился касимовский татарский царек Ураз-Мухаммед, присягнувший самозванцу. Когда Сигизмунд пришел под Смоленск и стал звать к себе тушинцев, Ураз-Мухаммед покинул Дмитрия и примкнул к полякам. Но его семья осталась в Тушине, и хан, соскучившись по жене и сыну, тайно пробрался в лагерь. Там его опознали. Мнительный Лжедмитрий заподозрил старика в злых умыслах и велел его убить.

Личная охрана «царя» тоже состояла из татар, которыми командовал князь Петр Урусов, близкий друг убитого.

Улучив момент, когда вокруг никого не было, Урусов отомстил за Ураз-Мухаммеда: застрелил Лжедмитрия и отрубил ему голову, после чего скрылся.

Это произошло 11 декабря 1611 года. Потом труп долго лежал в холодной церкви непогребенным, и зеваки ходили на него поглазеть. Он и живой был востребован только в качестве символа, а уж мертвый стал вовсе никому не нужен.

Гибель второго Лжедмитрия. *И. Сакуров*

Так заканчивается трагически-плутовская эпопея Тушинского Вора, но не «тушинского лагеря».

Поначалу, лишившись живого знамени, Заруцкий хотел всё бросить, но Марина Мнишек, бывшая на последней стадии беременности, удержала и его, и казаков. А через несколько дней у «царицы» родился мальчик – и появился новый «государь», ничем не хуже (а пожалуй, и лучше) прежнего. Его назвали Иваном в честь Ивана Грозного. Партия самозванца, теперь уже исключительно простонародно-казацкая, кое-как сохранилась. Ей еще долго предстояло играть важную роль в гражданской войне.

Великое посольство

Одним из последних хитроумных маневров Жолкевского перед отъездом было снаряжение «великого посольства» русской знати в ставку короля под Смоленск. Предполагалось, что лучшие люди страны должны торжественно попросить Сигизмунда, чтобы тот отпустил сына

на царство. На самом же деле гетман нанес еще один удар по обломкам московского государства. Одним из непременных условий успешной оккупации является устранение прежней элиты – «обезглавливание» нации. Если бы подобная операция была осуществлена насильственным образом, это вызвало бы возмущение и даже восстание населения, а так всё получилось благопристойно и не менее действенно.

В состав делегации вошли неудобные для поляков бояре, включая недавнего претендента на престол князя Василия Голицына и самого деятельного церковного иерарха Филарета Романова, а также почти все видные представители столичного и провинциального дворянства. Послов набралось около пятидесяти, а вместе с сопровождающими, тоже не последними людьми, из Москвы выехало больше тысячи двухсот человек. Остались те бояре, кого поляки не опасались, во главе с тихим и послушным Федором Мстиславским. Как уже было сказано, Жолкевский вывез с собой и братьев Шуйских – чтоб ни у кого не возникло соблазна вызволить свергнутого царя из заточения.

Сигизмунд имел на это посольство свои виды. Он рассчитывал, что московские вельможи, во-первых, уговорят тогда еще державшийся Смоленск сдаться, а во-вторых, позовут на царство вместо королевича самого короля.

Но по обоим пунктам коса нашла на камень.

Послы твердили, что теперь, когда война окончена, король должен снять осаду и оставить Смоленск в покое, поскольку город принадлежит русскому царству. Сигизмунд же заявлял, что Смоленщина в свое время была незаконно захвачена у Речи Посполитой и должна быть ей возвращена. Из Москвы покорная полякам Дума слала осажденным приказы сдаться, но патриарх Гермоген и великое посольство к этим требованиям не присоединялись, поэтому воевода Шеин со смоленским архиепископом Сергием капитулировать отказывались.

Сигизмунд III. *У. Паш*

Еще тверже стоял Филарет, фактический глава посольства, против воцарения Сигизмунда. Русских не особенно пугал приезд в Москву королевича – они надеялись, что пятнадцатилетний подросток в новом окружении постепенно обрусеет и со временем станет настоящим

русским царем, да, может быть, еще и поймет, что в православной стране государь должен быть православным. Иное дело – властный Сигизмунд, известный фанатичной приверженностью католицизму.

История великого посольства чрезвычайно интересна с психологической точки зрения. Возглавляли его люди вроде бы ничуть не принципиальные и своекорыстные, вполне гибкие, прежде твердости не проявлявшие. Мы помним, как тот же Филарет неоднократно перебегал из одного политического лагеря в другой, склонялся перед сильными, как он опозорился, сделавшись «тушинским патриархом». Еще хуже была репутация у Василия Голицына. В мирные времена он прославился только местническими склоками с другими вельможами. В 1605 году изменил царю Борису под Кромами и, напомню, вел себя при этом трусливо. Потом, выслуживаясь перед самозванцем, руководил убийством юного царя Федора и его матери. На поле брани Голицын тоже не блистал – в 1608 году, разбитый «воровским гетманом» Ружинским, постыдно бежал с поля боя.

И вот эти, прямо скажем, негероические люди, оказавшись в ситуации, когда только от них зависела судьба России, словно преобразились. Их непреклонность под всё усиливающимся давлением вызывает восхищение. В патриотическом памфлете 1611 года митрополита называют «твердым адамантом», который «ныне един уединен стоит и всех держит».

В истории часто бывает, что одни и те же деятели из героев превращаются в ничтожества и наоборот. Потомкам, с далекого временного расстояния, бывает трудно понять мотивы этих метаморфоз, а дело в том, что у людей иной эпохи были другие представления об этике, патриотизме, верности. Филарет с Голицыным легко изменяли монарху или политической партии, но, «боясь Бога», не могли изменить вере, а она в ту безотрадную эпоху стала идентична понятию отечества.

По приказу Гонсевского послам написали оставшиеся в Москве бояре, что перед королем нужно склониться, – Филарет и Голицын отказались.

Столкнувшись со столь неожиданным упрямством главных послов, король стал переманивать на свою сторону второстепенных, и некоторые поддались, но их голоса для решения таких важных вопросов было недостаточно.

Русских посланников начали подвергать притеснениям, унижениям, прямому грабежу, но они не уступали.

В конце концов, потеряв терпение, через несколько месяцев, в апреле 1611 года, Сигизмунд велел арестовать строптивцев и отправить в польскую тюрьму.

Жолкевский пытался урезонить своего государя. В своих записках он говорит: «Я советовал действовать сообразно со склонностью этого народа и положить конец войне, поскольку из условий, заключенных теперь под Москвой, могут проистечь великие выгоды для Речи Посполитой. Если же король не захочет этим довольствоваться, тогда, кроме, других неудобств, необходимо завяжется продолжительная война, которой неизвестно когда и какой будет конец». Когда же Сигизмунд поступил по-своему, старый гетман «умыл руки» и, сославшись на здоровье, уехал в Польшу.

Теперь «жесткий курс» по отношению к оккупированной стране окончательно возобладал. Москвой управлял военный диктатор, непокорная верхушка русского общества была насильственно изолирована, воле короля никто больше не перечил.

Последним оплотом сопротивления оставался Смоленск, но и его дни были сочтены – крепость держалась, кажется, на одном упрямстве.

Падение Смоленска

С подходом польских войск в сентябре 1609 года гарнизон и жители ушли под защиту крепких каменных стен, предав посады огню.

У Сигизмунда войска было немного, артиллерии поначалу тоже маловато, не приходилось рассчитывать и на то, что город можно будет взять измором – в Смоленске еще с годуновских времен хранились огромные запасы продовольствия.

Сигизмунд надеялся на низкий боевой дух русских, которые не захотят гибнуть за непопулярного царя Василия. Как я уже говорил, король просчитался. Воевода Шеин, а в еще большей степени владыка Сергий, духовный предводитель смолян, сдаваться не собирались.

Дождавшись подкреплений, поляки предприняли первый приступ в октябре, но были отбиты с большими потерями. Пробовали подвести к стенам подкопы – тоже не вышло. В отличие от Троицкого монастыря,

в смоленском гарнизоне имелись инженеры, обученные подземной войне.

Делать нечего, пришлось затевать осаду, в ходе которой тяжелые пушки с трудом пробивали бреши, а защитники их заделывали. Это однообразное состязание тянулось много месяцев.

Лишь в июле следующего 1610 года, проделав в стенах несколько дыр, поляки отважились на следующий приступ – и снова неудачно. 11 августа была предпринята еще одна попытка – смоляне устояли.

Уже сдалась Москва и вся остальная страна, а Смоленск держался и держал под своими стенами короля с главным войском. Сигизмунд не мог уйти побежденным – вся слава досталась бы гетману Жолкевскому, а король выглядел бы неудачником.

Князь Мстиславский в Москве под польскую диктовку написал Шеину письменный приказ сложить оружие. Поскольку Мстиславский не являлся правителем и указ не был одобрен патриархом, воевода собрал совет, прочитал грамоту, спросил, как быть. Все сказали: не сдадимся.

Конечно, не все осажденные были так тверды. Чем дольше затягивалась осада, тем безнадежнее становилось положение. В какой-то момент заколебался и Шеин, но тут проявил твердость архиепископ Сергий. Он снял с себя облачение, положил свой посох и сказал, что умрет, но согласия на капитуляцию не даст. Это придало защитникам мужества, и борьба продолжилась.

В ноябре 1610 года поляки опять ходили на приступ. Им удалось сделать подкоп под одну из башен и взорвать ее, но смоляне отбили одну за другой три атаки и возвели новый вал.

Началась вторая осадная зима. В городе люди умирали не от голода, а от однообразного питания, вызвавшего массовую цингу. Подкрепления ниоткуда не было, ряды защитников постепенно таяли.

Всю весну поляки готовились с генеральному штурму, который состоялся ночью 3 июня 1611 года.

Мощной миной подорвали северо-восточную Крылошевскую башню, но пошли в наступление не только с этого направления, а со всех четырех сторон, используя свое численное преимущество.

Бой продолжался на городских улицах, и большинство смолян погибли, но раненого Шеина с горсткой последних защитников поляки взяли в плен.

Двадцатимесячная осада, одна из длиннейших и упорнейших в мировой истории, наконец завершилась.

Обозленный король повел себя с Шеиным нерыцарственно: пленного героя увезли в Польшу в цепях.

Можно было ожидать, что теперь Сигизмунд наконец отправится в покоренную Москву, но король поступил иначе. Он вернулся в Польшу, чтобы насладиться своим триумфом и продемонстрировать подданным захваченные трофеи.

Эта ошибка обошлась победителям дорого.

Последний очаг национального сопротивления был потушен, но настоящего контроля над русскими землями у поляков не было, поэтому почти сразу же начался новый пожар, в другом месте.

Василий Шуйский перед Сигизмундом. *Ян Матейко*

Первое ополчение

Гибель Лжедмитрия II не деморализовала антипольские силы в стране, а наоборот, воодушевила их. Теперь, когда не стало мутного, ни на что не годного проходимца, вечно окруженного всяким полуразбойным сбродом, движение обрело новый смысл: не династической борьбы, а национального освобождения. Без фигуры царя на первый план выступило именно это настроение, а роль духовного лидера перешла к православной церкви, значение которой не поднималось на подобную высоту со времен татаро-монгольского ига.

Русская церковь продемонстрировала свою истинную силу, оставшись без поддержки развалившегося государства, в полном одиночестве. Эта тенденция наметилась не в 1611 году, а несколько раньше – при защите Троицы и Смоленска, но когда пала последняя крепость, оказалось, что есть иная твердыня, и ее при помощи оружия взять невозможно. Главная причина, по которой Русь не смирилась с поражением, а сумела вернуть независимость и создать новое национальное государство, по-видимому, очень проста: связи, объединявшие население и области страны, были сильнее, чем то, что их разъединяло. Нагляднее, *эмоциональнее* всего это единство проявлялось в общей вере.

Если в польском лагере под Смоленском обстоятельства сделали «твердым адамантом» лукавого митрополита Филарета, то на следующем этапе Смуты, после смерти Лжедмитрия и пленения «великого посольства», при полном параличе национальной политической воли, ситуация возвела в герои личность еще менее пригодную для руководства сопротивлением – патриарха Гермогена.

Филарет по крайней мере был человеком умным, чего никак не скажешь о Гермогене. Им вечно кто-то манипулировал: то Василий Шуйский, то гетман Жолкевский. Соотечественники не любили патриарха за грубость и скверный характер, к тому же он был стар и немощен – ему уже перевалило за восемьдесят. И вот этот дряхлый, сварливый, «ко злу и благу небыстрораспрозрительный» старец, не страшась поляков, в полной власти которых он находился, вдруг начал рассылать по стране письма, в которых писал о поругании веры и призывал православных подниматься на ее защиту. В конце концов наместник Гонсевский подверг Гермогена полной изоляции, заточил в келью и заморил голодной смертью, но к тому времени пожар уже вовсю пылал, а после смерти патриарх стал для поляков опаснее, чем

при жизни, ибо превратился в святого мученика и символ сопротивления.

Призывы Гермогена раньше всего подействовали на города, не оккупированные поляками и сильные «земством», под которым в ту эпоху прежде всего понимали дворянство и купечество, самые активные из русских сословий.

Первым еще в начале 1611 года восстал на Рязанщине неугомонный Прокофий Ляпунов, успевший сменить несколько лагерей и даже послуживший Владиславу, но только теперь развернувшийся в полную мощь своей кипучей натуры. Настало время, когда Ляпунов превратился в главную фигуру освободительного движения. Скоро к нему присоединились земские отряды из Нижнего Новгорода, Казани, Мурома, Владимира, Ярославля, Костромы, Суздаля и других областей.

Гермоген и поляки. *П. Чистяков*

В начале весны войско Ляпунова выросло настолько, что собралось в поход на Москву.

От Калуги на соединение с земцами двинулись казаки, бывшие «тушинцы», у которых было два предводителя: военный – атаман Заруцкий и «статусный» – князь Дмитрий Трубецкой, самый родовитый из сторонников маленького «царевича Ивана».

Эта объединенная сила получила в истории название Первого ополчения.

С самого начала две ее части, земская и казацкая, не доверяли друг другу и не смешивались, предпочитая держаться на отдалении. В войске Заруцкого – Трубецкого преобладали вчерашние мужики, влившиеся в казачество; с Ляпуновым шли дворяне, стрельцы, горожане. У двух ратей не было ничего общего кроме ненависти к чужеземцам и желания «постоять за веру» (впрочем, более распространенного среди ляпуновцев).

Александр Гонсевский. *Неизв. художник XVII в.*

Тем временем в Москве, народ которой представлял собой изрядную силу, тоже назревало восстание – отношения москвичей с поляками накалились до предела. Но взрыв произошел раньше, чем к городу подошла повстанческая армия.

Очень возможно, что Гонсевский, бывший неважным администратором, но хорошим воякой, нарочно спровоцировал обострение – или, во всяком случае, охотно на него пошел, чтобы укрепить оборону.

19 марта в столице начались беспорядки. Мелкая вначале потасовка между поляками и русскими переросла в мятеж, охвативший

весь город. Гарнизон хорошо подготовился к подобному повороту событий. Москвичей, конечно, было гораздо больше, но они действовали разрозненно, а поляки и немецкие солдаты подчинялись единому командованию.

Гонсевский устроил настоящее побоище, перебив несколько тысяч горожан, а главное – предал огню все кварталы, находившиеся за пределами каменных стен Китай-города. Это позволило ему сузить кольцо обороны, поскольку для защиты всего огромного города войск не хватало. К тому же расчистилось пространство для обстрела.

Героем мартовских уличных боев стал доселе малоизвестный военачальник тридцатидвухлетний князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Тогда это имя прогремело впервые.

Он происходил из рода стародубских князей, к семнадцатому веку обедневшего и захудавшего. При старом режиме Пожарский имел скромный придворный чин стольника, владел небольшим поместьем, которое разорилось во время трехлетних неурожаев. При Шуйском князь участвовал в боях с тушинцами на мелких командных должностях, ничем выдающимся не отличился, но все же получил воеводство в маленьком Зарайске.

Ни в каких мятежах Пожарский прежде не участвовал. Он хранил верность царю Василию, потом так же послушно привел население городка к присяге царю Владиславу. Мы не знаем, что подвигло этого исправного служаку присоединиться к восстанию, но в феврале 1611 года зарайский воевода оказал ляпуновцам важную услугу: разбил отряд правительственных войск, посланный Гонсевским подавить бунт в зародыше. Однако после этого мы не видим князя в рядах земского воинства. Как и почему он оказался в марте в Москве, неизвестно.

Пожарский руководил боями на Сретенке и Трубе, где восставшие горожане дрались упорнее всего и добились наибольшего успеха. Подавив сопротивление в других районах города, поляки в конце концов перебили и почти всех людей Пожарского, который был тяжело ранен и еле живым вывезен в Троице-Сергиевский монастырь.

Москва пылала три дня и выгорела дотла. Оставшись без крова, значительная часть населения разбрелась кто куда, и теперь восстания в тылу можно было не опасаться. Наместник установил нечто вроде «военного положения» и под этим предлогом навел страх на русскую знать, остававшуюся в столице. Именно тогда был посажен под арест патриарх Гермоген, а одного из членов Семибоярщины, князя Андрея Голицына, даже предали смерти.

Поляки прочно укрепились в Китай-городе и в некоторых ключевых башнях Белого города (внешнего кольца городской стены). Выбить их оттуда было бы непросто.

Но предводители ополчения и не собирались штурмовать укрепления. У них было не так уж много людей (один из современников говорит о шести тысячах, и эта цифра выглядит правдоподобно).

К тому же не было единого руководства. Каждая из двух частей армии подчинялась своему командующему, а те не очень ладили между собой.

С апреля 1611 года началась странная, вялотекущая осада. Дрались нечасто, в основном у белогородской стены, за которую поляки особенно не держались.

Положение осложнялось тем, что в начале июня у Москвы появилась еще одна сила: подошел Ян Сапега со своей пятитысячной ратью, встал на Поклонной горе и по своему обыкновению начал торговаться – обещал поддержать того, кто больше заплатит. Земцы и рады были бы перекупить командира вольного воинства, но они могли только обещать расплату в будущем, а в распоряжении Гонсевского имелась царская сокровищница. Это и решило дело.

Сапега стал действовать заодно с гарнизоном, что сильно ухудшило положение ополченцев. Они больше не могли блокировать Москву, но у поляков все равно не хватало продовольствия, и Гонсевский отправил Сапегу в поход за припасами. Последний с удовольствием повиновался – грабить было интереснее, чем сражаться.

Воспользовавшись этим, а также тем, что подошли серьезные подкрепления, осаждающие предприняли 5 июля попытку взять город. Ляпуновцы штурмовали Китай-город – и были отбиты. Заруцкий выбрал более легкую цель – загородный Новодевичий монастырь и благополучно захватил его.

Это стало последним успехом Первого ополчения. Вскоре разразился кризис.

Причина была в споре из-за первенства. Восставшие попытались создать альтернативу скомпрометированной Боярской думе, для чего образовали «Совет всей земли», некий временный орган, который по идее должен был представлять все русские области, а на деле состоял из выборных от разных отрядов ополчения. Возглавили совет Ляпунов, Заруцкий и Трубецкой, причем лидирующее положение среди «троеначальников» занимал первый. Под его влиянием «Совет всей земли» принял ряд постановлений, выгодных дворянству: о возвращении беглых крестьян прежним владельцам, о запрете пришлым людям занимать начальные должности в городах и уездах. Оба указа очень не понравились казачеству. Первый – потому что многие казаки сами были беглыми; второй – потому что закрывал им путь к выслуге.

Еще одним камнем преткновения стал вопрос о престолонаследии. Тогдашние люди не могли себе представить государство без государя, но здесь столкнулись разные интересы. Все были против Владислава и тем более Сигизмунда, однако казаки стояли за «русского царя», имея в виду сына Марины Мнишек, земцы же «Воренка» категорически не хотели и предлагали в цари шведского королевича, надеясь одолеть поляков с помощью шведского оружия.

22 июля 1611 года в казачьем стане поднялся шум. По рукам ходило перехваченное письмо, в котором Ляпунов приказывал рязанским властям истреблять всех казаков, если те будут разбойничать.

Явился Прокофий, стал уверять, что письмо фальшивое. Один из атаманов, не слушая, зарубил главу ополчения саблей.

С этого момента напряженные отношения между двумя частями войска перешли в открытую вражду. «Троеначалие» превратилось в «двоеначалие», поскольку у земцев не было другого вождя, способного занять опустевшее место, но ляпуновские дворяне не желали подчиняться Заруцкому с Трубецким и начали разъезжаться по домам.

К августу в армии остались главным образом казаки, а тут еще вернулся Ян Сапега. Поляки напали с двух сторон, прорвали блокаду и заставили ополченцев отступить. Сапега провез в город обоз с

продовольствием. (Это, правда, стало последним свершением знаменитого военачальника – через несколько дней он заболел и умер.)

Еще одним ударом для русских стал рейд литовского гетмана Яна Ходкевича, который в конце сентября привел в Москву подкрепление и встал на зимние квартиры к северу от города, угрожая осадному лагерю.

Войско Заруцкого, лишившись земского элемента, по своим повадкам мало чем отличалось от польских захватчиков – так же грабило и бесчинствовало. К концу года от национально-патриотического движения осталась одна оболочка. Правительства из «Совета всей земли» не получилось, а остатки ополчения для оккупантов угрозы больше не представляли. Следовало ожидать, что весной, дождавшись подкреплений, поляки разобьют казачьи таборы и отгонят их от Москвы.

Шведская оккупация и новый Лжедмитрий

Первое ополчение не только потерпело поражение в борьбе с поляками, но и создало для несчастной страны еще одну проблему: инициировало новую оккупацию.

За месяц до гибели Прокофий Ляпунов убедил-таки «Совет всей земли» отправить послов с приглашением к шведскому королевичу занять русский престол и с просьбой о военной помощи.

Я не упоминал Якоба Понтуссона Делагарди со времени Клушинской битвы, где от него ушли все наемные отряды, но это не означает, что генерал два года бездействовал.

С уцелевшим контингентом шведских воинов Делагарди отступил к северу, в Новгородчину и дождался подкреплений от своего короля.

Возвращаться домой шведы не собирались, потому что, по условиям договора с царем Василием, в уплату за военную подмогу им была обещана крепость Корела. Однако ее гарнизон отказался выполнять волю свергнутого Шуйского.

Делагарди осадил непокорный город, увяз под ним на целых полгода, но в конце концов принудил защитников к сдаче.

К этому времени, весной 1611 года, московское царство уже принадлежало Сигизмунду, заклятому врагу Карла IX, и шведский король рассматривал Русь как вражескую территорию. Значит, можно

было не останавливаться на Корельском уезде, а занять пограничные земли, которые в наступившем хаосе никто не оборонял.

Шведские отряды двинулись в разных направлениях: на Кольский полуостров, к Белому морю, а Делагарди пошел прямо на Новгород.

Там, на подступах к древнему городу, с генералом и встретились посланники Первого ополчения.

Якоб Понтуссон Делагарди. *Неизв. художник*

Предложение, которое они привезли, оказалось для шведов очень кстати. Стороны быстро договорились. К соглашению присоединились и новгородцы, которым воевать со шведами было страшно, да и непонятно зачем. Чем шведский король хуже польского? А иной альтернативы, казалось, и нет.

Распад большого государства всегда дает толчок сепаратистским настроениям. Видя кризис центра, окраины начинают думать, что им будет проще решить свои трудности самостоятельно. К тому же в Новгороде жила память о былой автономии и прежних вольностях.

В договоре, заключенном 17 июля 1611 года, пока еще не говорилось об отделении Новгородского края от России, там всего лишь шла речь о поддержке шведского кандидата на трон и признании власти генерала Делагарди, но вскоре новгородцы пошли и дальше. Это произошло, когда избавившиеся от Ляпунова «двоеначальники» Заруцкий с Трубецким отказались признавать подписанный документ – они ведь изначально были за «Воренка», а не за шведского королевича.

Тогда Новгородчина – а это был весь северо-запад страны – уже без оговорок отдалась Карлу, пустила шведские гарнизоны в свои крепости и фактически отделилась от России.

Еще более драматические события происходили по соседству, на Псковщине, которая вообще отказывалась признавать чью-либо власть. Псковичи в свое время прогнали воевод царя Василия, не подчинились Семибоярщине, не присягнули Владиславу. На область нападали то поляки гетмана Ходкевича, то «лисовчики» (так называли мародеров полковника Лисовского, который существовал сам по себе и жил грабежами). Управлялся Псков советом горожан во главе с дьяком Иваном Луговским, «добрым мужем в разуме и сединах».

И вот, в июле 1611 года, как раз во время переговоров Делагарди с новгородцами и ляпуновцами, к Пскову явился в очередной раз чудесно воскресший царь Дмитрий. Этот проходимец вошел в историю под именем Лжедмитрия III.

> Про личность очередного самозванца известно еще меньше, чем про двух предыдущих. Говорили, что это беглый московский дьякон Матюшка (опять как Лжедмитрий Второй), а кто-то называл его Сидоркой.

Матюшка-Сидорка сначала явился народу в Новгороде. Он врал, нисколько не заботясь о правдоподобии. Говорил, что бессмертен: был зарезан в Угличе – ожил, был сожжен в Москве – воскрес, был обезглавлен под Калугой – и тоже ничего.

Новгородцы в сказки не поверили, и мошенник перебрался в Иван-город, где заправляли беглые «тушинцы». Среди них, по-видимому, не нашлось тех, кто видел Лжедмитрия II вблизи (тот ведь прятался от народа). Или же те, кто распознал обман, предпочли молчать. Воскрешение «своего царя» было для осиротевших «тушинцев» спасением. Все ужасно обрадовались, три дня звонили в колокола и палили из пушек.

«Царь Дмитрий» обошел стороной недоверчивый Новгород, около которого к тому же появились шведы, и направился к «ничейному» Пскову. Псковитяне стали думать – открывать ворота такому государю или нет. Продержали его за стенами полтора месяца, а потом новый Лжедмитрий, которому надо было чем-то кормить свою шайку, захватил стадо коров, принадлежавших горожанам. Это решило сомнения псковичей – самозванцу велели убираться.

Но тут нагрянула новая беда – к городу подошли шведы. Они боялись, что у них под боком обоснуется какой-то очередной Дмитрий, да и росли территориальные аппетиты: почему было не присоединить к Новгороду и Псков?

Чужого государя псковичи уж совсем не желали. Отбиваться от врагов они уже научились, крепостные стены были крепки, и шведское войско с уроном ретировалось.

Было ясно, что это отступление временное и что шведы вернутся с бóльшими силами.

Теперь псковитяне уже сами захотели прикрыться законным государем и стали звать к себе ивангородского Дмитрия.

Тот не заставил себя упрашивать.

В декабре 1611 года Лжедмитрий утвердился в Пскове и сразу же отправил к Первому ополчению своего представителя с объявлением,

что он жив, здоров и требует повиновения.

В подмосковном лагере к этому времени остались одни казаки, стоявшие за царя Дмитрия, поэтому их волновало только одно: настоящий это Дмитрий или нет.

Собрали круг, постановили отправить в Псков проверяльщиков.

Проверяльщики (Казарин Бегичев да Нехорошка Лопухин) приехали, увидели, что Дмитрий не настоящий, но сообразили, что лучше помалкивать, иначе живыми они отсюда не выберутся. Царь правильный, сказали они псковичам, а своим товарищам отправили соответствующее письмо.

В марте 1612 года под Москвой снова собрался круг. Прочли отчет Казарина и Нехорошки, возликовали. Заруцкий с Трубецким, делать нечего, объявили, что признают псковского царя.

К Лжедмитрию поехало еще одно посольство – и повторилась та же история. Отлично видя, что перед ними обманщик, казаки не решились его разоблачить.

Многие города и области, не желавшие признавать ни польскую, ни шведскую власть, охотно приняли сторону нового самозванца.

Ситуация начинала превращаться в какой-то зловещий балаган.

Третий Лжедмитрий заявил, что скоро явится сам за любимой женой и родным сыном, но, конечно, не стал этого делать – ему было довольно царствовать над Псковом. В конце концов Матюшка-Сидорка надоел горожанам своими безобразиями, утратил всякую поддержку и был скинут, но его бесшабашная авантюра внесла еще худший разброд в антипольский лагерь, и без того разобщенный и деморализованный.

К началу 1612 года российская ситуация выглядела следующим образом.

В сожженной Москве сидели поляки, установившие военную диктатуру. Это была власть вражеская, оккупантская.

Не лучше была и альтернатива – подмосковные казачьи таборы Заруцкого. Это была власть разбойничья.

Весь северо-запад оказался во власти шведов.

Там же, где не было никакой власти, хозяйничали большие, средние и малые банды всевозможных атаманов.

Национальное освободительное движение распалось. Все сильные вожди сгинули, Боярская дума утратила всякое значение, глава русской

церкви умирал в темнице.

Ключевский пишет: «Государство, потеряв свой центр, стало распадаться на составные части; чуть не каждый город действовал особняком, только пересылаясь с другими городами».

Собственно, распадаться было уже нечему. Кризис достиг дна.

Возрождение

В первой части мы рассматривали стадии гибели государства; в этой посмотрим, как зарождается и формируется новое государство. Однако прежде всего возникает вопрос, почему вроде бы сгинувшая Россия вообще воскресла?

Нежизнеспособной оказалась конкретная государственная модель, но не само государство. Восстановившись, оно доказало, что являлось не исторической случайностью, как «первая» Русь, всего лишь оседлавшая торговый путь «из варяг в греки», а эволюционной закономерностью. Поэтому страна не раскололась на куски, как в XII веке, но после короткого перерыва вновь появилась как единое целое, почти на той же территории.

Конечно, мы будем говорить и о том, чем новая государственная конструкция отличалась от предшествующей. Но сначала все-таки о

причинах: почему Русь не стала польским или шведским протекторатом либо не была поделена между странами-победителями?

Причины эти делятся на внутренние и внешние.

Смысл хаотичного, разрозненного и в конце концов провалившегося движения, которое историки окрестили «Первым ополчением», несомненно заключался в том, что оно продемонстрировало повсеместное желание русских людей жить в собственном государстве. Рассыпавшаяся на мелкие части страна *сама захотела* собраться из осколков. Это, пожалуй, самое главное. Россия не смирилась с поражением, а сумела вернуть независимость и создать новое национальное государство по очень простой причине, которую я уже называл: к семнадцатому веку связи, объединявшие население и области страны, были сильнее, чем то, что их разъединяло, и нагляднее, *эмоциональнее* всего это единство проявлялось в общей вере.

Военное поражение и крах всей административной стуктуры выявили, что кроме Руси-государства есть еще иная Русь, победить и завоевать которую невозможно, поскольку она существует не в материальном, а в духовном, волевом измерении. Пишут, что в годы Смуты во всех слоях общества произошел необычайный подъем религиозности, и это психологически очень понятно. Жизнь людей стала так ужасна, что кроме как на Бога полагаться было не на кого. Несколькими веками ранее то же самое произошло после монгольского завоевания, которое сделало рудиментарно языческую страну по-настоящему христианской. Но тогда русская церковь все же раскололась на две части, и возникли два отдельных государства – Московское и Литовское. Теперь же российская церковь осталась единой и помогла стране сохранить единство. Смута обнаружила слабость «примитивного» самодержавия и в то же время подтвердила крепость союза русских земель. В результате этого испытания Россия просто сбросила устаревшее, стесняющее движения платье одной государственности, заменив его на другое.

Достигнув самого дна после первого, неудачного освободительного порыва, страна не успокоилась и не смирилась, а почти сразу же предприняла вторую попытку освобождения, оказавшуюся успешной. И тут уже сказались внешние факторы, облегчившие эту задачу.

Польская оккупация оказалась непрочной и сравнительно непродолжительной вследствие ошибок, сделанных недальновидным и упрямым Сигизмундом. В молодости из-за тех же своих недостатков он лишился шведского престола, но ничему не научился.

Если бы король лучше понимал дух и настроение страны, которую завоевал, если бы не возжелал, в нарушение договора с Семибоярщиной, сам сделаться царем, если бы позволил сыну принять православие, на московском престоле в конце концов утвердилась бы польская династия. Это не отменило бы потребности русского народа в национальном государстве, так что через некоторое время цари рода Ваза неизбежно обрусели бы, но так же неизбежно полонизировалась бы и русская элита. Россия исторически стала бы иной страной.

Но польский король не обладал прагматизмом Генриха Наваррского, считавшего, что Париж стоит обедни. Сигизмунд был истовый католик, относившийся к другим конфессиям враждебно и с презрением. Когда-то это стоило ему шведской короны (большинство шведов исповедовали протестантизм), теперь – московской. Король был упорен, но не умен. Он не понимал, что для завоевания такой страны, как Россия, одной военной победы недостаточно. Русский монарх должен стать русским – по вере и по обычаям, иначе страна его отторгнет.

Так Речь Посполитая упустила исторический шанс объединить под своей властью славянские народы и стать великой державой.

Помимо главной стратегической ошибки Сигизмунд совершил немало и других, тактических.

Мы видели, сколько времени и сил он потерял на осаду Смоленска. В конце концов взяв крепость, король не пошел на Москву, а вернулся домой за лаврами. Его торжественно встретили в Вильне, Варшаве и Кракове, но денег на новое большое войско не дали, а прежнее разошлось по домам. Небольшой корпус, занявший Москву, оказался в изоляции, фактически брошенный на произвол судьбы.

Не меньшую опасность для целостности России представляла тогда и Швеция. План воцарения шведского королевича вряд ли мог состояться, поскольку у русских со скандинавами культурных различий было гораздо больше, чем с поляками, но весьма вероятной выглядела перспектива отторжения Швецией у ослабевшего соседа огромного куска страны. Если территориальные потери Москвы на северо-западе

в результате окажутся незначительными, то опять-таки благодаря удачным внешним обстоятельствам: обострению шведско-польской войны. Новому шведскому королю Густаву-Адольфу станет не до русских завоеваний.

Таковы объективные и субъективные причины воскрешения российского государства. Теперь давайте посмотрим, как разворачивались эти драматические события.

Выход из Смуты

Второе ополчение

Как обычно случается в истории, великое началось с малого, огромное пламя разгорелось из одной искры. В предыдущих томах я не раз писал, что роль личности в истории проявляется именно в подобных ситуациях. Когда общество готово подняться, всегда находится кто-то, способный дать первый толчок массовому движению, стать его душой и волей.

Удивительно, что инициатором государственного возрождения стал не боярин, не воевода, не дворянин, а человек из низов, представитель совершенно невоинственной, приземленной профессии.

По стране ходили патриотические воззвания, написанные иерархами православной церкви – пленным патриархом Гермогеном, пламенным публицистом из Троицы Авраамием Палицыным. В грамотах говорилось о защите русской веры и о польских притеснениях. Провинциальные жители читали эти горестные письма, негодовали, проклинали захватчиков – и потом, как водится, расходились по домам.

Но в богатом торговом Нижнем Новгороде осенью 1611 года вдруг перешли от слов к делу. Незадолго перед тем одним из городских старост выбрали уважаемого человека Кузьму Минина, а тот оказался не только красноречивым оратором, но и прекрасным организатором, то есть человеком и слова, и действия.

> Поскольку Кузьма был плебеем, о нем мало что известно. Мы даже не знаем его возраста. Не было у него и фамилии, которая простолюдинам не полагалась. «Минин» – это отчество, по отцу, которого предположительно звали Мина Анкудинов (то есть сын Анкудина).
>
> Жил он «убогою куплею», то есть низменной торговлей. Был «говядарем» – то ли скототорговцем, то ли просто мясником. Судя по избранию на должность старосты и весу, которым обладали его слова, это был человек, хорошо известный нижегородцам и пользовавшийся у них доверием.

Вот и всё, что можно вычислить об одном из самых выдающихся деятелей отечественной истории.

Минин стал говорить, что пора от слов перейти к делу, «учинить промысел» против поляков, и, будучи человеком практическим, начал со сбора денег на новое ополчение. Он сам подал пример самоотверженности, пожертвовав в общий фонд треть своего состояния – 100 рублей. Его примеру последовали некоторые другие торговцы, а когда почин был подхвачен и Кузьма стал фактическим главой городской общины, он перешел и к более крутым мерам. На одном энтузиазме средств, потребных для снаряжения рати, не соберешь, и Минин обложил горожан принудительным налогом: взял с каждого пятину, то есть 20 % имущества. К этому времени Кузьма стал так популярен, что перечить ему никто уже не смел. Сбор средств распространился с города на весь уезд, и вскоре набралась значительная сумма, с которой уже можно было приступать к военным приготовлениям.

Нижегородский почин выглядит настоящим чудом. Неудивительно, что нашелся один волевой человек, но поразительно, что ему удалось воспламенить своей вроде бы фантастической идеей целый город и что движение стартовало снизу, из народа. Очевидно, в простых людях накопилось столько усталости от хаоса и всеобщего развала, что даже торговцы, сословие совсем не альтруистическое, оказались способны на значительные жертвы.

Минин и нижегородцы. *М. Нестеров*

Без денег приступать к великому «промыслу» было нельзя, но одних денег тоже было недостаточно. Требовались привычные к оружию люди, а еще войско нуждалось в полководце. Им не мог стать «говядарь» – к нему под начало не пошли бы дворяне, люди военного сословия. Нужен был человек знатный, с именем.

Стали искать поблизости и скоро вспомнили, что в своем родовом имении, селе Мугрееве, оправляется от ран князь Дмитрий Пожарский, прославившийся в недавних московских боях. Он был фигурой не очень солидной, всего лишь стольником бывшего царя, но никого более значительного вокруг Нижнего Новгорода не нашлось. Пожарский, правда, в свое время, будучи зарайским воеводой, присягал царю Владиславу, но кто тогда был без греха? По крайней мере, князь никогда не служил Тушинскому Вору.

Дмитрий Михайлович согласился с условием, что будет ведать только воинскими делами, а снабжение и обеспечение возьмет на себя Минин. Вдвоем они справлялись с многотрудными заботами не так блестяще, как это потом изображали отечественные историки. Военный вождь был медлителен, ему часто не хватало инициативности; гражданский вождь так и не сумел создать работоспособную

администрацию. Кажется, современники оценивали заслуги Минина и Пожарского довольно скромно – этим, видимо, и объясняется то, что после победы оба не заняли видных постов в новом государстве. На героический пьедестал князя и старосту вознесли только в девятнадцатом веке, когда союз аристократа и простолюдина стал хорошо вписываться в официальную доктрину «самодержавие-православие-народность», хотя монархизм князя Пожарского, как мы увидим, был не вполне патриотичен.

Вожди Второго ополчения не были великими стратегами, не выдвигали никакой программы кроме защиты веры, изгнания поляков и выборов нового царя – «кого Бог даст». И все же они создали центр, к которому стали стекаться силы сопротивления. Главным двигателем национального возрождения были посадские люди и дворянство, которых не устраивала ни «басурманская» власть поляков, ни бандитская власть так называемых казаков; главным побуждением к борьбе было всеобщее желание избавиться от хаоса и восстановить порядок. Можно сказать, это было восстание тогдашнего «среднего класса».

С приходом Пожарского в стане патриотов появились первые по-настоящему боеспособные отряды: оставшиеся без службы стрельцы и лишившиеся земель дворяне. В ответ на разосланные по городам и уездам послания начали прибывать добровольцы.

Сила собиралась небыстро. Возник некий аморфный Совет из представителей разных областей, но до настоящего правительства пока было далеко.

Как всегда в гражданской войне, труднее всего оказалось добиться единства в собственном лагере. И первым врагом нижегородской народной рати оказались не поляки, а русские – та часть Первого ополчения, которой управлял атаман Заруцкий. Этот честолюбец сразу усмотрел в новом движении угрозу для своего «царя», младенца Ивана, и решил уничтожить ее в зародыше.

Отряды Заруцкого пошли на Ярославль, чтобы отрезать нижегородцев от северных областей, мало затронутых Смутой и потому обильных ресурсами.

В марте 1612 года (то есть с мининского почина прошло уже целых полгода) «земцы», как назывались части Пожарского, напали на

«казаков» Заруцкого и заставили их отступить. Война началась, но пока в ней лилась только русская кровь.

Поняв стратегическую важность Ярославля, Второе ополчение перенесло туда свою штаб-квартиру, после чего в течение еще нескольких месяцев события никак не развивались.

Ярославская власть снова собирала деньги – теперь уже без возвышенных призывов, а принудительно, в качестве военного налога. Минин обложил специальным побором монастыри, занял у богатых промышленников Строгановых четыре тысячи рублей, но роль главного мобилизатора исполнял временный Поместный приказ, раздававший земли всем дворянам, готовым вступить в армию. С той же целью – привлечь в свои ряды как можно больше дворян – номинальное командование было передано «настоящему вельможе», князю Дмитрию Черкасскому, хотя фактическим предводителем войска оставался Пожарский.

Кончилась весенняя распутица, высохли дороги, можно было наступать на Москву, но ополчение не трогалось с места. То от скученности разразилась эпидемия, то начали разъезжаться по домам подрастратившие энтузиазм дворяне.

Движению катастрофически не хватало государя – люди того времени умели сплачиваться только вокруг монарха. И ярославское временное правительство (можно назвать его и так) было озабочено этой проблемой, кажется, больше, чем походом против поляков.

Действия вождей Второго ополчения не очень укладываются в традиционную легенду о сугубой патриотичности этого движения. После долгих споров руководители земства пришли к выводу, что пригласить на престол следует какого-нибудь иностранца, но только не поляка. Князь Пожарский затеял переговоры с австрийцами о приглашении на царство одного из братьев императора Рудольфа – Максимилиана или Леопольда. (Согласие последнего в конце концов было получено, но слишком поздно – к тому времени на Руси выборы царя уже состоялись.) Однако реалистичней выглядела другая кандидатура, с которой все согласились – шведского принца Карла-Филиппа. Расчет был тот же, как в свое время у Василия Шуйского, – что шведское оружие поможет русским справиться с Польшей. Снарядили посольство к королю Густаву-Адольфу.

Из этих дипломатических усилий, о которых впоследствии официозная история предпочитала не вспоминать, ясно, что мотив возрождения именно русской монархии для участников Второго ополчения был не столь уж существенным. Более того, выдвижение любого отечественного кандидата казалось опасным, поскольку неминуемо привело бы к столкновению противоборствующих партий. В такой ситуации царь-иностранец представлялся фигурой компромиссной, а важнее всего было избежать раскола. Объединяло разномастные силы ополчения только одно: ненависть к польским захватчикам. Ради победы над ними можно было посадить на трон хоть шведа, хоть австрийца.

Освободительный поход

Рать двинулась в путь только на исходе лета 1612 года, и не по заранее намеченному плану, а в силу необходимости. Пришла весть, что король Сигизмунд наконец сумел собрать подкрепления для помощи кремлевскому гарнизону, все еще блокированному остатками Первого ополчения. Подкрепления были невелики, но и в лагере осаждающих оставались только три-четыре тысячи казаков. При этом вожди Первого ополчения постоянно ссорились, а их недисциплинированное воинство погрязло в пьянстве и грабеже, польский же контингент под командованием гетмана Ходкевича обладал отличной боеспособностью.

Пожарский и Минин окончательно решили идти к столице, когда ненавистный Зарецкий, забрав «вориху» и «воренка», ушел со своими приверженцами из подмосковного лагеря. Поладить с князем Трубецким, который остался единственным командиром поредевшего «первоополченского» войска, было легче.

Вот так, без серьезной подготовки, почти спонтанно, начался исторический поход, приведший к освобождению Москвы.

Сколько людей было у Пожарского, мы не знаем. Должно быть, как во всякой нерегулярной армии, состав постоянно менялся: одни прибывали, другие разбредались. Вряд ли войско получилось сильным – в разоренной, голодной стране снабжать большую рать было нечем. Надо сказать, что на исходе Смуты сражения и походы вообще заметно оскудели численностью. На десятки тысяч, как в 1604–1610

годах, счет уже не шел. Истощились все – и русские, и поляки, и шведы.

Пожарский и Минин. *М. Скотти*

Но заметно сократился и оккупационный корпус, засевший в Москве.

Когда Сигизмунд после падения Смоленска не пошел на восток, а вернулся на запад, гарнизон полковника Гонсевского попал в очень трудное положение. Он едва контролировал враждебную столицу, бóльшую часть которой пришлось спалить. Под городом стояли таборы казаков, уже не пытавшихся устроить штурм, но мешавших подвозить продовольствие. Тяготы возрастали, подмога не приходила, не поступало и жалованье.

Осенью минувшего года недовольные отправили королю предупреждение: если помощи и денег не будет, 6 января они уйдут. Сигизмунд ничего сделать не смог, и значительная часть войска действительно покинула Москву. Еще один крупный отряд вернулся в Польшу с началом лета.

Комендант Гонсевский хорошо понимал, что перспективы у гарнизона мрачные. Когда в город прибыл передовой отряд Ходкевича под командованием полковника Миколая Струся, Гонсевский охотно уступил ему свой пост и тоже уехал. С ним отбыло еще какое-то количество поляков.

Вся надежда нового коменданта была на Ходкевича, медленно приближавшегося с обозами к столице.

Второе ополчение, собиравшееся в поход почти целый год, на сей раз все же проявило некоторую расторопность и опередило гетмана. Первые земские отряды начали прибывать к Москве с 3 августа, а к 20 августа подтянулись и основные силы. Ходкевич появился день спустя.

Несмотря на значительное численное преимущество русских сил, у поляков были неплохие шансы на победу. Даже разделение на две половины – московскую и гетманскую – имело свои выгоды, поскольку позволяло атаковать противника и с фронта, и с тыла.

Разделена надвое была и освободительная армия, но между ее частями отсутствовало согласие. «Земцы» настолько не доверяли «казакам», что встали от них особым лагерем, на значительном расстоянии. Стан Трубецкого находился у Крымского брода, близ южной окраины Москвы, Пожарский же занял позиции к западу, возле Новодевичьего монастыря.

Этим и воспользовался Ходкевич.

22 августа он ударил по рати Пожарского, а Струсь предпринял вылазку из-за городских стен.

Земцы несли тяжелые потери и еле держались, а Трубецкой бездействовал всего в трех километрах от места сражения. Предводителю «казаков» было на руку, что Второе ополчение несет потери. Бой несомненно закончился бы разгромом русских, если бы большой конный отряд из второго лагеря в конце концов все же не пришел бы на выручку Пожарскому – кажется, это произошло самопроизвольно, без приказа. У простых воинов ума и патриотизма оказалось больше, чем у командиров.

Этот фланговый удар решил дело. Ходкевичу пришлось отступить назад, к Смоленской дороге. Разбить русское войско в сражении не удалось.

Гетман Ходкевич. *Портрет XVII в.*

Но можно было попытаться спасти гарнизон.

Ночью Ходкевич попробовал провести в город обоз с припасами – четыре сотни возов. Поляки предприняли обходной маневр через Замоскворечье и достигли Ордынки, откуда до Кремля оставалось не более километра, но здесь уже проявили упорство казаки Трубецкого. Они перегородили врагу путь и сумели продержаться до прибытия подкреплений.

25 августа 1612 года, не сумев выполнить ни большой задачи (разбить русских), ни малой (доставить продовольствие гарнизону), гетман Ходкевич увел поредевшее войско на запад.

Теперь московские поляки были обречены – помощи ждать было неоткуда.

Но сдаваться они не собирались. Стены были крепки, пушек много, и оставалась надежда, что русские опять, как это не раз случалось, передерутся между собой.

Отношения между «земцами» и «казаками» действительно никак не налаживались. После тяжелых потерь, понесенных ярославской ратью, силы двух лагерей почти уравнялись. Опыт недавних боев только увеличил количество взаимных претензий. Участники Второго ополчения, среди которых преобладали «чинные люди», считали Первое ополчение разбойниками и голытьбой; для беглых холопов и крестьян, составлявших основную массу казачества, дворяне Пожарского тоже были врагами.

К социальной конфронтации прибавлялась личная.

Князь Дмитрий Трубецкой, хоть и предводительствовал «чернью», являлся отпрыском знатной фамилии, боярином. Он не держал Пожарского и тем более простолюдина Минина за ровню, требовал от них почтительности. Долго препирались из-за не слишком важного вопроса, кто к кому будет ездить на военный совет. Трубецкой решительно отказывался ронять свою честь, явившись к захудалому Пожарскому; князь Дмитрий Михайлович ехать к казакам тоже не желал, очевидно, памятуя о печальной участи Прокофия Ляпунова.

Поэтому воевали поврозь, и не слишком успешно.

Трубецкой решил, что возьмет Кремль сам – это сделает его хозяином положения. В начале сентября казаки три дня штурмовали неприступные стены, потеряли много людей и ничего не добились.

Только после этой неудачи переговоры о совместном командовании стронулись с места. Головоломную проблему «где собираться» решили компромиссом: совещания будут происходить на нейтральной территории.

Дальше пошло легче.

Снова, как в 1611 году, составился триумвират. На первом месте стали писать Трубецкого, на втором Пожарского, а на третьем

«выборного человека» Кузьму Минина. Объявили всем городам о достигнутом «единачестве» и о своем стремлении «Российскому государству во всем добра хотеть безо всякие хитрости».

Теперь, с объединением командования, боевые дела поправились.

22 октября взяли приступом Китай-город – мощную внешнюю стену столичного центра. Кремлевские укрепления были еще крепче, но к этому времени стало ясно, что гарнизон вот-вот капитулирует.

Поляки и так продержались дольше возможного. Они храбро дрались, не раз отбивали потерянные участки обороны, от первого предложения сдаться презрительно отказались. Но отсидеться в неприступном Кремле стало невозможно, когда закончились последние остатки продовольствия. Голод и болезни косили гарнизон. Из трех тысяч воинов вымерла половина.

> Сохранились свидетельства выживших, по которым можно составить представление об ужасной цене этого упрямства. Полковник Будило, один из польских командиров, пишет: «Ни в каких летописях, ни в каких историях нет известий, чтобы кто-либо, сидящий в осаде, терпел такой голод, чтобы был где-либо такой голод, потому что когда настал этот голод и когда не стало трав, корней, мышей, собак, кошек, падали, то осажденные съели пленных, съели умершие тела, вырывая их из земли; пехота сама себя съела и ела других, ловя людей. Пехотный поручик Трусковский съел двоих своих сыновей; один гайдук тоже съел своего сына, другой съел свою мать… Об умершем родственнике или товарище, если кто другой съедал такового, судились, как о наследстве и доказывали, что его съесть следовало ближайшему родственнику, а не кому другому».

Чтобы избавиться от лишних едоков, поляки выставили за ворота всех своих русских сторонников. Это спасло жизнь многим боярским семействам, в том числе и будущему царю Михаилу Романову. Князь Мстиславский и прочие уцелевшие члены былой Семибоярщины немедленно отреклись от царя Владислава – за это их признали не изменниками, а «польскими пленниками», то есть фактически реабилитировали.

Поляки сдаются. *Э. Лисснер*

В конце концов полковник Струсь капитулировал, оговорив одно-единственное условие: что полякам сохранят жизнь. Условие это было выполнено лишь наполовину. Земцы своих пленных не тронули, но казаки тех, кто к ним попал, всех перебили.

27 октября 1612 года Москва снова стала русской.

Избрание царя

Но мало было захватить Москву – вернее то, что от нее осталось. Победа над польским гарнизоном не означала победы над внешним врагом и тем более не означала восстановления нормальной жизни. Нужно было замирять страну, создавать новое государство. Это слово для россиян семнадцатого столетия могло быть только производным от слова «государь». Нет государя – нет и государства. Митрополит Кирилл Ростовский выразил это всеобщее суждение следующим

образом: «А царской престол вдовеет. А без государя нам всем ни на малое время быти не мощно…. А без государя Московское государство ничем не строится и воровскими заводы на многие части разделяется, и воровство многое множится. А без государя никоторыми делы строить и промышлять, и людьми божиими всеми православными християны печися некому».

Победителям предстояло решить, кому отдать трон – то есть, говоря современным языком, провести выборы главы государства. Прецеденты в недавней истории имелись: в 1598 году на царство выбрали Бориса Годунова, в 1606 году – Василия Шуйского. Первое событие было обставлено гораздо торжественнее, чем второе. Годунова выбирал Земский собор, представители всех областей, церемонно и неспешно. Василия же провозгласили государем кулуарно и наскоро, превратив важнейший государственный акт в профанацию.

Теперь, после мучительных лет разрухи и разброда, всем хотелось законности и солидности. Вот почему предводители победоносного воинства постановили собрать настоящий собор представителей «всей земли» и, после долгих колебаний, даже вернули в Москву коллаборационистов-бояр. Без Боярской думы любые выборы выглядели бы очередным «тушинством». Репрессиям, и то умеренным, подверглись лишь незнатные помощники оккупантов, а природные бояре в конце концов заняли на судьбоносном съезде самые видные места.

Сразу после освобождения, в ноябре 1612 года, из столицы во все стороны поскакали гонцы с указом: каждой местности следовало прислать на собор по десять «лучших и разумных и постоятельных людей». Конечно, откликнулись не все области. Многие находились в таком плачевном состоянии, что им было не до выдвижения кандидатов, а куда-то посланцы просто не добрались. И все же примерно полсотни городов прислали депутатов – этого вполне хватило.

Путешествовать по разоренной стране было делом трудным и опасным, поэтому к назначенному сроку многие не успели, и собор пришлось отложить. Открылся он уже в новом 1613 году и несколько раз прерывал свою работу, дожидаясь новых участников. Точное количество делегатов неизвестно. Под итоговым документом стоит 277 подписей, но далеко не все участники умели писать. На выборном

съезде были представлены все сословия – разумеется, за исключением крепостных крестьян и холопов.

Началось со спора, может ли русским царем стать иностранец. Князь Пожарский и другие вожди Второго ополчения по-прежнему стояли за шведского принца, но расклад сил теперь был иной, чем в Ярославле. Многие земцы после окончания военных действий разъехались по домам, казаки же в основном остались, и их голос звучал громче. Их в городе насчитывалось «полпяты тысячи» (4500 человек), а дворян, детей боярских и стрельцов не более трех тысяч.

Постановили: «никоторых государств иноязычных негреческого закона на государство не избирать».

Казакам хотелось провести в цари маленького Ивана, но против этой затеи объединились бояре и земцы. Прошло решение «Маринки и сына ее на государство не хотеть».

Это означало, что придется выбирать царя из русских «великих родов», то есть речь шла об очередной новой династии, уже третьей после незадачливых Годуновых и Шуйских.

На первом этапе, пока еще была свежа память о недавних сражениях, на царский трон претендовали герои-победители: князь Трубецкой, князь Пожарский и номинальный глава Второго ополчения князь Черкасский. Но с возвращением в Москву «настоящих» бояр эти кандидатуры поблекли. Трубецкому мешала не столько близость к Тушинскому Вору, сколько репутация казацкого предводителя; Пожарский считался худородным; Дмитрий Мамстрюкович Черкасский был человеком нерусским, кабардинцем.

Первым по родовитости шел Федор Мстиславский, но эта переметная сума ни у кого не пользовалась авторитетом. Если б в Москве находился князь Василий Голицын, очень вероятно, что выбрали бы его, однако этот сильный вельможа вместе с Филаретом томился в польском плену.

Возникали и распадались группировки, всяк вербовал и подкупал сторонников, но дело не двигалось.

Как часто бывает в патовой ситуации, в конце концов остановились на компромиссной фигуре: шестнадцатилетнем Михаиле Романове, которого по юности лет на соборе не было (и вообще никто толком не знал, где он находится).

Главным и, кажется, единственным достоинством этой кандидатуры было родство с угасшей царской династией. Михаил приходился последнему «истинному» царю Федору Иоанновичу двоюродным племянником. Не бог весть какая близость, но других претендентов царской крови не имелось, а обществу, измученному потрясениями и тосковавшему по «добрым старым временам», казалось важным подчеркнуть преемственность монархии. Еще важнее было то, что такой царь ни у кого не вызывал опасений.

Выборы прошли не совсем чисто. 21 февраля, в решающий день, представители Первого ополчения так напористо стали требовать Михаила, что противники оробели и не посмели перечить – в это время казаки являлись фактическими хозяевами столицы. За юношу выступили и бояре, родственно и политически связанные с семейством Романовых: Черкасский, Салтыковы, Морозовы, Шереметевы, но в первую очередь дело решили все-таки казаки. С точки зрения бывших «тушинцов», каковыми почти все они являлись, Михаил тоже принадлежал к их лагерю – разве не состоял его отец Филарет патриархом при Тушинском Воре?

Для порядка, уже после бурного заседания, боярин Морозов с духовенством вышли на Красную площадь и спросили толпу – хорош ли ей царь Михаил. Толпа выразила шумное одобрение. Москвичам надоело затянувшееся препирательство, всем хотелось, чтобы поскорее вернулась нормальная жизнь.

Делегаты поцеловали крест и грамоту, на том избрание и закончилось. По городам и уездам отправили весть: на Руси новая династия. Протестов нигде не возникло – все были рады русскому царю, да и Романовых в стране знали.

Этот «исконный» род был, впрочем, не совсем русского корня. Шел он не от Рюрика, а от немца Андрея Кобылы, поступившего на московскую службу в XIV веке. (Слово «немец» тогда означало не обязательно германца. Есть версия, что родоначальник Романовых был литовцем и «Кобыла» – искаженное «Камбилюс».) Свою фамилию этот богатый боярский род получил только в XVI веке, а до того звался то Кошкиными, то Захарьиными. В 1547 году дочь Романа Захарьина вышла замуж за юного Ивана IV, и с этого времени семейство пошло в гору. Царь Федор был по матери

Захарьиным-Романовым, его дядя Никита Романович был самым могущественным членом регентского совета при слабоумном монархе.

Но тогда в дворцовой борьбе верх взял Годунов, и на чрезмерно усилившихся Романовых обрушилась опала. Глава рода Федор Никитич, как мы помним, был пострижен в монахи и стал иноком Филаретом. Трое его братьев умерли, не вынеся ссылки.

Уцелевших Романовых вернул в Москву Лжедмитрий I, но они лишь отчасти восстановили прежнее могущество, а в последовавшей затем гражданской войне хлебнули горя вместе со всей страной.

Тех, кто выкликнул Михаила, отлично устраивало, что Филарет в польском плену и бог весть, когда вернется. О подростке-царе было известно, что он тих, робок и слаб здоровьем («скорбен ножками»). Силы от него, однако, и не требовалось. Государству нужен был живой символ, а не настоящий правитель. Править заводилы Земского собора намеревались сами.

Однако царя еще надо было разыскать и заручиться его согласием. Еле выбравшись из осажденного Кремля, мальчик и его мать, инокиня Марфа (еще одна), уехали – никому тогда не пришло в голову поинтересоваться, куда именно.

Торжественная депутация во главе с Федором Шереметевым отправилась с наказом «ехать к государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Руси в Ярославль или где он, государь, будет».

Выяснилось, что Марфа увезла сына на богомолье в Ипатьевский монастырь близ Костромы, где у Романовых имелась родовая вотчина. Депутация повернула туда – и, если верить популярной легенде, чуть не опоздала.

Сусанин и злодеи. *К. Маковский*

Многократно описанная сочинителями, изображенная художниками и даже воспетая знаменитой оперой версия событий такова.

Поляки-де узнали о том, что Русь, отвергнув Владислава, выбрала себе государя, и решили уничтожить царственного юношу. С этой целью оккупанты послали специальный отряд, который должен был разыскать Михаила Романова и захватить в плен. Не зная, где именно скрывается новоизбранный царь, враги взяли проводником крестьянина Ивана Сусанина, а тот нарочно завел их в непроходимую чащу и тем спас Михаила от гибели, но сам принял мученическую смерть. (Опера Глинки так и называется: «Жизнь за царя».)

При этом о подвиге Сусанина в России вспомнили только в начале девятнадцатого века, когда романтизация

отечественной истории стала важной частью официальной идеологии. До того упоминание о героизме костромского крестьянина мелькнуло лишь однажды: во время волжской поездки императрицы Екатерины местный архиерей сказал про Сусанина что-то цветистое в приветственной речи, но тогда это никого не заинтересовало.

Красивая легенда оказалась кстати и в советские времена, только из нее убрали монархическую составляющую и переименовали оперу. Вышла поучительная история про героя-партизана, истребившего отряд иноземных захватчиков.

Разросшийся эпос о непреклонном Сусанине восходит к одной из царских грамот середины XVII века. Там сказано: «…Ивана Сусанина литовские люди изымали, и его пытали великими немерными муками, а пытали у него, где в те поры мы, великий государь, царь и великий князь Михаил Фёдорович всея Руси были, и он, Иван, ведая про нас, великого государя, где мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерные пытки, про нас, великого государя, тем польским и литовским людям, где мы в те поры были, не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти». Известно также, что в 1619 году некий Богдашка Сабинин, зять Сусанина, получил награду в память о тесте, замученном «польско-литовскими людьми».

Однако похоже, что история о чудесном спасении юного царя от кровожадных ляхов была с самого начала несколько фантазирована. Многие историки пишут, что в начале 1613 года никаких вражеских отрядов близ Костромы, в глубоком тылу ополчения, не было и быть не могло. Крестьянин, кажется, действительно спас юного Михаила от опасности, но от какой?

Правдоподобную версию выдвинул Р. Скрынников, предположивший, что речь может идти об обычной разбойничьей шайке, которая хотела ограбить боярское семейство, а мужественный Сусанин, староста одной из романовских деревень, не выдал местонахождения своих господ. Высокое патриотическо-монархическое звучание этому событию было приписано уже задним числом.

Послы встретились с Михаилом и его матерью 14 марта 1613 года в Ипатьевском монастыре. Узнав об избрании, Романовы очень испугались, причем подросток даже расплакался, а Марфа заявила, что ее сын «не в совершенных летах» и вовсе не намерен «на таких великих преславных государствах быть государем». Вероятно, то было не церемониальное «отнекивание», а искреннее ошеломление. Измученных несчастьями, спрятавшихся в далекой глуши Романовых внезапная новость должна была повергнуть в трепет. Предыдущие цари – Борис, Федор, оба Дмитрия, Василий – скверно кончили, а с тех пор российская ситуация сделалась еще мрачнее. К тому же отец Михаила находился в польском плену; подобный поворот событий был бы для Филарета Романова опасен.

Марфа и Михаил в Ипатьевском монастыре. *И. Сакуров*

Марфа так и сказала: что сына на погибель не отдаст, помянула и о пленном митрополите, но делегаты не отступались, грозили божьей карой, а возможно, и не только божьей. Деваться Романовым все равно было некуда. Избрание в любом случае делало Михаила претендентом

на престол, откажется он или нет, и всякий иной царь скорее всего избавился бы от такого опасного конкурента.

В конце концов Марфа приняла решение за сына, который был привычен покоряться ее воле.

Пять дней спустя кортеж двинулся в путь, но добирался до столицы невообразимо долго. Чтобы преодолеть 300 километров, понадобилось целых полтора месяца.

Номинальной причиной такой удивительной неторопливости была забота Марфы о царском величии: она писала в Москву, что государю невместно жить в разоренном дворце и пусть-де его как следует обустроят, препиралась из-за мелочей, требовала собрать хоть сколько-то казны на пожалование ратным людям.

На самом деле царица-мать не спешила в столицу, потому что нужно было подготовить смену власти: ослабить прежнюю, ополченческую, и обрасти верными людьми, способными составить новое правительство.

Новая власть и стоящие перед ней задачи

Марфа с самого начала адресовала свои послания не Трубецкому и тем более не Пожарскому с Мининым, а князю Мстиславскому, тем самым подчеркивая незначительность ополченческих вождей. С начала апреля царице стали отвечать не члены триумвирата, а «Федор Мстиславски со товарищи». Фактически переворот уже совершился – Боярская дума отодвинула вчерашних хозяев города на второй план.

Тем временем близ Марфы собирались люди, которым она доверяла. Это были Борис и Михаил Салтыковы (первый стал главой Приказа Большого дворца, то есть главным придворным; второй – кравчим, отвечавшим за безопасность царской семьи). Иван Романов, Федор Шереметев и князь Иван Черкасский тоже вошли в этот избранный круг, крепкий не столько дарованиями, сколько семейными связями.

> Борис Михайлович Салтыков и его младший брат Михаил никаких заслуг перед отечеством не имели, зато приходились Марфе племянниками. Оба были отменными интриганами, но государственным умом не обладали.

Иван Никитич Романов был царю родным дядей. Лучше всего его характеризовало прозвище – Каша.

Единственной по-настоящему значительной персоной этого круга являлся Федор Иванович Шереметев, которого связывали с Романовыми узы свойства. Это был опытный воевода и дипломат, в прошлом член Семибоярщины.

Несомненно дельным человеком можно считать царского двоюродного брата Ивана Борисовича Черкасского, но его, молодого еще человека, в первые годы романовского правления заслоняли более влиятельные Салтыковы.

Кортеж прибыл в Москву 2 мая 1613 года. Два месяца после этого готовили коронацию. Она получилась очень бедной и скудной. Денег в казне не было, сокровищницу с царскими регалиями разграбили поляки, выгоревшая Москва сильно обезлюдела. И всё же династия Романовых теперь официально утвердилась на престоле.

Коронационные торжества окончательно выявили новую иерархию власти.

Вожди освободительного движения получили награды: Дмитрий Трубецкой – богатые земельные пожалования, Пожарский – боярское звание, Минин – чин думного дворянина, но ни один из них не занял важного поста, и щедрее были пожалованы царские родственники, не имевшие перед отечеством никаких заслуг.

Знаменательней всего выглядело распределение ролей при чине венчания на царство. Шапку Мономаха нес не Трубецкой, тщетно добивавшийся этой чести, а дядя царя Иван Романов; золотыми монетами помазанника осыпал князь Мстиславский (эта миссия считалась второй по чести); герой войны князь Пожарский скромно нес «золотое яблоко». Весь двор, видя это, понимал, что старые времена закончились.

Оттеснить от престола ополченческих предводителей было нетрудно – Москва устала от военных вождей и хотела возврата к стабильной, «мирной» власти. Однако перед новым правительством стояли задачи посложнее, чем борьба за близость к трону. Несмотря на победу и избрание монарха, положение страны оставалось ужасающе тяжелым.

Столица и многие провинции были дотла разорены, контроль над страной давно утратился, казна пустовала, по дорогам и лесам

свободно разгуливали шайки лихих людей, грабежом кормились и оставшиеся без жалованья ратники. А запад и север России были оккупированы поляками и шведами, на юго-востоке хозяйничал Заруцкий. При этом у каждого из лагерей имелся собственный претендент на московский престол: польский королевич, шведский принц, «царевич Иван Дмитриевич».

Даже удивительно, что первое романовское правительство, в котором, по выражению Соловьева, не было «людей сильных умом и доброю волею», сумело решить эти проблемы. Пусть не быстро и не идеально, но все трудности одна за другой были преодолены. Объяснение здесь может быть только одно: население страны очень хотело покончить со Смутой – а чего хочет весь народ, не может не осуществиться.

Процесс выхода из затяжного кризиса тоже был долгим и растянулся на несколько лет. Интересно и поучительно проследить, из каких этапов состояло восстановление государства, разрушенного до полного хаоса, раздираемого на части внешними и внутренними врагами.

Во все времена и во всех странах последовательность действий здесь одна и та же.

Сначала формируются органы центральной власти, способные вырабатывать и осуществлять политические решения.

Затем центральное правительство наводит порядок среди своих сторонников – очень непростая задача в условиях гражданской войны и столкновения самых разных социальных интересов даже внутри одного лагеря.

Далее следует этап борьбы за объединение страны, для чего необходимо одолеть внутренних оппонентов – тех соотечественников, кто не признал новую власть.

Только после этого становится возможно справиться с внешними врагами – интервентами. Единой стране такая задача уже под силу.

С окончанием войны и восстановлением мира стартует трудный и медленный процесс перестройки всей государственной машины в соответствии с новой политической реальностью.

Начиная с 1613 года Россия прошла по всем этим ступеням. На преодоление первой ушли недели, второй – месяцы, третьей и четвертой – годы, пятой – десятилетия.

Конец гражданской войны

Как образовалось центральное правительство, мы уже видели: на самом верху возникло нечто вроде «царской администрации» из числа романовских родственников, следующим уровнем власти была воскресшая Боярская дума, затем шел Земский собор, объединивший представителей областей. Эта конструкция, уже обладавшая политической волей, сразу взялась за самую насущную задачу: наведение порядка в столице.

Пока там находились неуправляемые казацкие отряды, ни о какой настоящей власти речи идти не могло. Отряды не всегда слушались даже собственных атаманов, держали в страхе обывателей, разоряли и без того опустошенные окрестности Москвы. Напомню, что «казаками» во времена Смуты называли не только членов степного братства, но вообще всяких «гулящих людей», в большинстве своем никогда не бывавших на Дону или в Сечи.

Романовым следовало испытывать признательность к этой вольнице, чуть ли не силой добывшей им корону, но в такой ситуации было не до благодарности.

Пригодился древний принцип «разделяй и властвуй». Казаков решили поделить на «старых» (то есть настоящих) и «новых» (то есть приблудных). Первых пообещали включить в реестр и определить на кормление, а вторым, вчерашним холопам, участвовавшим в войне, просто даровали свободу, позволили жить где угодно и на два года освободили от податей. Говоря о том, что в правительстве не было «людей сильных умом», Соловьев забывает Кузьму Минина, пользовавшегося всеобщим уважением. Новоиспеченный думный дворянин всё еще ведал ополченческой казной и выделил каждому «старому» казаку по восемь рублей – немалая сумма.

Внеся таким образом раскол в ряды буйного воинства, и без того плохо организованного, власть проделала еще одну ловкую штуку: поручила казакам самим разобраться, кто из них старый, а кто новый. Тем самым всё возможное раздражение было переадресовано внутрь самого казачьего лагеря.

И всё постепенно устроилось.

Немногих смутьянов утихомирили – с помощью казаков же. В конце марта самый большой контингент, 2300 человек, отправился из

Москвы в Калугу – на рубеж войны с поляками, другой отбыл к Пскову, на «шведский фронт». Все эти казаки уже считались царскими служилыми людьми. Освобожденные холопы разбрелись кто куда, многие остались строить дома на московском пепелище и превратились в обычных горожан.

Теперь, наведя порядок в центре, можно было приступать к более сложной задаче усмирения провинции.

Главным внутренним врагом династии являлся атаман Заруцкий с его «Ворихой» и «Воренком». Под знамя маленького «царя Ивана» по-прежнему стекались беглые крестьяне и просто любители привольной жизни. Ушла к нему и часть казаков, вытесненных из столицы. Пока оставался Заруцкий, сохранялась угроза нового переворота.

Поэтому самую первую военную экспедицию правительство снарядило против этого опасного врага. Воевода князь Иван Одоевский в мае 1613 года дал бандам Заруцкого сражение близ Воронежа и с трудом, после двухдневных боев, одержал победу.

«Воровская» армия распалась, но Заруцкий с Мариной оторвались от преследования, а это означало, что дело не окончено.

С тысячью оставшихся сторонников атаман (гетман Жолкевский пишет про него: «неугомонная голова, которой доставало сердца и смысла на все, особенно, ежели предстояло сделать что-либо злое») ушел далеко на юг, к Астрахани, где убил воеводу и стал готовиться к новой войне: звал к себе волжских и донских казаков, привлекал на свою сторону степных татарских князьков, да еще завел переговоры с персидским шахом, который с интересом наблюдал за событиями с другой стороны Каспия. Следующей весной Заруцкий намеревался идти с войском вверх по Волге, на Самару и Казань.

Миновал целый год, прежде чем у Москвы набралось достаточно денег и сил для неближнего похода на Астрахань. Возглавил его все тот же Иван Одоевский, но правительство больше рассчитывало не на силу оружия, а на силу денег.

Донскому казачеству из столицы прислали царское знамя, жалование, порох, продовольствие и вино. Старшина убедил войсковой круг принять присягу Михаилу и объявить «вору» войну. Услышав об этом, от Заруцкого отступились и «меньшие» казачества – терское и

яицкое. Подняли голову астраханские враги атамана – он многих настроил против себя лютостью.

В мае 1614 года в городе произошло восстание. Заруцкий с Мариной и ее сыном бежали на Яик и еще полтора месяца скрывались там, но в конце концов были выданы Одоевскому собственными людьми, за что те получили помилование.

Казнь маленького «Воренка». *И. Сакуров*

Опасную чету отправили в столицу, на всякий случай разделив: Заруцкого сопровождала охрана в двести тридцать стрельцов, а Марину и «воренка» даже в шестьсот – претендента на трон правительство боялось еще больше, чем грозного атамана.

Страх был так силен, что власть пошла на отвратительное преступление: четырехлетнего ребенка повесили. Заруцкого посадили на кол. Марину как бывшую царицу казни предавать не стали, но заточили в подземную темницу, то есть обрекли на медленную мучительную смерть. Через несколько месяцев полячка умерла. Ее короткая 26-летняя жизнь осталась в истории поразительным примером череды головокружительных взлетов и падений. Как писала сама Марина, «если кем на свете играла судьба, то, конечно, мною».

Конец интервенции

Борьба с внешними врагами оказалась более трудной и стоила стране серьезных территориальных потерь – но даже и этот нетриумфальный финал стал возможен лишь благодаря удачному стечению политических обстоятельств.

Помогло то, что у Польши и Швеции хватало внутренних проблем, а кроме того, в давней борьбе двух этих стран произошло новое обострение.

В 1611 году на шведский трон взошел Густав-Адольф, в будущем выдающийся полководец, но в ту пору совсем юный, семнадцатилетний. Ему досталось от отца тяжелое наследство: война с Данией, война с Польшей, российская авантюра, да еще конфликт с собственной аристократией.

На первых порах Густаву-Адольфу было не до экспансии. В самое беззащитное время Руси, в 1611–1612 годах, короля целиком поглощали другие заботы. Он договаривался с собственной знатью и торговался об условиях мира с датчанами, а поляков и русских старался не трогать.

Но к началу 1613 года положение Густава-Адольфа упрочилось. Теперь он был готов поживиться за счет слабого соседа, тем более что Новгородчина уже признала принца Карла-Филиппа (королевского брата), которого недавно звали на царство и лидеры Второго ополчения.

Перемена в настроении русских, приведшая к избранию Михаила Романова, была воспринята шведами как нарушение договоренностей и дала повод к войне. Завоевывать Россию король не собирался, но был не прочь прибрать к рукам весь северо-запад, казалось, совершенно беспомощной страны.

Однако к этому времени Русь уже перестала быть беспомощной. В сентябре 1613 года правительство сумело собрать войско, которое Дмитрий Трубецкой (тот самый) повел на оккупированный Новгород. Впрочем, «войском» этот отряд в тысячу ратников назвать можно только с натяжкой. То была скорее военная демонстрация – одновременно разворачивалась более важная кампания против поляков.

Какое-то время Трубецкой постоял близ новгородских рубежей, но затем Делагарди, к которому присоединилась большая банда «воровских» казаков, погнал воеводу обратно. Князь запросил подмоги, жалуясь на «тесноту от немцев» (натиск чужеземцев), но взять подкрепления было неоткуда. Первая попытка наступления на шведов получилась довольно жалкой.

Летом 1615 года сам король привел под Псков армию в 16 000 воинов, в которой кроме шведов и немецких наемников были и русские – казаки с новгородцами. Но теперь неудача ждала уже интервентов.

Псковичи успешно отбили первый приступ, который дорого обошелся штурмующим (в бою погиб молодой фельдмаршал Эверт Горн). Бесплодной оказалась и осада. Два месяца шведы готовились к новому приступу, но провалился и он.

Поражение у Пскова показало шведам, что дальнейшая борьба с Россией потребует от них напряженных усилий, больших финансовых затрат и более крупного войска.

Король решил не распылять силы и сосредоточиться на борьбе с главным врагом – Сигизмундом.

Начались мирные переговоры, протянувшиеся до начала 1617 года. К этому времени шведы, вначале претендовавшие на всю Новгородчину, сделались сговорчивее. Густав-Адольф готовился к большой кампании против поляков.

В результате по условиям «вечного мира», заключенного в селе Столбово 23 февраля 1617 года при посредничестве англичан, Швеция очистила бóльшую часть новгородских земель, но получила 20 000 рублей откупного (королю были очень нужны деньги), а также оставила за собой Карелию, Ингрию и устье Невы, то есть Россия лишилась даже символического выхода в Балтику.

Но в тот момент Москве было не до морских путей – она вела тяжелую войну с Польшей.

Боевые действия на польском фронте были активнее и масштабнее, чем на северо-западе.

Осенью 1612 года из-за нехватки финансов Сигизмунд долго пробирался на выручку кремлевскому гарнизону и выступил в поход слишком поздно. К королю присоединился гетман Ходкевич со своим отрядом, однако весть о капитуляции полковника Струся заставила армию остановиться.

Сил у поляков было так мало, что они не смогли взять даже маленькую крепость Волоколамск, а затем начались холода.

В конце ноября Сигизмунд был вынужден отступить. Вечное безденежье заставило его на время отказаться от планов реванша.

Но война двух обескровленных народов была еще далека от окончания.

Летом 1613 года Земский собор постановил собрать войско для возвращения Смоленска, смириться с потерей которого русские не могли.

Огромным напряжением сил снарядили двенадцатитысячную армию. Вязьму и Дорогобуж, где не было польских гарнизонов, освободили без боя. Взяли крепость Белую, подкупив немецких наемников. Оттуда оставалось уже недалеко до Смоленска.

Но штурмовать твердыню было нечем – армия явилась к Смоленску без осадной артиллерии. Надеялись, что поляки сдадутся. Гарнизон действительно был невелик – значительная часть солдат, устав сидеть без жалованья, ушла на родину. Однако оставшиеся не поддались на уговоры, и началась осада.

Велась она вяло, без минных подкопов и штурмов, даже без настоящей блокады, так что в город дважды прорывались обозы с припасами.

Дисциплина в лагере осаждающих хромала, снабжение было налажено плохо. Осадное сидение растянулось на долгие месяцы, потом на годы. Служивые люди дезертировали, и для штурма вечно не хватало боевой силы.

Не мог прислать настоящей помощи гарнизону и Сигизмунд. Поляки неоднократно пытались изменить ситуацию – и всякий раз с недостаточными силами.

Самая предприимчивая попытка этого рода обошлась вообще без участия Короны. Этот эпизод войны вошел в историю как «рейд Лисовского».

В марте 1615 года полковник Александр Лисовский, то бунтовавший против короля Сигизмунда, то возвращавшийся под его знамена, набрал на собственные средства шестьсот всадников и отправился в поход, который предположительно должен был всего лишь отвлечь часть русских войск от Смоленска, однако превратился в нечто более серьезное.

Собственно говоря, «лисовчики» (так называли этот отряд, состоявший из разноплеменного сброда) даже не выполняли каких-то стратегических задач, а просто кормились грабежом, как делал Лисовский на протяжении уже нескольких лет. Но чрезвычайная дерзость и высокая маневренность этого конного отряда, который обходился без обозов и потому мог передвигаться с невероятной быстротой, делали его практически неуязвимым. Лисовский появлялся то в одной области, то в другой, наносил молниеносные удары. Поначалу он громил небольшие русские контингенты и избегал крупных сражений. Однако ряды «лисовчиков» пополнялись всякими лихими людьми, привлеченными запахом добычи, так что через некоторое время полковник стал нападать уже и на крупные подразделения московских войск.

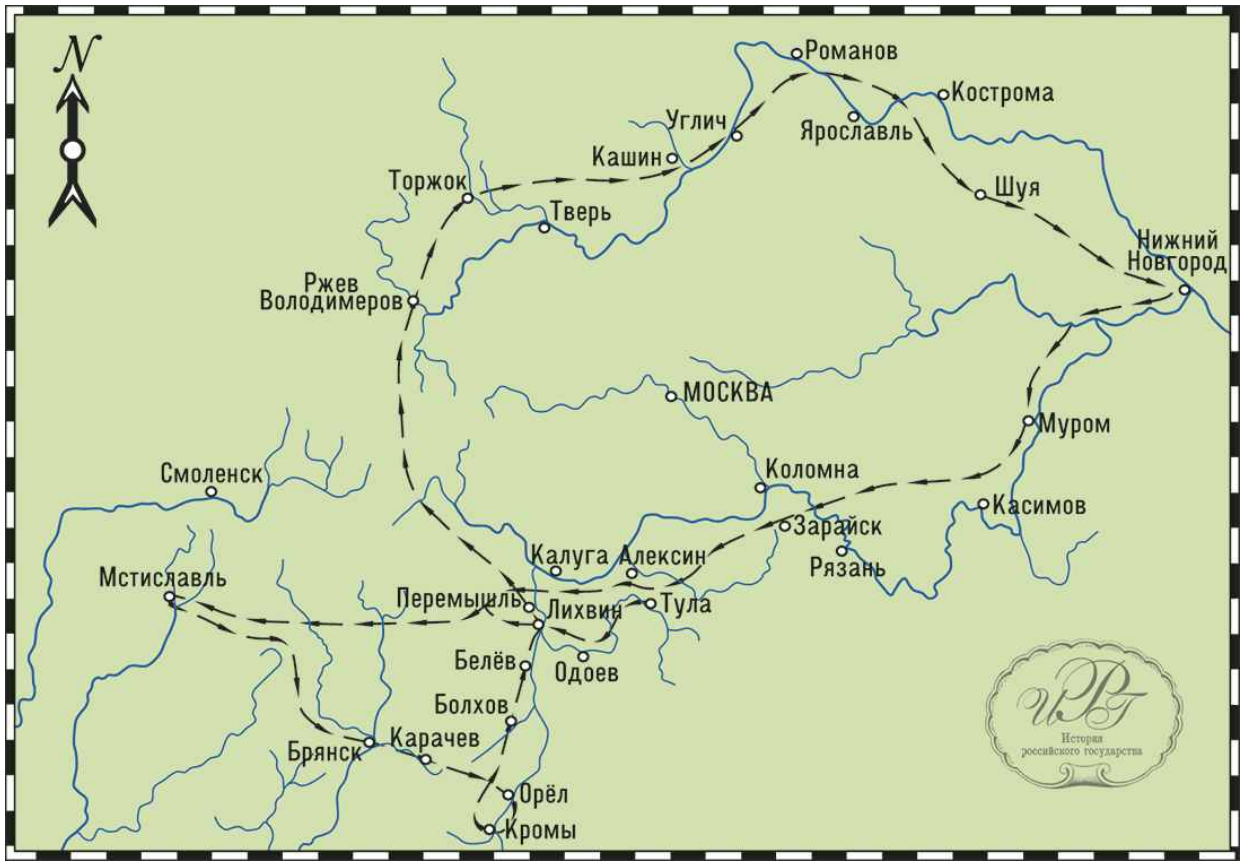
В июне он разгромил семитысячную рать, шедшую с востока на подмогу основной армии, и взял в плен командующего князя Юрия Шаховского. После этого правительству стало уже не до Смоленска – против «лисовчиков» направили самого Пожарского со специально собранным войском.

23 августа 1615 года в кровопролитном сражении под Орлом князь Дмитрий Михайлович, прославленный полководец и герой освобождения, едва выстоял под ударами мародерской банды, «видя своё неизможение, одёрнушася телегами и сидеша в обозе». После этого Лисовский налетом взял и спалил Орёл, десять дней спустя точно так же сжег город Белёв, а затем Перемышль.

Русские войска потеряли «лисовчиков» из виду, а те вдруг оказались возле Ржева и нанесли поражение войску Федора Шереметева, который шел выручать Псков от шведов.

Рейд углублялся все дальше в русский тыл. Сделав широкий обход вокруг Москвы, Лисовский захватил Торжок и дошел до Углича, а затем попытался взять Муром. Однако уже наступила зима, из-за снегов и бескормицы маневренность конного отряда снизилась, замедляла движение и собранная добыча, поэтому в начале 1616 года полковник завершил свою кровавую прогулку, вернувшись на польскую территорию.

Осенью того же года легендарный кондотьер отправился было в очередной поход на Русь, но судьба спасла несчастную страну от нового разграбления – Лисовский неудачно упал с коня и умер.



Рейд Лисовского. *А. Журавлев*

Не такой успешной, хоть вроде бы и более основательной была попытка деблокировать Смоленск, затеянная поляками в октябре 1616 года, когда знакомый нам Александр Гонсевский привел под город довольно значительное войско и даже нанес русским ряд поражений, отрезал их от московской дороги, но сил для окончательной победы у поляков не хватило.

Но весной 1617 года бесконечную осаду Смоленска все-таки пришлось снять. Король после долгих усилий сумел собрать довольно серьезную армию (11 тысяч человек) для похода на Москву. Войско вел королевич Владислав, все еще считавший себя русским царем и намеревавшийся вернуть себе «законный» престол.

Наступление разворачивалось очень небыстро из-за перебоев с деньгами и снабжением, но поначалу успешно. Поляки взяли Дорогобуж, Вязьму, дошли до Можайска, но дальше двигаться не смогли.

У Москвы, заключившей мир со Швецией, появилась возможность направить все наличные войска против Владислава. Зимой 1617–1618 годов стороны готовились к новой кампании и потом долго, чуть не полгода, вели затяжные бои на можайском рубеже.

Русские были вынуждены отступить к столице, когда с Украины вторглось запорожское войско гетмана Петра Сагайдачного, союзника поляков. Не встречая серьезного сопротивления, Сагайдачный шел прямо на Москву и в сентябре соединился с Владиславом.

За время долгого можайского стояния у правительства было достаточно времени укрепить столицу, и врагам не удалось взять ее приступом.

Неудача штурма 1 октября 1618 года стала последним кровопролитием долгой и разорительной для обеих сторон войны.

Поляки наконец поняли, что Россию им не завоевать. Очень хотели мира и русские. Поэтому договорились, по тогдашним дипломатическим меркам, быстро, меньше чем за два месяца.

У поляков имелись сильные козыри: военное присутствие на русской территории и отец царя в качестве заложника, но они находились в цейтноте – нужно было скорее разворачиваться против шведов, русские же от шведской проблемы уже избавились.

Сошлись на том, что пленных обменяют и что Смоленщина, Северский край и Вележская волость, всего три десятка городов,

достанутся Речи Посполитой. При этом поляки так и не признали Михаила царем.

Условия для русских были тяжелыми и даже унизительными, однако на большее рассчитывать не приходилось. Не удовлетворены остались и поляки, получившие вместо всей России лишь малую ее часть. Поэтому соглашение назвали «перемирием» и определили ему странный срок в четырнадцать с половиной лет, отложив решение территориальных и династических претензий на будущее.

Подписанием Деулинского перемирия в декабре 1618 года завершается великая Смута, растянувшаяся на полтора десятилетия и приведшая Россию в плачевное состояние.

Страна была разорена дотла. Многие города, начиная со столицы, превратились в пепелища. Голштинский посланник Олеарий, посетивший Москву в 1634 году, то есть через двадцать с лишним лет после освобождения, пишет, что в городе все еще насчитывается сорок тысяч пожарищ. Села и деревни будто вымерли – жители из них разбежались. Многие были убиты или погибли от голода и болезней. Большинство уцелевших крестьян перешли в категорию «бобылей», то есть безлошадных и малоземельных. Голодали даже дворяне. Пашни повсюду запустели, скотины почти не осталось. Расплодилось несметное количество разбойников – для многих грабеж был единственным способом прокормиться.

Границы России по мирным договорам 1617–618 гг. *А. Журавлев*

Армию содержать было не на что, так как подати в казну не поступали, да и служить стало некому – дворяне совсем оскудели. Очень сократилось и все население страны. Оно восстановится до прежнего, довоенного уровня (15 миллионов человек) только поколение спустя, к середине столетия.

Деградировало всё: промыслы, торговля, сельское хозяйство, коммуникации. Низко пал международный престиж страны, которую теперь со всех сторон окружали более сильные соседи.

Все эти тяжелые задачи предстояло решать династии Романовых, у которой не было ни компетентного правительства, ни инфраструктуры региональной власти – *не было государства*. Юный и безвольный царь, самодержец лишь по имени, не мог управлять сложным процессом государственного строительства.

И все же при слабом Михаиле российское государство возродилось.

Первые шаги новой династии

Михаил I в жизни

Каким был человек, по стечению обстоятельств – уж точно не по своей воле – оказавшийся первым монархом (но никак не основателем) нового государства?

Ранние годы Михаила Романова были полны потрясений, которые для его семьи начались раньше, чем для всей страны. Он родился 12 июля 1596 г., стало быть, во время годуновских гонений на боярский клан ему еще не исполнилось пяти лет. Его родной дом разгромили, родителей схватили и постригли в монашество, поэтому какое-то время ребенок оставался на попечении тетки. Жил он тогда вдали от Москвы, в деревне, под надзором приставов. Так он познакомился со страхом, несвободой да и бедностью – почти всё имущество Романовых подверглось конфискации.

В девять лет жизнь мальчика опять переменилась. Воцарившийся Дмитрий вернул в Москву репрессированных прежним режимом «родственников» и возвратил им вотчины. Через год, уже при царе Василии, Михаил поступил на кремлевскую службу, получил чин стольника – вроде бы хорошее начало придворной карьеры для десятилетнего отрока, но московскому двору в те годы было не до пышности. В Тушине утвердился второй царь, и Филарет Романов скоро сделался при нем главой церкви. Сын «тушинского патриарха» все это время оставался в Москве, фактически на положении заложника.

Потом настали еще более нервные времена. Филарет оказался в польском плену, и сын опять разлучился с отцом, теперь надолго. В столице произошел переворот. Потом ее заняли поляки. Потом была долгая осада, сопровождавшаяся бесчисленными испытаниями. Все это время подросток и его мать жили у дяди Ивана Никитича Романова, пособника оккупантов. Семейство могло погибнуть от бомбардировок, пожаров, от рук мародерствующей солдатни, могло умереть от страшного голода, а после изгнания из Кремля (напомню, что перед сдачей поляки избавились от всех лишних ртов) могло стать жертвой разгульного казачества – но счастливо избежало всех опасностей.

Марфа увезла сына от войны в костромскую глушь, подальше от московских страхов. Однако пересидеть грозу в тихом месте не удалось: шестнадцатилетнего Михаила без его желания и даже ведома избрали во всероссийские самодержцы и, не обращая внимания на рыдания, повезли царствовать.

Есть люди, которые сами создают события, но первый Романов был из тех, с кем события происходят. Перепады в судьбе не развили в нем волю, а подавили ее. Он привык не решать, а подчиняться. Поэтому сначала правил вдвоем с матерью, затем вдвоем с отцом – собственно, не правил, а лишь осуществлял церемониальные функции. Оставшись один и достигнув зрелого возраста, царь и впоследствии ничего не предпринимал без одобрения советников.

Разглядеть живой характер в вялых проявлениях этой вялой личности не так просто. В юности, подростком, Михаил был робок, скромен, осторожен и рассудителен – что при такой судьбе неудивительно. Повзрослев, стал «мужем милостивым, кротким, крови нежелательным» (так его аттестует «Хронограф»).

«Нежелательность крови», впрочем, кажется, была следствием не природной мягкости, а трезвого расчета. Голландец Исаак Масса в письме 1614 года пишет о новом русском монархе: «…Царь обнаружил добрые признаки: когда немедленно после избрания его ему доложили об одном господине, которого следовало наказать за важный, учиненный им проступок, то он ответил: “Вы разве не знаете, что наши московские медведи в первый год на зверя не нападают, а начинают охотиться лишь с летами”». Самодержавие теперь стало совсем не тем, что при Иване Грозном. «Грозность» – метод дорогостоящий, требующий соответствующего аппарата, да и после тяжких испытаний несчастную страну, едва «от кроворазлития християнского» успокоившуюся, тревожить лишней жестокостью было бы неразумно.

Тот же Масса рассказывает, что юный царь «вполне необразован и до такой степени, что мне неизвестно, может ли он даже читать письма». Удивляться этому не приходится – известно, в каких условиях проходило детство Михаила. Однако впоследствии царь наверстал упущенное. Он был любознателен, не чужд наукам. Через двадцать лет после Массы другой иностранец, Олеарий, сообщает, что государь

живо интересуется астрологией, географией, астрономией, землемерием и «иными многими надобными мастерствами».

Московский двор был беден, у царя имелось мало возможностей исполнять свои прихоти, но Михаил не был капризен. Известно, что он очень любил сады и цветники – не слишком дорогая привязанность. Любил музыку, даже пригласил из Голландии органных мастеров. Кажется, самой отчаянной личной тратой царя был заказ музыкального «стримента» с механическими певчими птицами, обошедшийся казне в 2676 рублей и два сорока соболей.

Царь Михаил. *Неизв. художник*

К портрету Михаила следует добавить, что ездил он только в недальние богомолья и никогда не командовал войсками. Первые

Романовы вплоть до Петра вообще не отличались воинственностью, почти обязательной для монархов той эпохи.

Явственней всего характер Михаила проступает в коллизиях личного свойства. Когда речь шла о делах семейных, царь мог проявлять и упрямство – но в конце концов все-таки поддавался давлению окружающих. (Один такой эпизод, имевший политическое значение, будет описан в следующей главке.)

В целом же матримониальная и семейная судьба этого царя была нелегкой.

Новая династия очень нуждалась в международном признании, а Россия – в укреплении пошатнувшегося престижа, поэтому несколько раз предпринимались попытки заключить брачный союз с каким-нибудь европейским царствующим домом. Но такая партия никому не казалась завидной, к тому же московиты выдвигали немыслимое требование о переходе будущей царицы в православие.

В 1621 году к датскому Христиану IV ездило посольство с сообщением, что царь «пришел в лета мужеского возраста», так не найдется ли для него невесты среди королевских племянниц. Христиан послов даже не принял.

В 1623 году с тем же съездили в Швецию, сватали совсем уж дальнюю родственницу короля – сестру шурина. Ничего не вышло и из этого.

Пришлось искать невесту среди своих, но и тут Михаилу не повезло. Княжна Мария Долгорукая, выбранная ему в жены, вскоре после свадьбы скончалась.

Вторая жена, Евдокия Стрешнева, была из очень скромного рода. Свадьбу отпраздновали тоже скромно, не то что в прежние времена. Пишут, что для церемониального разбрасывания золота из «мисы» казна смогла выделить только 27 монет, причем 18 были не золотыми, а позолоченными.

Царь женился поздно, на тридцатом году жизни, и проблема наследника решилась нелегко. Династии были нужны мальчики, а они рождались слабыми. Двое царевичей умерли маленькими, выжил один – Алексей, появившийся на свет в 1629 году, но здоровьем он пошел в отца, который всю жизнь много хворал. Сам Михаил был физически слабым, болезненно тучным, «скорбел ножками», так что еще в молодые годы его носили до кареты на кресле.

На исходе правления первого Романова будущее династии выглядело сомнительно.

Михаил попытался обзавестись «запасным» наследником, повторив попытку, в свое время предпринятую царем Борисом. Как и Годунов, он пригласил в Москву датского принца, рассчитывая женить его на дочери Ирине, обратить в православие и превратить в русского царевича. Что вышло из этой государственной затеи, я расскажу в главе, посвященной русской дипломатии эпохи (сразу скажу: ничего не вышло), и Михаил очень тяжело переживал свою неудачу. Кажется, это подорвало его и так хилое здоровье.

С весны 1645 года государь заболел. Иностранные врачи диагностировали цингу, «кручину» (меланхолию), «вялость органов» и «водянистость крови». Прописали диету, слабительное и «ренское» вино.

Рецепт не помог.

12 июля 1645 г., в день именин, царь Михаил упал в церкви – очевидно, с ним случился инфаркт. Он успел причаститься, исповедаться и в ту же ночь умер, прожив на свете сорок девять лет, а процарствовав тридцать два – из них первые двадцать лишь номинально.

В тени матери

В первые годы правления Романовых большее значение имели личные качества не царя, а его матери инокини Марфы.

Это была женщина незаурядная.

Урожденная Ксения Ивановна Шестова была незавидной партией для блистательного жениха, каким в молодости являлся Федор Никитич Романов. Должно быть, он рассмотрел в дочери обычного костромского дворянина нечто особенное. Для тогдашних русских девиц, воспитывавшихся за семью запорами, Ксения обладала удивительной силой характера, очень пригодившейся ей в годы опасностей и лишений. (После опалы Романовых она была заточена в монастырь и надолго разлучена с детьми, причем из шестерых выжили только двое, Михаил и Татьяна.)

Сохранился – большая редкость для той эпохи и в особенности для женщин – портрет, который считается изображением Марфы. Правда,

он датирован XVIII столетием, но, возможно, скопирован с более раннего оригинала. Видно натуру властную, жесткую, не склонную к сантиментам.

Эти черты проступают во всех поступках Марфы, когда она стала фактической правительницей страны.

Царица Марфа

Мы видели, как царица-мать (в грамотах ее, монахиню, именовали «великой государыней») нарочно тянула с возвращением в Москву, чтобы прибыть туда не на положении марионетки военных вождей, а

уже с собственным правительством. Видели мы, и как она подбирала себе помощников, руководствуясь в первую очередь семейными узами. Невзгоды, перенесенные вместе с родней, воспитали в Марфе убежденность, что доверять можно только своим.

Государственным мышлением при этом царица, кажется, не обладала. Она активно вмешивалась в ритуал и даже мелочи придворной жизни, очень интересовалась царской сокровищницей и домашним обустройством, дворцовым скарбом, обрядами благочестия, но в делах правительственных полагалась на свой ближний круг, где главную роль играли ее племянники Салтыковы, Борис и Михаил, которых К. Валишевский аттестует как людей «очень сомнительного качества» – и остальные историки с такой оценкой, в общем, согласны.

Братья Салтыковы были своекорыстны, лучше всего владели искусством придворной интриги и не могли удовлетворительно руководить ни внешней, ни внутренней политикой. Военные действия, которые предпринимались их правительством, как мы видели, обычно были бестолковы и неудачны. Но кроме узкого кружка Марфиных родственников (среди них имелись и способные деятели вроде Ивана Борисовича Черкасского) в Москве был еще и Земский собор, участники которого хорошо понимали проблемы страны и пытались разрешить самую главную из них – дефицит финансов.

Почти все усилия слабого государства в эти годы были направлены на одно и то же: добыть денег на борьбу с врагами и на другие неотложные нужды.

Хватались за любую возможность, чтобы хоть как-то пополнить казну.

Пробовали собрать недоимки по податям – оказалось, что с разоренного населения взять почти нечего.

Тогда прибегли к мере чрезвычайной, опробованной еще Кузьмой Мининым: обложили всю страну «пятиной» – особым налогом не на доходы, а на все совокупное имущество. По сути дела, это была частичная конфискация, которая еще больше разорила нищую страну. Серьезные деньги поступили только от промышленников Строгановых, чья обширная приуральская и сибирская «держава» оказалась не затронута гражданской войной.

Но этого показалось мало, и у тех же Строгановых еще попросили взаймы.

Выпрашивали денег и у иностранцев – как у купцов, так и у государей. Английская корона, заинтересованная в русской торговле, вместо запрошенных ста тысяч прислала двадцать – обиделись, но все равно взяли.

Участие юного государя во всех деяниях этих лет было номинальным. «Никто не доводит правды до царя», – пишет Масса. Михаил находился в полной зависимости от матери и ее фаворитов Салтыковых, что демонстрирует эпизод 1616 года с несостоявшейся царской свадьбой.

> Естественно, мать сама подыскала сыну невесту, на собственный вкус. Это была девица, принадлежавшая к близкой Романовым дворянской семье. Звали ее Марией Хлоповой.
>
> Однако Салтыковы не хотели, чтобы какой-то другой род приблизился к трону, и устроили хитрую интригу. У невесты случилось обычное расстройство желудка, однако Салтыковы стали говорить, что Хлоповы пытаются погубить государя, подсунув ему «порченую» невесту. Расчет строился на суеверности царицы и отлично сработал.
>
> Разгневанная Марфа, не спросясь жениха, отправила все хлоповское семейство в сибирскую ссылку и стала искать сыну новую невесту, но тут выяснилось, что тихому Михаилу несчастная Мария пришлась по сердцу и что ни на ком другом жениться он не желает.
>
> Он и потом долго ее не забывал. Затянувшаяся на целых десять лет холостая жизнь государя отчасти объяснялась упрямством Михаила. Впрочем, настоять на своем он так и не сумел. Участь Хлоповых, как мы увидим, по прибытии Филарета была облегчена, но в Москву они больше не вернулись.

В тени царицы-матери юноша находился шесть лет, пока не закончилась польская война.

Одним из важнейших условий перемирия был обмен пленными, и в июне 1619 года митрополит Филарет после долгих мытарств наконец прибыл на родину. Второй глава «великого посольства» князь Василий Голицын до освобождения не дожил.

23-летний Михаил встретил отца на подъезде к Москве и поклонился ему до земли – эту сцену можно считать символом следующего этапа царствования.

В тени отца

Через десять дней после возвращения митрополит Филарет стал российским патриархом – престол специально держали вакантным все годы после смерти Гермогена, с 1612 года.

Мелкая властность Марфы не могла соперничать с размахом ее бывшего супруга. С этого момента царица исчезает с политической сцены и скрывается в монастырской келье. Формат правления меняется. На полтора десятилетия устанавливается классическое двоевластие, даже и официально. Обоих Романовых именуют «величествами», а у Филарета титул двойной: «великий государь и святейший патриарх». Соединение светской и духовной власти компенсировало дефицит сакральности, самой болезненной проблемы новых русских династий, и укрепляло статус слабого царя. Высокое значение патриархии казалось всем естественным еще и потому, что в годы Смуты авторитет православной церкви поднялся до небывалых вершин.

Благодаря возникновению этого тандема усилилось всё государство в целом. Оно по-прежнему было слабым в экономическом, военном и структурном отношении, но власть в нем наконец стабилизировалась.

В документах имя монарха стояло на первом месте, имя патриарха – на втором, однако настоящим государем был, конечно, Филарет. Иностранные послы предъявляли верительные грамоты обоим, на оба имени подавались и всевозможные прошения. Валишевский сравнивает эту ситуацию с положением тогдашней Франции, где при слабом Людовике XIII всеми делами заправлял Ришелье, но Филарет, если так можно выразиться, был *гораздо больше* кардинала: он правил не только по факту, но и по праву. К тому же отношения отца с сыном, кажется, не были омрачены никакими трениями.

Патриарх принимал решения сам, но обставлял это с надлежащей почтительностью. Можно получить представление о том, как это происходило, по сохранившейся переписке. Вот Филарет в 1619 году

спрашивает у царя, как поступить с крымским посольством (цитирую в пересказе С. Соловьева): «О крымском, государь, деле, как вы, великий государь, укажете?» И тут же, в следующей фразе, подсказывает: «А мне, государь, кажется, чтоб крымским послам и гонцам сказать, что вы, великий государь, с братом своим, с государем их с царем, в дружбе и братстве стоишь крепко, посланника с поминками и с запросом посылаешь и их всех отпускаешь вскоре». Возражений от Михаила при этом не ожидается.

Даже во время отлучек отца, когда тот уезжал из столицы по своим патриаршим обязанностям, царь ничего не предпринимал без спроса, а всегда спрашивал мнение Филарета. Тот отвечал сослагательно: я бы сделал то-то и то-то – именно так сын и поступал. Эта своеобразная система всех устраивала и, в общем, неплохо работала.

Патриарх Филарет. *Н. Тютрюмов*

Масштаб личности у Филарета был совсем не тот, что у сына. Романов-старший обладал государственным умом, непреклонной волей, огромным жизненным опытом, умел вселять страх в бояр (а это было всегда полезно). Церковного и духовного в святейшем патриархе было немного. О нем пишут, что божественное писание он «разумел отчасти», зато был «не сребролюбив, всякими же царскими делами и ратными владел».

Одним из первых поступков нового правителя стал разгон ближнего круга царицы Марфы. Более толковых деятелей прежнего правительства вроде князя Черкасского и Федора Шереметева патриарх оставил, но Салтыковых подле себя терпеть не стал. Он велел расследовать скандальное дело несостоявшейся невесты Марии Хлоповой, и выяснилось, что Салтыковы не только оклеветали бедную девицу, но, кажется, сами же ее и опоили какой-то дрянью, вызвавшей расстройство желудка. Племянников Марфы с позором выслали из Москвы (при этом невесту Михаилу не вернули – у отца были расчеты на более престижную партию). Точно так же, только без шума, поступил правитель со всеми, кто мог представлять хоть какую-то опасность для власти. Бывший глава Первого ополчения князь Трубецкой поехал воеводствовать в далекий Тобольск, в ссылку отправился влиятельный князь Иван Куракин, избавился Филарет и от князя Ивана Голицына, брата своего товарища по польскому плену князя Василия.

При Филарете политика государства наконец приобретает черты стратегии.

Важнее всего было навести порядок в финансах, не разоряя и без того нищую страну бессистемными поборами.

Для этого Земский собор по указанию государей постановил провести перепись населения прежде всего в неразоренных войной областях; составить подробный перечень всех государственных доходов и расходов (то есть сформировать госбюджет); обеспечить землей и крестьянами дворян, чтобы они могли нести службу; устранить злоупотребления и коррупцию.

Эти меры дали некоторый результат. Казнокрадство стало менее наглым, финансовая нагрузка на регионы перераспределилась, понемногу возникала новая система государственного управления.

Возросшие доходы тратились прежде всего на возрождение национальной армии. Главным делом своей жизни патриарх-государь, кажется, считал возвращение утраченных русских земель – прежде всего Смоленска, под стенами которого Филарет когда-то проявил себя перед поляками «твердым адамантом». К чему привела попытка реванша, будет рассказано ниже.

Умер Филарет 1 октября 1633 г., оставив страну еще очень слабой и бедной, но все же несравненно более устроенной, чем в первые годы после Смуты.

Оставшись один, Михаил никаких больших начинаний не затевал. Новый глава церкви Иосааф был «к царю не дерзновенен» и в дела политические не вмешивался.

Однако к этому времени «третье» государство в основных своих чертах уже сформировалось, и суть его была такова, что оно вполне могло существовать даже при слабом самодержце.

Устройство «третьего» государства

По внешней видимости все осталось прежним: названия властных институтов и должностей, обычаи, региональное деление, но сходство это обманчиво. Можно сказать, что оно поддерживалось искусственно и намеренно, поскольку «верность старине» в это время была возведена в ранг высшей добродетели. Русским людям XVII века хотелось, чтобы всё снова стало как прежде, до Смуты. Ушедшая эпоха вспоминалась как золотой век, по ней ностальгировали. Новшества Лжедмитрия I породили недоверие ко всему новому; горький опыт иностранной интервенции многократно усилил подозрительность ко всему чужеземному. Важную роль тут играла и православная церковь, всегда крепко державшаяся за «старину». Заслуга церкви в деле национального освобождения была огромна, но платой за возросшее влияние патриархата стало активное вмешательство высшего духовенства в земные дела.

При этом, постоянно декларируя незыблемость старинного порядка, государство быстро и кардинально менялось. Отчасти это похоже на то, как сегодня реконструируют исторические здания: сохраняют фасад в прежнем виде, но внутри всё перестраивают.

Нет ощущения, что эта большая работа проводилась по какому-то заранее разработанному плану. Скорее, государство «перекраивалось» по изменившейся фигуре страны, с учетом дефектов прежней конструкции и новых веяний.

«Третья» Россия отличалась от «второй» по нескольким важным параметрам.

Повторю, что до Смуты государство существовало как большая вотчина московского самодержца, полностью завися от его воли и даже черт его характера. Власть монарха ничем не ограничивалась, он мог обходиться с державой, как с собственным подворьем. Поэтому при сильном правителе страна развивалась, при среднем стагнировала, при слабом или неразумном приходила в упадок.

Центрального правительства как такового не существовало. Были доверенные лица, которым царь мог давать самые разные поручения – и военные, и гражданские.

Не существовало правильного областного управления, тем более представительства. Провинции целиком находились во власти присланных из Москвы наместников, платили установленные сборы, но не имели никакого голоса в решении собственных и общерусских проблем.

События Смуты продемонстрировали всю хрупкость и ненадежность подобной системы, а низовая, народная инициатива, с которой началось возрождение, доказала, что Россия уже не та, что раньше. По определению С. Платонова, вотчинно-государственное устройство сменилось государственно-национальным.

Все этажи государства, сохранив декор, стали функционировать иначе.

Во-первых, существенно изменилось положение самодержца. Первые Романовы – Михаил, Алексей, Федор – считаются слабыми царями, но это означает лишь, что государство нового типа могло существовать и при таких правителях. Фигура царя перестала быть единственной несущей опорой системы. (Могут возразить, что Федор Иоаннович, сын Грозного, был вовсе слабоумным, а страна все-таки развивалась, но в ту пору роль самодержца исполнял «ближний великий боярин» Годунов – в семнадцатом же веке столь полновластных временщиков не водилось.)

Не вполне ясно, была ли власть Михаила ограничена какими-то письменными гарантиями – мнения историков на этот счет расходятся. Есть косвенные свидетельства, что в 1613 году царь был избран на определенных условиях, выдвинутых не то Боярской думой, не то Земским собором. Если так, то эти кондиции должны были напоминать обещания Василия Шуйского (никого не судить без доказанной вины и решать государственные вопросы, советуясь с приближенными). Об этом напрямую говорится в псковском «Сказании о бедах и скорбех и напастях»: что Михаила «к роте приведоша» (привели к присяге), а потом «царя нивочтоже вмениша и не бояшеся его». О том же в середине столетия пишет эмигрант Григорий Котошихин, рассказывая шведам о российской власти: что «блаженныя памяти царь Михайло Федорович, хотя «самодержцем» писался, однако без боярского совету не мог делати ничего».

Текст присяги, если и существовал, до нас не дошел, и очень возможно, что ограничение власти первых Романовых было актом не принудительно-юридическим, а добровольным – как нечто, востребованное новой реальностью. Сторонний наблюдатель Олеарий, наслышавшийся ужасов про московский деспотизм былых времен, не без удивления замечает: «…Нельзя сказать, чтобы нынешние великие князья, хотя бы и имея ту же власть, нападали, наподобие тиранов, столь насильственным образом на подданных и на имущество их, как еще и теперь об этом пишут иные люди […]. Впрочем, и вообще о русских пишут весьма многое, что в настоящее время уже не подходит, без сомнения, вследствие общих перемен во временах, управлении и людях».

Само положение русского царя теперь стало не таким, как до Смуты. Богатства, тысячные толпы охраны, пышность придворного ритуала остались в прошлом. Летом 1612 года, уезжая из Москвы, комендант Гонсевский велел разграбить кремлевскую сокровищницу, чтоб было чем заплатить наемникам. Царские регалии он увез в собой «в заклад» за недополученные деньги. Кое-что – далеко не всё – потом было с большим трудом получено обратно. Как я уже говорил, коронация царя выглядела убого, по-сиротски.

Еще хуже обстояло дело со священным ореолом царского звания. Он сильно померк после свержения Дмитрия и Василия, после тушинского срама и боярской присяги католику Владиславу. Не забыли

в Москве и вчерашнее ничтожество Романовых: как их шельмовали при Годунове, как нынешний царь подростком состоял на мелкой придворной должности.

Для восстановления авторитета высшей власти понадобились долгие годы и немалые старания. Одной из таких мер стал знаменитый указ о «слове и деле государевом» – доносе на зазорные речи в адрес царя. Всякий, кто посмел хулить самодержца, хоть бы даже спьяну, подвергался жестокому наказанию. Почтение к династии прививали через страх.

Ограничение монаршьего самовластия сопровождалось некоторым восстановлением позиций Боярской думы. Она, безусловно, скомпрометировала себя сотрудничеством с оккупантом, но «старина» и «природность» этого древнего сословия была важнее провинностей.

В семнадцатом веке бояре обретают статус, какого не имели во «втором» государстве – особенно со времен Опричнины. Дума фактически стала центральным правительством. Ее члены возглавляли основные приказы (министерства), а некоторые входили в ближний круг царских советников.

Заседание Земского собора. *С. Иванов*

Не распускался после царского избрания и Земский собор, который с некоторой натяжкой можно считать чем-то вроде парламента – если не по полномочиям (никак не определенным), то по представительности.

Выборные от всех областей страны, периодически сменяясь, обсуждали все важные государственные вопросы. Первые десять лет, до 1622 года, Земский собор заседал непрерывно, но созывался он и потом, причем часто. В официальных документах появляется формула «по царскому указу и земскому приговору».

Помимо Боярской думы и Земского собора существовали исполнительные органы центрального правительства. Они назывались по-старому, приказами, однако теперь стали больше похожи на министерства и профильные департаменты. Окончательно приказная система «третьего» государства сформировалась при сыне Михаила, и рассмотрим мы ее, когда доберемся до той эпохи.

Сильно изменилось и устройство региональной администрации. Раньше она была всюду разной – такой, как сложилось исторически. Теперь структура стала единообразной. В каждую область назначали воеводу (губернатора), который являлся не просто военным начальником, как прежде, а сосредотачивал в своих руках и гражданскую власть. При этом, во избежание произвола, судебную власть передавали другому должностному лицу – губному старосте из дворян, которые «душою прямы, имением пожиточны и чтоб грамоте умели».

Воевод меняли часто, раз в два-три года. «Делается это для того, чтобы, с одной стороны, местность не испытывала слишком долго тягости несправедливого правителя, а с другой стороны, чтобы наместник не сдружился слишком сильно с подданными, не вошел в их доверие и не увлек их к отпадению», – объясняет Олеарий. Система эта работала неважно, но с основными своими обязанностями, сбором податей и мобилизационными функциями, справлялась, худо-бедно обеспечивала управление большой страной, а главное, не мешала ей медленно залечивать раны.

Трудный рост

Внутриполитическая деятельность центральной власти при Михаиле была почти целиком сосредоточена на двух направлениях: наладить административную систему и восстановить силы страны.

Как решалась первая задача, мы видели. Но вторую задачу с помощью одних только указов осуществить было нельзя.

Поначалу, при царице Марфе, когда еще не закончилась война, правительство действовало по законам чрезвычайного положения: облагало народ чрезвычайными налогами, собирало ратных людей принудительным порядком. Но с нищих городов и деревень много было не взять, а разоренные дворяне служили неохотно и при первой возможности дезертировали.

С возвращением Филарета действия власти стали более осмысленными и последовательными. Начинать следовало именно с дворянства, опоры государства. Произведенная перепись помогла разобраться, какие поместья остались без помещиков и какие помещики остались без поместий. Выморочные земли были

перераспределены, но обрабатывать их часто оказывалось некому – страна оскудела людьми. Тогда постановили, что, если у дворянина нет хотя бы пятнадцати крестьян, он от службы освобождается. Практика показала, что меньшего количества крепостных для военной экипировки недостаточно. Доходило до того, что многие дворяне предпочитали сами записаться в холопы, только бы не нести бремя ратной службы. Тогда, уже в сороковые годы, Земский собор издал новое постановление: добровольную запись в холопство дворянам запретить, но зато повысить ценз обязательной службы с пятнадцати «душ» до пятидесяти. Последнее новшество, кажется, подействовало – положение дворянства несколько улучшилось.

Для поддержки самых бедных помещиков, от которых разбегались и без того малочисленные работники, пришлось ужесточить меры по закрепощению крестьян. С этого времени их начинают продавать «на вывод», то есть без земли, а срок поимки беглых увеличивают до 15 лет.

В таких условиях сельское хозяйство восстанавливалось очень медленно. На возвращение к уровню хотя бы времен Ивана Грозного (который, напомню, привел страну в бедственное состояние) царствования Михаила не хватило.

С городами ситуация была еще хуже. За время Смуты население там сократилось втрое, что привело к невероятному упадку промышленности и торговли. У купцов не было оборотных средств, предприниматели не могли открывать новые производства.

В этих условиях правительство, очень нуждавшееся в быстрых поступлениях, стало все больше полагаться на иностранные деньги. Европейские коммерсанты охотно платили за право торговли и товарного транзита, что, с одной стороны, пополняло казну, но с другой – не давало развиваться отечественной коммерции. Русские купцы постоянно жаловались на разорительную конкуренцию со стороны иностранцев.

При этом самые выгодные виды торговли государство объявляло своей монополией. В Европе из-за Тридцатилетней войны (1618–1648) увеличилась потребность в селитре для производства пороха (ее в России было много) и зерне, которого русским не хватало самим, но нужда в деньгах была сильнее. Именно с этого времени хлеб становится главной статьей экспорта, оттеснив меха, спрос на которые у воюющих европейцев снизился. Из России теперь ежегодно вывозили

по несколько миллионов пудов зерна – на чужих кораблях, так как собственных не было.

В развитии промышленности тоже почти полностью пришлось полагаться на чужеземцев, обладавших капиталом и соответствующими знаниями.

С эпохи царя Михаила европейские «капиталисты» и «специалисты» становятся важным элементом российской экономики.

Немецкие, английские, голландские «рудознатцы» искали месторождения железа, меди, золота. Если золота в русских недрах не было, то железа и меди находилось достаточно. Там, где обнаруживали руду, немедленно объявлялись иностранные заводчики. На Урале стали выплавлять медь, под Тулой голландский купец Андрей Виниус наладил доменное производство, а потом получил грамоту на пушечное литье – с этого началось знаменитое тульское оружейное производство.

В Москве возникла целая колония иностранных профессионалов, которые умели лечить, строить мосты, производить ткани и стекло, часы и лекарства – всё, в чем появлялась нужда. Уже во времена Олеария (1630-е годы) в столице жило не менее тысячи европейских семей, и значение этого «города в городе» выходило далеко за пределы торгово-производственной сферы.

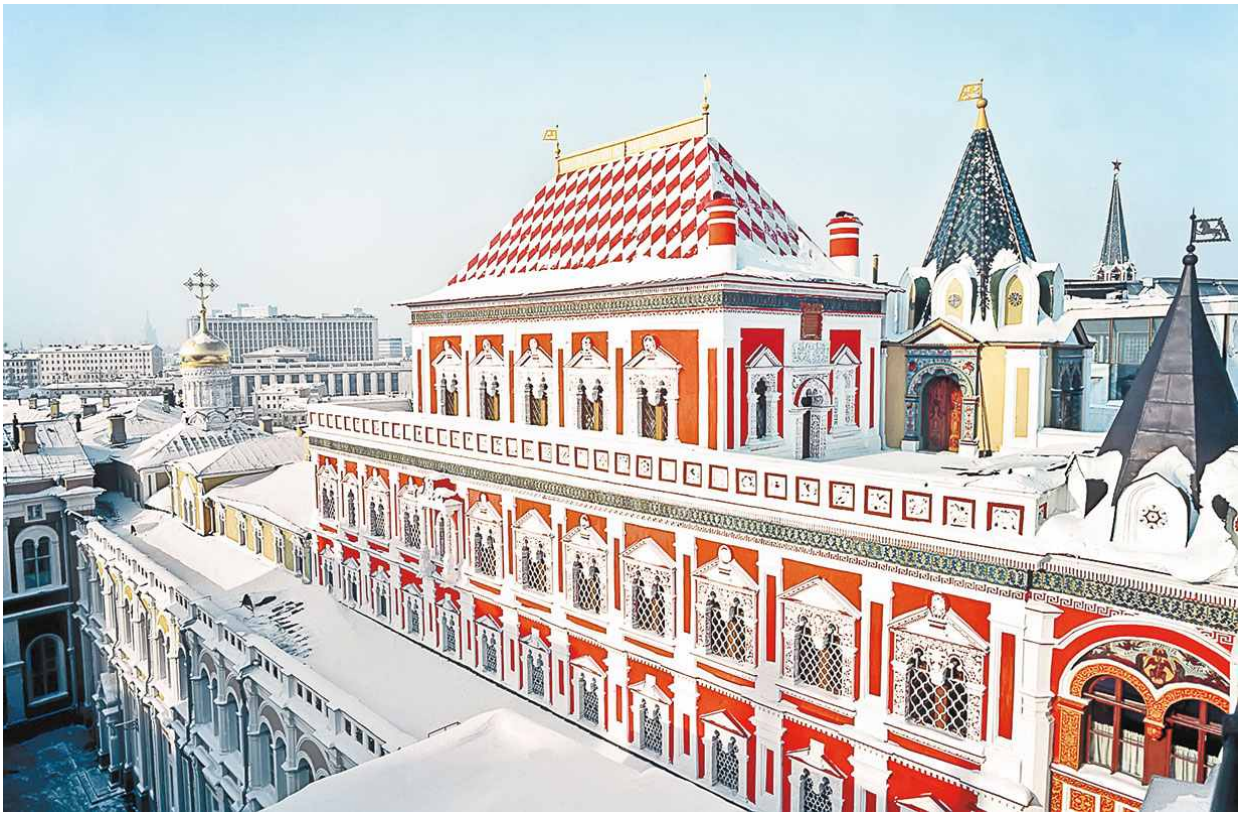
Островок Европы был для русских – разумеется, только высшего круга – чуть ли не единственным окном в мир. Иностранцам не доверяли, их опасались, но у них же многому и учились. Разговор об этом еще впереди.

Собственные начинания правительства при Михаиле были скромны.

Из-за скудости средств строили мало и только самое необходимое: крепости на южной границе для защиты от крымцев (так, в частности, возникли города Тамбов и Орел). Ради повышения царского престижа потратились на настоящую каменную резиденцию, каковых в Кремле прежде не бывало. Там появился Теремной дворец, построенный не иноземцами, а собственными архитекторами. Для казны это было немалым расходом, а для Москвы очень большим событием.

К этому же времени относится новшество менее отрадное. В поисках «легких доходов» правительство не только разрушало русскую торговлю, предоставляя льготы иностранцам, но и нанесло огромный

ущерб народным нравам, введя систему кабацкого откупа. Теперь стало возможно откупать у государства право на винную торговлю, которая необычайно расцвела и повлекла за собой обычные беды: спаивание и разорение населения. Особенно активно занялись этим прибыльным делом бояре, в том числе и царские родственники.



Теремной дворец. *Современный вид*

Пожалуй, единственной сферой быстрого развития было активное освоение просторов и ресурсов Сибири, но оно происходило почти само собой, с очень слабой и нерегулярной государственной поддержкой. Эпохальный процесс продвижения России на восток, к Тихому океану, растянулся на весь семнадцатый век, и я подведу итоги сибирской колонизации в конце тома.

Проблемы и испытания

Движение вперед с постоянной оглядкой назад, упорное цепляние за «старину», подозрительное отношение к новациям, конечно, не

могли привести к впечатляющим результатам. Конструкция и дух «третьего» русского государства, хоть и переформатированного, не соответствовали запросам ускорившегося хода истории. Остановлюсь на трех явлениях эпохи царя Михаила, дающих представление о тогдашнем состоянии России.

Во-первых, это **местничество –** давняя беда российской государственности, которая теперь разрослась до совершенно уродливых размеров.

Напомню, что «местничеством» называлась сложная иерархия служебных отношений между знатными семьями, которые имели право занимать те или иные должности в зависимости от родословия.

Личные заслуги и качества при этом не учитывались, и более родовитый человек всегда имел карьерные преимущества, даже если не обладал никакими способностями.

Существовала очень сложная система расчета «отечества» с исчислением генеалогических тонкостей и постов, которые занимали представители данного рода в прошлом. Этой премудростью ведал важнейший Разрядный приказ, нечто вроде центрального управления кадров.

От «места», которое занимал на этой лестнице род, целиком зависело благополучие всех его представителей, поэтому за каждую ступеньку шли ожесточенные сражения.

«Местничество» часто изображают спесивой и вздорной нелепицей, но у этой традиции были и логика, и смысл. Знатные люди тогда возвышались и погибали не индивидуально, а всем родом: взлет одного члена фамилии поднимал и всех родственников; при опале происходило то же самое, но в обратную сторону. Строго пирамидальная структура элиты, введенная Иваном III по ордынскому образцу, давала очень четкую дефиницию общественного положения: кто ближе к особе государя, тот и выше. Всякое нарушение заведенного порядка нарушало принцип «вертикали» и перепутывало всю субординацию.

Расцвет местничества, системы вроде бы архаичной, в семнадцатом веке объяснялся двумя причинами – политической и ментальной. В политическом смысле возросла роль боярства, для которого «старина» и «отечество» были основой бытия. В ментальном

отношении мелочное высчитывание, кто кем был в прежние времена, соответствовало общественной ностальгии по былому величию.

Боярская дума. *С. Иванов*

При двух первых Романовых местнические отношения стали серьезным тормозом развития, а иногда, как мы скоро увидим, даже приводили к катастрофе.

Эта система не признавала ни личных заслуг, ни подвигов, которые меркли перед цветистой родословной. Всякая попытка пробиться наверх «не по роду» была чревата суровым наказанием. Уличенного в нарушении правил «выдавали головой» более знатному сопернику, который подвергал виновного разным унижениям. Все судились со всеми – иногда при чтении документов складывается ощущение, что видные люди той эпохи только местническими дрязгами и занимались.

> Князь Пожарский мог быть тысячу раз героем, но его «выдали головой» боярину Борису Михайловичу Салтыкову по той веской причине, что один родич князя когда-то считался вровень с родичем Салтыкова, а тот уступает Борису

Михайловичу в «чести», стало быть, и Пожарский стоит ниже. В результате спасителя отечества поволокли на двор знатного ничтожества, и Салтыков по законному праву глумился над своим «обидчиком», который смиренно стерпел позор.

Во время пира в честь Рождества Богородицы князь Борис Лыков не захотел сесть ниже Ивана Романова, заявив, что ему это *невместно* – то есть не по «месту». Царь Михаил, признавая высокую родовитость Лыковых, напомнил, что боярин Иван – государев дядя, а это дает особые права.

Князь Борис подумал-подумал и заявил: он, так и быть, готов сесть ниже, но лишь если будет специально оговорено – это делается не по меньшей знатности, а исключительно из уважения к царскому родственнику. Тем самым государю пришлось бы признать, что Лыковы все-таки родовитее Романовых. Последовал высочайший отказ. Тогда Лыков развернулся и уехал домой, заявив, что лучше умрет на плахе, но «меньше» Ивана Романова не будет. Князь знал, что сейчас не времена Ивана Грозного и что на плаху его не отправят.

Иногда доходило до анекдота. Однажды во время приема персидского посла не могли сыскать рынд, которые должны были стоять в церемониальном карауле. Рынды были заняты: ругались между собой из-за мест, а царь сидел и ждал, чем это закончится.

Ссорились между собой не только мужчины, но и женщины, докучая царицам своими мелкими склоками.

Нескончаемые ссоры из-за того, кто какое займет место, и последующие тяжбы о «потерьке чести» (замечательная официальная формула того времени) так надоели царю, что все чаще стал применяться особый порядок церемониальных мероприятий: объявлялось, что на сей раз все будут «без мест» и потом никто никогда не должен ссылаться на нынешнюю расстановку или рассадку как на прецедент. Это новшество многим боярам не нравилось, они упрямились и обижались. В 1624 году князя Ивана Голицына за строптивость даже отправили в ссылку, отобрав поместья и вотчины, но эта кара ни на кого не подействовала. С точки зрения боярской этики,

пристойнее было подвергнуться наказанию, чем проявить малодушие и тем самым принизить весь свой род.

У первых Романовых не хватало решимости упразднить местничество, хотя вред этого обычая был всем очевиден.

Особенно губительной такая кадровая политика становилась во время войны, где часто все зависит от быстроты действий, стройности командной вертикали и, разумеется, качества руководства.

> Русская армия традиционно состояла из пяти частей: передового полка, большого полка, правой «руки», левой «руки» и сторожевого полка (арьергарда). Каждым «полком» командовал первый воевода, под ним был второй, третий. При этом самой почетной считалась должность первого воеводы большого полка, затем шел первый воевода правой «руки», первые воеводы авангарда и арьергарда были на равных и замыкал высшее командование первый воевода левой «руки». Далее в том же порядке располагались вторые воеводы и так далее. Все чины распределялись строго по родовитости. Мало того: если в одном войске служили старший и младший представители одной фамилии, то разница в чинах между ними не могла быть ни меньше, ни больше двух ступеней.

При таких порядках было не до деловых качеств командного состава – не отклониться бы от строгих установлений. Когда же такое происходило (и не могло не происходить), начинались конфликты, неисполнение приказов, а то и наступал полный паралич.

Ход первой же большой войны «третьего» государства показал всю пагубность местнической системы.

Как уже говорилось, главной мечтой Филарета было возвращение отнятых поляками земель.

В первые годы после Смуты этот план казался недостижимым – России было не до войны, но правитель не жалел сил и средств, возрождая национальную армию. Разрушенная страна тратила львиную часть своих невеликих доходов на укрепление военного потенциала.

Дворянство хоть и медленно, но оправлялось. Число помещиков, способных явиться по зову в предписанном законом боевом снаряжении, постепенно увеличивалось.

> О том, что это было за снаряжение, можно прочитать у Соловьева: «Дворяне, дети боярские и новики [беспоместные дворяне] должны были являться на службу в сбруях, в латах, бехтерцах, пансырях, шеломах и в шапках мисюрках; которые ездят на бой с одними пистолями, те кроме пистоля должны иметь карабины или пищали мерные; которые ездят с саадаками, у тех к саадакам должно быть по пистолю или по карабину; если люди их будут за ними без саадаков, то у них должны быть пищали долгие или карабины добрые; которые люди их будут в кошу [обозе], и у тех, для обозного строенья, должны быть пищали долгие; а если у них за скудостью пищалей долгих не будет, то должно быть по рогатине да по топору».

Но Филарет не довольствовался подготовкой дворянского ополчения. Москва начала создавать настоящую армию европейского образца.

Сначала хотели поступить, как делалось раньше: нанять обученных солдат-иностранцев. В 1631 году решили завербовать в Европе пять тысяч пехотинцев, но скоро поняли, что выгоднее обучить западному строю собственных людей – это обходилось впятеро дешевле.

Тогда же закупили 10 000 мушкетов и 5000 шпаг. Иностранные офицеры стали учить русских ратников европейской воинской премудрости: немецкому конному бою и шотландской залповой пальбе, разным видам строя и так далее.

Кавалерия состояла из тяжелых рейтаров и легких драгун (они появились позже), пехота – из мушкетеров и пикинеров. Всего таких полков приготовили десять: четыре целиком иностранных и шесть русских, но с иностранными офицерами (немцами, британцами, шведами, голландцами). Иноземному рейтару платили по 40 рублей в год – впятеро больше, чем русскому.

Состав армии, включая дворян, служилых казаков и татар, в начале 1630-х годов был доведен до 67 000 человек – конечно, меньше, чем в годуновские времена, но все-таки существенно больше, чем у заклятого врага Сигизмунда, целиком зависевшего от сейма.

Срок перемирия, заключенного с Речью Посполитой, истекал в 1633 году, и очень возможно, что Филарет готовился начать войну

именно в этот срок, но в апреле 1632 года польский король умер, и у соседей началось «бескоролевье», всегда предшествовавшее выборам нового монарха. Упускать столь удобный момент было жалко.

Москва собрала все самые боеспособные части – 32 тысячи воинов при полутора сотнях пушек – и разорвала мирное соглашение. Для верности сговорились еще и с Густавом-Адольфом Шведским, который претендовал на польскую корону.

Дело казалось нетрудным. Армия готова, поляки рядятся между собой, а кроме того, есть сильный союзник.

Но заспорили полководцы: князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский и князь Борис Михайлович Лыков (тот самый, что не желал садиться ниже Ивана Романова) – кто из них «старее». Попытки примирения ни к чему не привели. Пришлось подыскивать новых командующих, что тоже оказалось непросто.

В конце концов приняли смелое решение – провести эту войну «без мест», оговорив, что все кадровые назначения потом «засчитываться не будут». Это позволило назначить полководцем неродовитого Михаила Шеина, героя легендарной смоленской обороны, тем более что идти предстояло к Смоленску.

Но местническая эпопея слишком затянулась. Удобный момент был упущен, армия выступила в поход только в октябре. За это время доблестный Густав-Адольф успел погибнуть на далекой европейской войне, так что на шведов рассчитывать теперь не приходилось. Смоленский гарнизон имел время подготовиться к обороне. К тому же началась осенняя распутица, а за ней надвигалась и зима.

Сначала дела шли неплохо. Маленькие города и крепости сдавались одна за другой, но у стен Смоленска пришлось остановиться. Этот орешек, когда-то такой крепкий для поляков, теперь с тем же упорством не давался русским.

Солдат в городе было немного, но мощные стены и башни стояли прочно, а Шеин, кажется, лучше умел обороняться, чем нападать.

Если б войско явилось к Смоленску раньше, поляки сдались бы, не имея припасов. Теперь приходилось ждать, когда в городе опустеют склады.

Московская армия простояла под Смоленском много месяцев и достоялась до беды.

На Русь, отправившую боеспособные силы к западной границе, напал крымский хан и разграбил страну чуть не до самой столицы. Многие дворяне, узнав об этом, кинулись по домам – спасать свои семьи.

Затем, в мае 1633 года, Речь Посполитая наконец избрала себе короля – того самого Владислава, который до сих пор считал себя царем московским.

Владислав IV сначала наслал на русские земли казаков, а сам тем временем собрал довольно большое войско, 23 000 человек, и в августе явился к Смоленску.

В ходе боев, растянувшихся на полтора месяца, поляки произвели удачный рейд в русский тыл и захватили Дорогобуж, где находились склады и обозы Шеина. Его армия, отрезанная от коммуникаций, осталась без снабжения и подкреплений.

Попытка прорваться с боем не удалась – для этого требовалась сильная кавалерия, а ее не было.

Шеин оказался блокирован. Его люди слабели от голода и умирали от болезней. Наступили холода, но каждая вылазка за дровами давалась большой кровью. А Москва подмоги не присылала – ратников взять было негде. Требовались какие-то экстраординарные меры, но у Михаила не хватало на это воли, а Филарет осенью 1633 года умер.

В начале декабря Владислав предложил окруженному войску сдаться. Шеин отказался, но надеяться ему было не на что. Оставалось или бессмысленно погубить всех людей, или капитулировать. Воевода кое-как продержался до февраля 1634 года, а потом все-таки принял тяжелое решение. Ради того, чтобы увести из-под Смоленска остаток армии, от которой уцелела едва четверть, восемь тысяч человек, Шеин сдался на унизительных условиях. Русское войско положило перед королем наземь свои знамена, а сам командующий должен был сойти с лошади и низко поклониться. Только после этого побежденные смогли уйти, но всю артиллерию оставили полякам – за исключением 12 пушек, которые Владислав, словно в насмешку, подарил Шеину обратно.

На родине старого полководца встретили как изменника и предали казни – главным образом за поругание чести, хотя вина за этот национальный позор целиком лежала на Москве, ничего не

предпринявшей для выручки армии. Получилось, что Шеин спас восемь тысяч человек ценой собственной жизни.

Смоленская капитуляция. *П. Саутман*

У поляков хватило сил на одну успешную операцию, но не на победоносную войну. Как обычно, иссякли деньги на жалованье солдатам, кончилось продовольствие и первая же заминка – у стен крепости Белой – лишила войско боевого пыла. А тут еще стало известно, что к польским границам движутся турки.

Король заторопился поскорее окончить войну. Условия мира оказались на удивление мягкими. Полякам вернули добытые городки (чтобы Владислав мог хоть что-то предъявить своей стране в качестве трофея), взамен король отказался от бесполезного царского титула.

> В истории редко бывает, чтобы после сокрушительного поражения, фактически оставшись без армии, проигравшая страна отделывалась так легко. Причина была весьма любопытной и, возможно, даже беспрецедентной: глава государства получил взятку. Владислав согласился на невыгодные для Польши условия, потому что русские тайно, без записи и каких-либо объявлений, пообещали выдать ему 20 000 рублей. Королю были очень нужны деньги, причем не государственные, подотчетные, а личные. Этот курьезный

эпизод лучше всего демонстрирует главную причину слабости польско-литовского государства, в котором у монарха могли быть интересы, отличные от интересов страны.

Так или иначе попытка реванша, на которую Россия долго и мучительно копила силы, провалилась.

После этой неудачи Москва резко сократила военные расходы и на время отказалась от наема иностранных солдат.

Оставшись один, без отца, царь Михаил собирался жить мирно.

Но через несколько лет это намерение подверглось серьезному испытанию. По стечению обстоятельств – можно сказать, само собой, – у Москвы появилась возможность совершить важный прорыв: утвердиться на краю Черноморского бассейна.

Там, в низовье Дона, стояла мощная турецкая крепость Азов, сторожившая выход в море.

И вот в 1637 году случилось нечто неожиданное: донские казаки захватили эту почти неприступную цитадель.

Произошло это от нехватки припасов, голодной весной. Казаки отправили в Москву ходатаев за продовольствием, но не дождались и пошли «чинить промысел» к Азову. По пути они задержали турецкого дипломата Фому Кантакузина, следовавшего в Москву, и зачем-то убили вместо со свитой, не пожалев даже греческих монахов.

Азов взяли отчаянным штурмом, подорвав одну из стен пороховой миной. Перерезали всех турок до последнего человека, христианских пленников (их было две тысячи) освободили, город разграбили. Стали думать, что делать дальше. Написали царю: Азов-де захватили, турецкого посланника убили, басурман всех порубили, просим принять город под государеву руку.

В Кремле такому подарку не обрадовались и поспешили сообщить султану, что Москва тут ни при чем, что донские казаки воры и ослушники, а приструнить их нельзя, ибо они сами по себе.

Но чудеса продолжались. Азовское «сидение» затянулось надолго.

Сначала Турции было не до казаков – султан воевал с персидским шахом. Потом в Стамбуле сменилась власть, и у нового султана Ибрагима I долго не доходили руки до азовской проблемы.

Только через четыре года к Азову прибыла карательная экспедиция. Если верить казацким рассказам, турки привезли на кораблях 240 000 воинов, но это, конечно, художественное преувеличение. Судя по количеству галер, использованных для транспортировки войска (сорок кораблей), один ноль, вероятно, можно убавить. Но в любом случае армия была очень большой и намного превосходила силы осажденных.

> Казакам предложили сдаться, говоря, что московский царь от них отказывается и что помощи они не дождутся. В «Повести об Азовском сидении», написанной современником событий, приводится ответ защитников, из которого явствует, что казаки очень хорошо понимали, как к ним относятся в Москве: «Да еще вы, басурманы, нас пугаете, что не будет нам из Руси ни припасов, ни помощи, будто к вам, басурманам, из государства Московского про нас о том писано. А мы про то и сами без вас, собак, ведаем: какие мы на Руси, в государстве Московском, люди дорогие и к чему мы там надобны!.. Не почитают нас там, на Руси, и за пса смердящего. Бежали мы из того государства Московского, от рабства вечного, от холопства полного, от бояр и дворян государевых, да и поселились здесь в пустынях необъятных. Живем, взирая на бога. Кому там о нас тужить, рады там все концу нашему!..А мы у вас взяли Азов-город по своей казачьей воле, а не по государеву повелению, ради казачьих зипунов своих и за ваши высокомерные лютые помыслы. За то на нас, холопов своих дальних, государь крепко обижен. Боимся от него, государя царя, за то взятие азовское себе наказания смертного».

Казаки оборонялись мужественно и изобретательно, отразив множество приступов и проявив отличное знание саперной науки. Турки никак не могли взять крепость, потеряли множество людей, проели все припасы и в сентябре 1641 года с конфузом уплыли восвояси.

Было ясно, что они вернутся снова с еще большими силами, и азовцы опять попросились в подданство к царю Михаилу Федоровичу.

Теперь в Москве задумались всерьез. Соблазн, конечно, был велик, а турки оказались не так уж страшны, если не смогли справиться с горсткой «воров», которые, может быть, никакие не воры, а герои и верные царские слуги.

Такие важные дела в «третьем» государстве без Земского собора не решались. Можно вспомнить, что Иван Грозный в 1566 году тоже созывал собор для обсуждения вопроса, продолжать ли Ливонскую войну, но тогда, в разгар опричного террора, никто и не думал перечить воле государя. При царе Михаиле с представителями земель советовались по-настоящему.

Перед выборными «из всех чинов, лучших, средних и меньших» поставили два вопроса: брать ли в подданство Азов и если взять, то как потом удерживать?

Отвечали по сословиям.

Духовенство сказало, что ему такие решения «не за обычай» и оно поможет молитвой. Дворяне говорили уклончиво и по-разному: уступать-де басурманам вроде бы нельзя, но снаряжаться из-за бедности нечем. Жаловались на «худые торжишки» купцы, но выражали готовность на новые жертвы ради христианского дела. Посадские только перечисляли свои обиды и притеснения. Бодрость явили одни стрельцы. Как люди ратные они были непрочь повоевать. В целом собор всячески декларировал патриотизм и упование на царскую мудрость, но общий тон был настороженный.

Выход в Черное море был очень нужен, нужен был и плацдарм против крымских грабителей, но это только на первый взгляд казалось, будто Азов достался даром. Посчитав и прикинув, правительство оценило стоимость войны с Турцией в 200 000 рублей, сумму для казны фантастическую, да и веры в русское оружие после Смоленска было немного.

Посоветовавшись с ближними людьми, царь с сожалением велел казакам из Азова уходить, а в Константинополь отрядил посольство с заверениями в любви к «брату Ибрагим-султанову величеству».

Казаки разрушили азовские укрепления и вернулись на север.

Полвека спустя задачу, которой устрашился Михаил, придется выполнять его внуку Петру. Азов будет взят ценой огромных затрат и

большой крови.

Международные отношения

Из-за общего ослабления экономической и военной мощи Россия стала больше зависеть от геополитической ситуации. Москве постоянно приходилось искать союзников, добиваться денежных ссуд, развивать внешнеторговые связи, заимствовать иностранные технологии. Дипломатия становится одной из важных забот государства.

Главным направлением, конечно, было польское. Грозного соседа в Москве ненавидели, понемногу готовясь к реваншу, но боялись. В 1621 году приезжал Фома Кантакузин (тот самый, которого потом убьют донские казаки) с грамотой от султана. Михаила, а вернее Филарета, звали участвовать в войне с Варшавой. Государь-патриарх ответил, что первым на поляков не нападет – в ту пору нападать было и не с чем. Когда же Филарет решил, что момент для войны настал, мы видели, какой дорогой ценой это обошлось России. После мира 1634 года о реванше больше не помышляли и старались жить с Владиславом в мире.

Отношения с другими державами были подчинены всё той же доминанте – поддержанию баланса в польско-русском споре, а если получалось насолить Речи Посполитой чужими руками, так тем лучше.

Самым сильным игроком на поле восточноевропейской политики была Турция, однако в царствование Михаила Османское государство на этом театре вело себя пассивно.

> Великая мусульманская империя переживала не лучшие времена. Ее продвижение на запад остановилось, на востоке шла затяжная борьба с персидским шахом Аббасом I, а после смерти воинственного султана Ахмеда I (1617) начался долгий кризис власти. Следующий монарх Мустафа I был психически ненормален – его свергли, вернули, снова свергли, посадив на трон малолетнего Мурада IV. Только в 1630-е годы, когда Мурад достиг зрелости, Турция вновь стала вести активные завоевательные войны – но не в Европе, а в Азии. При этом государе-воине турки одержали ряд побед над персами, захватили Армению и Багдад, но в 1640 году

молодой султан умер, а его преемник Ибрагим I был правителем слабым и непопулярным. В конце концов его низложили и умертвили собственные подданные (в 1648 году).

От Москвы османам нужно было только одно: чтоб держала в узде казаков, грабивших турецкие владения. Русские, в свою очередь, жаловались на крымцев, вассалов Константинополя. Взаимные претензии занимали основную часть дипломатической переписки, в остальном состоявшей из пустопорожних уверений в братской любви. Царь не мог полностью контролировать казаков, точно так же и крымские ханы далеко не всегда слушались султана.

Что касается Крыма, там тоже происходили серьезные внутренние перемены.

Можно было бы ожидать, что Смута вызовет у неспокойного южного соседа искушение вторгнуться в русские пределы и даже захватить Москву, как несколько десятилетий назад попытался сделать Девлет-Гирей. Но, как мы видели, больших войн с Крымом в это время не происходило.

Полуостровная монархия уже не была примитивным хищническим сообществом, живущим только добычей. Крым начинал превращаться в настоящее государство с собственной экономикой и самобытной культурой. Аристократия приобретала новые утонченные привычки, среди ханов стали появляться ценители искусства и поэты. Ханство всё еще пополняло свою казну грабежом русских и польско-украинских земель, но по сравнению с предыдущим столетием это происходило в гораздо меньших масштабах. По мере становления нации усиливалось стремление к независимости от Константинополя. Крым уже не был послушным орудием турецкой политики. Еще одним важным фактором, влиявшим на сравнительную пассивность крымцев этого опасного для России периода, была острая борьба между кланами крымской знати. Постоянно возникали заговоры и междоусобицы, происходили перевороты.

После смерти сильного Газы II Гирея (1607) началась чехарда: на протяжении следующих сорока лет, с худших времен Смуты и до конца правления Михаила, власть на полуострове менялась восемь раз (в 1608, 1610, 1623, 1628, 1635, 1637, 1641 и 1644 гг.). В этих условиях

ладить с Крымом было нетрудно. Москва откупалась небольшой мздой и подарками, и татарские беки предпочитали кормиться за счет польской Украины, что поощрялось и турками, которые враждовали не с Россией, а с Речью Посполитой.

Большое значение при царе Михаиле обретают отношения с Персией.

В политическом смысле Москве было выгодно соперничество между шахом и султаном, нейтрализовавшее турецкую военную угрозу и позволявшее просить денег у персов (например, Аббас помог ссудой на последнем этапе польской войны). В 1630-е годы персы даже соглашались отдать России христианскую Грузию, надеясь тем самым вовлечь царя в конфликт с Турцией, но осторожный Михаил, как и в ситуации с Азовом, от такого подарка благоразумно отказался.

Кроме того, через русские земли проходил транзит европейско-персидской торговли, суливший немалые прибыли. Русское купечество из-за оскудения мало пользовалось этим географическим преимуществом, зато государство могло наживаться на таможенных сборах и продавать иностранным коммерсантам право на покупку и продажу товаров. Эту привилегию у Москвы постоянно выпрашивали все основные европейские страны. Российское правительство колебалось и торговалось, не зная, кому отдать предпочтение. В 1634 году решило, чтобы ни с кем не ссориться, продать льготу маленькой Голштинии за хорошие деньги – 600 000 талеров в год, но голштинцы с такой платой не справились, и их торговая компания скоро обанкротилась.

> Московская дипломатия всегда очень привередничала по части этикета: царского титулования, всякого рода поклонов, тонкостей церемониала. За малейшее нарушение дотошных инструкций о соблюдении государевой «чести» дипломатов сурово наказывали – особенно при поездках в восточные страны, где тоже придавали важное значение ритуалам. В этом смысле миссия в персидский Исфахан была делом небезопасным.
>
> В 1618 году дьяк Тюхин был вынужден выслушать от шаха Аббаса сердитые речи в адрес российской непочтительности и ничего не ответил (по персидскому

придворному этикету это было бы и немыслимо). За урон государевой чести бедного посланника по возвращении били кнутом, жгли клещами и сослали в Сибирь. Несколько лет спустя на другого посла, князя Григория Тюфякина, донесли, что он на пиру у шаха не до конца осушил чашу за царское здоровье, да еще привез тайком в сундуке персидскую девку. Девку князю, может быть, и простили бы, но за недопитую чашу посадили в тюрьму с конфискацией имущества.

Если на Востоке главным союзником была Персия, то на Западе – Швеция, ибо ничто не объединяет лучше, чем общий враг.

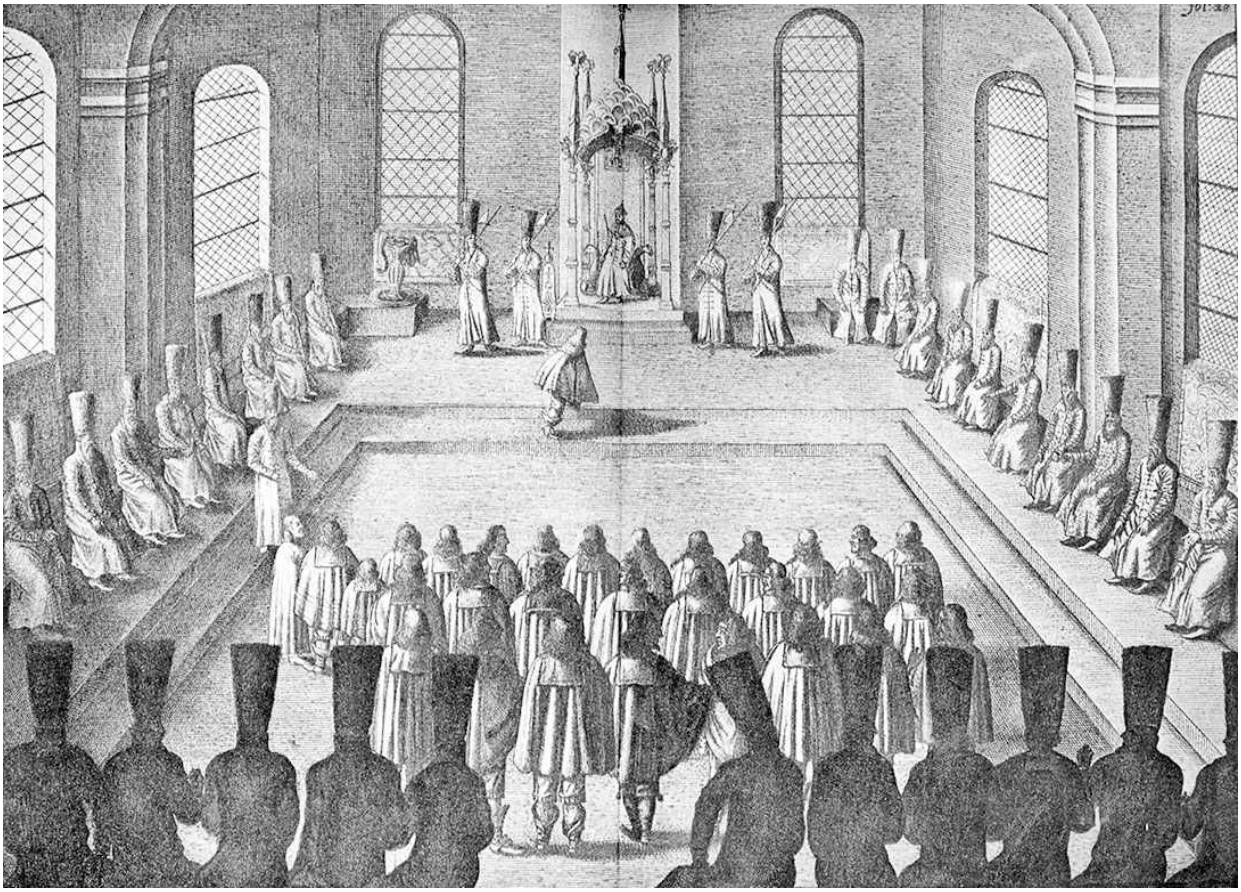
Король Густав-Адольф (1611–1632) сначала долго воевал с Польшей, потом ввязался в большую европейскую войну. С Россией ему делить было нечего. Отношения складывались взаимовыгодные: шведы закупали хлеб и селитру, русские – оружие. Собирались вместе повоевать с поляками, но не получилось. Сначала Москва была не готова и на уговоры не поддавалась, а когда наконец решилась, Швеция уже крепко увязла в Тридцатилетней войне.

Связи с более далекими европейскими странами складывались по одному сценарию. Москва всё пыталась найти союзников для борьбы с Польшей, но континентальным державам это было ни к чему – хватало собственных конфликтов. Россия всех интересовала мало – лишь как поставщик зерна да распорядитель персидского транзита.

С Францией обменивались любезностями и, как водится, пикировались из-за важного вопроса, снимать ли послу перед царем шляпу и отцеплять ли шпагу. Безлесной Голландии кроме непременных зерна с селитрой продавали много древесины, а также лен и пеньку.

Особенные отношения с Англией сложились еще с середины прошлого века, благодаря активности лондонских купеческих компаний, первыми открывших архангельскую торговлю. Когда в 1617 году изнемогавшая в войне Москва просила финансовой помощи у всех, у кого могла, обратились и к королю Якову. Послам было велено занять двести или хотя бы сто тысяч рублей, а меньше сорока не брать, потому что зазорно. Но в результате взяли и двадцать, в те времена было не до гордости. (Через несколько лет, когда дела немного поправились, долг вернули.) Но в самом конце правления Михаила связи стали портиться. На острове началась революция, что не могло

нравиться самодержавной России. О любопытном развитии русско-британских контактов в период уже не русской, а английской смуты я расскажу в разделе, посвященном эпохе царя Алексея Михайловича.



Царь принимает посла. *Рис. XVII в.*

На датском направлении русской дипломатии остановимся подробнее, поскольку с ним связан один из самых интересных эпизодов этого тусклого царствования.

При феноменально долгом правлении короля Христиана IV (1588–1648) Дания стала важной державой, претендующей на первенство в Балтийском регионе. Она в целом успешно воевала со Швецией, датская промышленность и торговля были на подъеме. Между Москвой и Копенгагеном традиционно существовали мир и согласие, причиной чему была взаимная нелюбовь к шведам (по крайней мере, так было вплоть до Столбовского мира 1617 года). Но и после этого русско-датские связи оставались прочными. Однажды чуть было даже не заключили военный союз, но не пришли к согласию, чье имя писать

первым – Христиана или Михаила. С точки зрения датского короля, сама постановка вопроса была абсурдна: Россия тогда в мировой политике котировалась очень низко. Но и царь не мог согласиться на принижение своего звания. Так и не сговорились.

При этом Романовым очень хотелось породниться с датским домом. Первая попытка – женить сына на родственнице Христиана – была с пренебрежением отвергнута. Но двадцать лет спустя положение Москвы заметно поправилось, и новые матримониальные переговоры оказались более успешными.

В 1641 году в Москву приехал девятнадцатилетний датский принц Вальдемар-Христиан, ходатайствовавший о торговых привилегиях. Привилегий ему не дали да и не собирались давать – просто хотели присмотреться к молодому человеку.

Беспокоясь из-за слабого здоровья наследника, царь придумал найти иностранного зятя. На Руси большое значение придавали прецедентам, а тут он как раз имелся: точно так же сорок лет назад царь Борис пытался выдать дочь за датского принца Иоанна. Вальдемар, правда, был не совсем королевич, а сын «с левой руки», то есть от морганатического брака, но это повышало шансы на положительный ответ.

В Москве Вальдемар понравился. Он оказался здоров и разумен, волосом рус, ростом не мал, глазами сер, лицом пригож – жаль, только «тонок».

Вскоре после возвращения принца домой в Копенгаген прибыли русские послы. Сначала добивались, чтобы король разрешил сыну переменить веру, – не добились. Тогда пообещали в этом вопросе не упорствовать и даже дозволить строительство протестантской церкви. Принцу очень хотелось получить изображение царевны Ирины – отказали. Русские люди той эпохи портретов с себя не писали, опасались сглазу и колдовства. Зато посулили в приданое два княжества, Суздальское и Ярославское. После такого аргумента принц засобирался в дорогу.

Он прибыл в Москву на исходе 1643 года и сразу понял, что его обманули. Царю был нужен православный зять, иначе

брак утрачивал всякий смысл. Патриарх, а вслед за ним и государь стали принуждать Вальдемара к перемене веры.

Принц возмутился, ссылаясь на условия брачного соглашения. Ему отвечали, что на Руси всё определяет воля государя, а государю угодно выдать дочь за православного. Посмотреть на невесту тоже не дали – сказали лишь, что девка собой красна и не пьяница.

Пять месяцев Вальдемар тщетно упрашивал, чтобы его отпустили восвояси. В мае 1644 года, потеряв терпение, предпринял отчаянную попытку вырваться силой, со шпагой в руке, причем даже заколол какого-то стрельца, но, конечно, был задержан и поколочен.

Король слал в Москву посланцев одного за другим, требуя, чтобы сына вернули. Разгорался нешуточный международный скандал, дело шло чуть ли не к датско-русской войне, которая окончательно запутала бы и так мудреный европейский узел.

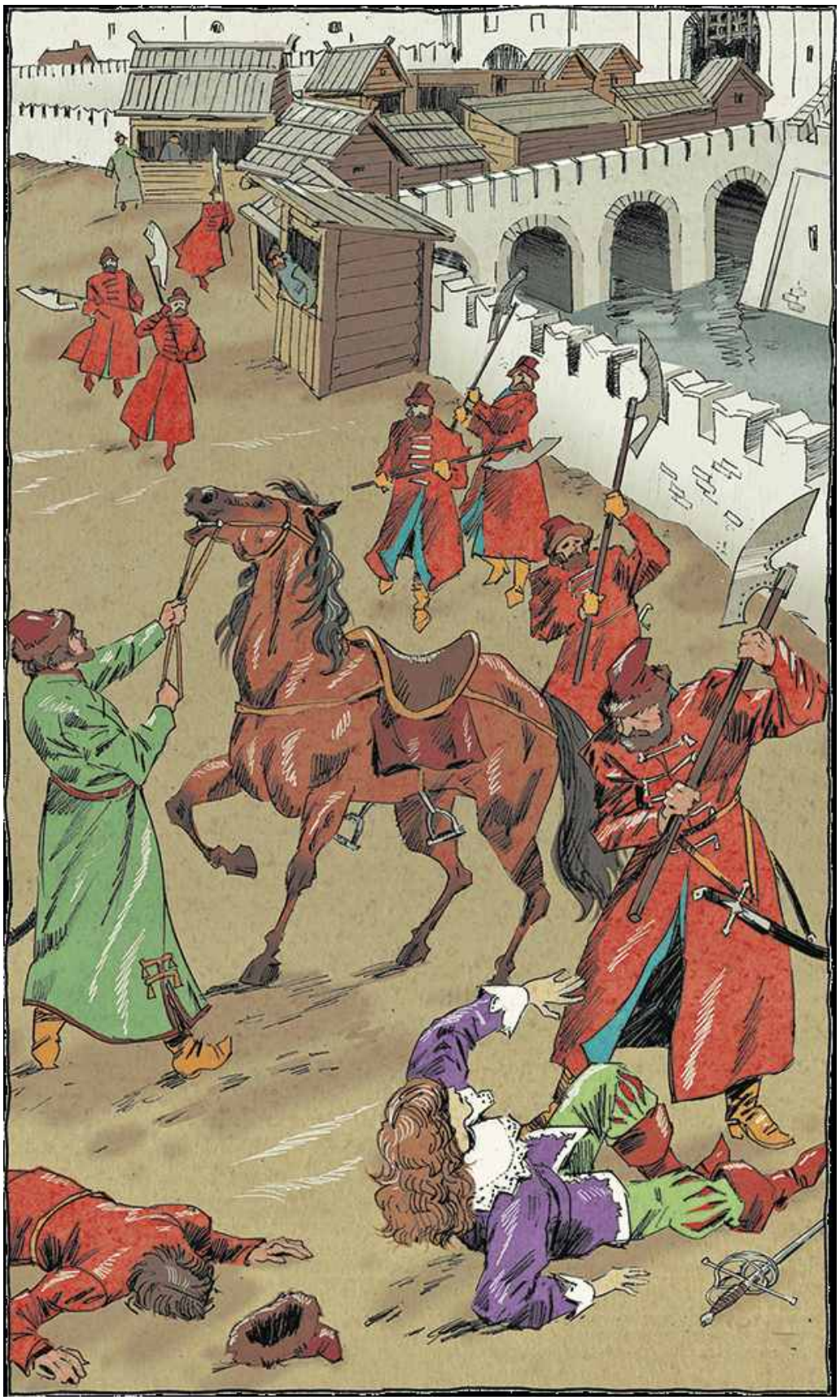
Но Михаил, как это с ним бывало в семейных делах, заупрямился. Он говорил, что отпустить жениха будет позором для державы и для невесты.

Пишут, что эти переживания свели государя в преждевременную могилу. Лишь после кончины Михаила злополучный Вальдемар смог выбраться из московской ловушки.

Эта курьезная эпопея хорошо иллюстрирует не только плохое понимание русскими европейских порядков, но и отношение тогдашних европейцев к России – как к полуварварской стране, которая придерживается сектантской веры, не понимает смысла договоров и заслуживает внимания лишь как источник торговой прибыли.

В целом международное положение России при Михаиле можно коротко описать так: на Западе шла одна большая война, за европейскую гегемонию, на Востоке – другая, между турецкой и персидской империями, и отсталая, второстепенная страна никого всерьез не интересовала.

Оно, несомненно, было и к лучшему. Оставленная в покое, Россия понемногу оправлялась после Смуты и копила силы. Вскоре русская держава вновь начнет претендовать на большее.



Принц Вальдемар пытается сбежать. *И. Сакуров*

Яркие личности неяркого времени

По контрасту с трагедиями Смутного времени следующие три десятилетия кажутся малособытийными, а люди измельчавшими. Отчасти так оно и есть – в «неинтересную» эпоху жизнь утрачивает драматизм и перестает выбрасывать на поверхность красочных героев и злодеев.

Но это не значит, что в этот период на Руси не было ярких личностей. Они есть всегда. Коротко расскажу о трех характерных фигурах михайловского царствования.

Судьба **Ивана Тарасовича Грамотина** вся состояла из взлетов и падений – такое уж было время и такой был человек. Год его рождения неизвестен, так как Грамотин происходил из неродовитого дворянства и в конце годуновского правления состоял на мелкой дьяческой должности в Поместном приказе. (Тогда гражданская служба почиталась ниже ратной, и знатные дворяне на нее не шли.)

В 1610 году он сопровождал великое посольство Филарета и князя Голицына, отправленное к Сигизмунду договариваться о воцарении королевича. Грамотин был из тех, кто соблазнился посулами поляков и перешел на их сторону. Там сметливого и расторопного чиновника оценили по заслугам, выдвинули на видную должность, пожаловали землями.

Иван Тарасович стал правой рукой Гонсевского, когда тот губернаторствовал в Москве. Когда полковник уехал из русской столицы, умный дьяк сообразил, что ему оставаться в обреченном городе тоже не стоит, и отправился за своим покровителем. В конце 1612 года он участвовал в походе Сигизмунда на Москву, а когда стало ясно, что полякам не победить, снова перебежал в противоположный лагерь.

Главного пособника оккупантов, «всякому злу начальника» не только простили, но и поставили во главе

Посольского приказа, который считался одним из главных, поскольку вел мирные переговоры и добывал казне деньги за границей. Как мы видели, со своей работой ведомство Грамотина справлялось неплохо. Это ему принадлежала главная заслуга в заключении мира с Польшей и Швецией.

В 1621 году думный дворянин Грамотин затеял небывалое на Руси дело: выпускать некое подобие информационного бюллетеня. Он назывался «Куранты» и издавался рукописно, в нескольких экземплярах, которые распространялись среди высших сановников. Из «Курантов» те узнавали, что происходит за границей – большое и важное для Москвы новшество.

Иван Тарасович вообще любил все иностранное и слыл западником. Масса пишет, что он «похож на немецкого уроженца, умен и рассудителен во всем и многому научился в плену у поляков и пруссаков». Этот «министр иностранных дел» обладал сильным характером, не боялся перечить самому Филарету, и в 1626 году патриарх отправил его в дальнюю ссылку, но в 1633 году, сразу после смерти отца, царь вернул дьяка обратно. Непотопляемость Грамотина можно объяснить только блестящими способностями, очевидными для современников. Поставив Ивана Тарасовича на прежнюю должность, Михаил поступил мудро. После проигранной войны Грамотин сумел выторговать у поляков поразительно мягкие условия (вспомним ловкую взятку, данную самому королю). Хитроумный дьяк руководил русской дипломатией до самой своей смерти в 1638 году.

Не менее интересной фигурой был неоднократно поминавшийся **Иван Борисович Черкасский** (ок. 1580–1642). Сын приезжего кабардинского князя, породнившегося с Романовыми и погибшего во время годуновских репрессий, он приходился царю Михаилу двоюродным братом. Это определило взлет карьеры Ивана Борисовича после утверждения новой династии. К тому времени, к 1613 году, он ничем особенным не отличился, да и при царице Марфе находился на вторых ролях, но с возвращением Филарета быстро пошел в гору. Патриарх любил и отличал племянника,

давал ему важные поручения, ратные и гражданские, и князь Иван так хорошо с ними справлялся, что в 1624 году его делают фактическим главой правительства: он возглавляет несколько ключевых приказов, в том числе Приказ Большой Казны, Приказ Казенного Двора, Иноземский приказ, военные приказы и небольшой, но очень важный Аптекарский приказ, ведавший медицинским обслуживанием царской семьи. Впрочем, в той еще не вполне сформировавшейся правительственной системе подобные назначения не носили постоянного характера, и царь поручал особо доверенным лицам руководить деятельностью то одного, то другого ведомства, когда оно по какой-то причине обретало сугубую важность.

Известно, что князь участвовал в выборе обеих цариц – и Марии Долгорукой, и Евдокии Стрешневой.

Когда же Михаил после смерти Филарета остался один, Иван Борисович занял место главного царского советника, без которого не принималось ни одно большое решение. Можно сказать, что слабый монарх переместился из тени отца под опеку первого министра, и в этот период (1633–1642), в отличие от предыдущего и последующего, правительство не совершило ни одной крупной ошибки.

Еще один замечательный персонаж эпохи был далек от власти и не занимал государственных постов, но вошел в отечественную историю как первый русский вольнодумец.

Иван Андреевич Хворостинин (год рождения неизвестен, умер в 1625 году) был потомком ярославских удельных князей и одним из фаворитов первого Лжедмитрия, который любил окружать себя людьми живого ума, столь немногочисленными среди московской знати. Князь Иван Андреевич занимал при самозванце высокий придворный пост кравчего и не отрекся от своего покровителя, когда того свергли. Из-за этого царь Василий относился к Хворостинину враждебно и отправил его в ссылку по обвинению в ереси и «склонности к латинству».

Иван Андреевич читал иностранные книги и имел собственные взгляды на христианство, не всегда совпадавшие

с церковными. Он не побоялся отстаивать свои идеи и перед самим Филаретом, когда тот правил государством. Князь Иван смел утверждать, что католические иконы ничем не хуже православных; что посты соблюдать незачем; что еретических книг не бывает; что от молитв нет никакой пользы. Кроме того, выяснилось, что Хворостинин подумывает уехать за границу, ибо в России ему не нравится. Он говорил, что вокруг «все люд глупой, жити не с кем» и что русские «сеют землю рожью, а живут все ложью».

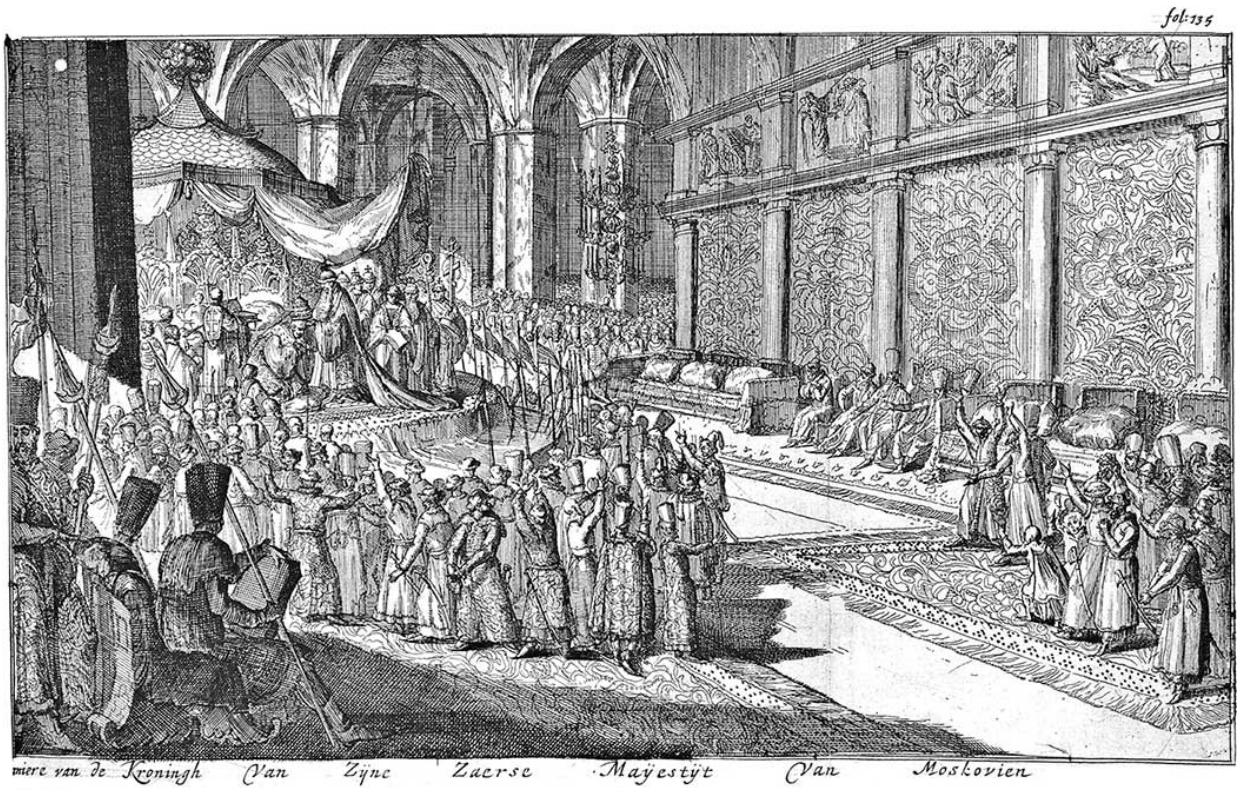
Патриарх отправил высокородного кощунника и хулителя отечества в монастырское заточение, велел давать только церковные книги и заставлять молиться. Хворостинин некоторое время поупрямился, но в конце концов покаялся и незадолго перед смертью даже принял постриг.

Князь Иван был не только книгочеем, но и литератором. Он оставил страстное (и пристрастное) публицистическое сочинение «Словеса дней и царей и святителей московских», где изложил собственный взгляд на события Смуты. Писал он и вирши, которые для начала XVII века, при полном отсутствии других стихотворцев, представляют собой явление уникальное – они даже недурно зарифмованы:

Яко еретика мя осудили
И злости свои на мя вооружили.
Зрите наши злыя нравы,
Будите душами своими здравы.

Впрочем, раз такой отчаянный ниспровергатель отделался всего лишь церковным покаянием, следует признать, что в эпоху царя Михаила нравы были не такими уж злыми.

Зрелость и застой



«Третье» русское государство просуществовало примерно столько же, сколько живет средний человек, и прошло через этапы, напоминающие человеческую жизнь.

Году на тридцатом оно достигло зрелости и приступило к своим главным свершениям. Затем испытало «кризис среднего возраста» – рубеж, на котором определяется, по какому вектору пойдет дальнейшая судьба: вперед и вверх или к постепенному угасанию.

Дефекты конструкции мешали России развиваться, хотя международная обстановка давала для этого все шансы. С середины столетия начинают все явственней проступать признаки стагнации, увеличивающегося отставания от Европы. При царе Алексее Михайловиче кризиса еще не происходит, но уже чувствуется его приближение.

Этот период, в отличие от предыдущего, богат потрясениями, в том числе эпохальными. Последствия некоторых продолжают сказываться

до сих пор. Насыщенность событиями такова, что иногда они наслаиваются друг на друга. Вот почему принцип повествования в этой части опять меняется: оно не хронологическое, как в первой части, и не тематическое, как во второй, а «узловое».

Больше всего места отведено рассказу о четырех основных коллизиях периода.

Во-первых, это, конечно, украинский «узел», самый запутанный из всех. Еще три тематические главы напрямую или косвенно связаны с малороссийской проблематикой. Это войны, возникшие в результате украинской экспансии; мятежи населения, изнуренного военными лишениями; наконец, переформатирование русской церкви, вынужденной приспосабливаться к новым геополитическим условиям.

Затем следует раздел, показывающий, как на фоне великих потрясений и под их влиянием менялась жизнь страны и государства.

Но начать разговор об этом интереснейшем времени я хочу, представив читателю людей, которые управляли монументальными историческими процессами – или считали, что управляют, а иногда даже и не считали, но всего лишь пытались справиться с ситуацией в меру разумения и сил. В эту плеяду «делателей истории» помимо царя Алексея входят его ближайшие соратники, часто определявшие направление и повороты государственной политики в большей степени, чем сам государь.

Алексей Тишайший: человек и правитель

Личность и семья

В отличие от Михаила, детство которого прошло в лишениях и опасностях, второй Романов был уже царем «природным» и, выражаясь по-византийски, «багрянородным», то есть появился на свет царским сыном в царском дворце.

Как и отец, он взошел на престол шестнадцатилетним, но при совсем других обстоятельствах: жизнь страны была тихой. Так же сложилась и частная жизнь этого монарха, которого современники прозвали Тишайшим. Государство могло сотрясаться от войн или восстаний, но в государевых покоях неизменно сохранялись мир и благолепие.

Главной душевной потребностью Алексея Михайловича, по-видимому, было желание ни с кем не конфликтовать и со всеми поддерживать добрые отношения. На государственном уровне это, разумеется, не получалось, на семейном – вполне.

«Чистота нравов его была безупречна, – пишет Костомаров, – самый заклятый враг не смел бы заподозрить его в распущенности: он был примерный семьянин». Ни любовных связей, ни пьянства, ни каких-либо безобразий государь никогда себе не позволял, да, кажется, и не испытывал подобных соблазнов.

В первый раз он женился восемнадцати лет, по сердечной привязанности, на скромной дворянке Марии Милославской; очень любил свою царицу и прожил с ней душа в душу больше двадцати лет. Но когда она умерла, горевал недолго и сочетался вторым браком – опять не по расчету, а по любви (на восемнадцатилетней Наталье Нарышкиной) – и опять счастливо.

С детьми царю, правда, везло меньше, чем с женами. Алексей был отцом многодетным, но несчастливым. Здоровыми у него рождались только бесполезные с династической точки зрения девочки, мальчики же рано умирали или не отличались здоровьем. До зрелости дожили три царевича: Федор, Иван и Петр, но первый был хилым, второй слабоумным, да и Петр страдал эпилептическими припадками.

Сам Алексей был физически рыхл, начал рано болеть и со временем обзавелся целым букетом болезней. Австрийский посол барон Мейерберг оставил словесный портрет царя в возрасте 36 лет: «Алексей статный муж, среднего роста, с кроткой наружностью, бел телом, с румянцем на щеках, волосы у него белокурые и красивая борода; он одарен крепостью телесных сил, которой, впрочем, повредит заметная во всех его членах тучность, если с годами она все будет увеличиваться и пойдет, как обыкновенно, в живот». Так оно и вышло. От «крепости телесных сил» скоро ничего не осталось, и государь умер сорокасемилетним (30 января 1676 года).

Царь Алексей. *Портрет XVII в.*

Как мы помним, Михаил I из-за тяжелого детства не получил никакого образования и потом наверстывал упущенное уже во взрослые годы. Алексей Михайлович в этом отношении выгодно отличался от отца – второй Романов был человеком полноценной московской учености. Заключалась она, впрочем, главным образом в зубрежке

священных книг и церковных песнопений, в дотошном знании придворного ритуала и богослужебного чина. Известно, что личная библиотека царевича состояла всего из тринадцати томов, да и те, по-видимому, были сплошь божественного содержания. Правда, дядька (воспитатель) наследника Борис Морозов, обладавший огромным влиянием на мальчика, был европофилом и человеком по тем временам передовым; он учил воспитанника по немецким «печатным листам» (гравюрам), давал иностранные игрушки и пробудил в Алексее интерес к западным новшествам – впрочем, довольно обычный для всего высшего класса тогдашней России.

Заядлого книгочея из Алексея Михайловича не вышло, но он очень любил писать. Его собственноручные послания (с припиской «писах сие письмо всё многогрешный царь Алексей рукою своею») красноречивы и часто длинны. Царь оставил описание походов, в которых участвовал, составил инструкцию по своей любимой соколиной охоте и даже сочинял тяжеловесные вирши – во всяком случае, нечто стихообразное:

> Беспрестанно в осторожности пребывай и смотри на все
> Четыре страны и в сердцы своем великое пред богом смирение и низость имей,
> А не возношение как нехто ваш брат говаривал не родился де такой.

Алексей Тишайший очень нравился современникам (я имею в виду иностранных авторов, поскольку собственным подданным царь и не мог не нравиться); хвалят его за превосходные душевные качества и все историки, причем Ключевский даже называет «лучшим человеком древней Руси».

Это был характер добрый, мягкий, милосердный, безо всякой склонности к тирании. «И что особенно странно при его величайшей власти над народом, приученном его господами к полному рабству, он никогда не покушался ни на чье состояние, ни на жизнь, ни на честь», – удивляется Мейерберг. Конечно, это не может не вызывать симпатии.

В соответствии со старорусскими представлениями о богоугодности, государь очень жалел и привечал нищих, калек,

юродивых; лично ходил по тюрьмам, часто освобождая узников; щедро раздавал милостыню; бывало, что выкупал неисправных должников.

Будучи натурой эмоциональной, Алексей иногда впадал в безудержный гнев и мог ударить кого-то из приближенных или оттаскать за бороду, но потом раскаивался в своей несдержанности и старался одарить побитого, так что вызвать на себя царский гнев у придворных считалось небезвыгодным. Например, пытаясь дисциплинировать своих стольников, царь велел кидать в пруд всякого, кто опоздает к смотру. Но потом очень жалел выкупанных и в утешение сажал за царский стол, так что, по его собственному признанию, «многие нароком не поспевают».

Читая умилительные рассказы о доброте Алексея I, нужно помнить, что мягкость эта была, так сказать, сугубо *очной* – государь жалел только тех, кого лично знал и видел собственными очами. Царство добродушного царя добродушием отнюдь не отличалось. При Алексее в ходу были жесточайшие уголовные наказания – четвертование, отсечение конечностей, зарывание живьем в землю и так далее. Лишь по делу о медных деньгах (начало 1660-х гг.) казнили до семи тысяч человек и еще пятнадцать тысяч подвергли другим суровым карам, а при подавлении разинского восстания террор был массовым.

Но царь всех этих ужасов не видел и оставался тишайшим. Кроме того он обладал качеством для той грубой эпохи совсем уж удивительным – душевной деликатностью, которой проникнуты некоторые его письма.

> Когда у царского советника князя Никиты Одоевского умер сын, Алексей отправляет боярину очень длинное послание с трогательными утешениями: «И тебе, боярину нашему и слуге, и детям твоим через меру не скорбеть, а нельзя, что не поскорбеть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да в меру, чтоб бога наипаче не прогневать, и уподобитца б тебе Иову праведному… И тебе, боярину нашему, уповать на бога и на пречистую его матерь, и на всех святых, и на нас, великого государя, быть надежным, аще бо изволит, то мы вас не покинем, мы тебе и с детьми и со внучаты по бозе родители, аще пребудете в заповедех господних и всем беспомощным и бедным по бозе

помощники. На то нас бог и поставил, чтобы беспомощным помогать. И тебе бы учинить против сей нашей милостивые грамоты одноконечно послушать с радостию, то и наша милость к вам безотступно будет».

С другим царским любимцем, Афанасием Ординым-Нащокиным, произошла беда по понятиям эпохи еще более страшная. Сын боярина, воспитывавшийся в любви ко всему западному и возмущавшийся российской отсталостью, жил вдали от столицы. Но однажды наведался в Москву, и там, по выражению Соловьева, «стошнило ему окончательно». Молодой человек сбежал к польскому королю, а потом перебрался во Францию, то есть стал государственным преступником, изменником. Вместо того чтоб корить Афанасия Лаврентьевича за недосмотр и дурное воспитание отпрыска, царь утешает несчастного отца: «Воистинно зело велик и неутешим плач, кроме божия надеяния, обоим вам, супругу с супружницею, лишившеся такового наследника и единоутробного от недр своих, еще же утешителя и водителя старости и угодителя честной вашей седине и по отшествии вашем в вечные благие памятотворителя доброго… А что будто и впрямь сын твой изменил, и мы, великий государь, его измену поставили ни во что, и конечно ведаем, что кроме твоея воли сотворил, и тебе злую печаль, а себе вечное поползновение учинил… Он человек молодой, хощет создания владычня и творения руку его видеть на сем свете, якоже и птица летает семо и овамо и, полетав довольно, паки ко гнезду своему прилетает: так и сын ваш вспомянет гнездо свое телесное, наипаче же душевное привязание от святаго духа во святой купели, и к вам вскоре возвратится». (Молодой Ордин-Нащокин действительно, несколько лет пожив в Европе, вернулся в Россию – и был помилован.)

Доброта Алексея Михайловича была не просто природным качеством, но и следствием глубокого религиозного чувства. Царь был искренним христианином – во всех его поступках чувствуется стремление «поступать по-божески», даже если это неполезно в политическом и государственном смысле. Набожность составляла одну из главных черт этого характера.

Царь боялся греха и неукоснительно соблюдал все церковные установления: по нескольку часов в день молился, три дня в неделю ел только черный хлеб, не нарушал постов, не напивался пьян, часто ездил на богомолья.

> Обычный распорядок дня Алексея Михайловича известен в подробностях. Поднимался он в четыре часа утра и сразу отправлялся на заутреню. Потом говорил с боярами о делах. Далее опять следовала служба – в обычные дни двухчасовая, в праздники более длительная. Снова государственные дела, но недолго. К двенадцати часам дня работа заканчивалась. Государь неспешно трапезничал, укладывался вздремнуть. Наступало время стоять вечерню. Помолившись, Алексей предавался всяким мирным, приятным занятиям: беседовал с друзьями, слушал сказителей, играл в шахматы, общался с домашними, смеялся над карликами и карлицами, в последние годы полюбил сценические зрелища (это был первый русский театр). Жить царь любил в подмосковном дворце Коломенское, куда ездил из Кремля в «избушке шестернею». Дворец был очень красивый и удобный, построенный не из камня, а срубленный из бревен. Там государь любил поохотиться (с соколами, то есть наименее утомительным образом) и занимался хозяйством, с большим удовольствием входя во всякие мелочи.

По складу натуры Алексей Михайлович вообще больше интересовался делами мелкими: тонкостями церемониала, переустройством дворца, страстно вмешивался в разные пустяковые дрязги. У него была проблема с так называемой «иерархией приоритетов», то есть на ерунду царь иногда тратил больше времени и нервов, чем на дела действительно важные.

> Документом большой драматической силы является филиппика, которой самодержец всероссийский разразился в письме к ничтожному казначею Саввино-Сторожевского монастыря, когда тот стукнул палкой стрелецкого десятника. Эпистола озаглавлена «От царя и великого князя Алексея

> Михайловича всея Руссии врагу божию, и богоненавистцу, и христопродавцу, и разорителю чюдотворцова дому, и единомысленнику сатанину врагу проклятому ненадобному шпыню и злому пронырливому злодею казначею Миките». Не откажу себе в удовольствии привести фрагмент этого пространного документа: «О враже проклятый! За что денница с небесе свергнута? Не за гордость ли? Бог не пощадил. Да ты жа, сатанин угодник, пишешь друзьям своим и вычитаешь бесчестье свое вражье, что стрельцы у твоей кельи стоят: и дорого добре, что у тебя, скота, стрельцы стоят! Лутче тебя и честнее тебя и у митрополитов стоят стрельцы, по нашему указу, которой владыко тем жа путем ходит, что и ты, окаянной. И дороги ль мне твои грозы?… Ведай себе то, что буду сам у чюдотворца милости просить и оборони на тебя со слезами, не от радости буду на тебя жаловатца, чем было тебе милости просить у бога и у пречистой богородицы и у чюдотворца и со мною прощатца в грамотках своих, и ты вычитаешь бесчестие свое, и я тебе за твое роптание спесивое учиню то, чего ты век над собою такова позору не видал». Ничего особенно ужасного с «христопродавцем» Микитой, впрочем, не произошло. Ему просто прочли гневную грамоту и с цепью на шее водворили в собственную келью, согласно полученной от великого государя инструкции.

Симпатичный Алексей Михайлович, однако, был неважным правителем. По распорядку его дня видно, что государственным заботам он уделял не так много времени – был ленив, не любил напрягаться. Как выразился С. Платонов, «царь Алексей не умел и не думал работать».

Большим недостатком была и слабохарактерность Алексея I. Он легко подчинялся влиянию сильных натур; боялся принимать ответственные решения и из-за этого часто терял драгоценное время; из-за нежелания портить себе настроение подолгу уклонялся от необходимых, но неприятных объяснений; прощал родственникам и друзьям даже тяжкие злоупотребления, что иногда приводило к мятежам.

Суровый Костомаров выносит Алексею Тишайшему безапелляционный приговор: «Несмотря на превосходные качества

этого государя как человека, он был неспособен к управлению» – и, думаю, ошибается.

Царь Алексей обладал одним достоинством, которое в значительной степени компенсировало его личные слабости. Ленивый и опасливый, он окружал себя людьми, которым хватало и энергии, и решительности, – кажется, что монарх испытывал к таким натурам особую тягу.

Эти соратники, царские любимцы, фактически и управляли государством на протяжении всего тридцатилетнего царствования.

Фавориты и соправители

Все фавориты Алексея Михайловича, каждый в своем роде, были людьми незаурядными – это особенно заметно по контрасту с большинством деятелей предыдущей эпохи. Пожалуй, можно сказать, что у царя был дар выбирать себе помощников, которых уместнее было бы называть соправителями.

Первый из них, **Борис Иванович Морозов** (1590–1661), собственно, был даже не соправителем, а правителем. Он воспитывал Алексея с пятилетнего возраста, и воспитанник очень любил своего дядьку. Ничего удивительного, что, когда в 1645 году у юноши умер отец, а через месяц и мать, новый монарх стал во всем полагаться на самого близкого человека.

Боярин всячески угождал царственному подопечному, окружил его своими доверенными людьми, да еще очень ловко обустроил государев брак. По древней традиции, при дворе устроили смотрины подходящих невест, и из двухсот кандидаток Алексей выбрал Евфимию Всеволожскую, но девушка от потрясения упала в обморок, и ее, как в свое время первую невесту Михаила, объявили порченой – не без участия всемогущего временщика. Взамен Морозов безо всякого конкурса познакомил Алексея с дочерьми своего клеврета Ильи Милославского, и когда государь влюбился в старшую из них, Марию, сам женился на младшей. Свадьбу восемнадцатилетний царь и его пожилой фаворит сыграли почти одновременно.

Борис Иванович был хитер и оборотист, но свои незаурядные способности обращал не на пользу страны, а на собственное обогащение. «Это был человек с природным умом и, по своей

долговременной опытности, способный править государством, если бы только умел ограничивать свое корыстолюбие», – пишет Мейерберг. Корыстолюбие сделало Морозова первым богачом, так что под конец жизни одних крепостных у него насчитывалось до пятидесяти тысяч, но оно же привело Бориса Ивановича к падению. Непомерная алчность боярина и его помощников стала причиной массовых беспорядков, которые в мае 1648 года чуть не повергли страну в хаос. (Об этих событиях будет рассказано в главе, посвященной народным восстаниям.) Толпа требовала отдать ненавистного временщика на расправу, но царь, хоть и был сильно напуган, своего воспитателя не предал, а лишь удалил из столицы. Так закончился период морозовского первенства. За несколько лет практически безраздельной власти, ведая тремя основными министерствами-приказами, Морозов сделал лишь одно полезное дело: отпустил домой бедного принца Вальдемара и тем самым спас Россию от совершенно ненужной войны с Данией.

Преемники Морозова, не доставшиеся Алексею от отцовских времен, а выбранные им самим, все были людьми государственного масштаба, чем выгодно отличались от первого фаворита.

Некоторое время после 1648 года царь во всем полагался на князя **Никиту Ивановича Одоевского** (1605–1689), одного из морозовских соратников, но человека дельного и хорошо образованного. Одоевский проделал большую и нужную работу по сведению разномастных и часто противоречивых российских законов в единое «Уложение» – юридический кодекс, без которого государство не могло нормально функционировать.

Но Алексею Михайловичу по натуре требовался не помощник, а наставник, и скоро царь такого обрел – в делах не только государственных, но и духовных.

Патриарх Никон (1605–1681) считается одной из самых примечательных фигур всей российской истории, которой в наследство от него достались две трудные и даже «вечные» проблемы: украинский вопрос и церковный раскол. Если б не Никон, тишайший царь вряд ли решился бы на присоединение Малой Руси и тем более на церковную реформу. Относительно того, чего от этих двух деяний для страны

вышло больше – блага или вреда, мнения историков расходятся, но это в любом случае были свершения эпохальные.

Знаменитый реформатор русской церкви по происхождению был не русским, а марийцем или, по другим источникам, мордвином (хотя на Руси в те времена все православные считались русскими) и по рождению не принадлежал к духовному сословию. Он родился в простой крестьянской семье, его мирское имя Никита Минов. Он рано лишился матери, а мачеха обходилась с ним так скверно, что мальчик перебрался в монастырь, где выучился грамоте и проникся истовой религиозностью. В монахи он, однако, не пошел, а в двадцатилетнем возрасте принял священнический сан. Попом мог быть только человек женатый, и у Никиты действительно появилась семья: жена, трое детей. Молодой священник выделялся среди провинциального духовенства красноречием, он стал местной знаменитостью, и московские купцы-богомольцы пригласили его жить в столице. Там на Никиту обрушилось страшное несчастье: дети умерли один за другим. Набожный священник воспринял эту беду (довольно обычную во времена повальной детской смертности) за знак свыше. По уговору с женой оба совершили постриг и навсегда расстались. В тридцать лет Никита стал Никоном и перебрался из столицы на север.

Из-за неуживчивого характера и чрезмерной экзальтированности чернец вечно конфликтовал с братией. Так продолжалось до тех пор, пока он не стал игуменом собственной обители, где уже никто не мог противостоять его властной натуре. Молва о вдохновенном настоятеле далекого монастыря, который ежедневно кладет по тысяче земных поклонов и обязательно перечитывает от корки до корки весь Псалтырь, постепенно расширялась, и, когда игумен Никон в 1646 году оказался по каким-то делам в Москве, царь пожелал увидеть святого человека. Беседа произвела на семнадцатилетнего Алексея огромное впечатление, он не захотел отпускать Никона обратно и дал ему место архимандрита столичного Новоспасского монастыря, где находилась усыпальница Романовых. С этих пор у царя

вошло в привычку раз в неделю, по пятницам, встречаться с пастырем ради душеспасительных разговоров, на которые Никон был великий мастер. В 1648 году государь добился для своего любимца высокой должности митрополита Новгородского, однако очень скучал по нему и три года спустя вызвал его обратно.

Патриарх Никон. *Прижизненный портрет*

В 1652 году после смерти патриарха Иосифа освободившееся место по настоянию государя досталось его «собинному другу». К тому времени влияние Никона на Алексея было уже безраздельным. В государстве появилась новая власть, еще более высокая, чем царская, и Никон наглядно это всем демонстрировал.

Он согласился принять патриаршество лишь при условии, что царь и бояре поклянутся во всем его слушаться, «яко начальника и пастыря и отца краснейшаго» – и это невероятное требование было торжественно исполнено в Успенском соборе.

Не меньшее впечатление на современников произвел обряд возвращения в столицу мощей митрополита Филиппа Колычева, некогда убитого по приказу Ивана Грозного. Никон заставил Алексея написать покойному мученику письмо с извинениями от лица царской власти, которая никогда еще ни перед кем не винилась. Тем самым как бы признавалось, что авторитет церкви выше царского венца.

Никона тоже стали именовать «великим государем», и владыка земной должен был склоняться перед владыкой духовным. На несколько лет в стране воспроизвелась ситуация тридцатилетней давности, когда фактическим правителем при живом царе Михаиле был патриарх Филарет.

Все самые главные, исторические решения Алексеева царствования были приняты в сравнительно короткий период, когда делами заправлял Никон.

Это был человек властный и страстный, одержимый жаждой свершений, но не умеющий предвидеть их последствия. «Он скучал покоем, – пишет Ключевский, – не умел терпеливо выжидать; ему постоянно нужна была тревога, увлечение смелою ли мыслью или широким предприятием, даже просто хотя бы ссорой с противным человеком. Это словно парус, который только в буре бывает самим собой, а в затишье треплется на мачте бесполезной тряпкой».

Никон отворил не один, а несколько «ящиков Пандоры»: ввязался сначала в украинскую смуту, затем в войну с Польшей, потом со Швецией, а одновременно еще и затеял перекраивать русское православие. Последствия этих резких и малообдуманных начинаний пришлось расхлебывать уже преемникам чрезмерно энергичного патриарха.

Менее масштабные инициативы Никона, как правило, тоже приводили не к тем результатам, которых он добивался.

Одним из первых актов нового патриарха была борьба с бедствием, принявшим на Руси катастрофические размеры, – народным пьянством. Никон стал пионером на тернистом пути ограничения виноторговли. Сократили число винных лавок, постановили продавать «по бутылке в одни руки», запретили «разлив и распив»; в посты и по воскресеньям алкоголем вообще не торговали. Как известно из истории, подобными мерами проблему алкоголизма решить невозможно. Не получилось это и в России. Пьянство перемещалось из легальной зоны в подпольную, и никакими жестокостями искоренить это зло было нельзя, а казна не могла обходиться без легких «водочных» денег. После падения Никона все ограничения пришлось отменить.

Обратный эффект дала и другая благочестивая затея Никона. Тревожась за вред, который наносит русской религиозной чистоте общение с басурманами, патриарх решил их изолировать от москвичей и устроил нечто вроде гетто за городской границей, в Заяузье. Там неправославные чужестранцы должны были жить кучно, за оградой. В результате под Москвой возник европейский городок, существующий по собственным установлениям и являющийся вечным соблазном для любознательных россиян – прежде всего из высшего сословия. Со временем в эту западню попадется юный Петр Алексеевич, которому захочется переобустроить по образцу Немецкой Слободы всю свою державу.

В пору всемогущества Никона царь ни в чем не смел ему перечить. Во время отлучек Алексея из столицы (а они бывали долгими – например, в военное время) патриарх уже и официально брал на себя всю полноту власти.

По сути дела, это была попытка изменить принцип государственного устройства, заменить самодержавие на теократию. Но никакому преобразователю произвести подобную операцию, покушающуюся на самое основу «ордынской» модели, конечно, было не под силу. Ситуация, в которой церковная власть повелевала, а царская подчинялась, не могла сохраняться долго.

В отсутствие царя Боярская дума должна была повиноваться патриарху; распоряжался он и работой приказов – и, в отличие от

пассивного Алексея Михайловича, вмешивался во всё. Нечего и говорить, что боярство да и многие церковные иерархи относились к Никоновой диктатуре враждебно. Власть временщика держалась только на царской привязанности и слабохарактерности.

Но Никон умудрился сам перепилить сук, на котором сидел. Непомерное самомнение и порывистая вспыльчивость в конце концов привели его к конфликту и с царем.

> Повод для изначальной ссоры был вроде бы ерундовым. Летом 1658 года в Москве принимали грузинского царевича Теймураза. Во время торжественного прохода по Кремлю придворный, расчищавший путь для процессии и, по обычаям того времени, лупивший палкой всех, кто загораживал дорогу, по случайности (а возможно, и нарочно, ибо царские слуги не жаловали никоновских) огрел патриаршего дворянина. Тот возмутился: как-де ты смеешь, я состою на службе у великого государя патриарха. Окольничий сказал, чтоб он не чванился, и ударил еще раз.
>
> Обиженный побежал жаловаться патриарху. Тот написал письмо царю, требуя наказать виновного. Алексей не любил никого наказывать и, по привычке уклоняться от неприятных разговоров, решил пока не встречаться с рассерженным Никоном. Должно быть, бояре, давно уже ждавшие чего-то подобного, истолковали это по-своему либо же специально решили обострить размолвку. Князь Юрий Ромодановский, посланный к патриарху с поручением, вдруг заявил, что Никону писаться «великим государем» негоже, ибо в стране великий государь один – царь. Если это была провокация, то она превосходно удалась. Никон в сердцах сделал большую глупость: принародно, в соборе, объявил, что снимает с себя сан.

Патриарх, конечно же, рассчитывал, что царь перепугается и, как прежде, прибежит каяться. Алексей действительно переполошился, но прийти не пришел. При всем уме и манипуляторских талантах Никон, кажется, плохо понимал психологическое устройство своего питомца. При всяком конфликте тот норовил уйти от прямого столкновения, а всё окружение царя, враждебное Никону, – родня, друзья, бояре, – отлично

понимали, что допускать этой встречи нельзя, и всячески ей препятствовали.

Никон не учел и того, что Алексей Михайлович уже не впечатлительный юноша, а тридцатилетний муж, который за последние годы побывал на войне, где должен был вдали от наставника принимать самостоятельные решения. Чрезмерная опека со стороны «собинного друга» начинала тяготить самодержца, что почувствовали и чем воспользовались никоновские недоброжелатели.

Век назад молодой Иван IV точно так же устал слушаться предводителей «Избранной Рады» – духовного наставника Сильвестра с «премьер-министром» Адашевым – и принял решение от них избавиться. Никон был Сильвестром и Адашевым в одном лице, то есть обладал двойным весом, зато тишайший царь был не чета царю грозному: он не умел рубить сплеча и жалостливо «отрезал хвост по кусочку». Эпопея постепенного отдаления Никона растянулась на целых восемь лет. Она очень любопытна и, пожалуй, даже уникальна, но ее пересказ займет слишком много места. Для нас существенно, что в 1658 году семилетний период правления патриарха-«великого государя» наконец завершается.

> Очень долго Никон сидел в Новом Иерусалиме, близ самой Москвы, не выполняя обязанности патриарха, но и не уступая никому пустующий престол. Окончательно царь избавился от упрямца только в 1666 году после специально созванного церковного собора и суда. Никона лишили сана и сослали в далекий Ферапонтов монастырь. Доброго Алексея мучили угрызения совести, что он так сурово обошелся с былым другом, и царь часто отправлял Никону щедрые подарки. Чернец то строптивился, то каялся и просил вернуть его обратно, но так далеко доброта царя не простиралась – он совсем не желал увидеть воочию того, кто будет ему живым укором. Монарх до конца своих дней так и продержал бывшего патриарха взаперти. При следующем государе Никону наконец разрешили вернуться, но старик до Москвы не доехал, умер в дороге.

Борис Иванович Морозов и тем более Никон исполняли при Алексее функцию «отца», молодой монарх смотрел на них снизу вверх.

Однако во второй половине царствования отношения государя с фаворитами несколько изменились. Он по-прежнему любил их и во всем им доверялся, но это были уже не правители и даже не соправители, а скорее управляющие.

После опалы Никона первое место в сердце царя и в правительстве занял **Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин** (1605–1680), человек большого ума и предвидения. Это им был подготовлен и разработан комплекс основных идей, впоследствии реализованных Петром Первым.

К их числу относилось, во-первых, осознание необходимости «европеизации» страны, причем Афанасий Лаврентьевич понимал суть этого процесса глубже, чем Петр. Того больше заботили внешние признаки «европейскости» (одежда, брадобритие, парики и прочая чепуха), а Ордин-Нащокин не собирался переодевать русских в немецкое платье – он мечтал перестроить самый принцип работы государства: чтобы оно не бесконечно тянуло жилы из нищего населения, а помогало народу становиться богаче и тем усиливалось само.

А. Ордин-Нащокин. *Портрет XIX в. по старинному рисунку*

Ордин-Нащокин хотел ввести регулярную армию, основанную не на дворянской коннице и стрелецкой пехоте, а на всесословном рекрутском наборе. Боярин мечтал построить современный флот, чтобы владеть ближними морями. Думал устроить почту по европейскому

образцу. Может быть, самое важное – пытался перестроить органы государственного управления.

Мало что из этого вышло, поскольку Афанасий Лаврентьевич постоянно сталкивался с сопротивлением боярской среды, видевшей в нем чужака и выскочку.

Ордин-Нащокин действительно был худороден – он происходил из провинциального (псковского) дворянства и выдвинулся благодаря заслугам на дипломатическом поприще. Он был хорошо образован и, что являлось большой редкостью, знал языки – немецкий, польский и латинский. Из-за этого он участвовал в трудных переговорах с поляками и шведами, а в 1658 году сумел заключить с последними чрезвычайно выгодный договор. Произошло это как раз тогда, когда царь порвал с Никоном и нуждался в главном советчике.

Карьера нового фаворита была стремительной. Скоро он был уже главой Посольского приказа и «оберегателем царской большой печати», то есть канцлером.

Усилия Ордина-Нащокина по реформированию государства были малоуспешны – этому препятствовала не только боярская оппозиция, но и сама конструкция «третьей» России, всё глубже увязавшей в застое. Поэтому главных свершений Афанасий Лаврентьевич достиг в области внешней политики (мы увидим, как он выводил страну из затяжных разорительных войн).

Единственный эксперимент в области внутриполитических преобразований, проведенный Ординым-Нащокиным, был локальным.

В 1665 году боярина временно назначили воеводой в Псков (оттуда было удобнее вести переговоры с Речью Посполитой). Афанасий Лаврентьевич воспользовался этим, чтобы на примере родного города явить пример разумного управления по европейскому образцу.

Он начал с того, что попытался ввести самоуправление: собрал «лучших людей» и стал с ними советоваться о «градском устроении». Так было составлено положение о правилах общежития. Горожане должны были сами выбрать совет из 15 членов, которые посменно, пятерками, руководили бы всеми псковскими делами: арбитражными, хозяйственными, торговыми, податными, таможенными,

питейными. Воевода оставлял за собой только суд по тяжким преступлениям. Важное место в положении отводилось коммерции, поскольку Псков был городом приграничным и активно торговал с иноземцами, но вечно проигрывал им в конкурентной борьбе из-за нехватки капиталов и розни между русскими купцами. Ордин-Нащокин предложил организовать товарищества, где мелкие торговцы могли бы стать младшими партнерами крупных коммерсантов, причем еще и получали бы ссуды от города. Планировалось также проводить ежегодно по две ярмарки, организацией которых тоже ведал бы городской совет.

В этом проекте ощутимы явные параллели с европейским городским Магдебургским правом и устройством западных торговых компаний. Идея, конечно, была прекрасная, но в условиях России неосуществимая. В ту государственную систему «вольные» или самоуправляемые городские общины совершенно не вписывались. Поэтому царь Алексей сначала добродушно одобрил начинание своего любимца, а когда бояре и московские купцы запротестовали, заявив, что не может один Псков существовать наособицу от остальной страны, царь так же покладисто принял их сторону.

Через восемь месяцев Ордин-Нащокин из Пскова уехал, и следующий воевода все чудесные реформы сразу же отменил. При «ордынской» модели государства это был единственно возможный исход.

Пока Ордин-Нащокин конфликтовал только с боярством, он еще как-то держался, но в 1671 году у него возникли принципиальные разногласия и с самим царем по важному вопросу польско-русских отношений. Афанасий Лаврентьевич был сторонником сближения с Варшавой, веря в союз славянских государств, но в Москве возобладала «жесткая» линия. Глава дипломатического ведомства был с нею не согласен и подал в отставку – редкий для московской Руси пример добровольного ухода с поста из принципиальных соображений.

С такой высокой должности уйти можно было только в монастырь, что Ордин-Нащокин и сделал. Он принял постриг и остаток жизни провел в одном из псковских монастырей, попечительствуя над богадельней, устроенной на его средства.

В последние годы ближайшим соратником царя стал **Артамон Сергеевич Матвеев** (1625–1682), человек умный, твердый и, в отличие от Ордина-Нащокина, хитрый. Он тоже был скромного происхождения, сын дьяка, и не мог нравиться придворной аристократии, но не раздражал ее заносчивостью и умел ни с кем не ссориться.

Близость к Алексею объяснялась тем, что Матвеев с детства жил в царском тереме и, возможно, даже воспитывался вместе с наследником под присмотром боярина Морозова. Во всяком случае, из переписки видно, что царь относился к Артамону Сергеевичу, как к старинному другу.

Одной дружбы, конечно, было бы недостаточно. Матвеев пробился наверх благодаря своим заслугам. Он отличился в малороссийских кампаниях, достигнув звания стрелецкого полковника. В этом скромном чине он долго и оставался, не торопясь занять место в Боярской думе. Однако постепенно в его руках сосредоточивалось всё больше полномочий. Как опытный в украинских делах человек, в 1669 году он возглавил Малороссийский приказ, приобретший тогда первоочередное значение, а два года спустя принял и Посольский приказ. При этом, что важно, он пользовался популярностью у стрельцов столичного гарнизона, которые считали Матвеева выходцем из их среды.

Алексей Михайлович и Наталья Нарышкина. *И. Сакуров*

Взлет карьеры Артамона Сергеевича произошел после того, как он устроил второй брак Алексея.

Матвеев был убежденным западником – не только идейно, но и в быту. В нарушение московских обычаев, он не держал супругу взаперти, а принимал вместе с ней гостей в своем доме, устроенном на европейский лад: с немецкими часами, затейливой мебелью, картинами, книжными шкафами. Царь очень любил бывать у Матвеевых, где даже устраивались театральные представления. Там недавно овдовевший царь увидел 18-летнюю Наталью Нарышкину,

матвеевскую воспитанницу, которая так ему понравилась, что вскоре сыграли свадьбу.

Боярское звание Матвеев получил только в 1674 году. К моменту смерти царя Алексея он был в большой силе.

Таким образом, царствование Алексея Тишайшего можно условно поделить на пять периодов, в каждом из которых царь находился под влиянием очередного фаворита. Этим субъективным фактором в значительной степени объясняются резкие перемены политического курса и почти все главные события российской жизни.

Главные события царствования Алексея I

Основные сюжетные линии русской истории этого периода восходят к судьбоносному решению Москвы вмешаться во внутренний конфликт между католической и православной частями Речи Посполитой.

Помимо застарелой вражды к соседней державе, помимо болезненной памяти о том, как Польша полвека назад точно так же вмешалась в русскую Смуту, помимо жажды реванша за поражение в относительно недавней Смоленской войне, помимо мегаломании патриарха-государя Никона, в этом рискованном предприятии просматриваются и мотивы более высокие: чувство долга перед православными единоверцами и давняя мечта об объединении «всея Руси» – Великой, Малой и Белой – в одно государство.

Мы увидим, как это не вполне обдуманное, в значительной степени эмоциональное решение повлекло за собой череду тяжелых войн; как оно поставило вопрос о реформе русской церкви и тем самым привело к ее расколу; как изнуренная поборами страна откликалась на военные тяготы мятежами и восстаниями.

Но последствия решения, принятого в 1653 году, не исчерпываются рамками «третьего» государства, они будут сказываться и на протяжении грядущих веков, вплоть до настоящего времени.

Украинский узел

Причины взрыва

Юго-восточная часть Речи Посполитой никогда не была спокойной. Крупные восстания там вспыхивали и прежде, а напряженность сохранялась всегда. Угли гражданской войны тлели постоянно, и в 1640-е годы из них разгорелся мощный пожар.

Первоначально «украинные земли» входили в состав Литвы, но по Люблинской унии 1569 года они перешли в состав Короны, то есть собственно Польши. С тех пор Украина стала для королевской власти источником постоянных проблем.

Конфликт между польскими властями и основной массой коренного населения складывался из трех составляющих: этнической, конфессиональной и социальной.

Когда-то, в домонгольские времена, большой народ, расселившийся на обширных пространствах Восточной Европы, был единым (в предыдущих томах я называю его «русославянами»). Однако в XIII веке исторические судьбы русославянской протонации разделились, и вследствие различий в условиях политической и культурной жизни она разветвилась на три группы. В те времена их называли «великороссами», «малороссами» и «белороссами». К семнадцатому столетию различия окончательно закрепились, а обычные диалектальные особенности живой речи развились в три разных языка: русский, украинский и белорусский – хотя разница между ними была меньше, чем сегодня.

В королевстве государственным языком был польский и главенствовали польские обычаи; инокультурное население ощущало себя в Речи Посполитой людьми второго сорта.

Речь Посполитая накануне украинского восстания. *А. Журавлев*

Дискриминация была особенно чувствительной для украинцев, сохранивших верность православию. На левой стороне Днепра таких было абсолютное большинство, хватало их и на Правобережье. Ущемленное в правах православное духовенство поддерживало антикатолические настроения, держась за незыблемость отеческой веры. Многие архиереи и священники искали (и находили) поддержку у Московской патриархии. Ситуация, в которой важнейшее по идеологической влиятельности сословие ориентируется на иностранное государство, не могла не представлять угрозы для польского королевства.

Однако в Кракове и Варшаве, кажется, плохо понимали опасность форсированной католизации и полонизации огромного густонаселенного края. Политика Короны сводилась к тому, чтобы

дерусифицировать и обратить в католичество малороссийскую элиту. Магнаты и дворянство русославянского происхождения получали массу преимуществ, меняя вероисповедание, и постепенно превращались в поляков – как культурно, так и конфессионально. К середине XVII века на Украине уже почти не осталось православной знати. Последний оплот православной аристократии, дом князей Вишневецких, перешел в католичество в 1632 году.

Процесс национального и религиозного преображения элиты неминуемо приводил к тому, что разделение по вере становилось и разделением социальным. Само собой получилось, что среди православных преобладали люди неродовитые, бедные, угнетенные. Поэтому всякий конфликт на этнической или конфессиональной почве легко перерастал в столкновение между сословиями – и численное преимущество, конечно, было у народной массы.

Противостояние между общественной верхушкой и низами, даже отягощенное религиозной и национальной рознью, ничего экзотического собой не представляло – так существовали многие государства. Но на Украине исторически сложилась особенная, чрезвычайно опасная ситуация: часть дискриминируемого населения была вооружена, привычна к воинскому делу и организована.

Речь идет о казачестве – воинском сословии, возникшем на европейско-азиатском пограничье еще во времена вечной войны с Великой Степью. Польша, страдавшая от крымских набегов, в шестнадцатом веке сама помогла казачеству окрепнуть. Для Речи Посполитой, всегда испытывавшей нехватку регулярного войска, казачество являлось главным инструментом защиты южных областей.

Разумеется, правительство пыталось взять эту вольницу под свой контроль и даже отчасти в этом преуспело. Некоторое количество казаков было записано в так называемый Реестр, получало за службу жалованье и ценило свои привилегии. Однако держать на казенном обеспечении слишком много людей Варшаве было не по средствам, и «реестровые» составляли лишь небольшую часть казачества – а в Запорожье существовал отдельный центр казачьей жизни, управлявшийся собственным войсковым кругом и почти не контролируемый польскими властями. Там собирались «выписчики» – казаки, которых Корона временно, по военной необходимости,

принимала в Реестр, а по заключении мира выписывала из него. Таким людям любить Речь Посполитую было не за что.

Всего казаков на Украине было несколько десятков тысяч – большая сила. Все 1620-е и 1630-е годы представляли собой череду крупных и мелких мятежей этого неспокойного сословия. Однако настоящий размах события приобрели, когда движение захватило крестьянскую массу. Чтобы разобраться в зигзагах многолетней украинской Смуты, нужно помнить, что две эти силы, казачья и крестьянская, не вполне совпадали в своих стремлениях. Противоречия между ними, противоречия внутриукраинские, со временем даже станут острее конфликта со слабеющей Польшей.

Украинские казаки. *Фрагмент гобелена*

Однако до тех пор, пока не поднялась вся Украина, Короне удавалось справляться с разрозненными восстаниями – как казацкими, так и с крестьянскими.

Национальному движению долгое время не хватало сильного вождя.

Но вот наконец он появился.

Богдан Хмельницкий. Начало восстания

Судьба Богдана Михайловича Хмельницкого – наглядная иллюстрация унизительного положения, в котором находились даже представители привилегированного украинского класса, если они держались национальных обычаев и исповедовали православие. И еще, конечно, это яркий пример того, как выдающаяся личность может если не изменять, то ускорять и режиссировать ход масштабных исторических событий.

Крещеное имя этого человека – Зиновий, мирское – Богдан (так его обычно и называли). Семья была зажиточная, из казацкой старшины. Михайла Хмельницкий одно время служил чигиринским подстаростой (помощником губернатора) и имел звание сотника.

Зиновий-Богдан родился в 1595 или 1596 году, то есть к началу восстания ему уже перевалило за пятьдесят. Про его молодость известно немногое. Он получил хорошее по тем временам образование, много воевал и странствовал, побывал в турецком плену. К моменту, когда обстоятельства побудили Хмельницкого к действию, это был уже сильно немолодой, заслуженный, известный далеко за пределами родного Чигирина реестровый казак, тоже сотник, как некогда его отец.

Тем оскорбительнее Богдану Михайловичу были гонения, которым его подвергал сосед, польский шляхтич ротмистр Даниэль Чаплинский. Конфликт был имущественным и личным. Чаплинский совершал набеги на владения Хмельницкого, а когда тот попытался искать правду в суде, вышло еще хуже: украинец оказался перед поляком бесправным. Согласно легенде, Чаплинский запорол до смерти десятилетнего сына сотника. Это, возможно, позднейшая выдумка, но достоверно известно, что шляхтич увел у пожилого Богдана сожительницу и женился на ней сам. В общем, у Хмельницкого хватало поводов для гнева.

В 1646 году чигиринский сотник отправился в Варшаву жаловаться королю, и тот вроде бы даже обещал Богдану поддержку, но королевская власть была слабой и защиты не гарантировала. По возвращении в родные места Хмельницкий узнал, что враги собираются его схватить. Пришлось бросить имение и бежать куда глаза глядят, а на Украине это тогда означало – в Запорожскую Сечь. Можно сказать, что Хмельницкий стал мятежником не по доброй воле.

Богдан Хмельницкий. *С. Земляков*

Это был прирожденный лидер: смелый, красноречивый, властный, умеющий увлечь людей. Имелись у него и недостатки, о которых пишут многие мемуаристы. У Хмельницкого, как это нередко бывает с людьми подобного склада, периоды гиперактивности сменялись полосами

апатии и депрессии, когда он много пил и попусту терял время. Став предводителем мощного движения, фактически главой государства, он часто менял планы и политический курс – бывало, без серьезных на то оснований либо по сугубо личным причинам.

И все же Речь Посполитая обрела в лице Богдана сильного и грозного врага.

Это продемонстрировал первый же поступок новоявленного мятежника, свидетельствовавший о хорошем стратегическом мышлении.

Хмельницкий пробыл в Сечи недолго. У него не было намерения затевать очередной казачий бунт, с которыми поляки давно научились справляться. Богдан замышлял не мятеж, а большую войну, и для нее был нужен сильный союзник.

В конце зимы 1647 года Хмельницкий отправился в Крым. Еще со времен плена он знал татарский язык и имел при бахчисарайском дворе влиятельных покровителей, которые свели казачьего представителя с ханом Исламом III Гиреем. Это был расчетливый и дальновидный правитель, по-видимому, хорошо разбиравшийся в людях. Хан понял, что с таким вождем затеваемая смута может вылиться в нечто серьезное, а стало быть, выгодное для Крыма.

Взяв у Хмельницкого в заложники старшего сына Тимофея, Ислам-Гирей велел перекопскому мурзе Тугай-бею, самому знаменитому из крымских военачальников, присоединиться к повстанцам. Источники по-разному оценивают размер татарского корпуса (от 4 до 20 тысяч всадников; вероятно, первая цифра ближе к истине), но в любом случае «крымский фактор» на первом этапе восстания сыграл ключевую роль, да и в дальнейшем, как мы увидим, не раз оказывался решающим. Без союза с крымцами Хмельницкому вряд ли удалось бы достичь столь впечатляющих успехов.

Имея такой козырь, Богдан без труда добился избрания запорожским гетманом. С апреля под его знамя со всех сторон начали собираться казаки. Поляки с тревогой наблюдали за этими воинственными приготовлениями и решили нанести упреждающий удар. Великий коронный гетман Николай Потоцкий хотел подавить мятеж в самом начале, очень торопился и из-за этого совершил роковую

ошибку: разделил свое войско, отправив более мобильные части вперед.

Тугай-бей. *Фрагмент картины Я. Матейко*

Первыми шли на лодках реестровые казаки. Их, православных украинцев, возле Каменного Затона встретили посланцы Хмельницкого

и разагитировали. Убив тех начальников, которые отказались изменить присяге, этот сильный контингент перешел на сторону восставших.

Сын гетмана Стефан Потоцкий вел другой отряд, тоже отчасти состоявший из реестровых. Узнав о каменнозатонских событиях, эти казаки тоже ушли к Хмельницкому, и молодой Потоцкий остался с небольшим количеством поляков. В начале мая 1648 года у городка Желтые Воды его лагерь был окружен превосходящими украинско-татарскими силами. Целых три дня поляки отбивались, и в конце концов все были истреблены. Их командир попал в плен, где скоро умер от ран.

Лишившись по меньшей мере трети своего войска и получая со всех сторон вести о восстаниях крестьян, воодушевленных успехом Хмельницкого, гетман начал отступать, но казаки с татарами были проворней. 16 мая они настигли поляков под Корсунью. Деморализованная армия почти не дралась, в ней началась паника. Девять тысяч человек, включая самого Николая Потоцкого и его заместителя польного гетмана Мартина Калиновского, угодили в плен. Обоих польских вельмож и львиную часть богатых трофеев по-хозяйски забрал себе Тугай-бей, чья конница составляла главную ударную силу повстанцев. На первом этапе украинско-польской войны крымцы вообще вели себя по отношению к Хмельницкому как старшие союзники.

Весть о позорном поражении великого коронного гетмана разнеслась по всей Украине. Это был тяжелый удар по престижу польской власти. В довершение катастрофы через четыре дня после Корсуни скончался король Владислав, и в Речи Посполитой начался всегдашний предвыборный разброд.

С этого момента сугубо казацкое движение перерастает в настоящую народную войну. Поднялась вся Украина. Осмелевшие крестьяне повсеместно жгли и грабили помещичьи усадьбы, убивали шляхту, объединялись в «полки», тоже объявляя себя казаками, и скоро уже не боялись нападать на укрепленные города.

Хмельницкий, кажется, еще не осознал, что ситуация коренным образом изменилась и что Украина больше не будет польской. Встав лагерем в городе Белая Церковь, предводитель восстания отправил в Варшаву послов с довольно умеренными требованиями: оградить

казачество от притеснений, платить ему побольше жалованья и отпускать в походы за добычей, позволить казакам ловить рыбу в Днепре, дать дополнительные права православному духовенству. Всё это означало: мы поднялись не против короля, а против плохих магнатов. О независимости речи пока не шло.

Временная варшавская власть выразила готовность простить мятежников, отрядила в Белую Церковь на переговоры комиссара Адама Киселя, украинца и православного, но при этом убежденного приверженца Короны.

Иеремия Вишневецкий. *Портрет XVIII в.*

Однако пока шли препирательства, события на Украине стали неконтролируемыми. Крестьяне повсюду резали и грабили польских помещиков, те оборонялись. У шляхты нашелся энергичный вождь, князь Иеремия Вишневецкий, не так давно сам бывший православным.

Во владениях этого украинского магната жило почти четверть миллиона человек, он владел несметными богатствами и держал собственное войско. Вишневецкий провел несколько карательных экспедиций. Эти походы сопровождались жестокими экзекуциями – массовыми убийствами и зверскими казнями. Князь Иеремия поголовно вырезáл население городов и местечек, которые перешли на сторону Хмельницкого, а взятых в плен мятежников перед смертью подвергал чудовищным пыткам. Расчет магната был не столько на военную победу (на нее не хватило бы сил), сколько на запугивание. Подобная тактика, конечно же, приносила обратный эффект, еще больше раздувая пламя народной войны и повышая градус всеобщего ожесточения. Скоро все убивали всех, и даже мирным людям для самозащиты приходилось браться за оружие.

Поляки резали украинцев, украинцы резали поляков, но хуже всех приходилось евреям, которых в этих краях было очень много – польские короли еще со средних веков охотно принимали еврейских беженцев из Западной Европы. Магнаты и шляхтичи, мало интересовавшиеся хозяйством, перепоручали еврейским управляющим собирать подати с крестьян; евреям отдавали на откуп кабаки, мельницы, речные переправы и всевозможные аренды. Дела подобного рода вела ничтожная часть иудеев, но крестьяне с казаками, не разбирая, ненавидели всё еврейское население. К мотивам социальным прибавлялась еще и религиозная нетерпимость.

Пропаганда Богдана Хмельницкого, рассылавшего повсюду свои манифесты и воззвания, в значительной степени строилась на юдофобской риторике и еще сильнее разжигала эту ненависть. От шляхты евреям помощи тоже не было. Спасаясь от мятежников, поляки уходили в города, под защиту крепостных стен, но евреев туда не пускали (как это, например, было в Тернополе), либо выдавали их на растерзание (что произошло в Тульчине).

Заславльский раввин Натан Ганновер, чудом уцелевший во время такой резни, оставил описание мук, которым «врагов Христовой веры» подвергали казаки, проявляя похвальное с их точки зрения религиозное рвение: «У некоторых сдирали кожу заживо, а тело бросали собакам, а некоторых – после

того, как у них отрубали руки и ноги, бросали на дорогу и проезжали по ним на телегах и топтали лошадьми, а некоторых, подвергнув многим пыткам, недостаточным для того, чтобы убить сразу, бросали, чтобы они долго мучились в смертных муках, до того как испустят дух, многих закапывали живьем, младенцев резали в лоне их матерей, многих детей рубили на куски, как рыбу…» (дальше еще ужаснее, но хватит и этого).

Впрочем, не все казаки были столь усердны в религиозном фанатизме. Многие относились к погромам прагматически и предпочитали продавать евреев в крымское рабство. Пленников было такое количество, что, рассказывает хроника, каждого отдавали за щепотку табака.

Страшные вести о побоищах всколыхнули Польшу. Сейм, не дожидаясь выборов короля, собрал армию и отправил ее на подмогу Иеремие Вишневецкому, бившемуся в одиночку. Но росли и силы Хмельницкого. В сентябре 1648 года в боях у деревни Пилявцы он нанес польскому войску новое поражение, после чего вторгся в Галицию, дошел до Львова и осадил важную крепость Замостье.

Наконец, уже в ноябре у поляков появился король – Ян Казимир, младший брат покойного Владислава. Положение страны к этому моменту было таково, что новый монарх сразу же стал просить Хмельницкого о мире.

Остановив военные действия, Богдан вернулся на восток и в канун Рождества торжественно вступил в Киев, где его встретили как народного освободителя и защитника веры.

Так триумфально завершился первый год восстания.

Зборовский мир

Теперь Хмельницкий выставил совсем иные условия, но иной была и ситуация. Польша ослабела еще больше, и стало ясно, что над Украиной ей больше не властвовать. Кроме того, окрыленный победами хан Ислам-Гирей решил больше не осторожничать, посылая в помощь украинцам одного из своих мурз, а собрался в поход сам, со всем войском.

Богдан потребовал следующего: упразднить униатскую церковь; сравнять православного киевского митрополита в правах с католическим примасом; воеводами на Украину назначать только православных украинцев (их тогда по старинке, в противоположность полякам, называли «русскими»); признать запорожского гетмана подконтрольным только самому королю; изгнать с Украины всех евреев. Были и другие, частные условия: выдать обидчика Чаплинского, а Иеремии Вишневецкому закрыть путь к высшим государственным должностям. Число реестровых казаков должен был впредь определять гетман, собственной волей. Об отделении от Речи Посполитой речи пока по-прежнему не шло, но фактически всё это означало, что власть короля над Украиной заканчивается.

Эта программа была совершенно неприемлема для Варшавы, а на уступки Хмельницкий не соглашался. Ограничились перемирием, причем обе стороны готовились решить спор с помощью оружия.

Ян Казимир объявил мобилизацию в Польше, литовский гетман Януш Радзивилл тоже собирал войска, а Иеремия Вишневецкий звал к себе в Вишневец всю шляхту.

Хмельницкому пополнить свою армию было проще. Он обратился к народу с воззванием-универсалом – и немедленно возникли новые казачьи полки, уступавшие реестровым и сечевым по боевым качествам, зато многочисленные. Из Крыма шел с большими силами Ислам-Гирей.

К лету 1649 года после всех усилий Ян Казимир сумел набрать 25–30 тысяч воинов; украинско-татарская армия насчитывала тысяч семьдесят.

В августе произошло несколько боев, показавших королю, что сила не на его стороне. И тогда Ян Казимир поступил очень ловко: он решил, что будет проще и менее зазорно договориться с крымским ханом как монарху с монархом. Ислам-Гирея это тоже устраивало – он считал себя главнокомандующим союзной армией, который вправе вести переговоры самостоятельно.

За 200 тысяч злотых сразу и 90 тысяч в будущем ежегодно хан соглашался жить с Польшей в мире. Интересы казаков Ислам-Гирея занимали мало, но кое-какие привилегии для них хан все же выговорил. Реестровое войско теперь увеличивалось до 40 тысяч человек, причем комплектацией ведал гетман; город Чигирин с округой доставался

гетману в личное владение; все мятежники получали прощение; на административные должности в Киеве, Чернигове и Брацлаве могли назначаться только православные – вот, собственно, и всё. Этот результат выглядел очень скромно по сравнению с запросами украинцев, и Хмельницкий пришел в ярость, но деваться было некуда. Без татар воевать со всей Польшей и Литвой он не решался.

Король Ян Казимир. *Д. Шульц*

10 августа 1649 года Богдан преклонил перед Яном Казимиром колено и произнес верноподданную речь, а заключенное соглашение

имело вид королевской милости и называлось «Декларация милости Его величества в ответ на покорнейшую просьбу казаков». Униатская церковь не упразднялась, верховная власть Варшавы сохранялась, а воеводой в Киев король посадил верного Адама Киселя, что не нарушало кондиций, поскольку тот был православным.

И все же Украина фактически приобретала статус автономии в составе Речи Посполитой, притом автономии с собственным огромным войском, Хмельницкий становился кем-то вроде вице-короля, а казачья верхушка существенно улучшала свое положение.

Проблема состояла в том, что основная масса участников движения – вчерашних крестьян – ничего от Зборовского мира не получила. Записать их всех в Реестр Хмельницкий не имел права, а значит, они должны были разойтись по домам, под власть тех самых шляхтичей, против которых восстали.

Такой мир не мог оказаться прочным.

Хмельницкий маневрирует

В сложной ситуации оказался и народный герой Богдан Хмельницкий, которого все чествовали как освободителя и победителя. По сути дела, он должен был предать большинство тех, кто сражался под его началом.

Гетман сделал что мог: записал в реестр вместо сорока тысяч человек пятьдесят, да еще двадцать тысяч зачислил в особое войско, которым командовал сын Тимофей, но всех крестьян определить в казаки было невозможно. Очень многие остались недовольны.

Статус Украины получался странным: и не суверенное государство, и не польская провинция. Хмельницкий не знал, на что решиться. Оставаться с Яном Казимиром? Перейти под покровительство другого государя? А может быть, провозгласить независимость и самому стать монархом?

Взлет из ничтожества к могуществу и славе был стремительным. Всего полтора года назад сотник бежал из родного дома, спасаясь от мелкого хищника Чаплинского, – и вот он достиг почти царского положения, правит огромной территорией, командует многотысячной армией, распоряжается областями и городами, ведет переговоры с соседними державами. Было от чего закружиться голове.

Независимость как вариант, похоже, в тот момент все же не рассматривалась. Должно быть, Хмельницкому не хотелось брать на себя ответственность за жизнь огромного, разоренного края – ведь создавать страну труднее, чем воевать. Еще страшнее выглядела перспектива остаться один на один, без союзников, в борьбе с польско-литовским государством.

Гетману больше нравилась идея формально принять подданство какой-нибудь сильной державы, получив от нее военную и финансовую помощь, но при этом сохранить положение полунезависимого владыки – так, например, существовали Прусское и Курляндское герцогства, вассальные по отношению к Польше.

Сильных держав поблизости имелось две: Россия и Турция. По крови и вере ближе, конечно, была первая, но культурная и языковая близость скорее пугала – перспективой ассимиляции и поглощения. Как ни странно, препятствием оказалось и единоверие. Тогдашний глава украинской православной церкви митрополит Сильвестр находился в каноническом подчинении у далекого константинопольского патриарха и потому обладал всей полнотой власти; присоединение Украины к России неминуемо закончилось бы и слиянием церквей под эгидой Московской патриархии. Поэтому высший киевский клир к идее «Третьего Рима» и объединения «всея Руси» относился настороженно.

Наконец, и Москва поначалу восприняла украинские апроши прохладно. Вскоре после Корсунской победы, еще в июне 1648 года, Хмельницкий, зондируя почву, написал Алексею Михайловичу: «Желали бы мы себе самодержца государя такого в своей земле, как ваша царская велеможность православный христианский царь». Сама форма обращения выглядела довольно двусмысленно. Себя Богдан называл «царскому величеству наинизшим слугой», но при этом «гетманом его королевской милости войска Запорожского». Ответ был таким же неопределенным. Вялой была реакция Москвы и на еще одно, уже недвусмысленное предложение подданства в следующем году. Российское правительство заявило, что оно не против, но только если согласится польский король – по сути дела, это был вежливый отказ.

Надо сказать, что для украинской верхушки турецкое подданство выглядело во многих отношениях привлекательнее русского. Во-первых, султан сидел далеко, владел множеством других провинций и вряд ли стал бы активно вмешиваться в дела украинского протектората.

Во-вторых, Турция была мощной военной державой и войны с поляками не испугалась бы. Ну и, наконец, вассалом султана так или иначе был главный союзник Хмельницкого – крымский хан.

Вот почему Богдан обратился в Константинополь. Весной 1650 года он попросил у султана покровительства. В гетманскую столицу Чигирин приехало турецкое посольство и провело предварительные переговоры. Затем к султану отправилось официальное украинское посольство во главе с полковником Ждановичем – обсуждать условия.

Крымский хан считал дело уже решенным и даже звал Хмельницкого вместе идти на Москву – очевидно, надеясь окончательно рассорить Украину с Россией. Но от этого гетман и старшина уклонились.

Взамен Богдан предложил крымцам идти войной на Молдавию. Татары согласились и на это – им нужно было где-то брать добычу. Хмельницкому же хотелось сделать молдавским господарем своего сына Тимофея. Так, вместо того, чтобы готовиться к новому этапу неизбежной войны с Польшей, гетман стал тратить силы и средства на ненужную авантюру.

В Варшаве казацкое вторжение в Молдавию восприняли как акт агрессии, поскольку Молдавия считалась зоной польского влияния. Тон стали задавать сторонники реванша, которых возглавляли Иеремия Вишневецкий и вернувшийся из крымского плена Николай Потоцкий.

В конце 1650 года сейм постановил ввести специальный военный налог для мобилизации войска. Из Европы, где недавно закончилась Тридцатилетняя война и сильно подешевели наемники, в армию прибывали хорошо обученные солдаты.

К концу зимы Польша была готова к наступлению.

В это же время из Константинополя вернулись казацкие послы с известием, что присоединение Украины к Турции – дело решенное, и остается только дождаться султанского указа.

Но поляки ударили раньше.

Трудные времена

В феврале 1651 г. большая польская армия, состоявшая из регулярных полков, наемной пехоты и шляхетской конницы, вошла на

территорию Украины. Речь Посполитая очень давно не собирала такой силы – пишут, что у короля было больше 60 тысяч воинов.

Навстречу двинулось казацко-крымское войско, еще более многочисленное, но наполовину состоявшее из плохо вооруженных крестьян. К тому же это фактически было два войска – хан шел отдельно и Хмельницкому не подчинялся.

Помимо отсутствия единого командования, существовала еще одна проблема. У Богдана был приступ депрессии, вызванной личными обстоятельствами. Его жена (та самая femme fatale, которую когда-то похитил Чаплинский и которую гетман впоследствии отбил обратно) была уличена в супружеской измене. Хмельницкий велел повесить ее вместе с любовником, а сам погрузился в апатию и пьянство.

Армии сошлись на поле у волынского села Берестечко 28 июня 1651 года. Два дня сражение шло с переменным успехом, а на третий, очевидно, убедившись, что легкой победы не будет, и не желая терять слишком много людей в чужой войне, хан отвел свою конницу назад и стал уходить. Хмельницкий бросился следом. Относительно мотивов этого поступка единого мнения не существует. Историки, которым Богдан нравится, утверждают, что он надеялся вернуть крымцев и что Ислам-Гирей задержал его насильно. Недоброжелатели уверены, что Хмельницкий понял неизбежность поражения и спасал свою жизнь.

Так или иначе украинское войско осталось без командующего. Оно долго, целых десять дней, отбивало непрестанные атаки врага, но исход дела был предрешен. В конце концов сражение перешло в бойню, и казаки разбежались.

Еще до окончания боев литовский гетман Радзивилл занял Киев.

Война была проиграна. Союзник украинцев, крымский хан, вышел из борьбы; его лучший полководец знаменитый Тугай-бей сложил голову под Берестечком. Хмельницкий, хоть и отпущенный на свободу (если вообще был ее лишен), совершенно «потерял лицо» и остался без армии – он сумел удержать при себе только три тысячи казаков. Все города, закрепленные за казачеством по Зборовскому договору, – Киев, Чернигов, Брацлав – перешли под контроль поляков.

Но, как не раз случалось в прошлом, польский король не смог воспользоваться плодами победы сполна, потому что у него кончились деньги на содержание такой большой армии. Основная часть, мобилизованные и наемники, ушла, остались только регулярные войска

и шляхетское ополчение Иеремии Вишневецкого, однако этот непримиримый враг казачества в самый разгар кампании скоропостижно скончался.

Яну Казимиру пришлось заключать мир, не доведя дело до конца.

Договор подписали 18 сентября в Белой Церкви, и условия были много хуже зборовских.

Число реестровых казаков сокращалось вдвое, до 20 тысяч. Территория Запорожского войска ограничивалась одним киевским воеводством. Чигиринский округ оставался в личном владении Хмельницкого, но зато он должен был отказаться от каких-либо сношений с Крымом и вообще с иностранными государствами.

Битва при Берестечке. *Барельеф с гробницы короля Яна Казимира*

Этот мир не понравился ни украинцам, ни полякам. Большинство повстанцев оказались «расказаченными», крестьяне опять попадали под гнет помещиков и арендаторов, а вся Украина в целом оказывалась очень ослабленной. С польской же точки зрения, наголову разбитый враг не был раздавлен до конца, что сулило в будущем новые потрясения. Варшавский сейм отказался ратифицировать Белоцерковский договор. Возникла ситуация, когда между Короной и

Украиной не было ни войны, ни мира, и закончиться это, конечно, могло только новым кровопролитием.

Походы Богдана Хмельницкого. *А. Журавлев*

Оно, собственно, и не прекращалось. Крестьяне Брацлавщины, вернувшейся под коронное управление, скоро восстали, и там развернулась своего рода «частная война», которую по примеру покойного князя Иеремии вел Стефан Чарнецкий. Крестьянам помогали казачьи отряды, присланные Хмельницким.

В начале июня 1652 года украинско-татарской армии удалось на Винничине окружить и уничтожить польский корпус польного коронного гетмана Мартина Калиновского – в отместку за бойню под Берестечком казаки перебили всех пленных, выкупив даже тех, которые достались татарам. Зато молдавская авантюра Богдана закончилась плохо. Посадить сына Тимофея на господарский престол гетману никак не удавалось, а в сентябре 1653 года Хмельницкий-младший в одном из боев был смертельно ранен.

Положение гетмана и всего украинского дела к этому времени стало совсем тяжелым. Новое польское вторжение казалось неминуемым, на помощь Крыма рассчитывать не приходилось. Турецкий султан не торопился принимать Украину под свою руку.

Требовался новый покровитель, и как можно скорее. Хмельницкий снова обратился к царю – больше было некуда.

Присоединение

Промосковская партия на Украине существовала давно. Идея перейти из подданства инославного, инородного монарха в подданство к государю единоверному и единородному была особенно популярна в угнетенных низах и среди горожан, имела она своих приверженцев и среди духовенства (хотя последнее, как уже говорилось, в то же время крепко держалось за церковную самостоятельность).

Ранние попытки украинцев заручиться российским покровительством, напомню, были встречены в Москве без энтузиазма. Царь Алексей не любил рискованных шагов, а здесь пахло большой войной. Три предыдущих конфликта с Речью Посполитой закончились плохо, память о Смоленском позоре 1634 года была еще свежа, да хватало и собственных, внутренних проблем. Хорошо и безопасно было присоединять земли Сибири – сопротивления минимум, никакой спешки, затраты ничтожные, а прибытки большие. С Украиной же могло получиться ровно наоборот: и трудно, и нервно, и дорого, и

сомнительно с точки зрения выгод. Правительство Алексея Михайловича хорошо это понимало – и его сомнения были совершенно справедливы. Царь по своему прекраснодушию пытался увещевать Польшу, передавал через послов, что белоцерковский мир нехорош и надобно вернуться к зборовскому. Иначе «Запорожское войско» из-под королевской руки все равно уйдет, и Москва, хочешь не хочешь, должна будет принять Украину на свое попечение – не отдавать же ее поганым туркам. Эта наивная дипломатия, конечно, ни к чему привести не могла.

Но когда Хмельницкий в очередной раз, в декабре 1652 года, стал челобитствовать о российском подданстве, украинского посла в Москве приняли более благосклонно. В это время при дворе уже вошел в силу Никон. Он переписывался с гетманом напрямую и инструктировал его, как действовать. Новый патриарх войны с Польшей не боялся. Напористо и уверенно он тащил робкого царя к величию, а за царем в том же направлении должна была потянуться и вся страна.

Сначала переговоры шли небыстро – Хмельницкий надеялся получить от России помощь, ни в чем не поступившись своей автономией. Но после неудач 1653 года гетман стал покладист и принял все московские условия.

В сентябре 1653 года царские послы объявили гетману и старшине, что, поскольку король не внял добрым речам, государь Алексей Михайлович соглашается взять Украину под свою высокую руку.

После этого события развивались быстро.

Уже 1 октября в Москве созвали Земский собор, которому было объявлено о «неправдах» польского короля и об украинском челобитье. Собор постановил: «Гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами их и з землями принять под свою государскую высокую руку для православные християнские веры и святых божиих церквей». На Украину стали снаряжать великое посольство – принимать присягу.

Еще и теперь, пока посольство не доехало, Хмельницкий предпринял последнюю попытку решить проблему без российской помощи. В прямое нарушение Белоцерковского договора он уговорил хана выступить в поход к польской крепости Каменец, где находился Ян Казимир с небольшими силами. Победа казалась верной, но Ислам-Гирей в очередной раз продемонстрировал, как мало он заботится об интересах своего украинского союзника. Хан вступил с поляками в

сепаратные переговоры. Получив от них гарантию дани и разрешение сорок дней пограбить украинские земли, он ушел, вполне довольный исходом дела.

Гетману ничего не оставалось, как возвращаться к себе в Чигирин, принимать царскую милость.

Великое посольство во главе с боярином Василием Бутурлиным на Украине встречали торжественно. Простой народ, в отличие от казачьей старшины и церковных иерархов, видел в российском подданстве надежду на лучшую жизнь.

В городе Переяславле, неподалеку от Киева, 8 января 1654 года открылась рада – казачий аналог Земского собора. Сначала на кругу было принято решение о присоединении к России.

Выглядело это так. Хмельницкий спросил собравшихся, под каким из четырех государей они желают жить – под польским королем, крымским ханом, турецким султаном или православным царем. На всякий случай подсказал правильный ответ: султан с ханом-де басурманы, а король нас много обижал. Толпа закричала, что хочет православного государя. Боярин Бутурлин вручил войсковому генеральному писарю для прочтения царский манифест, сословия стали приносить присягу, и на этом формальности закончились.

Условия, на которых Украина вошла в состав российского государства, были следующие.

Число казаков, получающих жалование, определялось в шестьдесят тысяч. Права и свободы этого сословия гарантировались.

Царь будет собирать с городов и областей точно такие же подати и пошлины, как это было при поляках.

Занимать административные посты в городах могли только украинцы, но за сбором казенных поступлений будут наблюдать царские люди.

Власть Хмельницкого – пожизненная, а после его смерти казаки изберут нового гетмана сами. Чигирин с округой будет даваться гетманам в кормление, а Богдан получит в личную вотчину еще и городок Гадяч.

Сношения украинского гетмана с другими странами будут ограничены. Обо всех контактах следует докладывать в Москву, а с польским королем и турецким султаном без царского указа никаких «ссылок» вообще быть не должно.

Получалось, что Украина внутри России имеет особый статус – не провинции, а протектората, который официально назывался «Запорожское войско с городами и землями».

Обе стороны несомненно рассматривали такое положение дел как временное. Хмельницкий надеялся с помощью русского оружия избавиться от польской угрозы – а там будет видно. Московское правительство тоже пока примеривалось к управлению новой территорией, еще не зная, как взяться за дело, но «ордынская» модель жестко централизованного государства никак не сочеталась с существованием автономий. Не для того Москва избавилась от удельных княжеств, чтобы учредить новое, да еще такое большое и населенное.

Переяславская рада. *А. Кившенко*

Помимо этой мины замедленного действия новозаключенный союз таил в себе и другие опасности.

Главной из них были противоречия внутри самого украинского общества. Интересы старшины и простонародья совпадали только в одном: в неприятии польского владычества. Однако казачья верхушка хотела всего лишь занять место польской шляхты, оставив крестьян в прежнем состоянии. Требование ограничить состав войска шестьюдесятью тысячами человек исходило не от Москвы, а от новой аристократии – полковников, есаулов, сотников.

Крестьяне, а еще в большей степени горожане жить в казацком государстве не хотели. Они предпочитали власть одних царских воевод, без промежуточного сословия угнетателей.

В течение последующих десятилетий этот социальный конфликт выльется в нескончаемую гражданскую войну, в ходе которой одни украинцы будут ориентироваться на Москву, другие – на Варшаву, третьи – на Константинополь.

Сам Богдан, кажется, считал решение Переяславской рады не более чем политическим маневром и временной мерой. Он охотно переложил на русских воевод основную тяжесть войны с Польшей и участвовал в боевых действиях без особенного рвения (об этом – в следующей главе), а сам при этом, в нарушение условия об ограничении внешних сношений, вел тайные переговоры и с крымцами, и с поляками, и со шведами, не забывая уверять царя в своей вечной преданности. Гетман много болел, часто пребывал в «меланхолии», но продолжал мечтать о собственной династии. Его старший сын погиб, но оставался еще один – Юрий. Старику хотелось, чтобы еще при его жизни юношу утвердили преемником.

В мае 1657 года, исполняя волю великого Богдана, круг послушно провозгласил шестнадцатилетнего Юрия гетманом, но власть оставалась у отца. Правда, пользоваться ею Хмельницкому-старшему оставалось недолго. 27 июля он умер от инсульта.

Со смертью лидера, признаваемого всеми слоями и сословиями, украинскому единству пришел конец. На смену освободительной войне шла война гражданская.

После Хмельницкого (1657–1672)

Украинские события следующих пятнадцати лет подробно пересказывать нет смысла. Они создают впечатление

неконтролируемого хаоса, в котором молниеносно возникают и так же быстро исчезают вожди, герои, злодеи, авантюристы – совсем как во времена русской Смуты. Но в этом потоке случайностей просматриваются несколько явно неслучайных этапов, у каждого из которых были свои объективные причины.

Таких этапов три.

Первый, **попытка возвращения в Польшу**, стал обратной реакцией на присоединение к России. Часть казачьей элиты, считая свою главную задачу выполненной и боясь оказаться в чересчур сильной зависимости от властолюбивого московского самодержавия, решила повернуть обратно к Польше. Этим людям казалось выгоднее быть частью слабого, а не сильного государства.

Во главе движения встал ближайший соратник Богдана, в прошлом его личный секретарь, а затем генеральный писарь (канцлер) Запорожского войска Иван Выговский. В последние два года жизни великого гетмана, когда тот то болел, то пребывал в «меланхолии», Выговский стал фактическим правителем Украины.

Юрий Хмельницкий, хоть и провозглашенный гетманом, без отца удержать власть не мог. Выговского сначала поставили на трехлетний срок регентом, а через несколько месяцев сделали и полноправным гетманом, Юрий же отправился учиться в Киевскую духовную академию, что больше соответствовало его характеру и возрасту.

Выговский, происхождением шляхтич, хотел, чтобы Украина существовала по образцу Речи Посполитой, только управлялась православным украинским дворянством. Но концепция шляхетских прав и вольностей противоречила основополагающему принципу московской государственности. Между царскими воеводами и казачьей старшиной сразу же начались трения. С московской точки зрения, всякий служилый человек был государевым «холопом», а казаки считали себя «лыцарями». Иван Выговский, кажется, первый понял, что добром это не кончится, и повел тайные переговоры с королевскими представителями.

Но тут дали себя знать внутриукраинские противоречия. Бедное казачество, так называемая «голота», не хотело возврата к шляхетскому правлению, хоть бы даже украинскому. Выговскому пришлось выдержать целую войну с политическими противниками, которых он

сумел победить, но с этого момента украинцы проливали кровь друг друга уже не переставая. Это было не только столкновение политических амбиций отдельных вождей, но борьба двух партий. Первую можно очень условно назвать «аристократической» – не по благородству происхождения, а из-за приверженности аристократическому способу правления. Вторую, еще более условно, назовем «демократической» – потому что она опиралась на поддержку демоса. Парадокс заключался в том, что демос ориентировался на антидемократическую Москву, но тогдашнее массовое сознание лучше относилось к самодержавной власти далекого царя, чем к засилию ближних притеснителей.

Иван Выговский. *Прижизненный портрет*

Следует сказать, что царские наместники и представители долго не могли разобраться в запутанной украинской ситуации и пытались как-то примирить противоборствующие стороны – вместо того, чтобы твердо поддержать своих приверженцев. Это еще пуще усугубляло путаницу. По выражению С. Платонова, в Малороссии разгоралась «война всех против всех».

В 1658 году, подавив оппозицию, гетман Выговский перестал прикидываться верным слугой его царского величества и объявил себя подданным его королевской милости. Украина под названием «Великого княжества русского» возвращалась в Речь Посполитую.

Официальная российская история последующих веков демонизировала Выговского, объявив его вероломным изменником, однако гетман резонно считал своей родиной не Россию, а Украину. Договор с Речью Посполитой, подписанный Выговским в Гадяче, гарантировал Малороссии полную автономию.

Рассмотрим этот интересный документ подробнее. Если б подобная программа осуществилась, Украина уже в семнадцатом веке обрела бы государственность.

«Великое княжество» обладало собственной финансовой системой, причем король отказывался от своей доли в податях – все сборы шли в украинскую казну.

Официальным языком автономии объявлялся «русский» – то есть украинский.

Реестр состоял из тех же 60 тысяч казаков, которые становились основным государственным сословием, причем король по представлению гетмана мог давать этим служивым людям дворянское звание. Польских войск на Украине держать не предполагалось вовсе.

Православное духовенство получало равные права с католическим – не только на украинской территории, но и на польской.

Украинцам гарантировалась квота в польском сенате.

На Украине должно было открыться два университета, а также многочисленные училища и типографии, в которых дозволялось печатать любые книги – лишь бы в них не было «укоризны королевскому маестату».

Всем участникам антипольской войны объявлялась безоговорочная амнистия.

Содержался в договоре и пункт удивительный: «великое княжество» имело право сохранять нейтралитет в российско-польских войнах, но, если на Украину нападет Москва, Корона обязывалась защищать свой протекторат.

Гадяцкий договор превращал Речь Посполитую в польско-литовско-украинскую унию, и поначалу казалось, что этот тройственный союз может осуществиться.

«Великий князь» Выговский, поддерживаемый реестровыми казаками, начал энергично очищать украинскую территорию от московских войск.

В августе 1658 года он предпринял наступление на Киев, но взять его не смог, однако в следующем году добился большого успеха.

Царский представитель на Украине князь Григорий Ромодановский назначил нового гетмана, Ивана Беспалого, который пытался взять под свой контроль хотя бы левобережную Украину. Из Москвы ему в помощь прибыло войско под командованием князя Алексея Трубецкого и осадило крепость Конотоп, где засели противники промосковского гетмана.

Выговский, к которому присоединилось войско нового хана Мехмет-Гирея (брата умершего Ислам-Гирея), ударил по русской армии в тыл, ложным отступлением заманил ее в засаду и сильно потрепал. Разбитые московские полки повсюду отступали. Когда весть о поражении достигла столицы, царь Алексей Михайлович явился народу в «печальном платье», то есть в траурном одеянии. Русские продолжали удерживать только Киев.

Но вся левобережная Украина с ее преобладающим крестьянским населением не хотела ни Польши, ни Выговского; заволновались и многие города Правобережья, не поддерживавшие идею шляхетско-казацкого государства.

Одно за другим начались восстания. Против пропольского гетмана поднялись Переяславль, Нежин, Чернигов и даже Чигирин. Отложилась и Запорожская Сечь, центр сосредоточения казацкой голытьбы.

Надеясь укрепить свое пошатнувшееся положение, Выговский созвал генеральную раду, но запорожские казаки привели туда Юрия Хмельницкого, и тот победил одним своим громким именем.

Выговскому пришлось сложить с себя гетманское звание и бежать[2]. В пользу младшего Хмельницкого отказался от гетманства и Беспалый.

Юрия провозгласили малороссийским гетманом на новой Переяславской раде, что, вероятно, должно было придать этому событию символическое значение. Однако блюстителя российско-украинского единства из Юрия Хмельницкого не вышло. Авторитета этот болезненный и слабохарактерный юноша среди казаков не имел, а число противников российского подданства после второй Переяславской рады возросло. Причиной тому был нажим царского правительства, желавшего взять свое новое шаткое владение под более жесткий контроль. С Юрием церемонились меньше, чем с отцом. Ему запретили вести собственную дипломатию, воевать без приказа и поставили русские гарнизоны в пяти ключевых украинских городах.

Юрий Хмельницкий. *Неизвестный художник*

Хоть гетман и обещал «ляцкими прелестями не прельщаться», однако его верность не продержалась и года. Следующий 1660 год был

для русского оружия неудачен, и Хмельницкий под влиянием своего окружения передался полякам.

С этого момента гражданская война переходит в следующую фазу – **Украина начинает делиться на две части**: Правобережную и Левобережную. Формально это выразилось в двоевластии – в противовес изменнику Юрию Хмельницкому верное Москве казачество решило избрать нового гетмана. Им после кровопролитной распри стал запорожский атаман Иван Брюховецкий. Хмельницкий и поляки контролировали правую сторону Днепра, Брюховецкий и царские воеводы – левую. Однако разделение определялось не диспозицией сил, а причинами более глубокими.

Большинство реестровых казаков, по преимуществу настроенных антимосковски, обитали на Правобережье; здесь верховодила старшина. Левый же берег, где тон задавало бедное казачество и где реестровых не любили, предпочитал держаться Москвы.

В этот период каждый гетман еще претендует на всеукраинскую власть, и потому гражданская война перемещается то на один берег, то на другой – в зависимости от того, кто наступает.

В начале 1663 года Юрий Хмельницкий, уставший быть пешкой в руках своих полковников, добровольно оставил свой неуютный пост и постригся в монахи (с братом Гедеоном, как он теперь нарекся, мы встретимся еще не раз), но это не изменило ситуации. Новый правобережный гетман Павел Тетеря, женатый на дочери Богдана, продолжал ту же политику – да и не мог бы вести себя иначе.

Важным шагом, способствовавшим разделу Украины, стал визит Ивана Брюховецкого в Москву, где лояльный гетман был обласкан, получил чин боярина и вотчины, а взамен обязался переуступить царской казне сбор податей и некоторых пошлин (то есть фактически отказался от финансовой автономии). На Правобережье новшество вызвало новый антироссийский подъем, но к этому времени в Москве уже приняли стратегическое решение: оставить притязания на всю Украину, от которой одни расходы и хлопоты, а довольствоваться менее проблемным Левобережьем.

Мирный договор с Польшей в 1667 году зафиксировал этот раздел юридически, поскольку Речь Посполитая признала Левобережье российским владением, однако на этом борьба не закончилась.

На третьем этапе украинской смуты из игры вышла Польша, но антимосковское казачество нашло себе нового, более сильного покровителя – Османскую империю, и определяющим стал **турецкий фактор**.

Этой, на первый взгляд, неожиданной, а на самом деле естественной переориентации предшествовала междоусобица. Гетман Тетеря, продолжавший ориентироваться на Варшаву, не удержался. Его место занял Петр Дорошенко, который еще до окончания польско-русской войны разорвал отношения с королем и сделал ставку на султана.

Гетман Дорошенко, в отличие от покорного Москве гетмана Брюховецкого, не признавал разделение Украины на два «берега». Он рассчитывал с турецкой помощью подчинить себе обе части страны.

Петр Дорошенко. *Неизвестный художник*

Впрочем, о политических взглядах гетманов той эпохи говорить можно только с большой натяжкой. Главной заботой этих военных вождей было сохранение собственной власти, поэтому они с легкостью переходили из лагеря в лагерь.

Брюховецкий заколебался, видя, что антимосковская партия очень окрепла. Дорошенко с той стороны Днепра слал заманчивые предложения: обещал ради единства Украины уступить гетманство, только бы Брюховецкий отложился от Москвы.

В феврале 1668 года «боярин» Брюховецкий и его полковники решили, что выгоднее передаться султану. Небольшой русский отряд,

находившийся в гетманской ставке, был вырезан. По всему Левобережью и в Киеве русские гарнизоны оказались в осаде. Изменникам достались большие запасы оружия и продовольствия, а также все собранные в казну налоги – почти сто пятьдесят тысяч рублей.

Но предательство не пошло Брюховецкому впрок. Когда силы обоих гетманов соединились, сторонники Дорошенко убили левобережного предводителя. Украина вновь оказалась под булавой единого правителя – но ненадолго.

Как раз тогда, когда из России подошло новое войско под командованием боярина Григория Ромодановского, повторилась опереточная коллизия, из-за которой Богдан Хмельницкий проиграл кампанию 1651 года. Гетман Дорошенко узнал, что ему изменяет жена, и, оставив вместо себя полковника Демьяна Многогрешного, поспешил домой, в Чигирин. Этот эмоциональный порыв свел на нет все успехи незадачливого объединителя.

Оказавшись во главе войска, Многогрешный захотел сам стать гетманом. Он вступил в переговоры с Ромодановским, который охотно пошел полковнику навстречу. В январе 1669 года статус кво восстановился, Украина опять разделилась на две половины, и в левой гетманом стал Многогрешный. Он согласился ограничить количество реестровых казаков тридцатью тысячами (что было логично, поскольку от Украины осталась половина) и пустил царских воевод в пять украинских городов.

Тем временем на другой стороне Днепра ослабевший Дорошенко бился за правобережное гетманство с соперниками. Вновь объявился Юрий Хмельницкий, которому наскучило быть «братом Гедеоном», – и вновь потерпел неудачу. Дорошенко захватил его в плен и отправил к туркам.

В Правобережной Украине шла хаотичная война, в которой украинцы польской ориентации враждовали с украинцами турецкой ориентации, поляки отбивались от турок, татары грабили всех подряд, и конца этой кровавой вакханалии было не видно.

Россия в эту заграничную свару благоразумно не вмешивалась, довольствуясь постепенным усилением своей власти в Левобережье. Финальный аккорд этого осторожного процесса прозвучал в 1672 году.

В гетманском окружении всегда хватало интриганов и ябедников, которые засыпали Москву доносами на своих врагов, обвиняя их в изменнических замыслах. Писали, конечно, и на Многогрешного, но до поры до времени этим кляузам не давали ходу – украинский гетман занимал слишком высокое положение. Однако в марте 1672 года Многогрешного арестовали и предали суду – да не на Украине, а в Москве. Пытали, как обычного преступника, приговорили к смерти. Царь заменил казнь на сибирскую ссылку, но урок был ясен: Левобережная Украина отныне является провинцией московского государства и ее правители находятся в полной царской власти.

Следующим гетманом стал Иван Самойлович, протеже князя Григория Ромодановского, человек покладистый и тихий.

Только теперь, почти через два десятилетия после Переяславской рады, Украину, верней, половину Украины, действительно можно было считать вошедшей в состав России.

Войны

Алексей Тишайший превыше всего ценил мир и покой, но почти все его царствование прошло в войнах. Россия поочередно рассорилась со всеми своими соседями. Эти конфликты были прямым следствием украинской экспансии и стали огромным бременем для небогатой, трудно развивающейся страны.

Польская война. Первый этап

В октябре 1653 года, вынося решение о присоединении Малой Руси, Земский собор одновременно выступил с осуждением польского короля. Это было объявлением войны.

К европейским государям, с которыми Москва поддерживала дипломатические отношения, отправили послания, разъяснявшие причины этого деяния и содержавшие просьбу не оказывать Польше помощи. Союзников Россия не искала. Были все основания рассчитывать, что война окажется недолгой.

Речь Посполитая находилась в плачевном состоянии. Ян Казимир слыл королем слабым, порядка в его державе не было, казна пустовала, все немногочисленные силы уходили на борьбу с казацким восстанием,

и западнорусские, литовские, белорусские области остались почти беззащитными.

Именно с той стороны, а не через Украину царская армия и собиралась нанести удар. Первой целью должен был стать Смоленск, о возвращении которого в Москве так давно мечтали. Патриарх Никон, вдохновитель и инициатор войны, строил и более широкие планы – соединить «три Руси» под скипетром русского царя.

Всю зиму и весну готовились: собирали ратный люд, припасы, везли к западной границе пушки. В конце мая началось наступление сразу по трем направлениям. Северный корпус двинулся из Великих Лук на Полоцк; основные силы, при которых находился сам Алексей Михайлович, шли из Вязьмы на Смоленск; южная колонна из Брянска вторглась в Белоруссию. В общей сложности русская армия насчитывала до 80 тысяч воинов. Богдан Хмельницкий сам на войну не пошел, но отправил в поддержку союзникам полковника Золотаренко с двадцатью тысячами казаков.

Речь Посполитая не смогла выставить сколько-нибудь внушительной армии и была вынуждена ограничиться обороной.

Крепости, не имевшие гарнизонов, сдавались одна за другой – Дорогобуж, Невель, Белая, Гомель, Могилев, Полоцк. Витебск и Оршу пришлось брать с боем, но пали и они.

Сам Смоленск, стены которого оказались русским не по зубам во время двух предыдущих войн, продержался до сентября. Попытка штурма не удалась, но польских войск в городе было мало, на подмогу они не надеялись и в конце концов капитулировали. Алексей Михайлович заставил гарнизон повторить сцену, разыгранную королем Владиславом в 1634 году при сдаче воеводы Шеина: поляки склонили перед царем свои знамена. Символический реванш за давнее унижение, вероятно, выглядел не особенно впечатляющим, потому что поляков было всего несколько сотен.

В целом кампания 1654 года получилась истинно триумфальной и превзошла самые смелые надежды Алексея и Никона.

> Заслуга такого большого и, в общем, не слишком кровавого успеха в значительной степени принадлежала царю.
>
> Алексей Михайлович очень беспокоился за нравственность и душевную чистоту христианского воинства

и перед походом обратился к воеводам со специальным посланием, в котором приказывал строго следить, соблюдают ли воины святые посты и ходят ли к покаянию. Но помимо призывов к благочестию царь давал распоряжения и вполне рационального толка: проявлять милосердие, не грабить и не разорять население, повсюду где можно договариваться миром. По государеву указу мародеров и насильников следовало предавать смерти, а их начальников – «торговой казни», то есть публичной порке. Пленных шляхтичей – звать на царскую службу, кто не согласится – отпускать на волю.

Поэтому православное население, преобладающее в занятых областях, встречало русское войско без страха. Многие города сами отворяли ворота – и не имели причин пожалеть об этом. Царь подтверждал жителям все прежние привилегии, в том числе незыблемость Магдебургского права, освобождал от воинского постоя, обещал защиту от казаков Золотаренко, которые грабили обывателей и убивали поляков с евреями.

Умеренность и великодушие принесли русским больше побед, чем сила оружия.

На Украине тем временем дела шли отнюдь не победоносно. У Богдана Хмельницкого то ли была очередная «меланхолия», то ли он берег силы, рассчитывая взвалить основную тяжесть войны на союзников, но весь год гетман пробездействовал, так что у польских магнатов даже появилась возможность перейти в наступление. Осенью 1654 года, соединившись с крымцами, которые теперь рассматривали украинцев как московских подданных и, стало быть, своих врагов, Стефан Чарнецкий подверг Брацлавский край чудовищному разгрому и разорению. Каратели сожгли полсотни городов и разрушили тысячу православных церквей. Хроника сообщает (вероятно, не без преувеличений), что сто тысяч украинцев были убиты и еще триста тысяч угнаны в крымское рабство.

Только зимой Богдан наконец собрался с силами дать полякам отпор – и то лишь при поддержке большого отряда русских войск.

У русских на северном фронте зимой активности поубавилось. Алексей Михайлович уехал в Москву, отдохнуть от ратных трудов. Он

теперь называл себя «государем Великой и Малой Руси», а в следующем году надеялся присоединить к титулу еще и «Белую Русь».

Русские ведут пленных поляков. *Голландская гравюра XVII в.*

Однако поляки сложа руки не сидели. Литовский гетман Януш Радзивилл напал на украинский отряд Золотаренко, потом осадил и едва не взял Могилев. Среди местного населения, совсем недавно присягнувшего Москве, нашлись сторонники прежней власти – этому способствовало поведение оккупационных войск, дисциплина которых в царское отсутствие сильно разболталась. Часть православной шляхты перекинулась на литовскую сторону.

Но весной 1655 года Алексей вернулся в Смоленск с подкреплениями, и наступление возобновилось.

Победы следовали одна за другой. Хватило одного небольшого сражения, чтобы разбить Радзивилла, – и города опять стали сдаваться. В течение лета покорились Минск, Ковно, Гродно. Пала даже Вильна, столица Великого княжества Литовского. Никогда прежде – ни при

Иване III, ни при Иване IV – русские не добивались в войне с западным соседом столь блестящих результатов.

В начале осени наконец активизировался и Хмельницкий. Украинско-русская армия разбила великого коронного гетмана Станислава Потоцкого, осадила Львов и взяла Люблин.

На помощь полякам пришло крымское войско, но понесло тяжелые потери, и хан запросил мира.

Это был пик военных успехов коалиции. Казалось, война подходит к концу.

О мире заговорили и поляки, которым больше нечем было защищаться. В ожидании переговоров бои приостановились.

Если бы Москва удовлетворилась достигнутым, условия мирного договора несомненно были бы для нее самыми выгодными.

Но под воздействием побед царь и патриарх утратили всякое чувство меры. Алексею теперь казалось уже недостаточным быть царем Малой и Белой Руси, он потребовал и Великого княжества Литовского. Запросы Никона были еще размашистей – фактический правитель подбивал своего питомца претендовать и на польскую корону!

Согласиться на такое послы Речи Посполитой, конечно, не могли. Пока шла торговля, на арене появился новый сильный игрок. Повторялась ситуация вековой давности, когда Иван Грозный, разгромив Ливонский орден, не смог вовремя остановиться, раззадорил алчных соседей и потерял плоды всех своих побед.

Шведская война

Молодой шведский король Карл X, только что сменивший на престоле мирную покровительницу искусств королеву Христину, не мог спокойно наблюдать, как Россия собирается прибрать к рукам побежденную Польшу. У Швеции с Речью Посполитой имелись собственные давние счеты, в сражениях недавно закончившейся Тридцатилетней войны шведская армия доказала, что она из сильнейших в Европе, а сам король был энергичен, честолюбив и воинственен. У него появился план захватить все южное побережье Балтики и сделать это море внутренним шведским.

Предлог долго придумывать не пришлось – хватило того, что польские монархи династии Ваза продолжали титуловать себя

шведскими королями, хоть давно лишились этой короны.

Еще летом 1655 года фельдмаршал Виттенберг вторгся на польскую территорию – и почти не встретил сопротивления. Литовский гетман Радзивилл, как и шведы, протестант по вероисповеданию, перешел на сторону Карла, прося только, чтобы тот помог литовцам отбиться от русских.

Затем последовало вторжение всей шведской армии – катастрофа, получившая в польской истории название «Potop Szwedzki» или просто «Потоп». Еще одного удара после украинского восстания и русской войны Речь Посполитая не выдержала. Захватчики быстро заняли почти всю страну, включая обе столицы – Варшаву и Краков. После двух неудачных сражений Ян Казимир, всеми оставленный, бежал за границу, в Австрию. Казалось, польско-литовскому государству наступил конец.

Однако коллапс продолжался недолго. Повторилась история русской Смуты, когда военное поражение вызвало в народе небывалый подъем патриотизма. Подавляющее большинство поляков были католиками и считали шведов еретиками, а Карл имел неосторожность осадить Ченстоховский монастырь, польскую святыню, которая стала символом сопротивления. Повсюду вспыхивали антишведские восстания. В декабре шляхта объединилась в конфедерацию и обратилась к королю-эмигранту с просьбой вернуться.

Армия Карла (25–30 тысяч человек) могла выигрывать сражения, но не могла удерживать под контролем целую враждебную страну. Шведы начали отступать и изменили стратегию: стали обзаводиться союзниками. С этой целью Карл предложил часть польских территорий бранденбургскому курфюрсту, часть – трансильванскому правителю Дьёрдю II Ракоци, а Украину – Богдану Хмельницкому, которого весьма заинтересовала перспектива стать суверенным владыкой. Себе шведский король намеревался оставить только балтийские провинции Речи Посполитой.

Нечего и говорить, что царскому правительству идея подобного раздела, игнорировавшего и ущемлявшего российские интересы, понравиться не могла. Швеция становилась более опасным врагом, чем Польша. Патриарх Никон убеждал царя дать отпор королю Карлу. Многочисленные победы, одержанные за последнее время русским оружием, прибавляли Москве уверенности.

Карл X Шведский. *Ю. ван Эгмонт*

Чтоб не вести войну на два фронта, нужно было замириться с поляками. Для этого пришлось существенно снизить свои запросы.

Уговорились, что русские оставят за собой все занятые территории – Смоленщину, почти всю Белоруссию, кусок Литвы; что же касается польского престола (на который Алексей Михайлович по настоянию Никона продолжал претендовать), то царь подождет до смерти бездетного Яна Казимира.

Перемирие вступило в силу еще до окончательного утверждения условий, в конце апреля 1656 года, а в середине мая Россия объявила шведам войну. Польша из врага стала союзником, но теперь запутались отношения с Украиной. Представители Хмельницкого в переговорах не участвовали, и мириться с Короной гетман не собирался. Он не прекращал враждебные действия против поляков и не думал порывать со шведами. Возникла очень странная ситуация, при которой российский вассал дружил с врагом Москвы и воевал с ее союзником. Если бы Богдан не был тяжело болен и вскоре бы не умер, он несомненно разорвал бы Переяславский договор и не остался бы в истории архитектором российско-украинского объединения. Разрыв произошел бы очень быстро, после первых же неудач русской армии.

А война для Москвы сразу пошла неладно.

Планы поначалу были грандиозные.

Воевода Петр Потемкин пошел со стрельцами и донскими казаками к Финскому заливу. Патриарх Никон ничтоже сумняшеся благословил это воинство брать Стокгольм (при том, что в отряде Потемкина было не более двух тысяч человек).

Сам государь с основным войском вторгся в Ливонию с намерением занять главный морской порт Ригу. Захватили несколько крепостей, включая большой город Дерпт, однако Ригу, где находился сильный гарнизон, взять не смогли. Простояли под стенами три месяца, понесли большие потери при попытке штурма – и пришлось отступить.

Между тем шведские отряды начали совершать рейды на русскую территорию, подбираясь к Пскову.

Стало ясно, что легкой победы не будет, а скорее всего не будет никакой, потому что шведы – противники посерьезней поляков.

Активные боевые действия прекратились. В Москве стали думать, как бы замириться.

Тут как раз закатилась звезда Никона, главного инициатора экспансии, и царь велел начать переговоры.

Шведы этому были рады, их дела тоже шли неважно.

Польской дипломатии удалось добиться того, что не удалось польскому оружию. Против Швеции, нарушившей баланс европейских сил, составилась коалиция, в которую вошли Австрия, Дания и даже бранденбургский курфюрст, которому Варшава согласилась уступить права на герцогство Пруссию (так была заложена основа будущего Прусского королевства).

В декабре 1658 года русские и шведы подписали временный договор (на три года), по которому Россия получала Дерпт и другие захваченные ливонские территории, но не желанный выход к морю. Результат военных усилий получился скромным, но в Москве радовались и такому.

Однако удержать новые земли не удалось.

За три года, предшествовавшие заключению «вечного» (постоянного) мира, положение России сильно ухудшилось. На Украине отложился гетман Выговский и нанес русской армии тяжелое поражение под Конотопом (1659); возобновилась война с Речью Посполитой и шла негладко; наконец, завершился шведско-польский конфликт, у Карла X развязались руки, и он мог проявить твердость.

В 1661 году подписали мир «на всей шведской воле», отказавшись от ливонских приобретений.

Шведская война оказалась большой ошибкой. Россия потратила на нее много сил, потеряла время, упустила Украину и дала передышку Речи Посполитой.

Из «Потопа» Польша вышла не ослабевшей, а окрепшей. Она была готова возобновить борьбу и за Малую, и за Белую Русь.

Польская война. Второй этап

Военные действия возобновились осенью 1658 года, когда измена Выговского обострила польско-русские отношения.

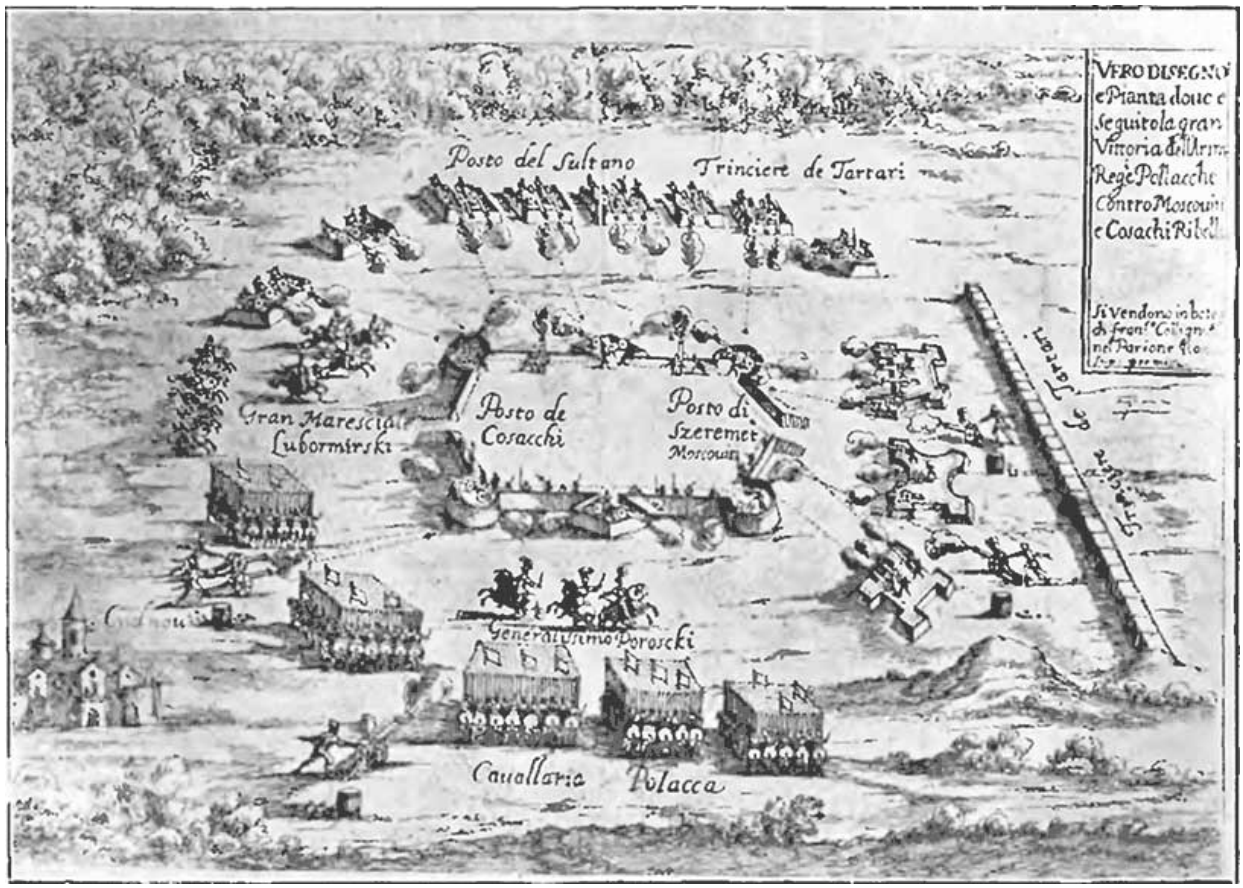
Первое столкновение закончилось не в пользу поляков. 8 октября у села Верки под Вильно литовский гетман Винцент Гонсевский (сын Александра Гонсевского, памятного нам по Смуте) бился с князем Юрием Долгоруким, был разбит и даже попал в плен. Чуть было не разгромили и второе литовское войско под командованием великого гетмана Павла Сапеги, но помешала всегдашняя русская болезнь –

местнические дрязги. Подкрепление вовремя не пришло, потому что его командиры сочли себя родовитее Долгорукого и отказались ему подчиняться.

Но сил и денег развить успех у Москвы не было. Только в конце 1659 года началось новое наступление в Белоруссии. Воевода князь Хованский взял Брест, но его рать потерпела поражение в бою с войсками Сапеги, а вскоре после этого досталось и Юрию Долгорукому. Русские повсеместно отступали.

Еще хуже вышло на украинском театре военных действий. Здесь разразилась настоящая катастрофа.

Киевский наместник боярин Василий Шереметев вел рать в Волынь, но столкнулся с объединенным польско-татарским войском. Стал пятиться и под Чудновым угодил в окружение. Почти три недели он сидел в осаде, дожидаясь помощи от гетмана Юрия Хмельницкого. В лагере кончилось продовольствие, все попытки пробиться оказались безуспешны, а когда стало известно, что Хмельницкий перешел на сторону врага, Шереметеву оставалось только сложить оружие.



Чудновское окружение. *Рисунок XVII в.*

Новое ужасное поражение в дополнение к прошлогоднему Конотопскому разгрому оставило Малороссию почти без русских войск. Держались только гарнизоны в нескольких городах.

Украина казалась безвозвратно потерянной: лучший полководец в плену, гетман изменил, Правобережье за поляков, а Левобережье некем защищать.

Но вражеского вторжения на левый берег не произошло. Татары, довольные захваченной добычей (им достался и Шереметев), повернули назад, а у польских военачальников, как это бывало и раньше, закончились деньги на выплату жалованья.

Эта заминка дала Москве время собрать и выслать на Украину новые войска, однако было ясно, что война предстоит долгая и трудная. Надежды на скорую победу остались в прошлом.

Осенью следующего 1661 года русская армия была снова сильно потрепана в Белоруссии – в бою при Кушликах воевода князь Иван Хованский (это имя нам еще не раз встретится) потерял много людей и лишился всей артиллерии.

Литовцы отвоевывали один за другим утраченные ранее города: Вильну, Могилев, Гродно.

Царь Алексей попробовал начать переговоры, но воодушевленная успехами Речь Посполитая надеялась вернуть всё, что потеряла.

Ян Казимир решил, что пора восстановить польскую власть на Украине. Войск у него было немного – вместе с татарским отрядом тысяч семнадцать, да отдельно двигался 12-тысячный литовский корпус. Расчет был главным образом на «мирную победу». По примеру царя Алексея, который во время первой польской кампании приказал войскам завоевывать доверие местных жителей великодушием, Ян Казимир запретил своим жолнерам и шляхте грабить и бесчинствовать. Татары все равно мародерствовали, но король картинно выкупал у них украинских пленников и милостиво отпускал по домам.

Эта политика сначала дала неплохие результаты. Многие города добровольно сдались, однако нашлись и такие, кто запер ворота и стал обороняться. Поляки слишком долго терзали украинцев, чтобы отношение к «ляхам» враз переменилось. У каждой несдавшейся крепости приходилось задерживаться. Под стенами городка Глухова

армия застряла надолго. Стрелецкий голова Абрам Лопухин и украинские казаки продержались до подхода армии князя Григория Ромодановского, в которой было 45 тысяч воинов.

Яну Казимиру пришлось поспешно отступать, бросая обозы и теряя разбегающихся солдат. Украинский поход провалился.

Теперь не прочь мириться были и поляки, но требовали, чтобы русские очистили все занятые области и города, включая Смоленск. Так в 1664 году ни до чего и не договорились.

Война продолжилась – главным образом на Украине, и сражались в основном украинцы с украинцами: правобережные пропольские казаки с левобережными промосковскими.

На следующий год у Яна Казимира в Польше возникли серьезные проблемы. Князь Ежи Любомирский, опытный полководец, поднял против королевской власти «рокош», возглавив недовольную шляхту, и стал одерживать победу за победой.

Польские комиссары на переговорах сразу стали сговорчивей. Они соглашались на территориальные уступки в Белоруссии, отказывались от Смоленска – но не от Украины. Русские же хотели Украину, взамен обещая вернуть Витебск и Полоцк.

> С российской стороны главным переговорщиком был хитроумный Афанасий Ордин-Нащокин. Он применил проверенный метод московской дипломатии – коррупционный. Если в 1634 году удалось подкупить самого короля, то отчего же было не попытаться проделать то же с послами? Каждому комиссару пообещали по десять тысяч рублей, а самому принципиальному вдвое.
>
> Послов такое предложение заинтересовало. Посовещавшись между собой, они попросили впридачу соболей; один выразил пожелание получить свою долю не серебром, а золотом, чтобы легче было спрятать.
>
> Цена за Украину выходила небольшая. Ордин-Нащокин всё заплатил, и 20 января договор был подписан.

Андрусовское соглашение 1667 года, правда, объявлялось временным – на тринадцать с половиной лет.

Россия получила Смоленск и западнорусские области, а также Левобережную Украину. Кроме того, ей оставался Киев – на два года.

Границы России и Речи Посполитой по Андрусовскому договору 1667 г. *А. Журавлев*

Последнее условие, необычное, впоследствии выполнено не было. Российское правительство ни за что не хотело отдавать «матерь городов русских», придираясь ко всему на свете: что поляки потакают изменному гетману Дорошенко; что не мешают нападать татарам; даже что варшавский королевский дворец расписан «укоризненными» для русской чести картинами, где изображены польские победы над русскими, и что надо те обидные фрески убрать.

Так Киев и не отдали.

Турецкая война

Несколько лет после Андрусовского перемирия Россия ни с какой иностранной державой не воевала, но это не означает, что она жила в мире. В 1670–1671 годах страну сотрясало восстание Степана Разина; не прекращались бои на Украине, где правобережный гетман Дорошенко не оставлял попыток подчинить «московскую» Украину.

Поскольку от Польши ожидать помощи не приходилось, Дорошенко объявил себя подданным Турции, и в 1669 году султан Мехмет IV официально принял Украину в состав своей империи, а поскольку Дорошенко считал себя гетманом *всей* Украины, получалось, что турки претендуют на российскую территорию.

До сих пор османы не вмешивались в польско-украинско-русский конфликт, потому что вели затяжную войну на Средиземноморье с европейской коалицией (1645–1669). Они очень долго осаждали крепость Кандия на острове Крит и в конце концов сумели ее взять. Эта победа дала Турции возможность заняться северной проблемой.

Сам Мехмет IV был монархом слабым и интересовался только собственными удовольствиями, настоящая власть находилась в руках великих визирей из рода Кёпрюлю. В описываемый период истинным правителем империи был Фазыл Ахмед-паша, человек решительный и предприимчивый. Украина интересовала его не сама по себе, а как плацдарм для давления на Польшу: вассальное казачество могло стать полезным инструментом в этой борьбе. Из России доносились вести о грандиозном крестьянском восстании, и русских визирь не опасался.

Польша выглядела легкой добычей, потому что там снова произошел политический кризис. Король Ян Казимир отрекся от престола, вместо него шляхта посадила на трон Михаила Вишневецкого, который был сыном грозного Иеремии, но ничего значительного собой не являл и не мог справиться с оппозицией.

Весной 1672 года огромная турецкая армия под командованием самого Фазыл Ахмеда осадила Каменец-Подольскую крепость, оплот всей польской обороны. К османскому войску присоединились казаки Дорошенко и крымский хан. Трехсоткратным численным преимуществом, о котором можно прочитать в польских источниках,

турки, конечно, не располагали, но безусловно силы были не равны и, пока король Михаил собирался на войну, твердыня капитулировала.

Королю пришлось подписать мир, согласно которому Польша уступала Турции большую территорию и обязывалась ежегодно выплачивать дань.

По условиям этого договора турки фактически оказывались хозяевами областей, принадлежавших России. Стало известно, что целью следующего похода великого визиря будет Киев.

Царь собрал Боярскую думу. Страна не оправилась от прежних войн и была разорена разинским восстанием, но ради защиты столь тяжко доставшейся Украины приходилось ввязываться в новую большую драку. Делать было нечего: постановили обложить население чрезвычайным военным налогом и собирать ратных людей.

Готовились воевать со страшной Турцией в одиночку, но, как это не раз уже случалось, Польша продемонстрировала, что в момент национальной катастрофы она умеет находить в себе силы для возрождения.

Фазыл Ахмед-паша. *Я. Тооренфлит*

Варшавский сейм отказался утвердить позорный мир, заключенный королем Михаилом, и война продолжилась. Во главе

армии встал великий коронный гетман Ян Собеский, который в ноябре 1673 года в сражении под Хотином одержал славную победу, уничтожив большой контингент турецких войск. В тот же день скончался злосчастный Михаил Вишневецкий, и стало ясно, что следующим королем будет избран хотинский триумфатор. У Речи Посполитой появился сильный лидер. Победить турок Польша не могла, но она могла продолжать сопротивление и оттягивала на себя основные силы султанской армии.

Это дало русским возможность укрепить свое положение на Украине. В начале 1674 года князь Григорий Ромодановский и промосковский гетман Самойлович пересекли Днепр и повели наступление на Дорошенко. «Турецкого» гетмана они не одолели (Дорошенко просто отступил), зато усмирили «польского» гетмана Ханенко, который на очередной Переяславской раде снял с себя полномочия в пользу Самойловича.

Однако теперь русская армия приблизилась к территории, занятой турками.

Летом 1674 года Фазыл Ахмед-паша двинулся навстречу Ромодановскому и Самойловичу, беря город за городом. Русские не решились вступить в битву и стали отступать. За войском стронулось с места и всё население, устрашенное слухами о турецких жестокостях.

Не видя перед собой противника, великий визирь, не собиравшийся забираться далеко на север, повернул обратно.

Этими масштабными маневрами русско-турецкая кампания 1674 года и ограничилась.

На следующий год, пользуясь тем, что турки и крымцы заняты польским фронтом, Ромодановский с Самойловичем снова задумали поход на Правобережье, но так с места и не двинулись, решив, что у них недостаточно сил. Хотели собрать девяносто тысяч воинов, а столько людей взять было негде. Тогда затеяли тайные переговоры с Дорошенко, склоняя его перейти в царское подданство, и гетман вроде бы соглашался, но тут в январе 1676 года скончался Алексей Михайлович.

Большая и трудная война с самой могущественной державой тогдашнего мира досталась в наследство следующему царствованию.

Раскол

Причины и ход церковной реформы

Реформа русского православия, осуществленная при Алексее Михайловиче, наряду с присоединением Украины, стала событием, последствия которого выходят далеко за рамки этой исторической эпохи. Насколько эти болезненные церковные преобразования были необходимы, вопрос дискуссионный.

Инициатор новшеств патриарх Никон взялся за дело с таким напором, что всего пять лет спустя, после его опалы, поворачивать назад было уже поздно – да, кажется, ни царь, ни иерархи делать этого и не собирались, хотя уже в ту пору в обществе из-за реформы происходило нешуточное брожение.

В этом рискованном начинании безусловно важную роль сыграл личный фактор – мегаломания Никона. Патриарх-государь мечтал превратить Москву в истинный «Третий Рим», который воссияет над всеми землями, а свою патриархию, самую молодую и по статусу самую младшую, вознесет над остальными православными патриархиями. Никон желал стать кем-то вроде «православного папы».

Этому проекту мешало национальное своеобразие русской церкви – накопившиеся за века отличия в богослужении и священных текстах, которые воспринимались греческими, украинскими и другими православными книжниками как провинциализм, невежество и даже ересь.

Действительно, Русь никогда не была сильна по части религиозной учености. Все светочи и знатоки богословия приезжали в Москву из-за границы: из Греции или из Киева.

Многие из них приходили в ужас и негодование от некоторых особенностей московского церковного обряда и от ошибок в русском переводе оригинального греческого текста.

Незадолго до реформы произошло несколько неприятных и унизительных инцидентов для «светильника православия», каковым почитала себя Русь. В 1649 году патриарх иерусалимский, гостивший в Москве, указал царю на еретичность местного богослужения, нарушающего православный канон. Это повторилось в 1651 году, когда приезжал митрополит назаретский, и в 1652 году, когда те же

обвинения прозвучали из уст первейшего пастыря церкви константинопольского патриарха. Тогда же пришла тревожная весть из высокочтимого на Руси Афона, что тамошние святые старцы жгут церковные книги московской печати как богопротивные.

Подобные случаи происходили и раньше, но теперь, когда в России всерьез задумались о присоединении Украины, проблема стала восприниматься как политическая.

Успех в Малороссии не в последнюю очередь зависел от того, удастся ли заручиться поддержкой украинской церкви, а тогдашняя ее верхушка во главе с митрополитом киевским Сильвестром, подчиненным непосредственно константинопольскому патриархату, вовсе не желала менять свою каноническую юрисдикцию. «Еретичность» Москвы была одним из предлогов, позволявших киевской митрополии отстаивать свою независимость, и «глобализация» русского православия лишила бы украинскую церковную оппозицию этого важного оружия.

> Забегая вперед, следует сказать, что никоновская реформа эту проблему решила лишь частично. Преемник Сильвестра митрополит Дионисий был настроен к Москве еще непримиримей и даже предпочитал православному русскому царю католического польского короля. Лишь после измены гетмана Выговского, когда на Украине началась гражданская война и Дионисий в Киеве оказался заложником русского гарнизона, владыка неохотно пообещал «хотеть всякого добра» государю Алексею Михайловичу. Закончилось тем, что украинская церковь раскололась на две митрополии – пророссийскую и антироссийскую, причем последняя, вслед за правобережным гетманом Дорошенко, в политическом смысле предпочитала держаться лучше уж басурманской Турции, только бы не Москвы. Тот же самый результат наверняка получился бы и безо всякой церковной реформы.

Таким образом, государственная потребность в некоей стандартизации русского церковного обряда ощущалась и до Никона. Вскоре после его интронизации из Афона вернулся ученый книжник Арсений Суханов, откомандированный сверить русские богослужебные

обычаи с греческими, и представил письменный доклад с перечнем расхождений.

Никон составил программу необходимых преобразований и приступил к реализации. Как всё, за что брался новый патриарх, делалось это шумно и форсированно.

Новшества вкратце сводились к следующему: крестное знамение отныне следовало делать тремя пальцами, а не двумя; писать не «Исус», а «Иисус»; «аллилуйю» петь трижды, а не дважды; литургию совершать на пяти просфорах вместо семи – и еще несколько подобных корректировок, сугубо внешних и никак не затрагивавших духа и смысла религии. Кроме того, патриарх велел исправить установленные описки и переводные ошибки в церковных книгах – но эти тонкости могли заметить только немногочисленные на Руси богословы.

Как мы видим, ничего такого уж революционного не предполагалось. Если бы Никон произвел эту, с государственной точки зрения, полезную работу постепенно и осторожно, без лишней огласки, вероятно, до раскола бы не дошло. Но не таков был этот церковно-государственный деятель.

Сразу же после Переяславской рады Никон приступил к действиям. Он созвал церковный собор, на котором обратился с речью к иерархам: митрополитам, епископам, настоятелям главных монастырей и храмов. Постановление о корректировке книг и обрядов было принято, хоть и не без противодействия со стороны ревнителей старины.

Тогда же в Константинополь отправили письмо с 28 вопросами – как лучше провести эту работу. Сделано это было, во-первых, для того, чтоб официально известить первого из православных патриархов об «исправлении» русской церкви, а во-вторых, для того, чтобы опереться на авторитет константинопольского владыки. Греческое духовенство на специальном соборе одобрило московские начинания и прислало «правильные» тексты. Приехали и ученые старцы, чтобы помочь с редактурой.

Особая комиссия, в которую в основном входили греки и киевляне, взялась за работу над переизданием церковных книг, и уже в следующем году вышла самая нужная – «Служебник». Ее отпечатали в типографии и разослали по церквам как инструкцию по отправлению служб. Антиохийский патриарх Макарий на новом московском соборе

осудил двоеперстие, которое отныне запрещалось – креститься теперь предписывалось только «щепотью»: тремя сложенными пальцами, что знаменовало Троицу. Нарушителям угрожало отлучение от церкви.

Началось внедрение и других «греческих» новшеств, а замена старых книг на новые, дело большое и небыстрое, растянулась на десять лет. Итоги реформы утвердил и одобрил собор 1666 года уже без ее творца – по иронии судьбы именно на этом синклите Никон был окончательно низвергнут и осужден.

В своем реформаторском пыле государь-патриарх оказался «святее папы римского» – или, в данном случае, патриарха константинопольского. Тот еще в 1654 году, отвечая на пресловутые «28 вопросов», советовал не торопиться с нововведениями и даже писал, что нет ничего еретического в мелких расхождениях русского ритуала с греческим, однако Никон рубил сплеча, что вызывало протест у части духовенства и общества.

Начало раскола. Церковный собор 1654 г. *А. Кившенко*

Протест и раскол

Раскол православия на «никонианство» и «старообрядчество», произошедший в следующем столетии после раскола западного христианства на католиков и реформаторов, имел то сущностное отличие, что русские «протестанты» были контрреформаторами – они отстаивали незыблемость традиций, а обновления добивалась правящая церковь.

Сопротивление имело две формы. У духовенства и образованной части светского общества – идейное; в простом народе – социальное. Второе объяснялось всегдашней опасливостью российских угнетенных классов по отношению к любой инициативе сверху. Низы привыкли не ждать от власти ничего хорошего, а на принуждение всегда отвечали упрямством. Точно так же в более поздние времена они воспримут указ сажать картофель, меры по борьбе с холерной эпидемией и даже отмену крепостного права. Церковных книг крестьяне и посадские не читали, тонкостей ритуала могли и не заметить, но непонятный запрет креститься двумя пальцами, как делалось испокон веку, многими воспринимался как наступление «последних времен». Эсхатологические ожидания вообще составляли одну из констант русской народной жизни и возобновлялись почти по всякому поводу.

Раскольничество в его простонародном виде оказалось самым живучим. Его не удалось искоренить никакими, даже самыми суровыми мерами ни при Алексее Михайловиче, ни при последующих Романовых – в конце концов оно привело к созданию старообрядческой церкви, существующей поныне.

Проще было подавить протест «читающей» части московского общества – просто в силу ее немногочисленности. В основе этой духовной оппозиции лежал глубоко укорененный консерватизм, на котором держалась вся тогдашняя русская идеология, еще со времен захвата турками Константинополя. На Руси считали, что это было Божьим наказанием «грекам» за отход от чистоты веры и что то же самое случится с «Третьим Римом», если он отступится от канона.

Незыблемая верность старине особенно укрепилась после трагических событий Смуты, которая тоже воспринималась как

небесная кара за «шатание». Мы видели, что новое российское государство старательно воссоздавало внешний облик и всю атрибутику прежней Руси. Поэтому, когда сама церковь, оплот старины, вдруг затеяла обновление, это не могло не вызвать разброд в умах. Конечно, в духовенстве и в образованном сословии, как и во всем обществе, абсолютное большинство составляли прагматики и люди, к идеологии равнодушные, однако нашлись и те, кто был готов отстаивать свои убеждения и даже пострадать за них.

На самом верху церковной иерархии таких оказалось совсем немного, что естественно для института, привыкшего следовать в кильватере государственной политики. Единственным архиереем, открыто выступившим против предложений Никона на соборе 1654 года, был коломенский епископ Павел. Патриарх в назидание другим обошелся с оппозиционером круто: лишил кафедры, сослал в монастырское заточение и там «умучил» до смерти (так утверждается в приговоре суда 1666 года над Никоном).

Другие видные деятели столичной церковной оппозиции, царский духовник Стефан Вонифатьев и протопоп Иван Неронов хоть «держались старины», но в конце концов признали правоту патриархии и покорились. Зато проявили стойкость несколько рядовых священников, не устрашившиеся никаких репрессий. Самый известный из них – протопоп Аввакум Петров, написавший свое «Житие», замечательное литературное произведение, которому он и обязан большой посмертной славой.

> Это был выходец из низов духовного сословия, сын полунищего попа-пьяницы. О себе он пишет: «неучен риторике и философии, а разум Христов в себе имам». Руководствуясь этим внутренним голосом, а также своим бескомпромиссным нравом и огромным самомнением, Аввакум постоянно с кем-то конфликтовал: с воеводами, с дьяками, с нерадивыми прихожанами, со скоморохами, с дрессировщиками медведей. Он был совершенно бесстрашен и вечно попадал во всякие скандальные истории. Его то избивали, то пороли, то топили в реке – протопоп воспринимал все свои злосчастья как страдания за веру.
>
> Вынужденный оставить приход, он оказался в Москве в самом начале Никоновых реформ и был в числе тех, кто

пришел от них в ужас: «Задумалися, сошедшися между собою, видим яко зима хочет быти: сердце озябло и ноги задрожали».

Сосланный в Сибирь, Аввакум провел там несколько лет. В качестве отрядного священника он участвовал в экспедиции первопроходца Афанасия Пашкова и претерпел от сурового начальника многочисленные муки, но и сам попортил атаману немало крови. «Право, не знаю, мучил ли меня или сам был замучен мною», – откровенно пишет протопоп.

После падения Никона у Аввакума нашлись в Москве покровители, вернувшие ссыльного в столицу, но протопоп задержался в ней ненадолго. Годы изгнания не научили его покорности. Аввакум проповедовал по частным домам, отстаивая «старую веру». Его выслали опять – сначала переводили из монастыря в монастырь, потом снова отправили в Сибирь, в Пустозерск, за Полярный круг.

Там он жил впроголодь, под строгим присмотром, но умудрялся отправлять на «большую землю» страстные послания.

После смерти царя Алексея бывший протопоп написал новому царю – и тем самым напомнил о себе, когда делать этого ни в коем случае не следовало. В стране как раз разворачивалась очередная кампания по искоренению раскола. Из далекой Москвы пришел приказ предать Аввакума Петрова и трех его столь же непреклонных, но не оставивших записок, а потому менее известных товарищей сожжению.

Решительнее всего воспротивились «никонианству» те круги духовенства, которые были далеки от столицы и ее политических забот. В северном Соловецком монастыре, который существовал на своем острове самостоятельно и обособленно, после церковного собора 1666 года, осудившего старую веру как ересь, разразилось целое восстание. Старцы и послушники отказались уничтожать старые священные книги. Нового архимандрита они не приняли, а царю написали, что готовы все «переселиться на вечное житие», но отеческой веры не предадут.

Однако когда под стены обители явились стрельцы, монахи на вечное житие переселяться не стали, а вместо этого встретили казенных людей огнем. Монастырь, использовавшийся для защиты северного рубежа страны, был оснащен и пушками, и порохом.

Год за годом Москва то увещевала мятежных чернецов, то слала против них карательные экспедиции, которые никак не могли справиться с божьими людьми.

Только в 1676 году, и то лишь благодаря предательству одного из монахов, стрельцы ворвались в монастырь и учинили там расправу. Одних убили, других предали казни, прочих разослали по дальним острогам. В старообрядческом фольклоре сохранились многочисленные описания жестоких «соловецких казней».

Расправа над соловецкими монахами: «…Повесити овыя [иных] за выю, овыя же и множайшия междеребрия острым железом прорезавше, и крюком продевшим на нем повесити, каждаго на своем крюке… Иныя же от отец [из отцов] зверосердечный мучитель за ноги вервию оцепивше к конским хвостом привязати повеле безмилостивно, и по отоку влачити, дондеже души испустят сии». *Старообрядческий лубок*

«Идейная» оппозиция церковным преобразованиям существовала не только в духовенстве, но и среди аристократии. Это неудивительно, учитывая важность, которую придавало древним традициям боярство, однако принципиальность и стойкость проявила в основном женская половина этого сословия. Бесправный, лишенный какого-либо общественного голоса «терем», за пределы которого московская боярыня почти не выходила, оказался мужественнее и бесстрашнее «сильной половины». Этот феномен, вероятно, следует объяснять тем, что в жизни тогдашней аристократки, оторванной от государственных, политических, карьерных забот, религия играла гораздо большую роль, чем в жизни мужчины; для женщин мистического склада вера и сопряженные с ней ритуалы обретали статус сверхидеи, занимая все силы души, и если душа была страстной, это могло доходить до обсессии.

Подобным настроениям покровительствовала царица Мария Милославская, не любившая властного Никона. Вокруг государыни возник целый кружок, участницы которого признавали исключительно дореформенные книги, молились только по-старому, укрывали проповедников раскола.

Решительней всех вели себя две сестры, урожденные Соковнины, Феодосия и Евдокия. Первая была замужем за братом царского фаворита Бориса Морозова и, овдовев, унаследовала все несметные богатства этого преуспевающего рода. Одной прислуги в ее дворце насчитывалось до трех сотен. К высшей знати принадлежала и Евдокия, ставшая княгиней Урусовой.

Особенной истовостью отличалась боярыня Морозова, носившая грубую власяницу, привечавшая юродивых и лично шившая рубахи для нищих. Ее дом стал настоящим гнездом раскола. Там почтительно принимали Аввакума, когда тот ненадолго появился в Москве между двумя ссылками, а впоследствии боярыня завела с протопопом переписку.

Со старообрядцами-аристократами власти долгое время обходились мягко, ограничивались «увещевательными» мерами, и основная часть знати смирилась с неизбежным – в особенности когда умерла царица Мария (1669) и не стало высокой заступницы. Однако Морозова и Урусова были бескомпромиссны. Царь называл первую

«сумасбродной лютой», но не податливей была и вторая. Княгиня привлекала к себе меньше внимания, потому что, будучи замужем, имела меньше свободы в действиях, но тайком приняла монашество – по старому, теперь осуждаемому официальной церковью обряду. Затем приняла постриг и Морозова.

В конце концов с упрямыми боярынями обошлись сурово.

> Царское терпение иссякло, когда Морозова отказалась присутствовать на свадьбе Алексея Михайловича с Натальей Нарышкиной. Это был уже прямой вызов. Боярыня хотела «пострадать за веру» – и пострадала. Узнав о том, что сестру вот-вот арестуют, княгиня Урусова не оставила ее и тоже угодила в заточение.
>
> Высокородных узниц сначала уговаривали отречься от раскола, затем подвергли пытке: кнутом, дыбой, огнем. Всё было тщетно.
>
> Тогда их разделили, посадили в ямы и стали морить голодом. Мука продолжалась долго, потому что сердобольные люди и даже охранники тайком бросали узницам еду. Но наступили холода, и сестры одна за другой умерли.
>
> Страдалиц, собственно, было не две, а три. Такой же участи подверглась стрелецкая полковница Мария Данилова, но поскольку она не принадлежала к числу высшей знати, ее редко вспоминают, да и боярыня Морозова стала всенародно известна лишь двести лет спустя, благодаря знаменитой картине Василия Сурикова.
>
> Русская старообрядческая церковь всех трех героических женщин чтит одинаково, причисляя их к лику святых великомучениц.

Неприятие церковной реформы на низовом, народном уровне, как я уже писал, было проявлением не столько религиозного, сколько социального протеста. Сопротивление «никонианству» стало эвфемизмом для неприятия земной власти, уход в раскол – родом внутренней эмиграции. Вера была единственной сферой жизни, где простолюдин мог апеллировать к инстанции более высокой, чем царская власть, – это давало раскольническому движению моральную и психологическую основу. В процентном отношении раскольников

оказалось немного. Народная масса существовала так трудно и убого, что большинство не интересовались ничем, кроме хлеба насущного. Но если находились протестующие, это были люди несокрушимой стойкости – или, если угодно, несокрушимого упрямства.

Боярыня Морозова. *В. Суриков*

Валишевский пишет: «Зародившись в среде людей по большей части невежественных и ограниченных, это движение представляет на первый взгляд такую бедность идей, что развитие его становится прямо непонятным. Здесь сражались и умирали за слова, буквы, за простые жесты! Но под этой тривиальною внешностью скрываются более серьезные, более глубокие причины диссидентства, и религиозный кризис, заключенный таким образом в узких рамках, связывается уже с великими проблемами политического, социального и интеллектуального порядка… В Москве все делалось под покровом религии, все к ней сводилось».

Старообрядческой церкви как единого института тогда появиться не могло, формализация схизмы произошла много позднее. В середине же семнадцатого века в православии произошел раскол не организационный, а духовный, и линией раздела стал нонконформизм в очень широком смысле – как неприятие официальной религии вкупе со всем прочим официозом. Проповедники раскола не признавали новопечатных церковных книг и троеперстия, но точно так же не

принимали они и все начинания светской власти. Старообрядцы отказывались платить подушную подать, потому что душа принадлежит только Господу; не соглашались служить в армии; страшились переписей населения и так далее. В общем и целом это была крайне неудобная для государства группа населения, поэтому она вечно подвергалась гонениям, что, в свою очередь, усиливало обособленность раскольников и побуждало многих из них уходить в глухие леса или за Урал – как можно дальше от цепких рук государства.

Вследствие Никоновой реформы русское православие разделилось на две неравные ветви. Основная была сращена с земной властью; побочная (хотя, собственно, она-то и была стволовой) целиком переместилась в область духовную. Если в лоно официальной церкви можно было вступить из меркантильных соображений, что многие инородцы и делали, то к старообрядчеству примыкали лишь по искренней вере. Как известно, оппортунизм ослабляет нравственные качества, нонконформизм их развивает. Поэтому неудивительно, что со временем слово «старообрядец» в России стало символом праведной и строгой жизни, без вредных привычек и распущенности, а купцы-старообрядцы прославились своей честностью и верностью слову.

Но была в религиозной непреклонности и другая, темная сторона – фанатизм, временами доходивший до изуверства и суицидальности.

Верные старой обрядности христиане остались без священников, которые должны были переходить на новое богослужение либо изгонялись из приходов. В отсутствие легальных пастырей появились подпольные, среди которых хватало людей экзальтированных, иногда просто ненормальных. Те из них, кто владел даром слова или искусством манипулирования, собирали вокруг себя общины раскольников, порой немалые.

Повсеместно распространились слухи о скором конце света. Чтобы спасти душу, люди уходили за проповедниками и «старцами» в пустынные места. Попытки местных властей вернуть беглецов силой часто заканчивались массовым самоубийством: фанатики верили, что лучше погибнуть телом, чем душой.

Особенную популярность у непреклонных ревнителей старины в этот период имели «смертное пощение», то есть добровольная голодная смерть, и самосожжение. Последнее особенно распространилось после того, как в Пустозерске сожгли протопопа Аввакума с товарищами.

Первый подобный случай зарегистрирован еще в 1666 году – в это время церковный собор в Москве окончательно осудил старообрядчество. Четверо вологжан тогда «очистились огнем». Впоследствии подобные коллективные самоубийства происходили часто. Самое страшное, когда разом сгорели 1700 человек, произошло в 1679 году под Тобольском: узнав о приближении воеводы с рейтарами, староверы заперлись в ските и подожгли его.

Среди проповедников даже появились своего рода профессионалы суицидной агитации. Эти «спасители душ» уговаривали раскольничью общину уйти из жизни, но сами умирать не спешили, а шли дальше, искать новую паству. Некий Василий Волосатый хвастался, что таким образом «спас» до тысячи человек.

Считается, что за первую четверть века после раскола покончили с собой не менее 20 тысяч ревнителей старой веры.

Со временем в старообрядчестве оформятся два основных направления: менее склонная к эксцессам «поповщина», сторонники которой сами выбирали себе священников, и «беспоповство», обходившееся без посредников между Богом и человеком. Из второго течения возникнут религиозные секты, далеко отошедшие от дореформенного православия. Уже в начале XVIII века таких объединений, подчас весьма экзотических, насчитывалось два десятка, и впоследствии число их увеличилось.

«Очищение огнем». *И. Сакуров*

Политическая польза от нововведений, затеянных патриархом Никоном, довольно сомнительна. В сфере же церковной и духовной реформа была определенно вредоносна. Она положила конец русскому религиозному единству и существенно подорвала авторитет правящей церкви. Сочувствие к старообрядчеству испытывала вся основная масса населения. По вечному русскому принципу «начальству видней» она послушно приняла троеперстие вместо двоеперстия и «Иисуса» вместо «Исуса», но при всяком общественном возмущении немедленно появлялись проповедники раскола, соединявшие социальный протест с религиозным – для государственной стабильности сочетание весьма опасное.

Бунты

Непрочность «третьего» государства объяснялась отходом от жесткой «ордынскости». Тотальность единоличного самодержавия размылась; ослабел и священный трепет перед царским престолом – главная психологическая опора всей конструкции. Смута продемонстрировала, что государя, оказывается, можно свергнуть; что он может оказаться самозванцем; что царей бывает сразу два.

Не менее важен был другой фактор, возникший незадолго до Смуты.

Мы видели, как в конце предыдущего столетия ловкий человек Борис Годунов расшевелил московскую «площадь», столичный плебс, понадобившийся ему для легитимизации восшествия на престол. Стать государем «от Бога», то есть по наследству, Годунов не мог и придумал, что будет царем «по воле народа». При первых всероссийских государях – Иване III, Василии III, Иване IV – «черни» не приходило в голову, что она может хоть как-то участвовать в решении вопроса о верховной власти. Иван Грозный мог как угодно терзать и мучить свой народ – тот лишь охал и терпел. Но сразу же после смерти деспота, в том же 1584 году, в ходе политической борьбы за первенство, партия, к которой принадлежал Годунов, впервые опробовала новый инструмент: свергла опасного соперника Богдана Бельского с помощью агитаторов, возбудивших простонародье. Вторжение буйной толпы в ранее заповедный Кремль стало началом новой эпохи во взаимоотношениях власти и народа, и эпоха эта растянулась на весь семнадцатый век.

Особенную опасность представляло население города Москвы, потому что в ригидно «вертикальной» системе, где провинции сами ничего не решают, а привыкли повиноваться приказам сверху, удар по центру ставит под угрозу все государство. Восстание Разина, народная война, охватившая огромную территорию и приведшая к колоссальному кровопролитию, оказалась для государственного равновесия меньшим потрясением, чем столичные мятежи, в которых участвовало всего несколько тысяч человек, в основном безоружных.

Раз уж Москва назвалась «Третьим Римом», она получила и хроническую римскую болезнь – зависимость от непредсказуемого столичного плебса. Чтобы избавиться от этой напасти, размашистый Петр даже перенесет царскую резиденцию в другой город, но это не

поможет. Два века спустя «площадь», которой обзаведется и новая столица, все-таки развалит монархию.

Соляной бунт

На протяжении всего царствования царя Михаила еще малолюдная после Смуты столица вела себя тихо. Но постепенно она заживляла раны, отстраивалась, прирастала людьми. Первый раз московская «площадь» пришла в движение, когда на смену старой, привычной власти пришла новая.

В 1645 году престол занял юный, робкий Алексей Михайлович, не вмешивавшийся в дела государственного управления. Фактическим главой государства стал алчный и недальновидный Борис Морозов.

Весной 1646 года временщик изобрел отличный способ обогатиться: ввел единую пошлину на соль, бывшую на Руси вторым стратегическим пищевым продуктом после хлеба. Идея состояла в том, чтобы торговцы платили сборы в казну на месте добычи соли, а потом уже продавали ее по всей стране без дополнительных поборов. Однако вместо оптимизации казенных доходов произошло обычное для коррумпированной системы явление. Право торговать солью стало продаваться за взятки, причем прибылеполучателями стали сам правитель и его камарилья, в которую входил даже царский тесть Илья Милославский (напомню, что Морозов женил юного Алексея на дочери своего клеврета).

В скором времени розничная цена соли подскочила вчетверо – с пяти до двадцати копеек за пуд. Это привело к подорожанию почти всех продуктов длительного хранения, поскольку главным способом консервирования тогда было засаливание. Олеарий пишет: «…Через год пришлось вычислять, сколько тысяч было потеряно на соленой рыбе (ее в России употребляют в пищу больше мяса), которая сгнила, не будучи из-за дороговизны соли просолена как следует. Соли, кроме того, стало продаваться гораздо меньше, и, оставаясь в пакгаузах, она, по необходимости, превращалась в рассол [от сырости] и расплывалась». Резкое подорожание соли било по столу и карману всего народа. В начале 1648 года соляную пошлину отменили, но последствия этой неудачной меры продолжали сказываться.

Появились и другие раздражающие новшества, продиктованные необдуманным желанием пополнить тощую казну. Москвичей, среди которых было много торгового люда, возмутил указ об обязательном использовании казенного аршина с царским орлом – платить за такую линейку приходилось вдесятеро против обычной.

При этом столичные жители, в отличие от остального населения, могли воочию наблюдать, как богатеют боярин Морозов и его наперсники. «Ему дан был рядом с жилищем его царского величества дом в Кремле, где он должен был жить вместе с женой своею, – рассказывает про Милославского тот же Олеарий. – Он немедленно же велел этот дом сломать и построить от основания великолепный дворец. Старые слуги один за другим должны были уйти, и на их места были поставлены родственники Милославского; так как все они успели наголодаться, то они оказались очень жадными, очень скупыми и прожорливыми».

Особенную ненависть у москвичей вызывали ближайшие помощники Морозова – глава Земского приказа Левонтий Плещеев и окольничий Петр Траханиотов, не только беззастенчиво вымогавшие взятки, но еще и изобретшие метод, который впоследствии получит название «отката»: распоряжаясь казенными средствами, они заставляли получателей расписываться за полную сумму, а выдавали на руки только половину.

Как всегда бывает, взрыв грянул по какому-то мелкому поводу, переполнившему чашу терпения, и застал власти врасплох.

21 мая 1648 года Алексей Михайлович, возвращавшийся с богомолья, был внезапно окружен толпой горожан. Они шумели, требовали выслушать их жалобы, ругали лихоимцев, схватили царского коня за поводья.

Девятнадцатилетний Алексей испугался, но тем не менее повел себя самым разумным в такой ситуации образом: стал просить людей успокоиться и разойтись, пообещав, что во всем разберется и восстановит справедливость. Толпа начала было стихать, но, видя это, какие-то слуги из царской свиты решили отличиться перед государем – кинулись на жалобщиков с руганью, принялись хлестать их кнутами. При отсутствии серьезного вооруженного эскорта делать этого никак не следовало. Народ пришел в ярость, стал бросать в ругателей камнями.

Те кинулись наутек – под защиту кремлевских стен. Горожане побежали следом.

В царский дворец бунтовщики ворваться не смогли, его окружали стрельцы, однако собрались на площади и не уходили. Со всего города в Кремль прибывали все новые и новые толпы. Почувствовав свою силу, народ перешел от криков к действию.

Сначала разгромили дома Морозова, Плещеева и Траханиотова. Заодно разграбили в городе и еще несколько боярских дворов. Поймали и забили до смерти дьяка Назара Чистова, непосредственного автора соляного закона.

Побуянив, снова собрались на площади перед Кремлем, куда войти уже не смогли, потому что охрана заперла ворота, но было ясно, что долго за стенами не отсидишься.

Соляной бунт. *Э. Лисснер*

Народ сформулировал требования: предать смерти Морозова, Траханиотова и Плещеева. Последнего царю, кажется, было не очень жалко. Дьяка вывели на площадь в сопровождении палача, но толпа не стала ждать казни и разорвала вора на части, после чего разошлась по домам.

Однако весть о победе взбудоражила столицу, и назавтра перед Кремлем собралось еще больше народу. Снова требовали выдать Морозова и Траханиотова.

Делать нечего – царь распорядился пожертвовать и Траханиотовым, только бы спасти своего «дядьку» боярина Морозова. Окольничий успел сбежать, но его поймали за городом, поводили по улицам с деревянной колодой на шее и обезглавили.

Москвичам и этого было мало. Они все равно жаждали расправы над Морозовым.

Временщика спасло неожиданное происшествие. В деревянном городе вдруг начался пожар, притом загорелся «кружечный двор». Многие кинулись туда и стали разбивать бочки, черпать вино чем придется. Пока одни тушили огонь, а другие валялись пьяные (кто-то и задохнулся от дыма), в Кремле воспользовались передышкой.

Поскольку большой надежды на верность гарнизона не было, царь принялся угощать и награждать стрельцов с солдатами. Илья Милославский задабривал столичных купцов, имевших влияние в городе. Очень помогла церковь: по приказу патриарха попы всюду уговаривали москвичей утихомириться.

Через несколько дней, когда обстановка сделалась чуть спокойней, царь вышел на площадь и объявил толпе, что ее гнев был справедлив и что впредь никаких кривд не будет. Он сулился отставить Морозова от дел, но просил пожалеть государева «второго отца» и лил при этом слезы. Москвичи растрогались, пообещали боярина не трогать. На всякий случай временщика все же отправили из столицы подальше, на чем период морозовского всевластия и завершился.

Весть об успехе столичного бунта привела в волнение многие регионы страны, страдавшие от воеводских и подьяческих злоупотреблений. Смелость москвичей и слабость, проявленная правительством, подтолкнули к мятежу и провинцию. В Сольвычегодске побили местного дьяка-мздоимца, отняв у него

прежние подношения. В Устюге такого же хапугу вовсе убили и чуть не прикончили воеводу, опять-таки забрав назад все взятки.

На северо-западе страны, в Новгороде и Пскове, московские события отозвались с задержкой, но эхо получилось громким и продолжительным.

Там бунт возник не из-за соли, а из-за хлеба. Расплачиваясь со шведами по прежним обязательствам, правительство пообещало отправить за границу 14 000 четвертей ржи (четверть примерно равнялась нынешнему центнеру). На время закупки необходимого количества зерна всякая частная хлеботорговля в регионе воспрещалась – но за мзду это запрещение могло быть обойдено. В прежние времена люди поворчали и смирились бы, а теперь они взбунтовались.

Волнение началось в Пскове и перекинулось на Новгород, где горожане изгнали царского воеводу и захватили власть. Заодно пограбили кое-кого из богатеев. Митрополитом в Новгороде был Никон, в ту пору еще не патриарх. Он проявил обычную для себя гневливость, чем только ухудшил положение. Владыку, невзирая на сан, поколотили.

Затем новгородцы и псковитяне отправили в Москву к царю представителей с изложением своих обид. Уступчивость, проявленная Алексеем во время Соляного бунта, позволяла надеяться на благоприятный исход жалобы, которую в данном случае правильней назвать протестом.

Поскольку очаг мятежа находился далеко, у государя было время разработать план усмирения.

Капитулировать перед бунтовщиками на сей раз власть не стала, а поступила умнее.

Алексей Михайлович принял послов милостиво и в ответном слове вроде бы даже оправдывался. В Новгород поехал царский посланец, с такими же мирными речами, уговорил горожан открыть ворота воеводе со стрельцами. После этого церемонии закончились. Воевода арестовал зачинщиков. Смертью, правда, никого не казнили – ограничились поркой, что тоже было мудро. Новгородцы почувствовали силу государства, но не обзавелись мучениками. Город постепенно успокоился.

С Псковом поступили так же – с той лишь разницей, что горожане, видя пример Новгорода, выдали вожаков сами.

Так бурно начиналось правление Алексея Тишайшего, а впереди были еще более грозные внутренние потрясения.

Историки называют эту эпоху «бунташным временем»; его отличительная черта – быстрота и легкость, с которой вспыхивали мятежи. Многие авторы обращали внимание на эту особенность взаимоотношений русского народа с властью: простые люди либо терпели и пребывали в состоянии абсолютного покорства – либо сразу переходили к кровавому бунту. Середины не бывало. В этом отношении московское общество напоминало рабовладельческий Рим, где рабы тоже, если уж восставали, то «бессмысленно и беспощадно». Собственно говоря, крепостная зависимость, в которой состояло большинство бесправного российского населения, и было самым настоящим рабством.

Медный бунт

Следующее крупное народное возмущение стало косвенным следствием украинской экспансии, которая повлекла за собой войну с Польшей, а затем и Швецией. Огромные расходы, связанные с содержанием большой армии, разоряли государственную казну и заставляли правительство выискивать все новые способы ее пополнения.

Один из таких экспериментов скверно закончился.

Серебряной монеты, основного платежного средства, постоянно не хватало – этот металл в Россию завозили из-за границы.

В 1656 году царский советник Федор Ртищев придумал чеканить вместо серебряных денег медные. Идея заменить благородный металл медной ассигнацией сама по себе была неплохой, она намного опережала время. Осуществиться она могла лишь при доверии населения к государству, к царскому гербу и к казенным монетным дворам. Такое доверие в обществе было, и на первых порах выгода от реформы получилась существенной, поскольку медь обходилась в шестьдесят раз дешевле серебра.

Но довольно скоро от доверия ничего не осталось, поскольку и государство, и многие предприимчивые дельцы им злоупотребляли.

Казна стала чеканить деньги сверх всякой меры. Австриец Мейерберг сообщает, что правительство выпускало медных монет впятеро больше, чем позволяли доходы. Вследствие этого России пришлось познакомиться с инфляцией. На первых порах медная копейка шла вровень с серебряной, но затем ее стали принимать менее охотно, требовали доплаты, и эта доплата всё возрастала. Через семь лет «обменный курс» достигал пятнадцати к одному.

Ситуацию усугубляли фальшивомонетчики, научившиеся подделывать медные деньги. У преступников имелись высокие покровители, к числу которых принадлежал и царский тесть Илья Милославский, так что управу на них найти было непросто.

Не стеснялись и мастера-чеканщики, выпускавшие «налево» столько денег, сколько им хотелось.

Государство, конечно, пыталось бороться с этой бедой обычными средствами – жестокими публичными казнями. Эмигрант Григорий Котошихин, записки которого я еще не раз буду цитировать, пишет, что по «медным» делам предали смерти до 7000 человек. Но вместо одних преступников появлялись новые. Алчность всегда сильнее страха, а тут нажива выходила и быстрой, и легкой.

Ущерб от провалившейся монетной реформы был громаден.

Первыми пострадали воины действующей армии. Им платили жалованье медью, а местные жители на Украине и в Белоруссии отказывались принимать такие деньги. В самой России нарушилась вся система расчетов при торговле и взимании долгов. Продавцы не хотели брать обесценившиеся копейки, кредиторы требовали от должников только серебра, а его становилось все меньше и меньше – осторожные люди предпочитали припрятывать «настоящие деньги», не пускать их в оборот. Неудивительно, что наступила ужасная дороговизна, и беднота, прежде всего городская, оказалась в отчаянном положении, на грани голодной смерти.

Негодовала вся страна, но столичные жители имели возможность выразить свое недовольство прямо государю, как это произошло 14 лет назад.

15 июля 1662 года какие-то неизвестные вывесили в центре Москвы, на Лубянке, «подметный лист» с перечислением лиц,

ответственных за медную «измену». Это были двое Милославских (царский тесть Илья Данилович с его родственником окольничьим Иваном Михайловичем), Федор Ртищев и богатый купец Василий Шорин, по слухам чеканивший фальшивые деньги. Это событие стало искрой, от которой начал разгораться пожар.

Собралась толпа, заволновалась. Через некоторое время появились двое казенных людей, сорвали письмо – и сделали только хуже. Горожане чуть не прибили служивых, отобрали у них бумагу и стали читать ее вслух всем, кто шел на шум.

У кого-то возникла идея отправиться с этим списком к государю.

Алексей находился в своем загородном дворце Коломенское, праздновал рождение дочери Феодосии. Вдруг ему доложили, что приближается огромное скопище взбудораженных людей. Скоро они заполнили весь широкий двор.

Большой охраны в Коломенском не держали. Тут следует отдать должное Алексею Михайловичу. Он не растерялся и не запаниковал. Приказал домашним удалиться, Милославским и Ртищеву – спрятаться. Царь был уже не юношей, как в 1648 году. Он набрался государственного опыта, побывал на войне, избавился от докучной опеки Никона, а главное – умел разговаривать с толпой.

Выйдя на крыльцо без телохранителей, государь спокойно выслушал крикунов, хотя самые дерзкие из них хватали его за платье и за пуговицы. Алексей попросил всех разойтись по домам, а «изменников» пообещал «сыскать» и покарать. Поклялся в том богом, даже пожал одному из главных смутьянов руку.

Москвичи пошли назад в город, несколько успокоенные. Самый опасный момент мятежа миновал.

Но в Коломенское к царю ходила только часть «гилевщиков» (от слова «гиль» – смута). Другие в это время кинулись громить двор Шорина. Самого купца не нашли, но схватили его подростка-сына. Решили, что юный Шохин будет свидетельствовать перед царем о винах отца. Появился новый предлог идти в Коломенское.

Медный бунт. *Э. Лисснер*

Вторая толпа слилась с первой, возвращавшейся в город, и вся громада снова двинулась искать правды у государя. Настроение стало еще агрессивней, кроме того, к мятежу примкнуло немало стрельцов и солдат, в том числе вооруженных.

Однако теперь власти были готовы к отпору. К Коломенскому стянулись верные войска. Алексей Михайлович разговаривал с народом уже не с крыльца, а с коня, окруженный придворными, и был менее покладист. Он повторил, что проведет следствие, и велел толпе разойтись, а когда та не послушалась, приказал применить силу.

Пехота и конница атаковали неорганизованную людскую массу, погнали ее, стали избивать. Многих затоптали, человек сто утонули в Москве-реке, кого-то зарубили и закололи, а несколько тысяч задержали. Такого побоища столица не переживала со времен польской оккупации.

Следствие действительно было проведено, но «сыскивали» не виновников медного кризиса, а зачинщиков восстания. Автора рокового

письма так и не нашли, но покарали многих. В сохранившихся официальных документах ничего не говорится о смертных приговорах, но Котошихин рассказывает, что полторы сотни человек повесили, многим отсекли руку или ногу, а еще больше было тех, кого иссекли кнутом, поставили на лицо клеймо «буки» («бунтовщик») и сослали в дальние края. Если это правда (а похоже, что так), подобная суровость в ответ на, в общем, бескровный протест должна была объясняться желанием вытеснить из народной памяти успех Соляного бунта, когда «площадь» фактически добилась смены правительства.

Скомпрометированную валюту отменили не сразу, а выждав год – очевидно, чтоб эта мера не выглядела уступкой мятежникам. Медные монеты не просто упразднили, а строго-настрого запретили даже держать их дома. Принудительный обмен на серебро проводился по грабительскому курсу 20:1.

Запуганная кровопролитием и репрессиями столица притихла, но держать в таком же страхе всю громадную страну, измученную воеводским произволом и военным разорением, было невозможно.

Долго сгущавшиеся тучи наконец разразились грозой.

Восстание Степана Разина

В низших слоях российского общества всегда находились люди, не согласные тащить крепостное и податное ярмо. Выход был единственный – уйти в края, где нет помещиков и воевод, – а направлений имелось два. Первое вело за Урал, где беглецы становились первопроходцами или колонистами, выполняя важную работу по открытию и освоению просторов Сибири (этой теме я посвящу отдельную главу). Второй путь был короче и лежал на юг, в придонские степи и волжские низовья. Вчерашние крепостные и посадские становились там вольными людьми – казаками, что по-тюркски и означает «свободные люди».

Это военное сословие оберегало рубежи России от татарских набегов, но в то же время доставляло Москве много хлопот. Правительство все время пыталось взять степную вольницу под контроль. Возможности для этого имелись, поскольку хлеб, порох и другие припасы казачество получало из России. При Михаиле

Федоровиче донская область стала более или менее послушной, там возникли зачатки административной структуры: выборной атаман с канцелярией, старшина (совет уважаемых казаков), войсковой круг. Наметилось и имущественное расслоение, всегда выгодное для государственной власти.

Но кроме этой, удобной для Москвы казачьей элиты по широкой равнине бродили многочисленные ватаги казачьей голытьбы, главным образом из недавних мигрантов. Они никому не желали подчиняться и добывали себе пропитание саблей – хорошо, если обращая ее против «басурман», но когда никакого похода «за зипунами» не намечалось, эти шайки нападали на купеческие караваны.

После Андрусовского мира 1667 года военной службы для казачьих отрядов не стало. Давние, оседлые казаки имели собственные хозяйства, но они составляли меньшинство населения. За время войны на Дону скопилось много казаков новых – из числа дезертиров и беглой черни. Им всем нужно было чем-то кормиться.

Будущая народная война начиналась как разбойничье предприятие. Воевать с государством никто из казаков не думал. Голытьба собиралась искать добычу за границей, притом не в ближних турецких владениях, что строжайше воспрещалось, а очень далеко, на Каспийском море. В этом смысле казачье сообщество, возникшее на Дону в 1667 году, отличалось от другой подобной банды, под предводительством атамана Василия Уса, которая «шалила» прямо на Волге, в царских владениях.

Для дальнего похода требовался крепкий атаман, и скоро он нашелся – некто Степан Тимофеевич Разин, которого обычно называли просто Стенькой.

> Сведения о его предыдущей жизни довольно туманны. Семья Разиных была исконно донская, из «домовитых». Степан Тимофеевич пользовался в казачьей среде авторитетом – раньше он участвовал в посольствах, на польской войне командовал отдельным отрядом. Рассказывали, что Разин ходил паломником на Север, в Соловецкий монастырь, но это плохо вяжется с его весьма сомнительной набожностью. Еще существует предание о том, что на войне царский воевода Юрий Долгорукий за самовольную отлучку велел повесить Степанова брата и тем

якобы пробудил у будущего народного вождя ненависть к государству. Правда это или нет, непонятно.

Зато мы знаем, как выглядел Разин. Голландец Ян Стрейс, видевший Стеньку в Астрахани, описывает его так: «Он имел важный вид, благородную осанку и гордое выражение лица. Был хорошо сложен, и лицо немного попорчено оспой». К этому следует прибавить, что Степан был очень силен, настоящий богатырь. Конечно, храбр – иначе люди за ним бы не пошли. Переменчив в настроениях – то варварски жесток, то великодушен. Среди казаков Разин слыл колдуном, что в те суеверные времена было очень полезно. Однако человек, возглавивший великое восстание, не обладал ни стратегическим даром, ни дальновидностью. Судя по всему, долгих планов он не строил, а предпочитал действовать, следуя внезапным порывам. В конечном итоге этот разинский недостаток, очень серьезный для вождя, стал одной из причин поражения повстанцев.

Степан Разин. *Европейская гравюра XVII в.*

Вокруг Степана собралось некоторое количество охотников, которые сначала намеревались «погулять» по берегам ближнего Азовского моря, но этому воспрепятствовал войсковой атаман Корнило Яковлев – царь велел не задирать татар и турок. Тогда-то ватага и решила пойти на Каспий. В апреле 1667 года разинцы отправились в дальнюю опасную дорогу. Нужно было подняться по Дону, потом перебраться на Волгу, оттуда спуститься к морю и как-то прорваться через царские крепости, которые наверняка постараются не пропустить шайку в земли дружественного Москве персидского шаха.

Судя по тому, что весь отряд разместился в четырех стругах, у Разина было человек полтораста, максимум двести – для серьезного

дела мало.

Стенька, впрочем, никуда не торопился. Он встал лагерем меж Доном и Волгой, стал грабить тех, кто подвернется. К атаману на привольное жилье стекалась всякая казацкая голь, так что скоро набралось до тысячи удальцов.

С таким воинством Разин уже смог напасть на казенный караван судов, шедший вниз по Волге, к Астрахани. Застигнутая врасплох охрана не сопротивлялась. Начальников казаки умертвили, всех остальных, кто пожелал, взяли к себе.

Произошло прямое «воровство» – преступление против государства, но Разина это, кажется, не заботило. Стругов у него набралось уже больше трех десятков, людей – пятнадцать сотен. Нешуточная флотилия подошла к крепости Царицын. Воевода велел палить из пушек, но ни одна не выстрелила. На самом деле, вероятно, тайные Стенькины доброжелатели подмочили порох, но колдовская слава грозного атамана после этого чуда окрепла. То же повторилось и у Черноярской крепости – ее пушки не стали стрелять по кораблям.

Яицкий городок взяли обманом. Разин попросился в тамошнюю церковь помолиться, а когда открыли ворота, захватил крепость. Сначала, как водится, посвирепствовал: перебил всех начальников и еще сто семьдесят человек. Потом сменил гнев на милость, сказал остальным стрельцам, что неволить их не станет: кто хочет, пусть остается в войске, а прочие могут идти к воеводе в Астрахань. Кто-то остался, кто-то ушел. Тут у атамана опять переменилось настроение. Он погнался за верными присяге стрельцами и прикончил их.

До глубокой осени Разин стоял в Яицке, кормясь мелкими набегами на окрестных татар и морским пиратством. Выбить разбойников из их гнезда было трудно и хлопотно, поэтому к ним дважды являлись правительственные парламентеры: обещали амнистию в обмен на прекращение «воровства». Первый раз Стенька был добр и послов отпустил. Во второй раз на что-то осерчал и одного убил.

Весной 1668 года струги, вооружившись захваченными в крепости пушками, пустились в плавание вдоль западного берега Каспия. Разграбили всё от Дербента до Баку.

Это были земли, принадлежавшие персидскому шаху, и тот велел Будар-хану, губернатору провинции Гилян, уничтожить разбойников.

Воевать с настоящим войском казакам не хотелось, побаивались боя и персияне. Поэтому Разин вступил с Будар-ханом в переговоры и даже стал проситься в персидское подданство. Перемирие, впрочем, держалось недолго. В казачьем стане началась большая гульба, и персы, увидев, что незваные гости все перепились, напали на них и многих перебили. Уцелевшие кое-как погрузились на корабли, поплыли дальше. В следующем городе Фарабат они отомстили персиянам за обиду, устроив там побоище и подпалив дома. Захватили много добычи и много пленных, поэтому решили остановиться и перезимовать. После гилянской резни численность разинского войска уменьшилась, но Стенька стал менять захваченных персов на христианских невольников и пополнил свои ряды за их счет.

Весной 1669 года рать перебралась в более безопасное место – на остров, ставший базой для новых пиратских рейдов. В начале лета появился персидский флот под командой астаранского губернатора Менеды-хана. В морском бою казаки разгромили противника, хоть тот был по меньшей мере вдвое сильнее. Рассказывают, что из семидесяти персидских кораблей спаслись только три.

Тогда при Стеньке и появилась пресловутая «персидская княжна» – фигура не фольклорная, а вполне реальная.

На одном из астаранских судов почему-то плыли домашние командующего, его дочь и подросток-сын. Оба попали в плен. Мальчик стал заложником, девушку атаман взял в любовницы. Ханских детей Стенька держал при себе несколько месяцев и потом привез в Астрахань. Упомянутый выше Ян Стрейс видел, как Разин плавал с княжной по Волге в разукрашенной, позолоченной лодке и бражничал с казаками. «Она была весьма красивой и приветливой девушкой, нравилась ему и во всем пришлась ему по нраву. Она тоже полюбила его из страха перед его жестокостью и чтобы забыть свое горе», – рассказывает голландец. Во время одной из речных прогулок, очевидно, желая покрасоваться перед товарищами широтой души, пьяный Стенька объявил, что хочет отблагодарить матушку-Волгу за всю добычу, которой она его щедро одаривала, – и утопил персиянку в воде.

Участь ханского сына была еще печальнее. Разин пытался торговаться из-за него с персами, а когда из переговоров ничего не вышло, зверски казнил мальчика, подцепив крюком за ребра.

Степан Разин на классической картине В. Сурикова

Несмотря на победу в сражении, казакам было ясно, что пора уносить ноги. В следующий раз шах пришлет еще больше кораблей, и с ними будет уже не справиться. К тому же «зипунов» накопилось вполне достаточно.

Струги поплыли на север, домой. Астраханский воевода князь Прозоровский, услышав о приближении атамана, слухи о подвигах которого, конечно, доходили и до России, выслал навстречу своего помощника князя Львова с большим отрядом стрельцов, но в то же время и с грамотой о помиловании: мол, можно сговориться и по-хорошему.

Разинцы, уставшие воевать и желавшие прогулять награбленное, выбрали второе. Им позволили встать лагерем близ Астрахани.

В знак примирения с властями Разин передал воеводе часть пушек, некоторое количество пленных персиян, поделился добычей – последним обстоятельством, вероятно, отчасти объясняется удивительное великодушие воеводы.

Десять дней разинцы поражали астраханцев своими роскошными восточными нарядами и разгульной щедростью. За Стенькой, когда он появлялся на улицах, ходили целые толпы – атаман расшвыривал золото горстями.

Всё это работало лучше любой агитации и пропаганды. Пустив казаков в город, власти совершили ошибку. Астраханское население прониклось горячей любовью к Степану Тимофеевичу и его товарищам. Когда придет время, большая и сильная крепость с многочисленным гарнизоном сама откроет перед разинцами ворота.

Но в конце лета 1669 года восстанием еще не пахло. Погуляв в Астрахани, казаки, к огромному облегчению воеводы, поплыли дальше – домой, на Дон. Разин еще и отрядил в Москву посольство «бить великому государю челом и головами о прощении вин». (Забегая вперед, скажу, что в столице разинских посланцев приняли милостиво, «дали живот» и отпустили восвояси, на всякий случай приставив конвой, но на обратной дороге казаки заскучали, перебили сопровождающих и поехали на Дон уже без присмотра. Таково было договариваться с этой дикой вольницей.)

Сам Разин, двигаясь в сторону Дона, вел себя не лучше. Он без приглашения остановился в Царицыне и чуть не убил тамошнего воеводу, который еле успел спрятаться (воевода провинился тем, что велел продавать казакам вино вдвое дороже обычной цены). На реке разинцы грабили купеческие корабли. Попался им царский гонец с грамотой – кинули бумагу в воду – Стенька очень не любил всё письменное.

Наконец безобразия на Волге завершились, потому что Разин повернул в сторону дома.

Зато стало неспокойно на Дону.

Вместо того чтобы распустить своих молодцов, атаман устроил на речном острове ставку и, наоборот, начал зазывать к себе новых казаков. Являлись многие, привлеченные щедрым угощением и просто желая поглазеть на знаменитого героя. За месяц лагерь разросся почти вдвое.

Было очевидно, что Степан Тимофеевич не желает возвращаться к частной жизни и отказываться от атаманства, однако пока еще не придумал, что ему делать со своей властью, славой и немалой ратью.

Так продолжалось всю зиму. В казачьей столице Черкасске это стояние вызывало большую тревогу. Атаман Корнило Яковлев писал жалобы в Москву. Там тоже волновались. Прислали на разведку жильца (царского слугу) Герасима Евдокимова с каким-то письмом к войсковому кругу.

Тут забеспокоился уже Разин. Он явился в Черкасск со своими людьми, обвинил Евдокимова в шпионстве (как если бы Москва была какой-то враждебной державой) и велел жильца убить. Старшина помешать этому не посмела. Не тронул черкасских казаков и Стенька. Он не желал портить отношения с миром, в который ему, может быть, еще предстояло вернуться.

Однако после убийства царского представителя период ожидания закончился. Разин сделал свой выбор: следующим его врагом будет правительство.

Так разбойничья эпопея переросла в войну с государством.

Разин повел своих людей обратно к Волге и скоро соединился с атаманом Василием Усом, который давно уже собирал к себе беглых крепостных и воевал с царскими воеводами. Теперь в войске насчитывалось около семи тысяч человек.

Степан хорошо понимал, что одними казаками Россию не одолеешь, и, вслед за Усом, стал звать к себе весь черный люд. Разинские посланцы отправились по соседним областям, всюду объявляя, что грядет освобождение от власти злых бояр, взявших в неволю батюшку-царя. Для пущей солидности врали, что в казачьем войске находится царевич Алексей Алексеевич (на самом деле недавно умерший), а также патриарх Никон. Про последнего в народе было известно, что он чем-то не угодил боярству, а потому наверняка пострадал за правду. Добравшись до Волги, повстанцы даже обустроили два особых судна: обитое черным бархатом для патриарха и обитое алым бархатом для царевича (последнего изображал какой-то черкесский пленник). Это было отголоском сохранившихся воспоминаний о Смуте, когда самозванство использовалось для легитимизации антиправительственных движений.

Первоначальный план Разина казался грозным и простым: взять Царицын, оседлать волжский путь, а затем двинуться по нему вглубь

Руси, используя реку в качестве основной коммуникации и пополняя ряды войска за счет местного населения.

Царицын достался легко. Там сидел новый воевода, Тимофей Тургенев, который хотел биться до последнего, но царицынцы, как горожане, так и стрельцы, памятуя о недавнем веселом гостевании разинцев, распахнули ворота. Воевода заплатил за свое упрямство жизнью.

Несмотря на то что правительство давно уже ждало от Стеньки неприятностей, казачий поход все же застал власти врасплох. Первые попытки подавить бунт выглядели беспомощно: с верховьев Волги на Царицын двигался отряд Ивана Лопатина в тысячу стрельцов, а с юга князь Львов вел две с половиной тысячи астраханцев.

Разин сначала разбил меньший контингент, но те хоть оказали сопротивление, а вот астраханские стрельцы, симпатизировавшие Стеньке, все перешли на его сторону без боя. От радости атаман даже помиловал их начальника князя Львова (позднее его, правда, все равно убили).

До сего момента восстание шло от успеха к успеху, и, если бы Разин остался верен прежней стратегии, очень вероятно, что он дошел бы до Москвы и в стране началась бы новая Смута – «третье» российское государство, как мы видели, было не слишком прочным. Но атаман передумал.

Он рассердился на астраханского воеводу Прозоровского, а хорошо знакомый город представлялся легкой и богатой добычей. Вместо того чтобы идти на север, Разин повернул на юг – это решение предопределило поражение так триумфально начавшегося дела.

Астрахань-то казаки действительно захватили без труда. Крепость, с трех сторон окруженная водой и имевшая 460 пушек, была почти неприступной, но местные жители и стрельцы встретили Разина с распростертыми объятьями. Сопротивляться пытался только Прозоровский. Астраханцы привели к Стеньке раненого воеводу, и атаман лично казнил его – столкнул с башни. Победители истребили в городе дворян, детей боярских, подьячих. Монах, присутствовавший при погребении казненных, насчитал четыреста сорок одно тело.

Можно было бы объяснить поход на юг нежеланием оставлять у себя в тылу оплот правительственных сил, но и устранив эту угрозу, Стенька совершенно не торопился идти на Москву.

Его воинство долго грабило Астрахань, разгромив не только государственные учреждения, но и все богатые дома, не пощадив иностранные купечества – персидское, индийское, бухарское. Всю казенную документацию Разин велел спалить, пообещав сделать то же и на Руси.

Но атаман не только громил, он пытался наладить жизнь города согласно собственным представлениям о правильности. Всех астраханцев Разин объявил казаками, поделив на тысячи, сотни и десятки. Руководить этими административными единицами должны были выборные есаулы, сотники и десятники. Высшим органом управления становился круг, избирающий городского атамана.

Все население принесло присягу великому государю (которого Разин по-прежнему противопоставлял плохим боярам) и его подручнику Степану Тимофеевичу. Вероятно, точно таким же образом Разин, не знавший иной структуры общества кроме казацкой, собирался переустроить и всю Россию.

Впрочем, основную часть времени он тратил не на реформы, а на разгул и пьянство. Стенька разъезжал по городу, чиня расправу над теми, кто ему чем-то не нравился или на кого ябедничали местные жители. Казни и убийства происходили каждый день. Пишут, что астраханская детвора, все время наблюдая подобные зрелища, тоже повадилась играть в суд и расправу: собирали «круг», приговаривали кого-нибудь и потом били палками или подвешивали за ноги, а одного своего товарища так замучили до смерти.

Иной раз атаман вспоминал и о нравственности. Стрейс рассказывает: «Во время пребывания моего в Астрахани я видел пример его гнева против нарушителя супружеской верности. Некто соблазнил чужую жену; оскорбленный муж пожаловался. Чтобы отомстить за него, Разин приказал привести виновных и, узнавши, в чем дело, велел бросить мужчину в реку, а женщину повесить за ноги. Она, бедная, жила в таком состоянии двое суток».

А однажды Стенька вдруг вспомнил, что у казненного воеводы Прозоровского остались сыновья, и приказал немедленно их доставить. Атаману пришло в голову, что княжата могу знать, где спрятал деньги их отец. Одному было

шестнадцать лет, второму восемь. Их подвесили вниз головой на целую ночь, но ничего не добились. Очевидец Дэвид Бутлер, капитан корабля «Орел», пишет: «Так как оба они были еще живы, то на следующий день младшего отвязали, а старшего сбросили с башни, с которой, за несколько дней до этого, сброшен был отец».

Сокращения на карте
К. - Курмыш
М. - Мурашкино
Яд. - Ядрин
Поход Василия Уса в 1666 г.
Поход Степана Разина на Волгу и Каспийское море в 1668–1669 гг.
Поход Степана Разина в Поволжье в 1670 г. и отступление на Дон
Походы атаманов Степана Разина в 1670–1671 гг.
Территория, охваченная крестьянской войной в 1670–1671 гг.
Населённые пункты, осаждённые восставшими
Места крупных боёв
Основные направления действий царских войск
Отход отрядов восставших
Место пленения Разина
Границы Российского государства на 1671 г.
Границы государств на 1671 г.
120 0 120 240 км
МОСКВА
Ярославль
Кострома
Унжа
Тверь
Юрьевец-Поволжский
Юрьев-Польский
Владимир
Ржев
Нижний Новгород
Козьмодемьянск
Чебоксары
Цивильск
Казань
Муром
Дысково
Боровск
Коломна
Арзамас
Смоленск
РЕЧЬ ПОСПОЛИТА
Калуга
Темников
Алатырь
Билярск
Уфа
Кашира
Кадом
Саранск
Тетюши
Тула
Шацк
Симбирск
Брянск
Ефремов
Инсар
Орёл
Козлов
Верх. Ломов
Пенза
Самара
Тамбов
Бойкино
Кузьмина Гать
Глухов
Курск
Воронеж
Саратов
Коротояк
Острогожск
Богодухов
Белгород
Чугуев
Мерефа
Камышинка
Змиев
Балаклея
Царёв-Борисов
Изюм
Мояцк
Тор
Калалинский городок
Паншин городок
Царицын
Черный Яр
Кагальницкий городок
Черкасск
Азов
Яицкий городок (Гурьев)
Астрахань
Красный Яр
Терский городок
ТЕРСКИЕ КАЗАКИ
Дербент
Тбилиси
Баку
оз. Севан
Нахичевань
оз. Урмия
Решт
Астрабад
Ферахабад
СЛОБОДСКАЯ УКРАИНА
ЗАПОРОЖЬЕ
ДОНСКИЕ КАЗАКИ
ЯИЦКИЕ КАЗАКИ
МЛАДШИЙ ЖУЗ
КАЛМЫКИ
ТУРКМЕНЫ
ЧЕЧЕНЦЫ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЁРНОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
ХАНСТВО
АДЫГЕ (ЧЕРКЕСЫ)
ДМУРТЫ
МАРИ
ЧУВАШИ
ТАТАРЫ
БАШКИРЫ
МОРДВА
ИРАН
Волга
Дон
Днепр
Кама
Белая
Вятка
Уфа
Яик
Ока
Сура
Хопер
Мал. Узень
Бол. Узень
Сев. Донец
Маныч
Кума
Терек
Кубань
Аракс
Кура
Эмба
40°
50°

Походы Степана Разина. *А. Журавлев*

Наконец вождь восстания, нагулявшись, решил продолжить войну. Он оставил распоряжаться в Астрахани атамана Василия Уса, а сам двинулся вдоль Волги на север. Пехота плыла на двухстах стругах, две тысячи конных казаков следовали берегом – стало быть, к этому времени в войске набралось тысяч до десяти ратников.

К городу Царицыну – месту, где прервалось удачно начатое наступление, – Разин вернулся лишь в конце августа, потратив на астраханскую экспедицию и разгульный отдых почти все лето.

Впрочем, царское правительство не слишком умело воспользовалось драгоценной передышкой, даже не позаботившись об обороне ключевых волжских городов. Саратов, а затем и Самара достались разинцам без сопротивления. Там, как везде, Стенька велел перебить всех государевых людей и сжечь бумаги, а местных жителей записал в казаки.

Но с небольшим Симбирском вышла незадача. Во-первых, городом управлял решительный воевода Иван Милославский (родственник покойной царицы), который не собирался сдаваться и успел изготовиться к отпору, а во-вторых, от Казани подошел князь Юрий Барятинский с небольшим, но дисциплинированным отрядом, ядро которого составляли роты иноземного строя. Все же какие-то силы за лето Москва собрать сумела.

Произошло сражение, в котором, несмотря на пяти– или шестикратное численное преимущество, повстанцы не смогли прорвать регулярный строй. Степан Разин, лихой налетчик и удачливый пират, в настоящей битве оказался неважным командующим.

На помощь атаману, как обычно, пришли симбирские жители, впустившие казаков в город. Но воевода Милославский не капитулировал, а заперся с гарнизоном в остроге.

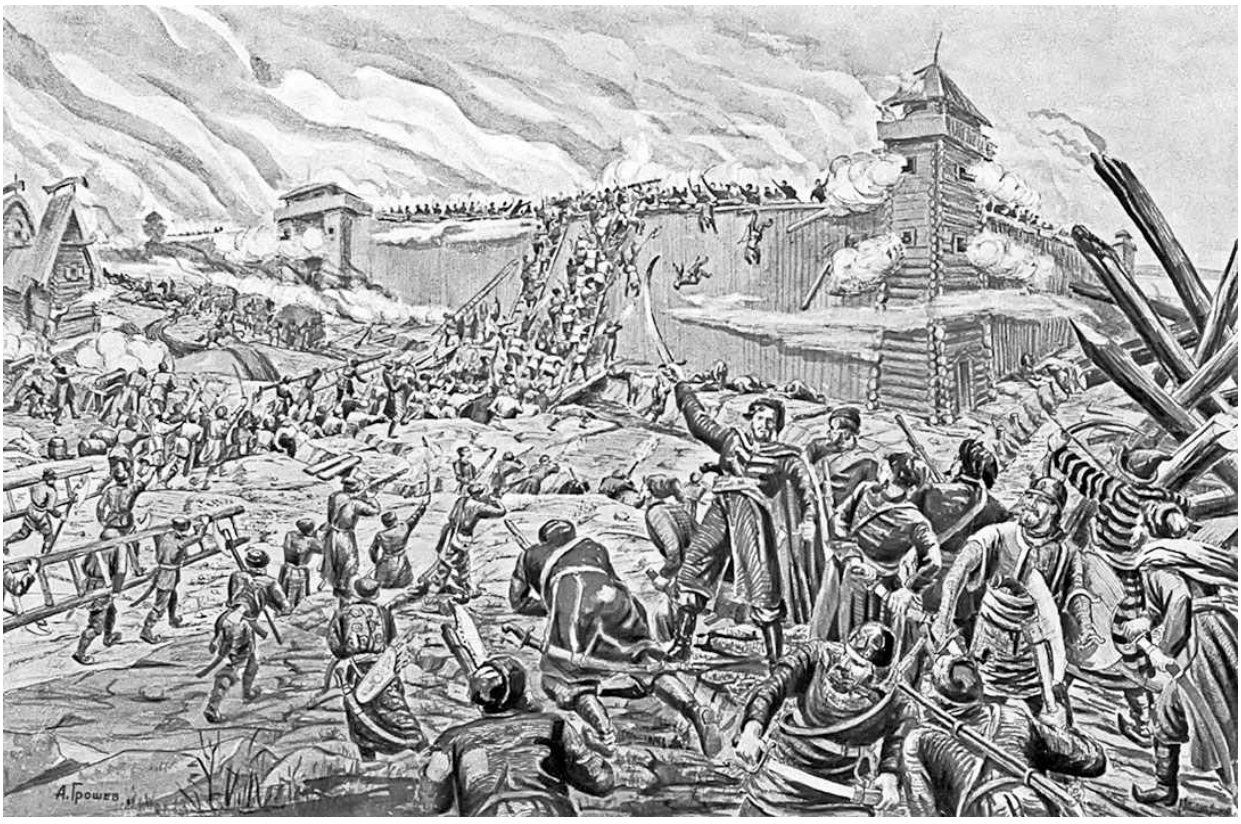
Весь сентябрь Разин пытался взять это небольшое укрепление. Четырежды разинцы ходили на приступ, но безуспешно. По-видимому, они умели брать лишь те крепости, которые сдавались сами. В тылу повстанческой армии все время маячил Барятинский. К князю наконец начали приходить подкрепления, неповоротливая государственная машина понемногу набирала обороты.

1 октября 1670 года у воеводы набралось достаточно сил для нападения. Разин бился с саблей в руке, но для победы одной храбрости было мало. Стрельцы и солдаты Барятинского отбили все атаки и обратили разинцев в бегство. Самого Стеньку унесли дважды раненого.

Несколько дней противники стояли друг напротив друга, готовясь к новому бою. Потом разнесся слух, что приближается главное царское войско (известие было ложное, распущенное по приказу Барятинского). И здесь Степан Разин совершил поступок, плохо сочетающийся со славой народного героя, которой наградили лихого атамана потомки.

Он собрал вокруг себя донских казаков, старых своих товарищей, и увел их прочь, а основную армию, состоявшую из поверивших в него астраханцев, царицынцев, саратовцев, самарцев и симбирцев, бросил без командования. Еще и соврал, что хочет напасть на Барятинского с тыла, сам же попросту сбежал.

Царские воеводы – Барятинский и Милославский – без труда разбили скопище мятежников, почти поголовно их истребив, а взятых в плен казнили.



Разинцы штурмуют Симбирск. *А. Грошев*

На этом, собственно, разинское восстание заканчивается, потому что Стенька в нем больше не участвовал. Самара и Саратов беглеца к себе не пустили. Стенька устремился дальше, на Дон, надеясь собрать новое войско, но побежденного встречают не так, как победителя. Теперь старшина была сильнее разинской голытьбы. Всю зиму Разин просидел без действия, люди от него разбегались. А весной 1671 года «домовитые» напали на тех, кто еще оставался, схватили атамана и выдали его властям.

Народный вождь из Степана Разина вышел неважный, зато умер он молодцом.

Его доставили в Москву на специальной повозке, прикованного к виселице. Сзади бежал на цепи, по-собачьи, младший брат атамана Фрол.

Обоих стали пытать в приказе. Сначала Степана. Он вынес дыбу, кнут и огонь без единого стона.

Взялись за Фрола. Тот стал кричать, а брат то укорял его за слабость, то утешал, напоминая, как долго и славно они погуляли.

Вторую пытку – на обритое темя капали ледяной водой – Степан выдержал так же стоически. Чего надеялись добиться дознаватели от братьев истязаниями, не совсем понятно. Кажется, подозревали, что те спрятали какие-то «воровские письма»: переписку с Никоном, украинским гетманом и Крымом. Так или иначе, пытка ничего не дала.

6 июня 1671 года на Болотной площади жестокому атаману устроили жестокую казнь. Ему стали рубить одну за другой конечности. От ужасного зрелища Фрол, которого через минуту ожидала такая же участь, закричал, что выдаст тайну.

Степан сказал: «Молчи, собака!» – и с этими словами умер.

Фрола увели с эшафота. Доверенные царские люди потом ездили в указанное место, но ничего там не нашли. Казнили Разина-младшего после этого или нет, доподлинно неизвестно.

Казнь Степана Разина. *В. Пчелин*

Но покинутое предводителем восстание осенью 1670 года не утихло. Вести о победах Степана Тимофеевича, слухи о том, как он превращает всех людей в вольных казаков, разинские воззвания распространялись со скоростью степного пожара.

Мятеж перекинулся на исконно крестьянские области – Нижегородскую, Пензенскую, Тамбовскую, Воронежскую, Рязанскую. Идея о добром, но слабом царе, которого нужно освободить от злых бояр и жадных дьяков, была близка и понятна народному сознанию. В сохранившемся «прелестном письме» Разина читаем: «Пишет вам Степан Тимофеевич, всей черни. Хто хочет Богу да государю послужити, да и великому войску, да и Степану Тимофеевичу, и я выслал казаков, и вам заодно бы изменников вывадить и мирских кравапивцов вывадить. И мои казаки како промысь станут чинить и вам бы итить к ним в совет, и кабальныя и опальныя шли бы в полк к моим казакам».

Мужики охотно откликались на зов. Убивали помещиков и приказчиков, собирались в отряды, иногда многочисленные, но всегда неорганизованные и плохо вооруженные.

Однако восстание, не имевшее единого руководства, было обречено. Оно распространялось очагами – и так же, костер за костром,

гасилось.

Когда главный враг был уже разгромлен, в Поволжье наконец прибыло большое войско под командованием князя Юрия Долгорукого, одного из ведущих российских полководцев.

В одном сражении Долгорукому пришлось иметь дело с крестьянским скопищем чуть ли не в пятнадцать тысяч человек. Половина из них легла на месте, очень многих переловили и предали суду. Эта формальность неуклонно соблюдалась, хотя приговоры почти всегда были обвинительными: в лучшем случае отсечение руки, поднявшей оружие против закона, а чаще всего – виселица, топор или мучительная смерть на коле.

Всю позднюю осень и зиму 1670–1671 годов в арзамасском лагере правительственных войск шло непрерывное судилище. Безымянный автор англоязычного «Известия о бунте Стеньки Разина», побывавший там, пишет: «На это место было страшно смотреть: оно походило на преддверие ада. Кругом стояли виселицы; на каждой из них висело человек сорок – пятьдесят. В другом месте валялось множество обезглавленных, плавающих в крови. В разных местах находились посаженные на кол, из коих немало оставалось живыми до трех суток, и слышны были их голоса. В три месяца от рук палачей погибло, по судебному приговору, по выслушании свидетельских показаний, одиннадцать тысяч человек».

Победитель Разина князь Барятинский тоже разбил большое крестьянское войско – восточнее, под Алатырем, – но этот воевода зверствовал меньше. Он казнил лишь зачинщиков, а рядовых повстанцев, приводя к присяге, отпускал.

Нестройные толпы осадили даже Нижний Новгород, самый большой из волжских городов, но взять его не сумели и, узнав о приближении карателей, рассеялись.

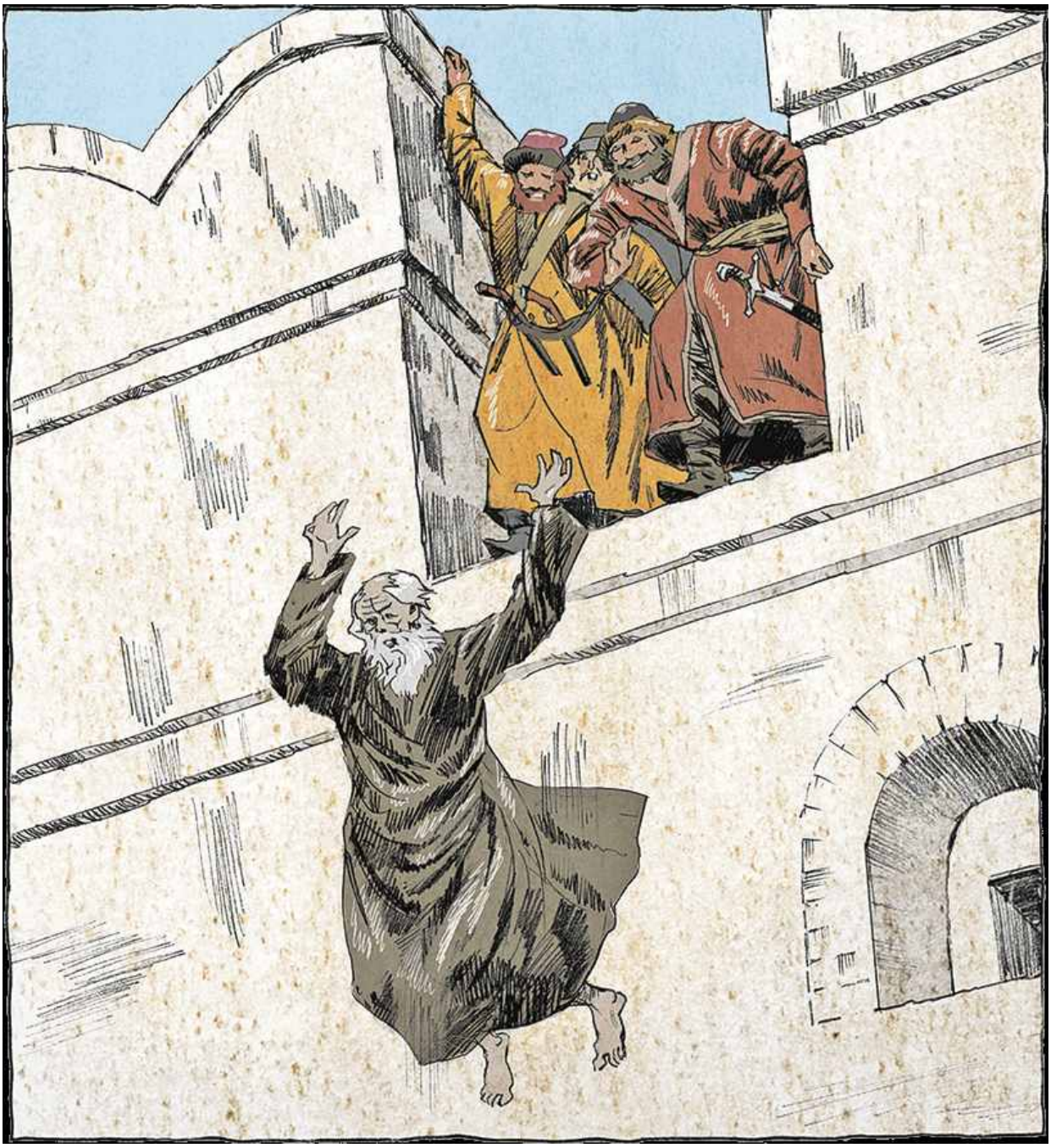
В городке Темников (современная Мордовия) произошло уникальное для русской истории событие: тамошних мятежников возглавила женщина, некая старица Алена. Это была крестьянская дочь и крестьянская же вдова из Арзамаса, принявшая монашество. Она носила мужское платье, храбро билась и начальствовала над несколькими тысячами человек.

Устрашившись вести о подходе Долгорукого, темниковцы вышли встречать князя с иконами, а свою

> предводительницу выдали. Атаман-женщина была явлением настолько диковинным, что эту русскую Жанну д’Арк судили как колдунью и тоже отправили на костер. «Она осталась совершенно спокойной и не выказала ни малейшего страха смерти, когда ей объявили приговор о сожжении ее живою, – рассказывает упоминавшийся выше англичанин. – Перед самой смертью она выразила желание, чтобы побольше лиц вели себя подобно ей и дрались бы так же храбро, как она; что тогда бы князь Юрий нашел самое верное спасение – в бегстве. Готовясь теперь умереть, она по русскому обычаю осенила крестом себе лоб и грудь, спокойно легла на костер и была обращена в пепел».

К концу января 1671 года Долгорукий и Барятинский погасили пожар по всему среднему Поволжью и в прилегающих к нему областях, но еще оставалось покорить Астрахань, а сделать это было непросто. Крепкие стены, сильная артиллерия и, главное, отдаленность позволили последнему оплоту восстания долго держаться. Утихли крестьянские волнения, палач изрубил на куски Разина, а каспийская твердыня всё стояла.

Желая избежать трудного, дорогостоящего похода, власти попытались привести город к покорности уговорами – слали увещевательные грамоты через астраханского митрополита Иосифа, которого разинцы с их показным почтением к авторитету церкви не тронули во время прошлогодних избиений. Владыка начал говорить народу, что государь милостив и всех простит. Тогда атаман Ус, боясь шатания в умах, велел схватить митрополита. Старика сначала подвергли пытке, а потом скинули с башни – прежде так обходиться с высокими церковными иерархами себе позволял только Иван Грозный.



Казнь митрополита. *И. Сакуров*

Мало того, что астраханцы отказывались сдаваться и подняли руку на митрополита, они еще и попытались перейти в наступление. Их новый предводитель Федька Шелудяк, сменивший Василия Уса, умершего от какой-то «червивой болезни», пошел с войском вверх по Волге и в июне 1671 года достиг самого Симбирска, но потерпел там

поражение от воеводы Петра Шереметева, после чего повернул обратно.

Теперь стало окончательно ясно, что без карательной экспедиции Астрахань не усмирится.

Поход возглавил Иван Милославский, героический защитник симбирского острога от разинской армии. В конце лета он спустился к Астрахани, но взять ее боем не смог – не хватило сил. Атаман Шелудяк бился с воеводой и остановил его.

Тогда Милославский поступил умно. Встав лагерем, он начал слать в город письма с обещанием амнистии. В блокированной Астрахани, целиком зависевшей от подвоза припасов с севера, начинался голод. Некоторые жители стали уходить к Милославскому, и он всех принимал по-доброму. Однако когда на переговоры явился Шелудяк, его не отпустили, а задержали, оставив город без вожака.

На исходе ноября 1671 года Астрахань капитулировала. Только теперь восстание можно было считать закончившимся.

Милославский, как ни странно, сдержал свое слово: никого не казнил и не посадил в тюрьму. Даже Федька Шелудяк и убийцы митрополита Иосифа (они все были известны) остались на свободе.

Но подобная либеральность была не в традициях московского государства. По-видимому, Милославский проявил ее по собственной инициативе, либо же, не имея достаточно войск, поосторожничал, чтобы не вызвать в Астрахани новых беспорядков. Через некоторое время прибыл с подкреплениями воевода рангом повыше, князь Яков Одоевский, и исправил упущение. Всех, кого положено, схватили и казнили.

Жизнь страны при Алексее I

Итак, наиболее памятными событиями царствования «тишайшего» Алексея были разорительное и кровавое присоединение левобережной Украины, тяжелые войны со всеми соседями, раскол русской церкви и восстания измученного народа.

Однако самое главное в жизни страны, как всегда, происходило не на поверхности, а на глубинном уровне. Там разворачивались масштабные социальные, экономические и культурные процессы, готовились перевороты национального сознания – одним словом, вершились те постепенные метаморфозы, которые в конечном итоге и определяют судьбу государства: его состоятельность или несостоятельность, продолжительность его жизни, его историческое место и значение.

Система управления

Как уже говорилось, главным отличием «третьего» государства от предшествующей и последующей конструкций был временный отход от тотального единовластия. Эта новация, окончательно оформившаяся при Алексее Михайловиче, не была закреплена законодательно, а возникла «явочным порядком»: сначала как объективное следствие Смуты, приведшей к ослаблению царской власти и некоторому потускнению ее священного нимба, а затем по причине субъективной – из-за слабохарактерности первых Романовых.

В семнадцатом веке русский царь хоть по-прежнему назывался самодержцем, но «держал» власть не вполне «сам». Он опирался на сильных временщиков, действовал с оглядкой на Боярскую думу, а в самых важных случаях считал необходимым заручиться поддержкой Земского собора.

Однако, несколько ослабев в самом верхнем своем эшелоне, «ордынская» модель в основных признаках все же не изменилась. Россия осталась жестко централизованной «казенной» державой, в которой все подданные считались слугами государства и были обязаны беспрекословно исполнять любые распоряжения вышестоящего начальства, чья воля и чей произвол не ограничивались законом. Точнее

всего эту ситуацию определил внимательный наблюдатель Олеарий: «Если иметь в виду, что общее отличие закономерного правления от тиранического заключается в том, что в первом из них соблюдается благополучие подданных, а во втором личная выгода государя, то русское управление должно считаться находящимся в близком родстве с тираническим».

Первые Романовы могли добровольно или по необходимости ограничивать свою самодержавность, но в стране тем не менее существовала строгая вертикальная иерархия, при которой всё придумывалось и решалось только в столице. Эта система была неповоротлива и медлительна, источена злоупотреблениями, изобиловала разнообразными дефектами – и все же она работала, не раз доказывая свою прочность. Соловьев пишет: «…Иностранцы удивлялись, как могло Московское государство так скоро оправляться после поражений, подобных конотопскому, чудновскому? Дело объяснялось сосредоточенностью власти, единством, правильностию, непрерывностию в распоряжениях. Медлили, уклонялись от исполнения, не умели что-нибудь исполнить; но жалоба на эту медленность, уклонение и неуменье шла в Москву, и отсюда повторялся указ великого государя *однолично* сделать *не измотчав*; отвечали, что негде взять чего-нибудь: шел указ искать там и там; опять медлили – шел указ с угрозою опалы и жестокого наказанья, и дело наконец делалось». Доказательством того, что подобная конструкция лучше всякой другой, для русских людей являлся печальный пример единственной чужой страны, которую они тогда хорошо знали – Речи Посполитой, где «горизонталь» была много сильнее «вертикали».

Структура центрального правительства, которого фактически не существовало при «втором» государстве и которое начало появляться при Михаиле Федоровиче, окончательно определилась при втором Романове.

В дополнение к Боярской думе и Земскому собору (с очень большой натяжкой их можно уподобить верхней и нижней палатам парламента) в середине столетия развернулась сложная система министерств и департаментов – все они назывались «приказами».

Возникали они по мере необходимости. Появится потребность заниматься каким-то делом – создается приказ, ведать им поручается боярину, окольничему или дьяку (в зависимости от важности и

престижности), а для пополнения бюджета к ведомству приписываются какие-то местности или разряды податей. В этом, на современный взгляд, странном принципе финансирования сказывалось традиционное отношение к казенной службе как к способу «кормления» – этот анахронизм «третье» государство унаследовало от «второго».

Мы не увидим в приказной системе министерств, обычных для почти всякого правительства: ни финансового, ни военного, ни внутренних дел. Каждая из этих сфер была слишком обширна и потому делилась на несколько приказов. Финансами ведали и Приказ Большого дворца (собирал доходы с личных царских владений), и Приказ Казенного двора (распоряжался придворными расходами), и Приказ Большого прихода (торговые сборы и таможенные пошлины), и Счетный приказ (примерный аналог современной Счетной палаты), и региональные приказы, управлявшие ключевыми областями – Казанской, Сибирской, Новгородской, Владимирской и т. п. Общая сумма доходов, собираемых всеми этими приказами (не считая Сибирского, учитывавшегося отдельно) составляла в 1670-е годы около одного миллиона трехсот тысяч рублей в год.

Приказ в Москве. *А. Янов*

Военными делами занимались Стрелецкий, Рейтарский, Пушкарский и Иноземный приказы (последний вообще курировал всех служилых иностранцев).

За правоохрану в центральном правительстве отвечали Разбойный приказ (прообраз уголовной полиции) и два юридических ведомства: Владимирский приказ для суда над более знатными лицами и Московский приказ для суда над людьми попроще.

Легче всего соотнести с современными представлениями о правительственной специализации Посольский приказ – тогдашнее министерство иностранных дел, но это потому, что долгое время внешние сношения считались заботой не большой важности. Когда возникала потребность, государь снаряжал посольство или приказывал кому-то организовать встречу иноземного посланника, а в обычное время хватало обычной канцелярии, где сидел дьяк с несколькими подьячими. Важность Посольский приказ обрел только с присоединением Украины, когда Россия оказалась на сцене большой международной политики. Главный царский советник Ордин-Нащокин сам руководил работой приказа, называл его «оком России» и возвел на должную высоту. В те времена важность ведомства определялась приписанными к нему территориями – и возвеличенный Посольский приказ кроме дипломатии ведал еще всей Малороссией и некоторыми другими областями. Пожалуй, министерством иностранных дел его все же назвать трудно.

Большое значение имели традиционно влиятельные Поместный приказ (он раздавал дворянам поместья) и Разрядный приказ (что-то вроде главного управления кадров).

На конечном этапе в «третьем» государстве насчитывалось более сорока приказов, среди которых имелись довольно экзотические вроде Аптекарского (это действительно была царская аптека вкупе со штатом из нескольких медиков-иностранцев) и Панафидного (панихидного), занимавшегося поминовением покойников царской фамилии.

> Наглядным примером нестройности и дезорганизованности, характерных для правительственной системы, являлся Приказ тайных дел. Несмотря на зловещее название, это была не секретная полиция, а нечто вроде личной канцелярии Алексея Михайловича. Этот царский

секретариат, в котором служили дьяк с малым количеством подьячих, использовался для чего угодно.

Например, он отвечал за содержание охотничьих соколов и ястребов, а также за особый двор, где жило сто тысяч голубей, покупал заграничных попугаев и отечественных чижов – лишь потому, что государь любил птиц. Алексей Михайлович любил еще и собак – приказ руководил псарней. Пристрастие его величества к сладким наливкам побудило «тайное» ведомство заняться ликерным заводом. Одним словом, оно занималось всем, что представляло личный интерес для царя. Но считать Приказ тайных дел только «департаментом высочайших удовольствий» нельзя, потому что дьяк с подьячими вели и переписку по делам государственной важности, а также ведали артиллерией, которой царь придавал сугубое значение. Неопределенность функций самого близкого к высшей власти органа безусловно была отголоском прежних времен, когда московские цари управляли страной как собственной вотчиной.

Обычно – если не возникало какой-то особой надобности – государю докладывали приказные дела поочередно. Каждый день недели (разумеется, кроме молитвенных) был закреплен за несколькими ведомствами. Эти заседания назывались «сиденьем великого государя с боярами о делах», потому что царь все решал не один, а с приближенными. Для важного заседания привлекался широкий круг советников, которые рассаживались в соответствии с «местом». Так же, по породе, они высказывали свои суждения. Породистые, но недалекие умом сановники просто сидели, «брады свои уставя», и помалкивали. Думным дьякам (чиновникам высшего ранга, но при этом худого родословия) садиться без особого разрешения не полагалось.

Повседневная государственная работа, конечно, происходила не на «сидениях» и не на созывавшихся по большим случаям земских соборах, а на уровне приказной бюрократии.

К этому времени относится учреждение чиновничьей номенклатуры и первое ее кадровое ранжирование.

Подьячие делились на три категории: «молодые» (младшие), «середние» и «старые». Разница в окладах была очень большой – от

одного рубля до шестидесяти пяти, причем подьячему большого приказа, состоявшему на ответственной должности, могли пожаловать и поместье. Помимо платного штата имелись неоплачиваемые («неверстанные») сотрудники. Известно, что в Разрядном приказе таких была почти треть. Это означает, что главным доходом для бюрократии по-прежнему являлось не жалование, а «кормление» от просителей.

Коррупция

При таком отношении к службе государственная система не могла функционировать без коррупции. Исполнение чиновником своих прямых обязанностей за взятку – то, что позднее стало злоупотреблением и преступлением, – в «третьем» государстве продолжало считаться нормальным. Наказывали лишь тех, кто слишком уж наглел или «брал не по чину».

Английский дипломат Чарльз Карлайл, побывавший в Московии в 1663 году, высказал предположение, что чиновникам намеренно дают возможность бесконтрольно наживаться за счет населения. «Царь держит в повиновении народ и упрочивает свою безмерную самодержавную власть, между прочим, тем, что дает много власти своим чиновникам – высшему (т. е. служилому) сословию над народом… Служилым и приказным людям так хорошо под самодержавною властью государя, что собственная их выгода заставляет горою стоять за нее». Чиновно-казенной державой Россия станет уже при «четвертом» государстве, но основы этой системы были заложены в семнадцатом веке.

Такой аппарат обходился казне очень дешево, а стране очень дорого. Ни одно дело не решалось быстро, если только в него не вмешивался лично самодержец. Все волокитили, вымогали взятки, извлекали выгоду из занимаемой должности. Мздоимствовали судьи, исполнители правительственных указов, сборщики пошлин, городские воеводы, старосты – вплоть до последнего земского ярыжки (низшего служителя). Чем дальше от Москвы, где на худой конец можно было пожаловаться прямо царю, тем безнаказаннее чувствовали себя представители администрации. Воеводы дальних областей часто недоплачивали даже то небольшое жалованье, которое полагалось их

подчиненным, заставляя последних компенсировать потерю за счет беззащитного населения.

При этом высокие государственные мужи, кажется, совершенно не понимали, что принцип «кормления» и скудная оплата чиновничьей службы делают коррупцию неизбежной. Время от времени правительство показательно карало каких-то отдельных лихоимцев – из тех, кто не имел сильных покровителей. Но что можно было сделать, скажем, с царским тестем?

Системные мероприятия по борьбе со взяточничеством выглядели довольно жалко. Например, вышел запрет воеводам рассматривать жалобы, поданные на них самих. Разбирать такие дела должен был воевода соседнего города. Нечего и говорить, что соседи быстро находили взаимопонимание по принципу «рука руку моет». Или появлялось постановление, по которому дворянина не могли назначить воеводой в родные края. Это, конечно, несколько увеличивало срок, необходимый для налаживания системы поборов, но приученные к взяткодательству местные жители быстро помогали новому человеку освоиться. Царские советники пробовали искоренить традицию многочисленных полуузаконенных подношений – «въезжих» (по случаю назначения), «хлебных», «праздничных», «месячных» и прочих, но решить проблему коррупции указами никому и никогда не удавалось. Подарки просто меняли свое название, и всё оставалось по-прежнему.

Историк Соловьев сочно описывает, как воспринималось тогдашним служивым человеком назначение в воеводы: «Рад дворянин собираться в город на воеводство – и честь большая, и корм сытный. Радуется жена: ей тоже будут приносы; радуются дети и племянники: после батюшки и матушки, дядюшки и тетушки земский староста на праздниках зайдет и к ним с поклоном; радуется вся дворня – ключники, подклетные: будут сыты; прыгают малые ребята: и их не забудут; пуще прежнего от радости несет вздорные речи юродивый (блаженный), живущий во дворе: ему также будут подачи. Все поднимается, едет на верную добычу».

> Привычки русской бюрократии поражали приезжих иностранцев, которые с трудом усваивали правила местной жизни.

Бравый шотландский вояка Патрик Гордон, нанявшись на московскую военную службу, страшно удивился, когда ему не выплатили положенных по договору денег. Бедняга не знал, что по неписаному правилу он должен «поклониться» чем-нибудь исполнителям, иначе ничего не получит. Гордон негодовал, скандалил, ходил жаловаться начальствующему боярину. «…Когда и после повторного ходатайства и приказа мы не добились удовлетворения, я в третий раз отправился к боярину и весьма откровенно заявил, что не знаю, кто же обладает высшей властью, он или дьяк, ибо тот не повинуется стольким приказаниям. При этом разгневанный боярин велел остановить свою карету (он собирался выезжать из города в свое поместье), вызвал дьяка, схватил его за бороду и встряхнул раза три-четыре со словами, что, если я пожалуюсь снова, он велит бить его кнутом». Но дьяку таскание за бороду было нипочем, шотландец все равно ничего не получил. Наконец нашлись добрые люди, объяснили дураку что к чему, и Гордон принял правильное решение. «Я угостил всех стряпчих Иноземского приказа за праздничным столом и преподнес каждому, согласно их чинам, подарок соболями – одним по паре, другим по одному. Этим я снискал большую их доброжелательность; впоследствии они весьма меня уважали и всегда были готовы дать ход любому из моих дел в приказе». Так Патрик Гордон обрусел и научился жить по-московски.

Еще смешнее злоключения француза Фуа де Невилля, ездившего в Москву с поручением от польского короля. Выполнив задание, Невилль обнаружил, что не может уехать – на возвращение требовалась специальная бумага. Дипломат долго не мог понять, в чем дело. Потом узнал, что принято давать дьяку, выдающему разрешение, сто золотых. Дипломат пишет: «Я говорил с ним очень гордо и смело (нужно гордо говорить с московитами, если хочешь встретить хорошее обращение), подчеркивая все время, что права человека ущемлены в моем лице и что я вижу, что польский король был плохо осведомлен, когда уверял меня, давая мне это поручение, что московиты уже более не варвары, что мне

> настолько досадно находиться среди них, что я хотел бы, чтобы он позволил мне выкупить свою свободу за деньги». Упоминание о загадочных «правах человека» так сильно напугало дьяка, что он денег не взял, но и потребной бумаги не дал. Француз еле выбрался из Москвы – лишь после того, как дошел с этой пустой формальностью до самого верха.

Таким образом, по части коррумпированности русский семнадцатый век мало чем отличался от шестнадцатого.

Законотворчество

Зато произошли важные перемены в той сфере, по которой определяется зрелость государства: в России наконец возникла единая система законов, охватывающая все стороны жизни.

Потребность в этом ощущалась уже очень давно. Судебник 1497 года безнадежно устарел, как и следующий судебник 1550 года; их все время приходилось дополнять указами по каким-то частным случаям. Все это приводило к несказанной путанице. Большая страна без национального кодекса жить уже не могла.

Поэтому одним из первых шагов нового царствования, сразу после падения никчемного временщика Морозова, стало создание комиссии по подготовке свода законов. Возглавил этот комитет князь Никита Иванович Одоевский.

16 июля 1648 года царь объявил о великом начинании – устроить так, чтобы «Московского государства всяких чинов людям, от большего до меньшего чина, суд и расправа была во всяких делах всем равна».

Работа велась очень быстро. Были изучены все существующие законы и указы, из них отобраны не утратившие актуальности, а отсутствующие, но необходимые написаны заново. Уже в январе 1649 года кодекс был представлен Земскому собору на утверждение. Принятый этим представительным органом свод получил название «Соборного уложения».

Документ состоял из 25 глав, поделенных почти на тысячу статей. По очередности этих установлений можно судить об иерархии тогдашних приоритетов.

Начинается «Уложение», естественно, с защиты веры и царской чести. Сразу после этого идут статьи, оберегающие казенный интерес: об ответственности за подделку царских грамот и денег. Затем декларируется запрет на въезд и выезд из страны без специального разрешения («А буде кто поедет в которое государьство без проезжия грамоты, и быв в ином государьстве приедет в Московское государьство, а иной кто учнет на него извещати…. и по тому извету про того, кто ездил в иное государство без государевы проезжие грамоты, сыскивати всякими сыски накрепко»). Лишь после этого следует глава о воинской службе. Предлинное постановление о запрете местных пошлин на проезд через мосты и переправы (важное для торговли) дается раньше, чем излагаются основы судопроизводства, земельные отношения и уголовные наказания. В самый конец отнесены статьи о стрельцах и казаках, а замыкается кодекс правилами винной торговли.

Впрочем, уложение 1649 года лишь дало толчок законотворческой деятельности, продолжавшейся и в последующие годы. Всего при Алексее Михайловиче было издано не менее шестисот уставов и законов, часто дополнявших или разъяснявших друг друга.

К числу главных относятся те, что еще неразрывнее прикрепили крестьян к земле (срок давности по сыску беглых отменялся), а посадских к месту жительства. Новоторговый устав 1667 года, введенный по инициативе Афанасия Ордина-Нащокина, несколько облегчал положение русских купцов, вводя единую продажную пошлину и запрещая иностранным коммерсантам торговать между собой без русских посредников.

Принятие «Соборного уложения». *Н. Некрасов*

Никаких принципиальных новшеств в государственное устройство страны все эти законы не вносили. Формально Россия продолжала оставаться абсолютной монархией, в которой власть царя ничем не ограничивалась. Первые Романовы привлекали к решению государственных вопросов Боярскую думу и Земский собор не потому,

что это предписывалось законом, а потому что так сложилось традиционно.

Россия обзавелась «Соборным уложением» и несколькими сотнями дополнительных законов, но юридически так и не вышла за пределы все той же «ордынской» модели.

Экономика

Экономическое состояние России в этот период прежде всего определялось внешней политикой государства – украинской экспансией и чередой последующих войн. Казна не могла покрывать огромные расходы за счет обычных поступлений и компенсировала дефицит дополнительными поборами с населения, и так очень небогатого.

Чрезвычайный военный налог все время возрастал: сначала брали двадцатую деньгу, потом десятую и дошли до пятой, то есть до 20 процентов. Помимо денежной подати существовало множество обременительных повинностей, разорявших народ. Для снабжения войск был введен натуральный налог продовольствием, у крестьян брали лошадей и подводы, сгоняли людей на дорожные и крепостные работы.

Кроме поборов, непосредственно связанных с военными нуждами, правительству все время приходилось затыкать дыры в гражданском бюджете, поэтому беспрестанно изобретались какие-то единократные вымогательства – на ямскую почту, на канцелярские нужды, на строительство административных зданий, даже на палачей и тюремных сторожей. За всё платил народ.

Первые сорок лет своей истории «третье» государство развивалось и страна залечивала раны; с 1654 года этот процесс прекратился, начался застой в промышленности и торговле, нищали крестьяне, скудели города, хирела торговля.

Была и еще одна причина, по которой экономика перестала развиваться, – уже не внешняя, а внутренняя. Правительство, кажется, и не ставило перед собой задачу такого развития. Государственная мысль еще не дошла до осознания простой истины: когда богатеет население, увеличиваются и доходы казны. Правительство только забирало, изымало и вытягивало, ничего не давая взамен. Робкие попытки самых просвещенных администраторов вроде Ордина-

Нащокина не получали поддержки сверху (как это случилось в Пскове) и заканчивались неудачей. В погоне за легкими доходами государство душило собственную торговлю, продавая льготы и привилегии иностранным купцам за живые деньги. Другим, еще более разрушительным способом пополнения казны было спаивание простонародья, но даже здесь государство, забравшее себе винную монополию, шло по самому простому пути: предпочитало отдавать кабацкий промысел на откуп. Питейные откупщики придумали продавать водку в долг, под огромные проценты, что приводило к массовому разорению социальных низов, прежде всего в городах. «Винная» экономика выглядела так: на казенном заводе ведро водки обходилось в 60 копеек, продавалось в кабаки по рублю, а там, в разлив по чаркам, приносило два рубля.

> Соловьев приводит в качестве иллюстрации того, как формировались доходы, пример «среднего по богатству» города Устюг Великий. Всего поступлений за 1670 год было без малого 10 000 рублей. Из них пошлин с населения чуть больше 3 % и сборов с торговли (кроме винной) чуть больше 1 %, а все остальное – таможенные пошлины (49 %) и кружечные дворы (45 %). Отсюда видно, что ни с посадских, ни с местных торговцев в конце царствования Алексея Михайловича брать было уже практически нечего.

Промышленность не то чтобы совсем не развивалась – появлялись новые заводы, ткацкие и стеклянные фабрики, велся поиск полезных ископаемых, но масштабы этой деятельности кажутся ничтожными по сравнению с тем, как широко те же процессы шли в Западной Европе, да и в России заводчиками и фабрикантами делались в основном иностранцы, обладавшие достаточными технологическими знаниями и капиталами.

Военные предприятия – литейные и оружейные – держались на государственных заказах, но легкая промышленность еле существовала, поскольку основная масса населения, совсем не имея денег, одевала, обувала и кормила себя сама, в рамках натурального хозяйства.

В последнюю четверть семнадцатого столетия Россия входила страной не только бедной и экономически отсталой, но, что хуже всего, скорее деградирующей, чем развивающейся.

Сословия

Основным российским сословием, разумеется, было крестьянство, и в послесмутные времена жизнь деревни быстро возрождалась. Русские землепашцы всегда отлично умели пропитать себя сами, а заодно накормить и всю страну, если им не слишком сильно мешали. Когда прекратилась война и исчезли многочисленные шайки грабителей, опустевшие селения вновь ожили, на полях снова заколосились нивы, в недавно еще голодающей стране появились излишки хлеба. Затем стали возникать новые деревни и возделываться новые пашни. Развитию сельского хозяйства очень поспособствовала Тридцатилетняя война (1618–1648), вызвавшая в Европе нехватку продовольствия и резкое повышение спроса на зерно.

Примерно к 1650 году население России восстановилось до уровня 1605 года. Полной статистики по стране у историков нет, однако известно, что в Москве и ее окрестностях прирост был по меньшей мере пятикратным.

Но с началом новой долгой военной эпопеи стало разоряться и крестьянство, тащившее на себе основную тяжесть государственных потребностей и доведенное новыми законами до совершенно рабского состояния. Соловьев называет окончательное закрепощение русского крестьянина «банкротством бедной страны, не могшей своими средствами удовлетворить потребностям своего государственного положения».

Плохо было не только крестьянству. Когда страна переживает долгий застой и рецессию, это сказывается на всех слоях общества, снизу доверху.

Даже боярство, которое вернуло себе часть политического влияния, утраченного в шестнадцатом веке, переживало кризис. Элиту «третьего» государства составляли три десятка знатнейших фамилий: шестнадцать родов, имевших право на боярское звание (Черкасские, Воротынские, Трубецкие, Голицыны, Хованские, Морозовы, Шереметевы, Одоевские, Пронские, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровские, Буйносовы, Хилковы, Урусовы), и еще пятнадцать, поступавших в окольничие (Куракины, Долгорукие, Бутурлины, Ромодановские, Пожарские, Волконские, Лобановы, Стрешневы, Барятинские, Милославские, Сукины, Пушкины, Измайловы,

Плещеевы, Львовы). Однако ничем кроме происхождения эта прослойка, призванная управлять страной, не блистала – за несколькими редкими исключениями. Бояре не придавали значения образованию, сплошь и рядом ставили личные интересы выше государственных и, что хуже всего, перекрывали деятельным и одаренным людям дорогу к ответственным постам. Если же какой-то самородок вроде Ордина-Нащокина или Матвеева по случайности прорывался к кормилу власти, Боярская дума начинала чинить такому «выскочке» препятствия. Закостенелая местническая иерархия не только блокировала любые меритократические процессы, но, случалось, и вообще парализовала гражданское и военное управление. Боярское сословие было не столь уж малочисленно, поскольку каждый род состоял из множества ответвлений, и все их члены претендовали на видные посты. Местнический анахронизм становился все более серьезным тормозом для развития государства.

Опора самодержавия – служилое сословие – тоже плохо исполняло свою функцию. Из дворян составлялась основная часть армии и административного аппарата, за это дворяне получали от государства свои поместья и крепостных крестьян. Но гражданские чиновники, необразованные и плохо оплачиваемые, думали главным образом о личном обогащении, а военные относились к своей службе как к тягостной обязанности. Поместный принцип комплектации армии, восходивший к Средневековью, теперь безнадежно устарел. Занятые хозяйственными заботами землевладельцы экономили на доспехах и вооружении, норовили уклониться от призыва, а кроме того, мало что умели. В эпоху, когда в Европе повсеместно существовали регулярные войска – вымуштрованная пехота и обученная маневрам кавалерия, основную массу русской армии составляло разномастное ополчение. Многие не умели даже зарядить ружья, наскакивали на врага гурьбой и при малейшем отпоре пускались наутек. У дворян была в ходу поговорка: «Дай бог великому государю служить, а саблю из ножен не вынимать». Наемные солдаты западного строя обходились много дешевле – им ведь не нужно было выделять поместья.

Московская улица. *А. Рябушкин*

В печальном виде пребывало и духовенство. Его авторитет, очень поднявшийся в годы Смуты, когда церковь сплотила народ и помогла стране воскреснуть, был сильно подорван никоновским расколом. Сказывались и результаты подозрительного отношения патриархата ко всякой учености, включая церковную. От рядового священника требовалось только отправлять службу по уставу и зубрить молитвы, не вникая в смысл христианского учения. Из-за отсутствия духовных училищ и тем более академий образовательный уровень клира был очень низок, а нравы оставляли желать лучшего.

> Рассказ австрийца Иоганна Корба, посетившего Россию в конце XVII века, дает представление о том, как мало было уважения к священникам: «Если кто из мирян вступит в драку с попом, то должен остерегаться осквернить его шапочку [скуфью]. Собираясь бить попа, надлежит снять ее с должным уважением с головы и положить в благопристойном месте. Затем можно бить священника безнаказанно и сколько угодно. Никакой закон, никакое наказание или отлучение от церкви не покарают его, лишь бы только после побоев и ударов он снова

с должным почетом возложил на голову снятую ранее шапочку».

Русское купечество, которому по роду занятий полагалось бы быть при деньгах, тоже влачило жалкое существование. Внутренняя торговля дышала на ладан из-за низкого платежного потенциала населения и жадности многочисленных казенных вымогателей. Экспортно-импортные операции контролировались иностранцами, потому что у России не имелось флота и незамерзающих портов, выезд из страны был ограничен, а государство потворствовало зарубежным компаниям.

После Смуты для восстановления городов (а вернее, для увеличения с них сборов) правительство запретило горожанам уезжать с места жительства, то есть закрепостило их так же, как крестьян, разве что без привязки к помещику. В 1658 году вышел указ, по которому самовольное переселение даже из одного посада в другой каралось смертной казнью, равно как женитьба без разрешения начальства.

Это была страна, в которой все жители – от высшего сословия, обязанного нести службу, до нижних слоев, обязанных тащить податное тягло, – были несвободны и недовольны. Мы видели, как легко это фоновое недовольство перерастало в открытый бунт.

Отношения с другими странами

В смысле политическом Россия в это время все еще находится не в Европе, а на ее задворках. В Москве плохо следят за ходом европейских событий, узнают о них с большим опозданием и искаженно. Из-за этого иногда даже случались дипломатические конфузы. Стольник Петр Потемкин, отправленный послом к Филиппу IV Испанскому в 1667 г., добравшись до места, узнал, что король уже два года как умер. Еще хуже опростоволосился стольник Чемоданов, в 1657 году прибывший в Венецию с верительными грамотами на имя дожа Франческо Молина. Оказалось, что после Молина сменились еще два дожа и правит третий.

Русские дипломаты плохо понимали психологию иностранцев, не давали себе труда изучить чужие обычаи и церемониал, а всюду пытались держаться своих собственных представлений о приличном и уместном. Объяснялось это прежде всего страхом перед собственным начальством: за малейший урон царскому престижу с виновного строго

и даже жестоко спрашивали. В этом отношении все осталось, как при Михаиле Федоровиче, когда проштрафившегося посла могли по возвращении и кнутом выдрать.

По-московски считалось солидным брать с собой большую свиту, однако средств на ее содержание правительство не выделяло, поскольку в Москве иностранных послов принимали на полное попечение и ждали от чужих земель того же. Но в Европе такого обычая не водилось, и бедные дипломаты часто оказывались на мели, вынужденные продавать личные вещи. Про названного выше Чемоданова известно, что в Ливорно ему пришлось торговать окороками из дорожных продовольственных припасов.

Нечего и говорить, что переговоры, проводившиеся между сторонами, так плохо понимавшими обычаи друг друга, редко оказывались продуктивными.

«Дальняя» дипломатия Москвы и не могла быть удачной из-за слабых связей с Западной Европой. Но в сношениях со странами ближними и хорошо знакомыми русские проявляли немало ловкости и умения.

Главным дипломатическим партнером, конечно, была Речь Посполитая, с которой Россия то ссорилась, то заключала союзы, то торговалась из-за условий мира. О территориальных спорах и их разрешении говорилось в главе о русско-польских войнах, но был еще один интересный сюжет, касавшийся попыток объединить обе страны под одной короной.

О том, как Алексей Михайлович на волне первых побед, по наущению патриарха Никона, заявлял претензии на польский трон в 1655–1656 гг., я уже рассказывал. Тогда из-за войны со шведами пришлось умерить притязания – согласиться ждать кончины короля Яна Казимира. Потом военные дела пошли хуже, и тема наследования утратила актуальность.

Вторая попытка произошла в 1674 году, когда Речь Посполитая в очередной раз переживала тяжелые времена (подверглась турецкому нашествию) и внезапно скончался король Михаил Вишневецкий.

В Польше, как обычно, началась борьба за власть, и одна из шляхетских группировок выступила с идеей пригласить на престол царевича Федора, московского наследника. Для этого он должен был перейти в католичество и жениться на королевской вдове, а Россия –

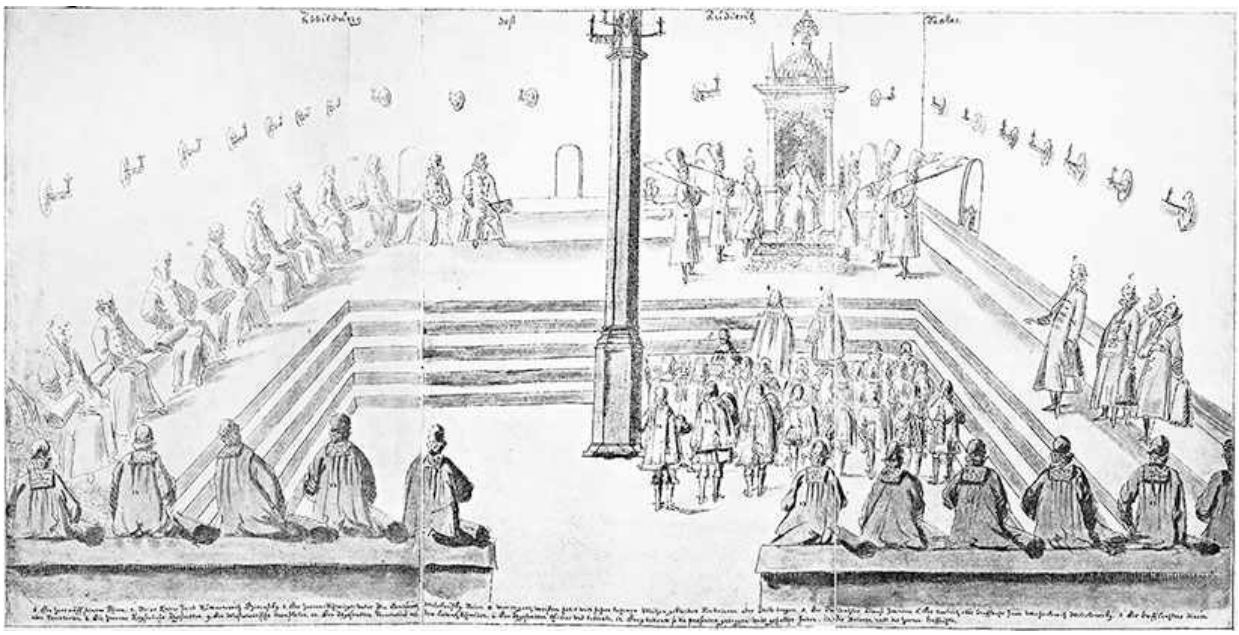
вернуть все захваченные польские земли, прислать войско против турок, да еще помочь деньгами.

Предложение было явно нереалистичным, но в Москве его обсудили всерьез и обстоятельно ответили, что сына в Варшаву царь не пошлет, а «соизволяет быть государем сам, своею государскою особою в православной христианской вере восточной церкви». Повторилась история столетней давности, когда все проекты о соединении двух государств под скипетром русского царя разбились о неразрешимую проблему вероисповедания.

В результате королем стал Ян Собеский. При этом выдающемся полководце положение Речи Посполитой несколько поправилось, но, к счастью для Москвы, Ян Собеский тратил все силы на борьбу с турками, и польско-российская конфронтация отошла в прошлое.

С самой сильной державой балтийского региона Швецией после неудачной войны 1656–1658 гг. старались отношений не портить. Не до ссор было и Швеции. Там сидел на престоле малолетний Карл XI (1660–1697), и в стране было неспокойно. Когда король подрос и укрепил свою власть, Швеция начала готовиться к войне в Европе и предложила царю военный союз. В это время, в 1670-е годы, разоренной войнами и крестьянским бунтом России участие в европейских раздорах было совершенно некстати. Москва вежливо отвечала, что войска не даст, а деньгами и хлебом, если что, поможет.

В 1673 году явилось большое посольство во главе с графом Густавом Оксеншерна, чтобы все-таки добиться от Алексея Михайловича альянса, но сначала гостей долго, больше полугода, под разными предлогами не допускали к царю, а когда аудиенция все-таки состоялась, военный союз был обещан на условиях для шведов неинтересных: Россия пришлет подмогу, только если кто-то нападет на короля Карла «по эту сторону моря», то есть в Ливонии. Поскольку нападать собиралась сама Швеция и вовсе не в Ливонии, тем дело и закончилось.



Прием посольства в Кремле. *Иллюстрация из книги Олеария*

Довольно активные сношения поддерживались с Голландией, в то время одной из ведущих европейских держав. Однако эти связи были не политического, а делового характера. В Голландии вербовали нужных специалистов и офицеров, закупали оружие и серебро для чеканки монет.

С австрийским императором, претендовавшим на роль всеевропейского арбитра, отношения были, напротив, исключительно политические. Вена не раз выступала посредником в российско-польских переговорах, однако всякий раз преследовала собственные выгоды. Москва не представляла для империи большого интереса. В письме к императору Фердинанду III с изложением причин польской войны и «неправд» короля Яна Казимира московский царь обещает в обмен на дипломатическую помощь «воздавать нашею государскою любовью в чем будет возможно». Царской любви австрийцам было недостаточно.

Могущественная Франция по-прежнему воспринималась как страна далекая, и государственные контакты с ней были редки: сообщить о заключении мира с Польшей, прозондировать почву касательно возможного антитурецкого союза. Двор Людовика XIV, для которого Московия находилась где-то за пределами географической карты, за известие о мире вежливо поблагодарил, от союза вежливо отказался.

Любопытнее развивались отношения с Англией, ключевым торговым партнером России. Давние взаимовыгодные связи нарушились из-за революции, весть о которой дошла и до России. Посланник Дохтуров, явившийся в Лондон в 1645 году сообщить о воцарении Алексея, был принят парламентом с большой помпой – архангельская торговля англичан живо интересовала. Но у посла было письмо к королю Карлу, а того в наличии не оказалось, иметь же дело с местными «боярами и думными людьми» Дохтуров отказался. И правильно сделал, иначе по возвращении ему бы не сносить головы. Арест и казнь британского монарха вызвали в Москве ужас. Против Англии ввели санкции – отменили все таможенные льготы, а английским купцам закрыли доступ в русские города. На этом царское правительство не остановилось и стало поддерживать короля-эмигранта Карла II. В 1650 году ему послали соболей на пятнадцать тысяч рублей и еще на пять тысяч зерна.

> В 1654 году из Лондона от диктатора Кромвеля прибыл посланник с просьбой о восстановлении торговли. К этому времени в Москве стали думать, что английская республика – это надолго, и потому посла приняли, но холодно. Спрашивая о здоровье лорда-протектора, царь, в нарушение дипломатического этикета, не встал, в ответном письме именовал его диковинно – «Оливер, владетель над статы Аглинской, Шотландской и Ирландской земель». Про отмену санкций говорилось уклончиво: «Что ваша честность [по-видимому калька с Your Honor] пишете о торговых людях, то нам теперь об этом деле вскоре рассмотренье учинить за воинским временем нельзя, а вперед наш милостивый указ будет, какой пристоен обоим государствам к покою, прибыли, дружбе и любви».

Весть о реставрации вызвала в Москве облегчение и радость. К вернувшемуся на престол королю с поздравлениями отправилось специальное посольство. Карл II встретил московитов орудийным салютом, благодарил за помощь в трудную минуту и долг сполна вернул. Правда, когда князь Петр Прозоровский попросил взаймы десять тысяч пудов серебра, король отговорился разоренной казной.

Однако возвращать английским купцам привилегии Москва не торопилась – это означало бы отказаться от серьезной таможенной прибыли. Поэтому король отправил в Россию важного приближенного, графа Карлайла, с изъявлениями братской дружбы и вопросом: когда же вернут торговые льготы? Графу сказали, что царь очень рад братской дружбе, но пошлины не отменили.

После этого российско-английские отношения охладились. Когда Алексей Михайлович стал просить помощи против турок, ему со всей британской честностью ответили, что воевать с султаном не станут, ибо это нанесет ущерб коммерции.

Русская дипломатия вообще заметно активизировалась в канун турецкой войны, которой в Москве очень боялись. Тогда к нескольким европейским дворам были отправлены посланцы с предложением военного альянса. Российское правительство знало, что Австрия, Франция, Испания, Венеция враждуют с Османской империей и совсем недавно с нею воевали – тогда из тех же самых стран в Москву приезжали просить союза. Однако теперь ситуация изменилась, ссориться с султаном уже никто не хотел, а царское правительство, плохо разбираясь в подводных течениях европейской политики, этого не понимало.

Посол Андрей Виниус, получив отказ в Англии и Франции, отправился в Мадрид – с тем же результатом. Обратились к Венеции и к папе римскому, ранее постоянно призывавшим Москву бороться с «общим христианским неприятелем». Дож ничего не обещал, папа ограничился добрыми пожеланиями. Воевать с азиатским противником пришлось без Европы.

Любопытным эпизодом дипломатической истории был внезапный интерес Москвы к Курляндии.

При герцоге Якобе фон Кетлере (1642–1682) маленькое прибалтийское княжество стало морской державой: обзавелось хорошим флотом, наладило торговлю со многими странами, даже приобрело собственные колонии в Африке и Карибском море.

Иноземцы приехали. *С. Иванов*

Эти успехи навели царских советников на неожиданную идею. Если нет собственных торговых портов, почему бы не воспользоваться чужими? Отношения с герцогом были хорошими – во время польской и шведской войны русские курляндцев не трогали и даже помогли Якобу сохранить трон. В 1662 году митавскому двору было сделано предложение: построить российские корабли. Но герцог Якоб хорошо понимал, чем может закончиться сотрудничество крошечной страны с великаном. Отвечено было, со всей вежливостью, что курляндцам не хватает дерева на собственные корабли, а у царя в Архангельске лесов много, вот там у себя и стройте.

В целом существенных изменений в европейских связях при Алексее Михайловиче не произошло, если не считать одного новшества. Если прежде контакты устанавливались по мере необходимости, а затем прерывались до следующего случая, то теперь важные для России страны завели в Москве постоянных дипломатических или торговых «резидентов». Известно, что в российской столице были представительства Речи Посполитой, Англии,

Швеции и Голландии. Интересы государя на Западе представлял «комиссариус», находившийся в Нидерландах. У него было много работы: кроме политических поручений этот Иван Гебдон (John Hebdon) закупал нужные для казны товары и нанимал на русскую службу полезных людей.

На Востоке, помимо напряженных или прямо враждебных отношений с ближними соседями, Крымом и Турцией, большое значение для России по-прежнему имела Персия. Интерес был главным образом торговый – через русскую территорию проходил товарный транзит европейских и азиатских товаров. Персидские купцы беспошлинно торговали в России, а русские купцы в Персии, однако последние не имели возможности извлечь выгоду от перепродажи в Европе восточных товаров из-за отсутствия гаваней и флота.

Попытки Москвы извлечь из дружбы с шахом политические выгоды – например, получить помощь против турок – оказались так же безуспешны, как аналогичные усилия в Европе. Ни Аббас II (1642–1667), ни его преемник Солеман Софи (1667–1694) воевать с грозной Портой не желали.

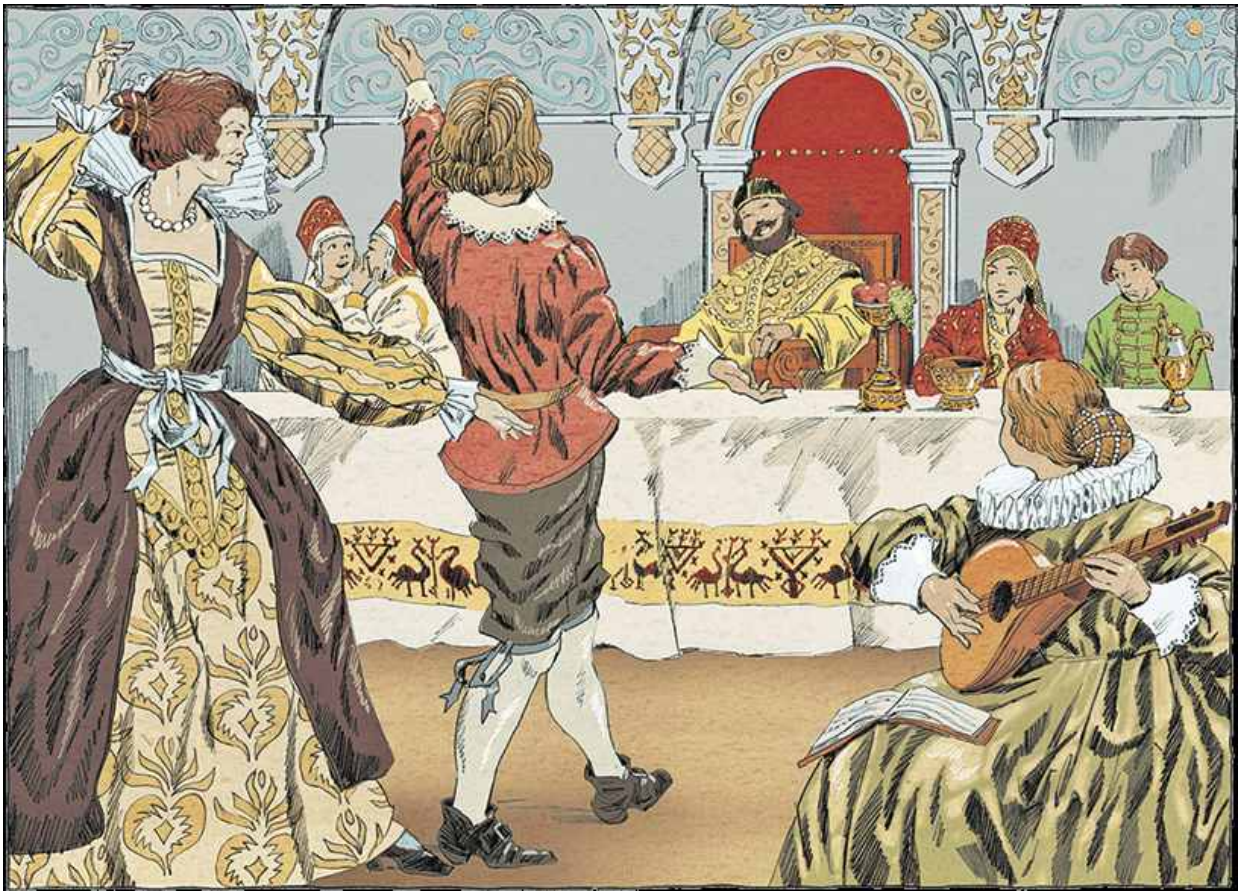
Европейские веяния

Предыдущий том назывался «Между Азией и Европой», этот называется «Между Европой и Азией», потому что Россия семнадцатого века все больше поворачивалась в сторону западной цивилизации, хоть огромное тело не спешило двигаться за маленькой головой.

Интерес элиты ко всему европейскому, обозначившийся при Михаиле, еще больше усилился. Тут безусловно виден парадокс: идеология и риторика «третьего» государства прославляла «старину» и русскость, а верхушка общества жадно тянулась к новому и чужестранному. Презирая на словах иноземцев и иноземное, русские бояре и дворяне не могли не видеть, что их страна во многих отношениях уступает «басурманским». Многие говорили в открытую, что надо учиться европейским наукам, надо устраивать армию, промышленность, торговлю и образование по иностранному образцу. И чем выше было положение человека, тем лучше он сознавал отсталость своего отечества. Всех основных фаворитов Алексея Михайловича

можно считать «западниками», за исключением одного лишь Никона, который, впрочем, тоже был не русофилом, а скорее эллинофилом.

Как уже говорилось, живо интересовался всем европейским и сам царь, только старался не афишировать эти свои пристрастия перед подданными. В ближнем кругу Алексей Михайлович любил развлекаться комедиями и балетом, немецкой игрой на «страментах», мог вырядиться в западное платье, любовался картинами и гравюрами. В царских покоях хватало привозной утвари и европейских технических приспособлений; двор был постоянным заказчиком и самым щедрым клиентом для мастеров Немецкой слободы. Даже на выездах государь использовал кареты и коляски нерусской работы – они были и красивее, и удобней.

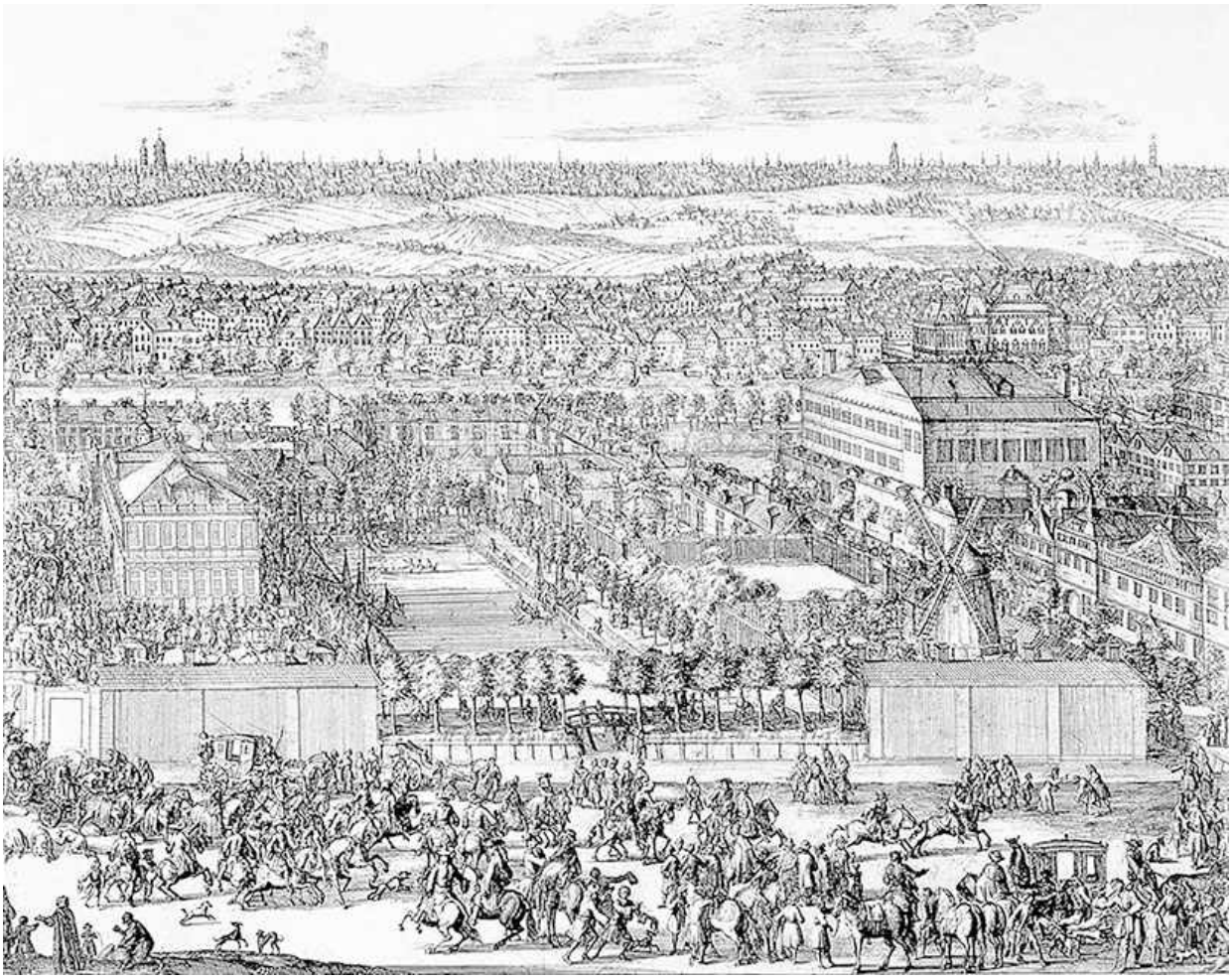


Балет в Коломенском. *И. Сакуров*

Православный самодержец был такого высокого мнения о европейском всезнании, что ожидал от иностранной премудрости любых чудес. Пишут, что однажды он потребовал найти за границей

мастеров, которые научат птиц говорить человеческим языком и представлять комедии.

В это время переводили много европейских книг, но их не печатали, а переписывали от руки, иногда персонально для царя. Властям предержащим казалось, что можно позаимствовать или купить у более развитых наций немного учености – и промышленность с торговлей начнут развиваться сами собой. До мысли о том, что технический прогресс не возникает по приказанию сверху, а является плодом социального и политического развития, в Москве пока не додумались (впрочем, не додумаются и в дальнейшем).



Немецкая слобода в Москве. *А. Шоонебек*

Когда не получилось купить современный флот у курляндцев, решили, что можно построить его самим. Для

этого будет достаточно пригласить мастеров, которые срубят европейский корабль, нанять моряков, которые покажут, как на нем плавать, – а дальше уже сами.

Мастера охотно приехали за хорошим жалованьем. Построили на волжской воде морской пинас, получивший гордое имя «Орел». Обошлась постройка очень недешево, в девять тысяч рублей (мы видели, что весь годовой доход Великого Устюга был немногим больше). Капитан Дэвид Бутлер с командой прибыли в Астрахань. Предполагалось, что «Орел» будет плавать по Каспию, сопровождая купеческие корабли и распугивая пиратов своими 22 пушками.

Ну а дальше, как мы помним, началось восстание Степана Разина. Моряки разбежались, и разинцы, не знавшие, как обходиться с парусами сложного устройства, поступили так, как на Руси всегда поступали с непонятным: взяли да сожгли.

В любом случае целый флот таким образом создать не получилось бы. Да и зачем он был нужен в Каспийском озере?

С. Платонов пишет, что главный смысл европейских веяний, проникавших в Россию, заключался в психологической подготовке к грядущей культурной революции: «…Они несомненно влияли на русских, заставляли их присматриваться к себе все пристальнее и пристальнее и делили русское общество на два лагеря: людей старозаветных и новых. Одни отворачивались от новых веяний, как от «прелести бесовской», другие же всей душой шли навстречу образованию и культуре, мечтали «прелесть бесовскую» ввести в жизнь, думали о реформе».

Подводя итоги тридцатилетнего царствования Алексея I, историки оценивают их по-разному.

Кто-то руководствуется внешними показателями, пишет, что за эти годы Россия очень многого достигла: приобрела новые территории, вышла на международную арену, выработала собственную правовую базу, создала аппарат центрального правительства и заложила основы регионального управления. Тот же Платонов отзывается об этих достижениях: «На бедную, еще слабую средствами Русь при Алексее

Михайловиче обстоятельства наложили столько государственных задач, поставили столько вопросов, требовавших немедленно ответа, что невольно удивляешься исторической содержательности царствования Алексея Михайловича… Со всеми этими задачами Москва, еще слабая, еще не готовая к их решению, однако, справлялась: государство, на долю которого приходилось столько труда, не падало, а росло и крепло, и в 1676 г. оно было совсем иным, чем в 1645 г.: оно стало гораздо крепче как в отношении политического строя, так и в отношении благосостояния».

Противоположную точку зрения категоричней всех выразил Костомаров: «Тридцатилетнее царствование Алексея Михайловича принадлежит далеко не к светлым эпохам русской истории, как по внутренним нестроениям, так и по неудачам во внешних сношениях. Между тем причиною того и другого были не какие-нибудь потрясения, наносимые государству извне, а неумение правительства впору отклонять и прекращать невзгоды и пользоваться кстати стечением обстоятельств, которые именно в эту эпоху были самыми счастливыми… И оттого царствование его представляет в истории печальный пример, когда под властью вполне хорошей личности строй государственных дел шел во всех отношениях как нельзя хуже».

Мне кажется, второе суждение больше соответствует реальности. Главное свершение эпохи, присоединение левобережной Украины, обошлось слишком дорого и повлекло за собой цепную реакцию все новых и новых проблем. Для России, вероятно, было бы во всех отношениях выгоднее иметь рядом независимую буферную страну и поддерживать ее в борьбе с Польшей, Крымом и Турцией.

Говорили мы и о том, что необдуманная и бесцеремонная реформа русской церкви, расколовшая общество, вовсе не была такой уж насущной необходимостью.

Печальнее же всего было усугубляющееся отставание России от быстро развивающейся Европы. Алексей был не тем правителем, который мог осуществить преобразования, жизненно необходимые стране. Из-за этого развитие сменилось застоем, который начинал приобретать черты общегосударственного кризиса.

Вот какое наследие оставил тишайший царь своему четырнадцатилетнему преемнику Федору.

Кризис

На последнем этапе истории «третьего» государства (1676–1689) дефекты этой политической системы привели ее к кризису, так что Россия на время ввергласъ в хаос и чуть ли даже не в новую Смуту, причем на сей раз исключительно по внутренним причинам, безо всякого внешнего воздействия. Кризис разразился на самом верху, непосредственно вокруг престола.

«Самодержавная власть была на самом деле малосамодержавная, – пишет Костомаров. – Всё исходило от бояр и дьяков, ставших во главе управления и в приближении к царю; царь часто делал в угоду другим то, чего не хотел, чем объясняется то явление, что при государях, несомненно честных и добродушных, народ вовсе не благоденствовал. Еще менее можно было ожидать действительной силы от особы, носившей титул самодержавного государя по смерти Алексея Михайловича. Старший сын его Федор, мальчик четырнадцати лет, был

уже поражен неизлечимою болезнью и едва мог ходить. Само собою разумеется, что власть была у него в руках только по имени».

После слабого и несамостоятельного Федора у власти оказалась сильная характером, но слабая двусмысленностью своего положения царевна Софья. Стране была необходима модернизация, но на широкие реформы не хватало ни воли, ни возможностей.

Экономическое положение в это время постоянно ухудшается, социальная напряженность растет, столицу сотрясают мятежи. Общественная ситуация нестабильна, положение верховной власти неустойчиво, ее сменяют посредством переворотов.

Этот сумбурный период, когда государство не вело последовательную политику, а лишь приспосабливалось к обстоятельствам, нет смысла описывать при помощи тематических разделов. Повествование будет таким же скачущим, как сама эпоха: переходящим от личностей к явлениям, от частного к общему и обратно – в зависимости от хода событий.

Царь Федор III

Короткая и печальная жизнь этого монарха обделена вниманием историков, потому что шесть лет его малособытийного правления совершенно заслонены коллизиями предшествующей эпохи и масштабными потрясениями следующей.

Про Федора Алексеевича все пишут только одно: царь был хил и все время болел. Больше он потомкам ничем не запомнился.

В браке с Марией Милославской у Алексея Михайловича рождались замечательно здоровые девочки и очень нездоровые мальчики. Первенец Дмитрий умер годовалым; второй, Алексей Алексеевич, не дожил до шестнадцати; четвертый, Симеон, скончался в четыре года; пятый, Иван, родился слабоумным.

Третий по старшинству сын, наследник престола, тоже был болезненным, а в тринадцать лет еще и попал в «дорожно-транспортное происшествие»: упал под тяжелые сани, которые по нему проехали. После этого подростка беспрестанно мучили боли в груди и спине.

При этом Федор был хорошо образован, любил знания, обладал живым умом. Воспитывал царевича знаменитый русский просветитель Симеон Полоцкий, научивший наследника латыни, польскому и даже искусству стихосложения. Возможно, из юноши получился бы неплохой правитель, если б не постоянные проблемы со здоровьем.

Когда скоропостижно скончался отец, боярам пришлось нести наследника до трона на руках – Федора не держали ноги, распухшие от цинги.

В короткие периоды относительного здоровья юный царь выказывал и волю, и характер. О том, как решительно он разделался с давней и, казалось, неисцелимой болезнью местничества, я расскажу ниже.

Федор, в отличие от отца, не боялся и покушаться на «старину» придворных обычаев. Раньше и государь, и бояре обривали голову, так было заведено чуть ли не с татарских времен, но Федору нравилось носить длинные волосы – и он ввел их в моду. Еще большим потрясением для старомосковских людей стало пристрастие самодержца к польскому платью, которое было удобнее и, главное,

легче златотканых, долгополых царских одежд, должно быть, слишком тяжелых для слабого юноши.

Женился Федор не так, как отец и дед, которым супругу подбирали другие, а по собственному вкусу. В 1680 году девятнадцатилетний царь увидел на крестном ходе девицу, которая ему очень приглянулась, и, хоть Агафья Грушецкая была очень скромного происхождения, приказал включить ее в число кандидаток на ритуальных смотринах и выбрал в жены. Это вызвало страшное неудовольствие царского родственника Ильи Милославского, пытавшегося играть первую роль в правительстве и имевшего насчет государевой невесты собственные планы, однако Федор настоял на своем, а строптивого боярина подверг опале.

Посмертная парсуна Федора III. *Б. Салтанов*

На следующий год молодая царица родила сына, но не пережила родов, а через несколько дней умер и младенец. Для Федора это было страшным ударом. Понимая, что государству необходим наследник, царь через полгода опять женился. Он был совсем хвор, и врачи уговаривали его не торопиться с браком, но Федор настоял на своем. Два месяца спустя, 27 апреля 1682 года, двадцатилетний монарх умер, не оставив распоряжений о преемнике.

Вот, собственно, и все жизнеописание несчастного Федора Алексеевича. Несмотря на несколько важных решений, принятых им в редкие периоды относительного здоровья, повседневно заниматься государственными делами он был не в состоянии. Страной управляли другие люди.

Правление без правителя

В первые дни по смерти Алексея Михайловича самым влиятельным лицом в правительстве был Артамон Сергеевич Матвеев, близкий друг царя и бывший воспитатель вдовствующей царицы Натальи Кирилловны. Но она принадлежала к роду Нарышкиных, а новый государь по матери был связан с кланом Милославских.

Две эти фамилии враждовали, вокруг каждой группировалась своя партия.

Несмотря на все свои заслуги и дипломатические дарования, Матвеев недолго удержался на посту оберегателя великих посольских дел и главы Аптекарского приказа. Последняя должность была особенно важна, поскольку обеспечивала постоянный «доступ к телу». Из-за этого – попечения о слабом государевом здоровье – и развернулась главная придворная интрига. Царские сестры из рода Милославских, самой активной из которых была Софья, рвались ухаживать за больным сами, а про Матвеева нашептывали, что он-де хочет государя извести, а на трон посадить нарышкинского отпрыска маленького царевича Петра. Боярина обвиняли в том, что он потчует царя лекарствами, а сам потом, вопреки инструкциям, остатков не допивает. Состряпали и донос о матвеевском чернокнижничестве.

Когда Матвеева отстранили от Аптекарского приказа, тем самым лишив возможности каждодневно общаться с царем, окончательное падение Артамона Сергеевича стало вопросом времени. Скоро его отправили на дальнее воеводство, а по дороге взяли под стражу и сослали в Пустозерск. Опале подверглись и братья царицы – Иван и Афанасий Нарышкины.

Боярин А. Матвеев. *Неизв. художник*

Делами стали заправлять Милославские, но Федор тяготился их опекой. Взрослея, он обзаводился собственными друзьями – из числа людей, с которыми, проводя почти все время взаперти, постоянно

общался. Двое – постельничий Иван Языков и комнатный стольник Алексей Лихачев – оказались умны и честолюбивы. Особенно ловок был Языков, «глубокий проникатель дворских [придворных] обхождений». Он выдвинулся на истории с царской женитьбой: помог Федору соединиться с Агафьей Грушецкой и заодно поспособствовал опале Милославских, чинивших препятствия этому браку. Про Лихачева современники отзываются уважительней. Это был человек прекрасного образования (в свое время учительствовал при покойном царевиче Алексее Алексеевиче) и государственного мышления. Третьим наперсником царя стал князь Василий Голицын, молодой еще человек, ревностный сторонник европейских новшеств.

В последние годы Федор находился под влиянием этих своих друзей. Языков и Голицын получили боярское звание, причем первый ведал Оружейной, Золотой и Серебряной палатами, а второй возглавил Пушкарский и Владимирский судный приказы. Менее родовитый Лихачев не поднялся выше окольничего, но зато состоял при государевой особе постельничим.

Самые важные деяния царствования произошли при участии этой троицы.

Что же это были за деяния?

Конец войны

К их числу, во-первых, относится завершение войны, тяжелого наследия, доставшегося Федору после отца.

В 1676 году украинские дела находились в крайне запутанном состоянии. Правобережный гетман Дорошенко продолжал нападать на российские владения, отношения с Польшей были напряжены из-за вопроса о возвращении Киева, а самое скверное – назревала угроза нового турецкого нашествия, поскольку как раз в это время султан замирился с поляками и у него освободились войска.

Еще при Милославских проблему Киева не то чтобы решили, но добились некоторой отсрочки: продлили перемирие до 1693 года. Правда, цена получилась высокой. Пришлось вернуть несколько западнорусских уездов, да еще приплатить немалые деньги, двести тысяч рублей. Назвать такой компромисс дипломатическим успехом трудно, но в это время Москва спешно готовилась к новым боям с турками и не могла занять более жесткую позицию.

Незадолго перед тем наконец удалось справиться с Петром Дорошенко. Летом 1676 года князь Григорий Ромодановский и пророссийский гетман Самойлович захватили правобережную столицу город Чигирин и вынудили Дорошенко капитулировать. В марте 1677 года упорный враг Москвы принес царю присягу и впоследствии был отправлен воеводой в Вятку, подальше от родной Малороссии.

Но устранение Дорошенко не облегчило ситуации, потому что в низовьях Днепра началась концентрация турецких войск. Они собирались идти на гетманский Чигирин.

В августе 1677 года большая армия Ибрагим-паши, известного под грозным прозвищем «Шайтан-паша», подошла к Чигирину. Участник кампании Патрик Гордон в своем дневнике пишет, что вражеское войско состояло из 45 000 турок и 20 000 крымских татар. Русский гарнизон был невелик, а город плохо укреплен, но вовремя подоспел Ромодановский. В сражении 27–28 августа он сумел остановить турок и побудить их к отступлению.

Но к следующей кампании неприятель подготовился тщательнее.

В 1678 году к Чигирину явился сам великий визирь Кара-Мустафа. В его армии было около 100 000 человек, и еще 30 000 привел новый

крымский хан Мурад-Гирей, поставленный вместо Селим-Гирея, которого в Стамбуле сочли виновником прошлогодней неудачи.

Готовились как могли и русские, но выставить такую же сильную армию у них возможности не было. 50 000 человек собрал Ромодановский и 30 000 гетман Самойлович. В самом Чигирине, к которому они шли на выручку, спешно укреплялся энергичный воевода Иван Ржевский. Он самоотверженно оборонялся, но месяц спустя был убит турецким осколочным ядром. Русские войска действовали несогласованно, и город пришлось оставить.

Падение Чигирина было тяжелой неудачей. Она означала, что Москва лишается всего Правобережья, казалось, уже приобретенного после победы над Петром Дорошенко. Боялись, что визирь пойдет дальше, на Киев, но турки потеряли под Чигириным много людей и от планов завоевания всей Украины отказались. В 1679 году война продолжалась вяло, а в 1680-м стали договариваться о мире.

Во время чигиринских походов в долгой украинской эпопее последний раз мелькает Юрий Хмельницкий, и опять довольно жалким образом.

Сыну великого Богдана выпала судьба все время быть марионеткой в чьих-то руках. С 1669 года он находился в турецком плену, где вновь вспомнил о своем монашеском постриге и тихо жил под именем брата Гедеона. Измена Дорошенко заставила турков искать нового ставленника, и Хмельницкий в очередной, уже четвертый раз, помимо собственной воли угодил в гетманы. Патриарх Константинопольский, зависимый от султана, освободил «Гедеона» от монашества. Одаренный титулом князя Сарматского, Хмельницкий сопровождал турецкую армию на войне. Громкое имя не помогло – на Украине мало кто откликнулся на призывы непопулярного Юрия вставать под его знамя. В отряде турецкого гетмана было всего несколько сотен казаков.

Заключив с Россией мир, турки немедленно утратили интерес к «князю Сарматскому». О его конце пишут разное. Согласно одной из версий, он закончил свои дни в монастыре; согласно другой, турки удавили его в Каменец-Подольске.

В начале 1681 года в Бахчисарае был подписан русско-турецкий договор о перемирии на 20 лет. Россия отказывалась от претензий на Правобережье и даже от Запорожья; взамен султан обещал не милитаризировать свою часть Украины и не покушаться на Киев. Условия для Москвы были совсем не блестящие, но по крайней мере завершилась череда разорительных войн, почти не прекращавшихся более четверти века.

Робкие преобразования

С уходом Милославских во внутренней жизни страны начались изменения. Реформой их назвать нельзя, поскольку кардинальных сдвигов не случилось, но общее направление деятельности новых царских советников безусловно было преобразовательным.

В административном смысле сделали немногое.

Несколько упорядочилось региональное управление. Раньше кроме воеводы существовала еще должность губного старосты, который вроде бы представлял интересы местных жителей, а на самом деле был еще одним лихоимцем, тоже требовавшим взяток. Теперь единоличным управителем области становился воевода – исполнительная вертикаль укрепилась.

На центральном уровне замышлялась большая бюрократическая реформа, которая отделила бы гражданскую службу от военной и ввела бы четкую должностную иерархию с чинами – нечто вроде будущей петровской «Табели о рангах». Высшую степень занимал боярин, управляющий столицей и всей судебной системой. На второй степени находился начальник над «ратными околичностями» (нечто вроде военного министра). Третий чин отводился боярину, председательствующему в совете областных наместников; четвертый – смотрителю за украинскими делами и так далее.

Если бы подобная административная революция свершилась, это упорядочило бы ведение государственных дел, но из-за ранней смерти Федора и последующей политической тряски проект остался на бумаге.

Точно так же не успело осуществиться и еще одно полезное начинание: перепись всех крепостных крестьян.

Больше всего после неудачной турецкой войны правительство тревожилось из-за военной отсталости. Осенью 1681 года под председательством Василия Голицына начала работать комиссия, призванная подготовить программу переустройства вооруженных сил с учетом «нововымышленных неприятельских хитростей».

В январе 1682 года комиссия представила Земскому собору свои заключения, которые были одобрены. Предлагалось реорганизовать армию по европейскому образцу, однако речь шла не об учреждении регулярного войска, а всего лишь об изменении названий. Сотни теперь

надлежало называть ротами, а сотников ротмистрами, но при этом по ротам расписывали все тех же дворян, а ротмистрами назначали стольников да жильцов, которые от этого не стали бы настоящими офицерами.

Единственным по-настоящему важным событием во внутренней жизни государства была отмена местничества, объявленная на том же Земском соборе. Царь исполнил все формальности: спросил мнение патриарха, который немедленно назвал местничество обычаем, противным христианству; спросил думных людей – они инициативу тоже поддержали; даже бояре, будучи спрошены, горячо одобрили упразднение главной опоры их карьерного преуспеяния.

Вышел указ местами более не меряться, а чтоб не возникало соблазна, разрядные книги запретили и сожгли прямо перед царским дворцом. Все экземпляры, имевшиеся в частных домах, подлежали сдаче под угрозой сурового наказания и тоже уничтожались.

Этот шаг давно назрел и был сделан с большим запозданием, но все же удивительно, что такой удар по высшему сословию нанес монарх, из-за слабости здоровья едва справлявшийся со своими обязанностями. При этом никто из бояр не возмутился, не заворчал, а ведь раньше, при Михаиле и Алексее, знатные упрямцы были готовы хоть на плаху лечь, только бы уберечь родовую честь от «потерьки».

Сожжение разрядных книг. *Н. Дмитриев-Оренбургский*

Причин тут две. Во-первых, нелепость кадровых назначений по голубизне крови стала слишком вопиющим анахронизмом и на практике во всех военных кампаниях царь обычно приказывал начальникам быть «без мест». Отсюда было уже рукой подать до идеи, чтобы отказаться от мест и в мирное время. Во-вторых (это объясняет покладистость бояр и думных дворян на соборе), в семнадцатом веке среди высшей аристократии осталось не так много родов, которые могли похвастаться выдающимися предками. Большинство в думе и правительстве составляла новая знать, предпочитавшая не кичиться «стариной».

Аристократии немного подсластили пилюлю, сохранив некоторые права, приятные для самолюбия, но сугубо декоративные. Например, боярину разрешалось в торжественные дни ездить в карете шестерней, а знати рангом пониже подобная пышность не позволялась.

Еще одним давно уже припозднившимся актом стало учреждение первого русского высшего учебного заведения – Славяно-Греко-Латинской академии с преподаванием не только богословских, но и светских наук. Правда, при Федоре Алексеевиче академия была только запроектирована, а открыли ее уже после смерти царя.

Курс на просвещение всегда идет рука об руку со смягчением нравов. Триумвират Языкова, Лихачева и Голицына заслуживает доброго слова еще и потому, что изъял из уголовного кодекса наиболее варварские наказания. В указе говорилось: «Которые воры объявятся в первой или в двух татьбах, тех воров, пытав и учиня им наказанье, ссылать в Сибирь на вечное житье на пашню, а казни им не чинить, рук и ног и двух перстов не сечь, ссылать с женами и детьми, которые дети будут трех лет и ниже, а которые больше трех лет, тех не ссылать».

Впрочем, это гуманное послабление оказалось недолговечным, потому что вскоре настали суровые времена, и членовредительские наказания восстановились.

Год потрясений

27 апреля 1682 года царь Федор умер бездетным. Старшим из его братьев был пятнадцатилетний Иван, который страдал слабоумием. Такого государя хотели только родственники со стороны матери, Милославские, однако за последние два года мужских представителей этого рода удалили из дворца. За царевича стояли сестры и тетки, но мнением женщин в государственных вопросах на Руси никто не интересовался (очень скоро это изменится).

Младший брат, десятилетний Петр, был мальчиком здоровым и резвым. Его родня Нарышкины и их главный столп Артамон Матвеев находились в ссылке, но вокруг Петра сплотились представители старинных боярских родов – кто-то из неприязни к Милославским, кто-то из искренней заботы о будущем государства. Борис и Иван Голицыны, четверо братьев Долгоруких, Одоевские, Шереметевы и другие аристократы весьма решительно выступили против кандидатуры Ивана. Идя на сидение, где должен был решиться вопрос о престолонаследии, они даже надели под верхнюю одежду кольчуги.

Языков и Лихачев со смертью своего покровителя лишились всякого влияния и в споре не участвовали; у третьего из недавних временщиков Василия Голицына были личные причины желать победы Милославских (об этих причинах рассказ впереди), но он, как человек осторожный, на прямой конфликт не шел. В этой ситуации все решила позиция патриарха Иоакима, а тот благожелательствовал царице Наталье Нарышкиной и Матвееву.

Патриарх повел дело так, что обвинить его в предвзятости было трудно. На сидении он спросил бояр и церковных иерархов, кому быть царем – Ивану или Петру. Большинство стали высказываться за Петра, но не все. Тогда Иоаким предложил обратиться к Земскому собору, заседавшему еще с января и до сих пор не завершившемуся. Возразить на такое предложение было нечего, а выборные люди, далекие от дворцовых интриг и, конечно, не желавшие иметь недееспособного самодержца, единодушно высказались за Петра. Мальчика усадили на престол, стали «подходить к его руке» и присягать. Его дед Кирилл Полуэктович Нарышкин и дядья, 23-летний Иван и 20-летний Афанасий, сразу вернулись ко двору и стали вести себя как правители,

хотя дарованиями никто из них не блистал. Всем было ясно, что это продлится только до возвращения сильного человека Артамона Матвеева.

Тот находился не так далеко от Москвы. Некоторое время назад царь Федор снял с него тяжкие обвинения и позволил вернуться из дальней ссылки во внутреннюю Россию. За Артамоном Сергеевичем уже послали, он должен был прибыть со дня на день.

Милославские ожидали возвращения своего лютого врага с ужасом, но бесстрашие и решительность проявили не мужчины, а женщина – двадцатичетырехлетняя царевна Софья Алексеевна.

О царевне, доселе ничем не привлекавшей к себе внимания, заговорили после похорон царя Федора. Вопреки строгим установлениям церемониала она вдруг присоединилась к маленькому Петру, которому полагалось следовать за гробом предшественника в одиночестве, и громко зарыдала. Многие слышали, как Софья восклицала, что Федор «отошел со света отравою от врагов» и что Ивана обошли вопреки первородству. На следующий день она при свидетелях устроила царице Наталье сцену за то, что Петр ушел с погребения неприлично рано. Всё это были поступки удивительные и скандальные, но главная деятельность Софьи и ее сторонников разворачивалась негласно.

Они готовили заговор. Единственной силой, которая могла произвести переворот, были стрельцы, составлявшие основную часть столичного гарнизона. Их в Москве насчитывалось больше двадцати тысяч. Стрелец был, с одной стороны, человеком военным, а с другой – обычным горожанином, имевшим семью и ведшим собственное хозяйство или державшим торговлю. Таким образом, это была все та же «площадь», но только вооруженная и организованная.

Самым полезным и деятельным участником заговора стал князь Иван Хованский. Это был человек храбрый и бесшабашный, по прозвищу Тараруй («хвастун», «краснобай»). Он отлично умел разговаривать со стрельцами и пользовался у них большой популярностью. А кроме того, князь руководил Сыскным приказом, так что любые доносы о готовящемся мятеже попадали к нему же.

Взбаламутить стрельцов против высшей власти было трудно, но очень легко – против непосредственных начальников. Некоторые из них, как водится, прикарманивали жалованье и притесняли

подчиненных. Глава Стрелецкого приказа восьмидесятилетний Юрий Долгорукий по старости и болезни почти отошел от дел, его замещал сын, заносчивый Михаил, которого стрельцы не любили.

И вот на четвертый день после смерти Федора, 30 апреля 1682 года, в Кремль вдруг нахлынула толпа стрелецких жалобщиков, которые вели себя совсем не по-просительски. Они не челобитствовали, а требовали наказать девять полковников.

Во дворце все были увлечены интригами, новая власть еще не сформировалась, стрелецкое возмущение застало всех врасплох, поэтому поступили самым легким и самым опасным образом: не разбираясь, взяли обвиненных начальников под арест.

Теперь бунтовщики почувствовали свою силу, к заводилам присоединилась вся стрелецкая масса. Требования стали еще более дерзкими. Стрельцы захотели, чтобы полковников наказали немедленно и взыскали с них все недоплаченное жалованье.

Нарышкины, которым приходилось принимать решения, совершенно растерялись. Полковников публично били батогами – до тех пор, пока стрельцы не скажут, что хватит. Так продолжалось день за днем. Худшего урона дисциплине и авторитету командиров невозможно было и представить.

Языкова и Лихачева, на которых стрельцы обижались за строгость, по первому же требованию смутьянов отправили в опалу.

Но мятежникам всё казалось мало. Они каждый день собирались, шумели, придумывали новые требования. Агенты Хованского и Софьи нашептывали им, что Нарышкины мягко стелят, пока не вернулся Матвеев, но когда боярин возьмет власть в свои руки, со всех бунтовщиков жестоко спросят.

Матвеева стрельцы уважали, но и боялись.

11 (по другим источникам 12) мая Артамон Сергеевич действительно явился в Москву и сразу же повел себя круто. Выговорил царице Наталье за то, что та слишком много воли дала своим неумным братьям, осудил потачки мятежникам.

Стрельцы немедленно об этом узнали. Некоторые испугались и отправили к боярину делегацию с хлебом-солью.

Софье и ее сообщникам стало ясно, что надо торопиться.

15 мая, в годовщину смерти царевича Дмитрия (беспорядки длились уже третью неделю), среди стрельцов вдруг разнесся

страшный слух. По полкам ходили участники заговора, говорили: «Вы, стрельцы государевы, не знаете, что во царских полатах учинилася, утухла у нас звезда поднебесная, не стало болшаго брата государева царевича Ивана Алексеевича».

Ударил набат. Огромная вооруженная толпа ворвалась в Кремль, требуя показать Ивана Алексеевича – жив или нет.

Царица и патриарх вывели на крыльцо Ивана. Крикуны утихли. К ним спустились бояре, стали уговаривать разойтись. Может быть, уговоры и подействовали бы, но Михаил Долгорукий все испортил. Он накинулся на стрельцов с бранью, стал размахивать плетью и этим только разозлил их. Князя схватили, швырнули на подставленные копья, изрубили на куски. Теперь, когда пролилась кровь, обратной дороги не было.

Стрельцы бросились вверх по ступеням. Матвеева, который пытался их остановить, тоже «изрубили в мелочь». Разбежались по коридорам и покоям в поисках «изменников». Список таковых был приготовлен заговорщиками заранее, и стрельцы знали, кого ищут: Нарышкиных, Языкова, воеводу Григория Ромодановского (за строгости военного времени) и еще нескольких своих недругов. Очевидец событий пишет: «А в царских хоромах по всем ходили невежливо с ружьем и искали бояр казнить». Под горячую руку, обознавшись, убили вместо Афанасия Нарышкина похожего на него стольника Салтыкова. Разобрались – пошли извиняться перед отцом. Тот ответил: «Божья воля» – и правильно сделал. Потому что когда стрельцы пришли к старому Долгорукому извиняться за убийство сына Михаила, начальник Стрелецкого приказа сказал вслед уходящим что-то злое. Бунтовщики вернулись, зарубили старика и швырнули труп в навозную кучу.

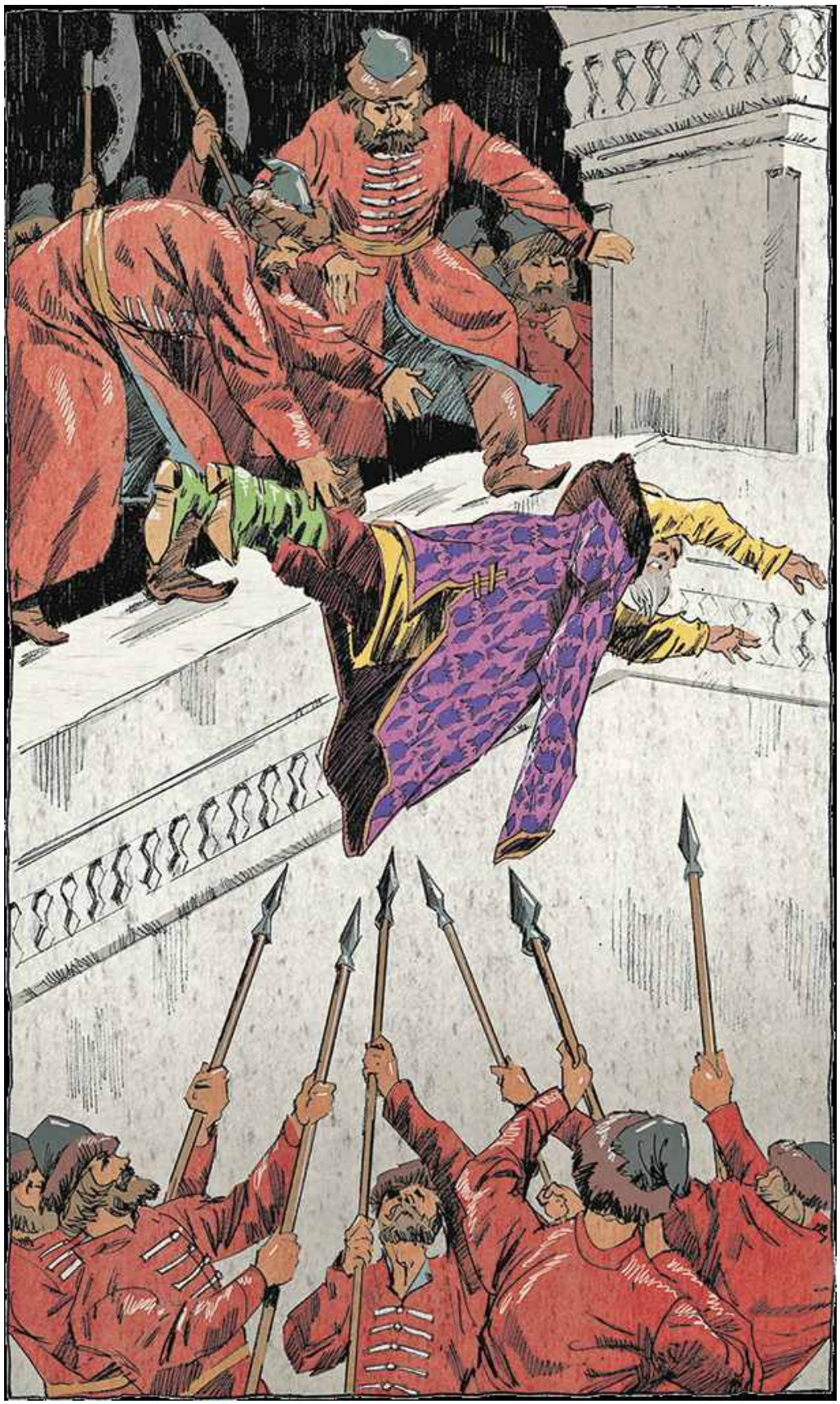
Царская резиденция оказалась в полной власти восставших. Они никуда не торопились, зная, что управу на них сыскать негде.

Придворный карлик по кличке Хомяк указал, где прячется Афанасий Нарышкин. Выволокли, убили. Убили и Григория Ромодановского, первого полководца державы. Разыскали и умертвили Ивана Языкова, начальника Посольского приказа дьяка Лариона Иванова, начальника Приказа большой казны Аверкия Кириллова и многих других.

Беспорядки продолжились и в последующие дни.

16 мая стрельцы снова приходили с барабанным боем, требовали выдать старого Нарышкина и его сына Ивана, угрожая в случае отказа истребить всех бояр. Царица Наталья боялась, но отца с братом не выдала – спрятала в чулане.

То же повторилось на следующий день. Стрельцы пришли и не уходили. Они начинали уже сами пугаться того, что натворили: в столице анархия и безвластие, государство парализовано, кому-то придется за это отвечать. Нарышкины были нужны, чтобы повинились в злодейских умыслах, и тогда мятеж можно представить как заботу о царской безопасности.



Смерть Артамона Матвеева. *И. Сакуров*

Снова на передний план вышла Софья, которая в дни убийств никаких публичных действий не предпринимала. Теперь она сказала царице: выдай им хоть брата, иначе мы все погибнем. Возможно, Софья тоже рассчитывала на признания Ивана, которые позволили бы расправиться со всем нарышкинским родом.

Юного Нарышкина причастили, дали в руки икону и выпустили к стрельцам. Те схватили царицыного брата, поволокли в застенок и там подвергли страшным пыткам. Если б он дал показания, что Нарышкины замышляли убить царевича, весь мятеж выглядел бы иначе. Однако Иван выдержал все истязания и не оговорил себя. Его казнили на Красной площади.

Произошло еще несколько убийств. Замучили лекаря Даниэля фон Гадена, якобы отравившего царя Федора – доктора погубило то, что у него дома нашли какую-то сушеную каракатицу и это выставило его чернокнижником. Но настоящей измены обнаружено и доказано не было. Среди стрельцов начались разногласия, большинству уже хотелось восстановления порядка, только бы не понести наказание за бесчинства.

Требования стали умереннее. Царицыного отца Кирилла Полуэктовича стрельцы согласились не убивать, а постричь в монахи. Для других своих врагов тоже требовали не смерти, а ссылки. Всё это было исполнено.

Тут безусловно чувствуется рука Софьи, которая таким образом избавлялась от политических противников. Царевна в эти дни вела себя очень ловко. С одной стороны, она находилась рядом с Натальей и всей царской семьей, ужасаясь кровопролитиям, с другой – тайно принимала стрелецких представителей, обещая отстаивать их интересы.

В конце концов царевна урегулировала ситуацию. Стрельцов удалось успокоить на том, что им пожаловали за радение по десяти рублей каждому, а на Красной площади обещали поставить памятный столп в благодарность за очищение государства от злодеев. Изменили название стрелецкого войска – теперь оно стало именоваться «надворной пехотой», что намекало на близость ко двору. Начальником надворной пехоты по желанию стрельцов сделали Хованского-Тараруя.

Официально переход власти от Нарышкиных к Милославским был оформлен в два этапа.

26 мая по стрелецкой челобитной вместе с Петром и даже выше его, «старшим царем», посадили Ивана Алексеевича. После этого Софья начала угощать стрельцов во дворце, принимая по два полка в день, и 29 мая боярам было предъявлено новое требование: поскольку цари в малых летах, верховной правительницей будет Софья Алексеевна.

Такого на Руси никогда не бывало: чтобы при двух государях правила женщина, к тому же незамужняя девица, но здесь вообще всё было внове. «Третье» государство вступало в период агонии.

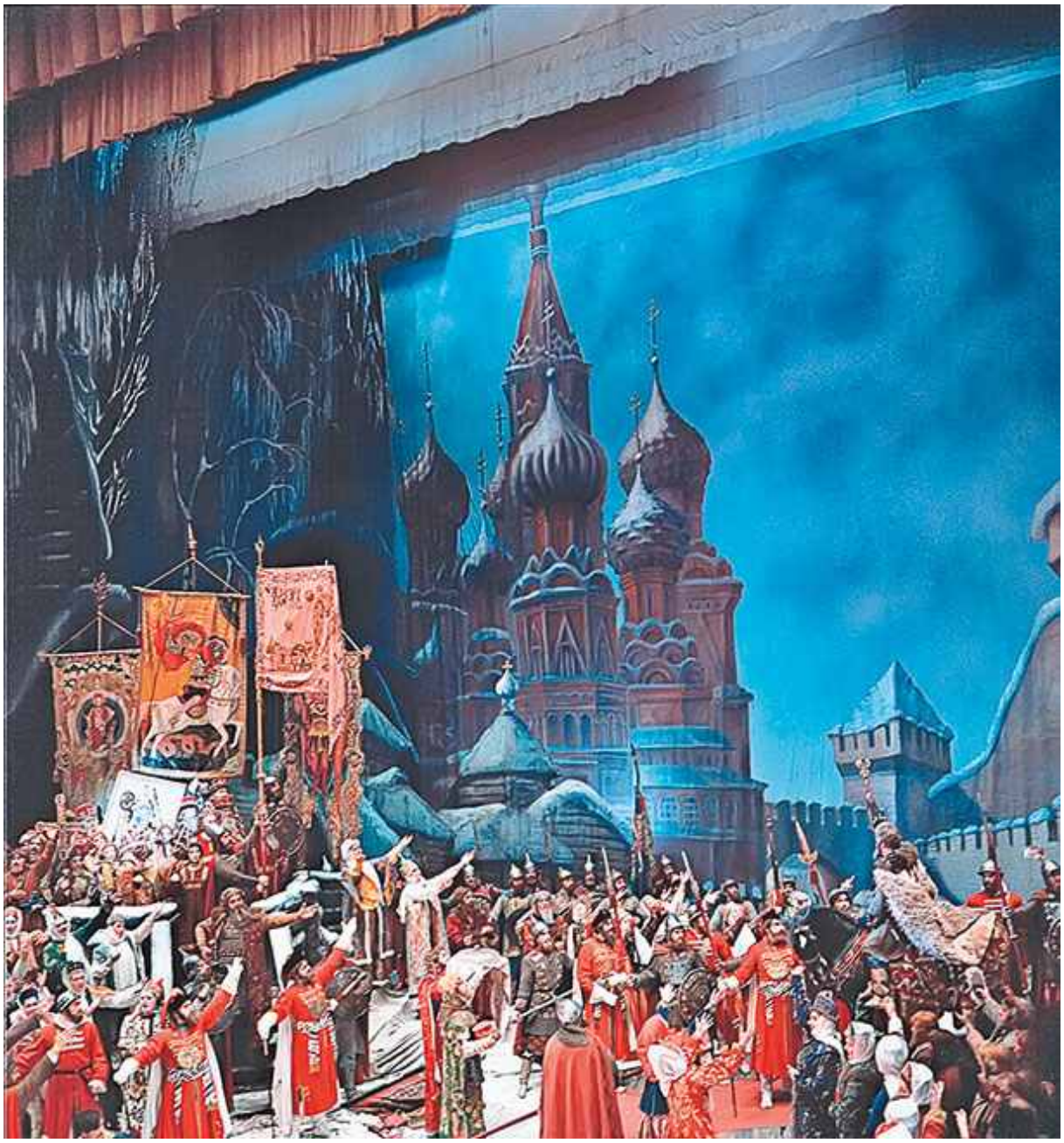
Однако истинной властью Софья пока не обладала. В Москве хозяйничала «надворная пехота», эти новоявленные янычары, а ими командовал Иван Хованский. Столкновение между военным диктатором и царевной было неизбежным. В этой борьбе Софья выказала недюжинное искусство.

> Силу характера она продемонстрировала во время первого же серьезного кризиса, который не заставил себя ждать.
>
> Когда зашаталась царская власть, покачнулся и авторитет государственной церкви. Патриарх и духовенство никак не смогли воспрепятствовать мятежу, во время убийств 15 мая патриарха самого чуть не затоптали.
>
> Немедленно подняли голову сторонники раскола, которых среди стрельцов было много. По городу бродили проповедники, запрещали креститься тремя перстами. Главным оратором был лишенный сана поп Никита Добрынин, которого враги обзывали Пустосвятом (под этим именем он и известен в истории). Собирались толпы, требовали провести перед царями всенародное прение (публичный диспут) о том, какая вера правильнее. За всем этим, по-видимому, стоял Хованский, который изображал из себя защитника староверия и при победе Пустосвята должен был сильно укрепить свое положение.
>
> 5 июля Никита Пустосвят в сопровождении огромной толпы явился в Кремль. Первым успехом Софьи было то, что

диспут устроили не на площади, на виду у толпы, а в Грановитой палате. В качестве предлога сослались на то, что царевне перед народом показываться зазорно. Хованский попробовал уговорить Софью не присутствовать на дискуссии, пугая тем, что ворвется народ и всех перебьет. Царевна отвечала, что готова за святую церковь положить голову.

Во время препирательств с Никитой Пустосвятом она одна проявила твердость. Никаких попыток о чем-либо договориться, как, собственно, и религиозного диспута в строгом смысле не произошло. Пустосвят, выйдя из палаты, объявил народу, что посрамил никонианцев. Все, ликуя, разошлись.

А дальше Софья поступила так же, как во время заговора. Она провела несколько кулуарных встреч с влиятельными стрельцами и всем им твердила: при победе раскольников царская семья из Москвы уедет, и виноваты в этом будете вы. Стрельцам без царства оставаться было страшно. Они начали говорить, что в церковные дела мешаться не хотят, не их ума дело. Софья щедро награждала выборных, а рядовым стрельцам велела выдать вина – по ушату на десять человек. К винопитию проповедники раскола относились плохо, а стрельцы – хорошо. Настроение массы быстро переменилось. Когда стало известно, что старцев кое-где уже поколачивают, Софья велела арестовать Никиту Пустосвята и отрубить ему голову. Хованский заступиться за своего протеже не посмел.



Сцена из оперы М. Мусоргского «Хованщина», увековечившей имя Хованского-Тараруя. (*Большой театр)*

После истории с раскольничьими беспорядками положение Софьи несколько укрепилось, но сила все равно оставалась у Хованского. Настало двоевластие, а вернее, безвластие, поскольку «надворная пехота» продолжала вести себя в столице своевольно. В любой момент можно было ожидать нового бунта.

19 августа прошел слух, что какие-то стрельцы-злоумышленники собираются напасть на царское семейство, когда оно пойдет с крестным ходом к Донскому монастырю. Не очень понятно, с какой целью мог быть составлен подобный заговор, но времена были нервные, и Софья вывезла двор в загородный дворец Коломенское. Очень возможно, что тревожный слух был ею же и распущен в качестве первого шага в борьбе за власть.

Отъезд государей из Москвы для стрельцов был грозен. Это означало, что царская фамилия больше не является заложницей столичного гарнизона. Софья могла от имени Ивана и Петра объявить созыв дворянского ополчения, и тогда против «надворной пехоты» поднялась бы вся Россия, а Москва оказалась бы в блокаде.

Через несколько дней к правительнице явились представители от полков, просили вернуться. Софья действовала умно, не торопилась. Сказала, что двор просто переехал за город, как это случалось и прежде.

Еще неделю спустя она велела Хованскому прислать для охраны государей Стремянной полк, выполнявший роль царской лейб-гвардии. Князю очень не хотелось этого делать. Он потянул время, но в конце концов выполнил распоряжение – не было оснований отказать. Так у правительницы появились собственные вооруженные силы.

Вскоре после этого двор перебрался подальше от Москвы, в село Воздвиженское, находившееся на паломническом тракте в Троицкий монастырь.

На 18 сентября было назначено торжественное событие – проводы Семена Самойловича, сына украинского гетмана. Повод не имел значения, главное, что на церемонии должны были присутствовать все государственные мужи и придворные чины.

Поехал и князь Хованский, не подозревая западни. Специальный отряд перехватил хозяина Москвы по пути в Воздвиженское. Взяли и княжьего сына Андрея, который мог бы привести из города стрельцов спасать отца.

Расправа над ними была непристойно быстрой. Судьи уселись прямо во дворе, на скамьях. Хованским «сказали сказку» об их винах (таковых было более чем достаточно), оправданий слушать не стали. Поскольку палача в селе взять было негде, простой стрелец саблей

срубил головы отцу и сыну. Когда приходило время действовать, Софья не миндальничала и не колебалась.

У Тараруя был еще один сын, тоже Иван. Он поднял московских стрельцов по тревоге, но на Воздвиженское они не пошли, а только заняли оборону.

Поскольку это был явный мятеж, у Софьи появился предлог объявить мобилизацию дворян. Из окрестных уездов начало стягиваться ополчение.

Стрельцы, оставшиеся без вождя, быстро утратили волю к сопротивлению. Они послали челобитную к патриарху, чтоб он заступился за них перед царевной.

К царевне прибыли делегаты, по 20 человек от полка. Теперь Софья разговаривала с ними не так, как раньше, а грозно и требовательно. Велела выдать младшего Хованского – безропотно выдали.

Но правительница возвращаться в столицу не торопилась. Она просидела в Троицком монастыре, под охраной дворянского войска, еще целый месяц. Томимые страхом стрельцы делались все уступчивей. В конце концов они написали повинную за майский мятеж и безропотно приняли приказ об уничтожении памятного столпа на Красной площади.

6 ноября двор вернулся в Кремль. Выждав некоторое время, собрали активных участников восстания в четыре полка и выслали на дальние рубежи. Из-за этого начались было волнения, но новый начальник Стрелецкого приказа Федор Шакловитый, человек такого же крутого нрава, как Софья, велел пятерых зачинщиков казнить, и остальные утихли.

Только теперь, после более чем полугодового хаоса, в стране начал восстанавливаться относительный порядок.

Правительница и оберегатель

Пора подробнее рассказать об удивительной женщине, которая смогла подняться на высшую ступеньку власти в патриархальном, мизогинистическом московском обществе и почти семь лет удерживала анахроничную государственную систему от окончательного развала.

Софья Алексеевна не была оценена по достоинству ни современниками, ни историками. В опасных ситуациях она вела себя так, что ее, используя выражение Бисмарка, назвавшего французскую императрицу Евгению «единственным мужчиной Парижа», следовало бы в 1682 и потом в 1689 году назвать «единственным мужчиной Москвы».

Не нужно думать, что царственное происхождение было серьезной подмогой для ее взлета. Царские дочери в России XVII века были совершенно бесполезными и никчемными созданиями. Их нельзя было даже выдать замуж: иностранные принцы не берут, а за своих подданных – зазорно. Софья родилась четвертой из девяти дочерей Алексея Михайловича и, как остальные царевны, была обречена провести жизнь на женской половине дворца, среди приживалок, шутов, карлиц и «божьих людей», никогда не иметь какой-либо личной жизни и в конце концов окончить свои дни монахиней.

Царевна появилась на свет 17 сентября 1657 года и получила очень хорошее для московской девицы образование. Известно, что она умела читать по-польски и хорошо разбиралась в международной политике. Современник и мемуарист князь Борис Куракин, записки которого я буду часто цитировать, пишет: «царевна Софья Алексеевна была великаго ума и великой политик».

Красотой и женственностью Софья не блистала. Французский дипломат де Невилль, видевший правительницу, описывает ее так: «Она ужасно толстая, у нее голова размером с горшок, волосы на лице, волчанка на ногах, и ей по меньшей мере 40 лет». (На самом деле царевне тогда было едва за тридцать – государственные заботы преждевременно ее состарили.) Правда, неизвестно, считали ли Софью уродливой тогдашние русские, относившиеся к женской полноте иначе, чем европейцы. Во всяком случае, внешность не помешала царевне

жить полной жизнью – с той же смелостью, какую Софья проявляла в политике.

После смерти царя Алексея строгий присмотр за царевнами прекратился, и те из них, кто был веселей нравом, стали себе позволять разные мелкие вольности. Куракин упоминает как о чем-то общеизвестном, что и Софья, и ее сестры завели «голантов» из числа придворных певчих, имевших доступ на женскую половину. Однако Софья Алексеевна скоро выбрала в возлюбленные птицу иного полета – одного из друзей и конфидантов царя Федора князя Василия Голицына. Их связь, вначале скрываемая, впоследствии, когда царевна стала правительницей, перестала быть тайной. «Понимали все для того, что оной князь Голицын был ее весьма голант; и все то государство ведало и потому чаяло, что прямое супружество будет учинено», – пишет Куракин. Это была эпоха, весьма отличная от времен любвеобильной Екатерины Великой, и русских людей несомненно скандализировало поведение Софьи. То, что она тем не менее стойко оберегала свою любовь, не может не вызывать восхищения.

Софья Алексеевна. *А. Антропов*

Некоторые историки полагают, что привязанность Софьи к Голицыну объяснялась сугубо рациональными резонами – правительница ценила в князе деловые качества, а никакого «амура», возможно, и не было. Однако сохранившиеся письма царевны к фавориту свидетельствуют о большом чувстве. Это чтение вообще дает портрет женщины сильной и яркой. Она называет Голицына «свет мой Василька» «радость моя, свет очей моих», «душа моя». «…Я верно грешная перед Богом и недостойна, однако же дерзаю, надеяся на его благоутробие, аще и грешная. Ей! Всегда того прошю, штобы света моего в радости видеть, – пишет она в разлуке. – … Велик бы мне день той был, когда ты, душа моя, ко мне будешь; если бы мне возможно было, я бы единым днем тебя поставила перед собою». Встречаются в переписке места и вовсе откровенные: «А мне, свет мой, не верится, что ты к нам возвратишься; тогда поверю, как увижу в объятиях своих тебя, света моего». В этой любви статный красавец Голицын проявил куда меньше мужества и преданности, чем Софья.

Сблизились они еще у ложа вечно хворающего Федора (больше при тогдашних придворных обычаях было негде). Софья ухаживала за братом старательнее других царевен, и, судя по дальнейшим событиям, не только из сестринской любви. Она должна была присутствовать и при обсуждении государственных дел, причем вряд ли по-девичьи помалкивала – иначе трудно объяснить ту быстроту, с которой царевна сплотила вокруг себя единомышленников в мае 1682 года. Мы видели, как переворот, даже череда переворотов, совершились при самом активном участии, а в общем, и руководстве этой теремной затворницы.

В истории имя Софьи неразрывно связано с именем ее фаворита и фактического соправителя. Положение женщины, даже такой смелой, не позволяло царевне отлучаться из дворца – разве что на богомолье, поэтому все дела вершил «царственныя большия печати и государственных великих посольских дел оберегатель, ближний боярин и наместник новгородский» Василий Васильевич Голицын.

Этот замечательный деятель российской истории родился в 1643 году. Мы видели, как он выдвинулся в последние годы царствования Федора Алексеевича, пока находясь в тени двух главных фаворитов, Языкова и Лихачева. Стрелецкий мятеж отправил первого на тот свет, а

второго в ссылку. Во время опасных событий весны – осени 1682 года Голицын сначала держался в тени, но по мере усиления позиций Софьи стал все больше выдвигаться на первый план. В сентябре-октябре, когда дело уже решилось, но стрельцы еще не капитулировали, князь командовал дворянским войском в Троице.

При Софье он получил один за другим несколько ключевых правительственных постов и громких званий, ведал всей внешней и внутренней политикой, командовал армией (как мы увидим, неудачно).

Правительница и оберегатель. *И. Сакуров*

Безусловно, это был человек большого ума и прогрессивных взглядов; не только практик, но и теоретик государственного строительства. Известно, что в его обширной библиотеке были найдены записки «о гражданском житии или о поправлении всех дел, яже

належат обще народу». Рукопись, к сожалению, не сохранилась, но мы можем получить представление о ее содержании из рассказа де Невилля, имевшего долгую беседу с оберегателем. «Он [Голицын] хотел, чтобы местное дворянство путешествовало, – пересказывает по памяти посланник, – чтобы оно научилось воевать за границей, поскольку его целью было превратить в бравых солдат толпы крестьян, чьи земли остаются необработанными, когда их призывают на войну. Вместо этой бесполезной для государства службы он предполагал возложить на каждого умеренный налог, а также содержать резидентов при основных дворах Европы и дать свободу совести. Если бы я захотел письменно изложить здесь все, что я узнал об этом князе, то я никогда бы не смог сделать этого: достаточно сказать, что он хотел заселить пустыни, обогатить нищих, дикарей превратить в людей, трусов – в храбрецов, а пастушеские хижины – в каменные дворцы». «…Князь Голицын, без сомнения, относится к самым умным, воспитанным и великолепным людям, которые когда бы то ни было были в этой стране, которую он хотел поставить на ту же ступень, что и другие, – пишет посланник далее. – Он хорошо говорит на латыни и очень любит бывать с иностранцами и принимать их, не принуждая напиваться, сам вовсе не пьет водки и единственное удовольствие находит в беседе. Так как он сильно презирает знать из-за ее неспособности, то смотрит только на заслуги, а использует лишь тех, за кем он их знает, и тех, кто может принести ему пользу».

Василий Васильевич, по-видимому, умел произвести впечатление на иностранцев. Слухи о просвещенном реформаторе из далекой Московии еще долго ходили по Европе, даже несмотря на все монументальные преобразования Петра. Через 30 лет после падения Голицына самый модный английский романист эпохи Дэниел Дефо в «Дальнейших приключениях Робинзона Крузо» заставляет своего знаменитого героя, путешествующего по Сибири, встретиться с опальным министром, правда, не называя его по имени, но ясно, о ком речь. «Мне недостанет здесь места полностью пересказать увлекательнейшую беседу, которую я имел с этим истинно великим мужем», – восхищается Робинзон Крузо, почти дословно повторяя текст Невилля.

Князь Василий Васильевич собрал в правительство людей весьма толковых. Дьяк Емельян Украинцев ведал иностранными и

малороссийскими делами; Венедикт Змеев, имевший чин «думного генерала», заведовал военными приказами; Семен Толочанов отвечал за казначейство.

Очень большим влиянием пользовался Федор Шакловитый, выбившийся из подьячих. С точки зрения бояр он был выскочкой и, всецело обязанный своим положением Софье, неотступно стоял на страже ее интересов. Он командовал Стрелецким приказом, то есть на его попечении находилась безопасность столицы и Кремля. Чем больше опасалась Софья за свою власть, тем ближе она сходилась с решительным Шакловитым, который, в отличие от щепетильного Голицына, не боялся крови и грязи. Сплетник Куракин даже сообщает, что к концу Софьиного правления Шакловитый якобы потеснил князя не только в правительственных делах: «Надобно ж и о том упомянуть, что в отбытие князя Василия Голицына с полками на Крым, Федор Щегловитой весьма в амуре при царевне Софии профитовал, и уже в тех плезирах ночных был в большей конфиденции при ней, нежели князь Голицын, хотя не так явно. И предусматривали все, что ежели бы правление царевны Софии еще продолжалося, конечно бы князю Голицыну было от нея падение или б содержан был для фигуры за перваго правителя, но в самой силе и делех бы был помянутой Щегловитой».

Итак, правительство держалось на твердой воле регентши, государственном уме ее первого министра и стальной хватке «начальника силовых структур».

Этого было достаточно для того, чтобы на какое-то время продлить срок жизни плохо работающего государства, но не для проведения необходимых реформ. «Феодор был преобразователем, насколько он мог быть им, оставаясь в четырех стенах своей комнаты и спальни. Софья по своему полу не могла действовать иначе как из дворца», – пишет Соловьев. Еще одним гандикапом этого правления была его ущербная легитимность. По мере того как подрастали цари, власть «великой государыни царевны» выглядела всё сомнительней.

Двойная инвалидность сковывала правительству руки.

Внутренняя и внешняя политика

Куракин описывает эту эпоху благостно и даже умиленно (хотя тут нужно делать скидку на ностальгию по относительно тихим допетровским временам): «Правление царевны Софии Алексеевны началось со всякою прилежностию и правосудием всем и ко удовольству народному, так что никогда такого мудраго правления в Российском государстве не было. И все государство пришло во время ея правления, чрез семь лет, в цвет великаго богатства. Также умножилась коммерция и всякия ремесла; и науки почали быть возставлять латинскаго и греческаго языку; также и политес возставлена была в великом шляхетстве и других придворных с манеру польскаго – и в экипажах, и в домовном строении, и уборах, и в столах. И торжествовала тогда довольность народная, так что всякой легко мог видеть, когда праздничной день в лете, то все места кругом Москвы за городом, сходные к забавам, как Марьины рощи, Девичье поле и протчее, наполнены были народом, которые в великих забавах и играх бывали, из чего можно было видеть довольность жития их». По сравнению с ужасами 1682 года жизнь действительно внешне наладилась, но это было недолгое затишье перед новой бурей.

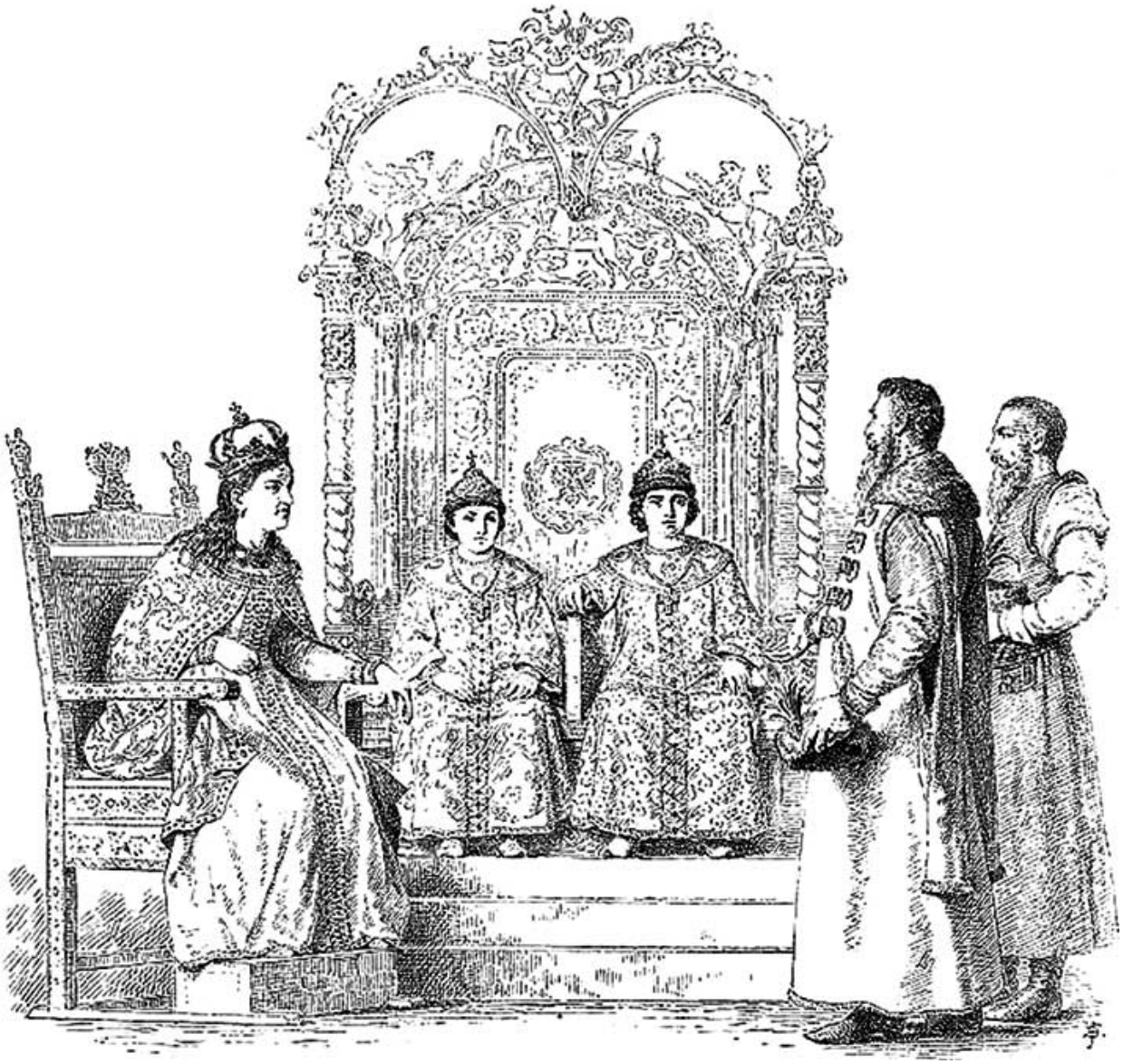
Ни одна из застарелых проблем страны не решалась. Из всех своих прекрасных прожектов Голицын осуществил только два, и оба не эпохального значения: открыл задуманную еще при Федоре первую русскую академию и дал толчок гражданскому строительству. За несколько лет в Москве было построено множество каменных домов, некоторые из них сохранились доныне.

Еще, в развитие гуманных веяний предыдущего царствования, были отменены особенно одиозные уголовные наказания вроде смертной казни за ругань в адрес царской власти (такое обычно случалось спьяну) и закапывания в землю женщин-мужеубийц – варварство, шокировавшее иностранцев. Вот, собственно, и все прогрессивные свершения просвещенного оберегателя, заметные главным образом в столице. Страна же скорее почувствовала ужесточение режима, выразившееся в новых гонениях против раскола.

Причиной репрессий был не только московский инцидент с Никитой Пустосвятом, но всё большее распространение

раскольнических настроений в низах русского общества. Религиозный протест соединялся с социальным, что тревожило и светскую, и церковную власть. Самым активным гонителем старой веры был патриарх Иоаким.

В 1684 и 1685 годах вышли новые строгие законы, по которым на старообрядцев началась настоящая охота. Было приказано доносить на прихожан, которые не ходят к исповеди, и подвергать их допросу – не по еретическому ли это делается умыслу и нет ли сообщников. Виновных нещадно били кнутом, самых упорных сжигали. Так было казнено несколько тысяч человек.



Правительница и два царя. *В. Верещагин*

В ответ началась эпидемия раскольнических самоубийств и мятежей. Одно из таких восстаний, на Дону, не могли подавить больше двух лет. Некий проповедник Кузьма Косой, бывший кузнец, которого называли раскольничьим «папой», выстроил на реке Медведице острог, куда стали собираться все недовольные. Их было так много, что даже начались приготовления к походу на Москву – очищать ее от никонианской скверны. Раскольники были плохо вооружены, но отчаянно «кололись копьями» и «бились кирпичом». В конце концов после трехмесячной осады царский воевода крепость взял и всех, кто в ней находился, перебил.

В 1688 году было осуществлено еще одно деяние, по внешней видимости – церковного, а на самом деле политического значения: московская патриархия наконец подчинила себе киевскую митрополию. Отныне киевского владыку утверждали не в Константинополе, а в Москве. С оппозицией малороссийского духовенства было покончено.

Этот шаг стал возможен после подписания Вечного мира с Речью Посполитой. Долгая торговля из-за статуса Киева наконец завершилась.

Польский король пошел на эту тяжелую уступку вынужденно.

С 1683 года его страна в коалиции с Австрией воевала против Турции. В колоссальном сражении под Веной польско-австрийское войско под командованием Яна Собеского нанесло османским войскам поражение, но тяжелая война на этом не закончилась.

Если десятилетием раньше дипломаты Алексея Михайловича ездили к европейским дворам с предложением антитурецкого союза и ничего не добились, то теперь помощь Москвы понадобилась уже Европе.

Голицын желал воспользоваться выгодной ситуацией. Он пообещал нарушить перемирие с Турцией, если Варшава уступит Киев.

Ян Собеский долго не соглашался, но военные дела у союзников шли неважно, и Польше пришлось-таки отказаться от Киева, который русские удерживали уже двадцать лет и было ясно, что никогда не отдадут.

В Москве подписание Вечного мира и официальное возвращение «матери русских городов» отпраздновали как великий триумф, однако

теперь нужно было исполнять договорные обязательства.

Кажется, правительница и оберегатель ввязались в европейско-турецкий конфликт даже с охотой. Непрочная власть часто поддается соблазну укрепить свое положение за счет «небольшой победоносной войны». Задача представлялась не очень сложной, поскольку все силы султана были заняты борьбой с европейской коалицией и России предстояло иметь дело только с Крымским ханством.

Голицын надеялся раз и навсегда избавиться от хищного соседа, захватив черноморский полуостров, и войти в историю завоевателем Крыма. Эту честь оберегатель не желал уступать никому; он лично возглавил поход.

Приготовления были колоссальными. Московских войск собралось сто тысяч, а гетман Самойлович привел пятьдесят тысяч казаков. Русская армия никогда еще не достигала таких размеров. В мае 1687 года махина медленно двинулась на юг.

Голицын на европейском рисунке конца XVII в.

К сожалению, стратег из Голицына был неважный. Он плохо продумал кампанию. Для огромной рати, в которой лошадей было не меньше, чем людей, требовалось невероятное количество фуража. Рассчитывали на степные травы, но татары, не вступая в бой, запалили сухую от летней жары равнину.

Провиант для войска везли в многочисленных обозах, но обозы начали останавливаться. «Наши лошади слабели на глазах и не могли далее тянуть орудия и даже подводы с провизией, – пишет участник похода Патрик Гордон. – Известясь, что впереди нас все сожжено и уничтожено, мы никоим образом не могли обольщаться какой-либо возможностью исполнить наши замыслы по взятию Крыма и даже пройти дальше без очевидной и неизбежной гибели». Делать нечего – пришлось поворачивать обратно. Огромные усилия и расходы пропали зря, вместо триумфа получался конфуз.

Желая хоть как-то оправдаться, Василий Голицын поступил традиционным образом – свалил вину на другого. Был пущен слух, что степь подожгли люди гетмана Самойловича, которому не хочется воевать.

Голицын приказал арестовать Самойловича и выбрать нового гетмана. Выступая перед старшиной, князь намекнул, что удобным для Москвы кандидатом является генеральный есаул Иван Мазепа (есть сведения, что Мазепа дал оберегателю взятку в десять тысяч рублей). Так власть на Украине вместо послушного московского ставленника получил честолюбивый, хитроумный и сильный вождь, про которого казаки скоро будут говорить: «От Богдана до Ивана не було у нас гетьма́на».

Однако найти козла отпущения было мало. Оставались обязательства перед союзниками, а еще насущней была необходимость восстановить репутацию перед собственным народом. Права Софьи на власть не оспаривались, пока дела шли более или менее гладко, но при всякой неудаче естественным образом возникал вопрос: зачем нужна сомнительная, да еще плохая правительница, если есть законные государи, притом не детского возраста? Пусть Иван нездоров, но Петру уже шестнадцатый год – цари Михаил, Алексей и Федор в свое время были не старше.

Эти пересуды нужно было заглушить громкой победой.

Ко второму Крымскому походу теперь готовились тщательнее, целых два года. Выступили в самом начале весны 1689 года, чтобы молодую траву было трудно поджечь. Войска собрали еще больше – 112 000 одной только московской рати, не считая украинцев.

Вроде бы и момент был подходящий: в Стамбуле произошел переворот, султаном стал вялый Сулейман II, так что нападения турок опасаться не приходилось.

Но фортуна явно не благоприятствовала Голицыну. Если в 1687 году он выступил слишком поздно, то теперь слишком рано. Войско угодило в мартовские стужи и метели, из-за чего много людей померзло, а продвижение сильно замедлилось.

Тем не менее в середине мая армия оказалась у Перекопа. Голицын почему-то был уверен, что достаточно явиться к воротам Крыма, и хан сразу капитулирует. Но крымцы наскакивали на русский лагерь, уклоняясь от генерального сражения, а сдаваться не сдавались.

Снова началась жара, пресной воды вокруг не было. Перешеек укреплен стеной и рвом, без штурма не прорвешься, а прорвешься – с той стороны простирается такая же безводная крымская степь.

Голицын вступил в переговоры, затягивать которые было нельзя. Татары-то никуда не торопились, а положение огромного русско-украинского войска с каждым днем делалось всё бедственней.

Так и повернули назад, ничего не завоевав и никого не победив. На обратном пути множество ратников погибло от жажды и от сабель татарской конницы. Умирали лошади, приходилось бросать повозки.

Провал второго Крымского похода нанес непоправимый удар по престижу Софьи и ее фаворита, стал непосредственным предвестием их падения.

Но прежде чем перейти к описанию нового политического кризиса, последнего в истории «третьего» государства, нужно рассказать о главном достижении предпетровской России – освоении гигантских просторов Сибири.

Движение на восток

Открытие, исследование и колонизация неизведанных зауральских земель, начавшиеся в конце прошлого столетия с неудачного похода атамана Ермака, продолжались весь семнадцатый век и достигли естественного предела – Тихого океана.

Роль государства, занятого совсем другими заботами, в сибирских предприятиях, как и прежде, оставалась невеликой. Оно, вероятно, и к лучшему. Русские люди всегда лучше себя проявляли и добивались большего вдали от мелочной опеки начальства. Да и невозможно было бы развернуть подобную деятельность, опираясь только на ресурсы казны. Очень уж масштабным было дело. «Оно представляет собою одно из чудес истории и обнаруживает в народе, показавшем себя способным к нему, наличность совершенно своеобразных способностей и удивительной доблести», – признает даже строгий к русской истории Валишевский.

При царе Михаиле был учрежден самостоятельный Сибирский приказ и столицей зауральских владений назначен город Тобольск, даже имевший собственного митрополита. В то время появилось несколько опорных пунктов (среди них Верхотурье, Томск, Тюмень, Березов, Пелым, Сургут, Нарым, Енисейск), где сидели царские воеводы. Из метрополии им направляли небольшое количество стрельцов и переселенцев, а казаков воеводы обычно набирали сами из людей вольных. Еще присылали свинец, порох, зерно. Расходы для государства выходили невеликие, а взамен России доставались сибирские богатства, о полном объеме которых тогда не догадывались. Разведка и добыча полезных ископаемых еще только начиналась. Находили и медь, и серебро, и другую руду, но выплавляли мало – не хватало рабочих рук. Главный доход шел от пушнины.

По сведениям Котошихина, сибирские меха давали по 600 000 рублей в год – то есть почти треть всех государственных поступлений.

Среди выдающихся деятелей сибирской эпопеи можно встретить казачьих атаманов, служивых людей, промышленников, но, пожалуй, только одного крупного

администратора – тобольского воеводу Петра Годунова, занимавшего этот пост всего три года (1667–1670).

Он отказался от малополезных в сибирских условиях рейтаров и солдат, заменив их новым родом войск – легкими драгунами, которые могли действовать и в конном, и в пешем строю.

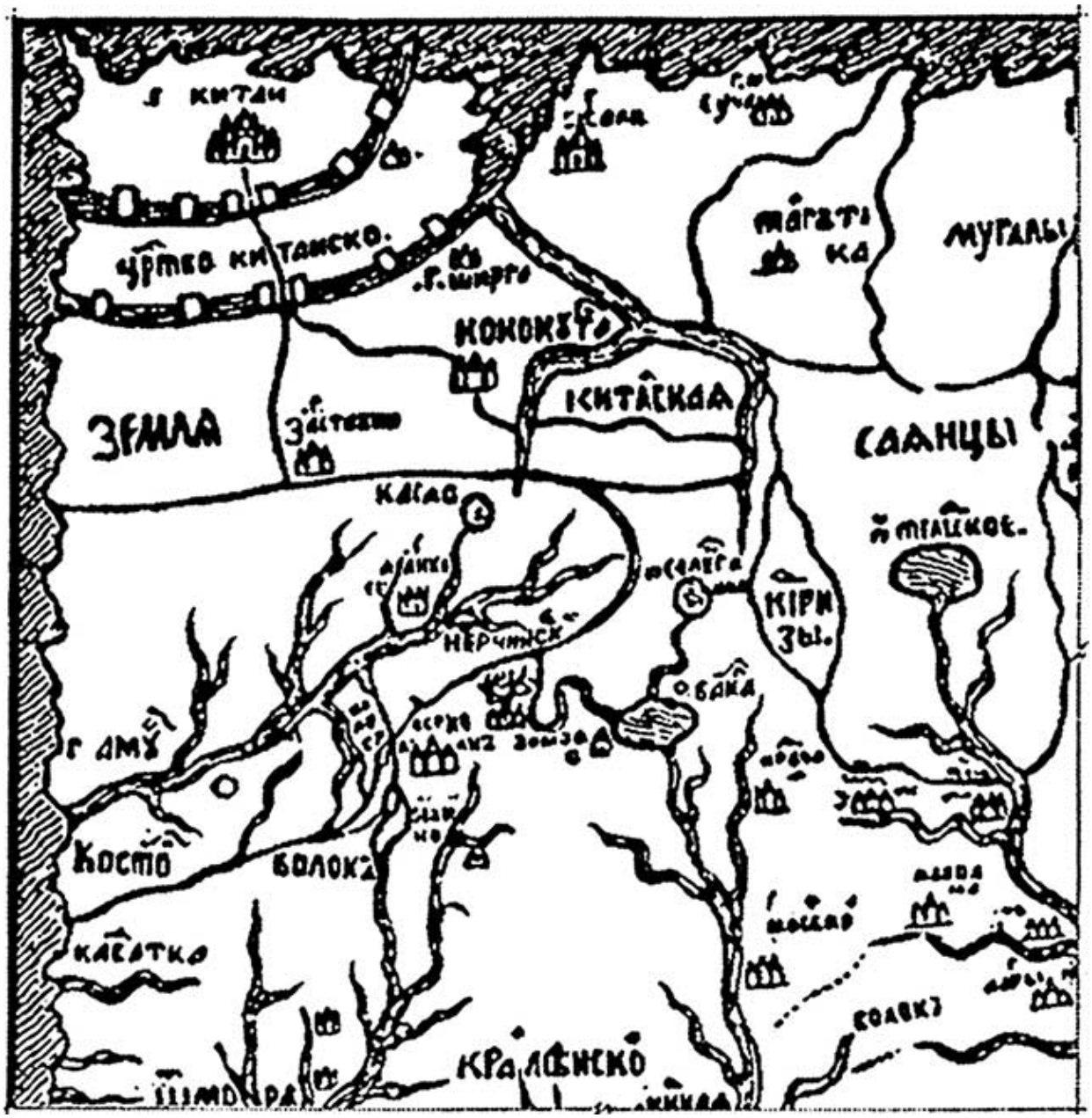
Желая избавиться от хлебных поставок, которые обходились казне очень дорого, Годунов стал увеличивать пахотные площади, упорядочил сбор зерновой подати. В результате Сибирь начала сама себя кормить, это было огромным достижением.

Годунову же принадлежит заслуга составления географической карты Сибири и отчета о сопредельных землях («Ведомость о Китайской земле и о глубокой Индеи»).

Но большинство исследователей Сибири руководствовались не казенным интересом и тем более не любовью к географии, а мотивами более меркантильными. Если испанских конкистадоров заманивала в неведомые земли и моря золотая лихорадка, то сибирских первопроходцев – лихорадка меховая.

Постоянное стремление двигаться дальше и дальше на восток объяснялось тем, что, приходя на новое место, добытчики через некоторое время начисто истребляли там соболей, куниц, горностаев – и приходилось искать новые угодья и новых данников, которые платили бы ясак пушниной.

Обычно такие разведывательные группы (они назывались ватагами) устраивались по принципу артели, где у каждого была своя доля. Часто в пай входил и местный воевода, давая припасы или людей.



«Чертеж Сибирской земли» Петра Годунова (1667). Юг здесь наверху, поэтому «царство Китайское» выше сибирских рек

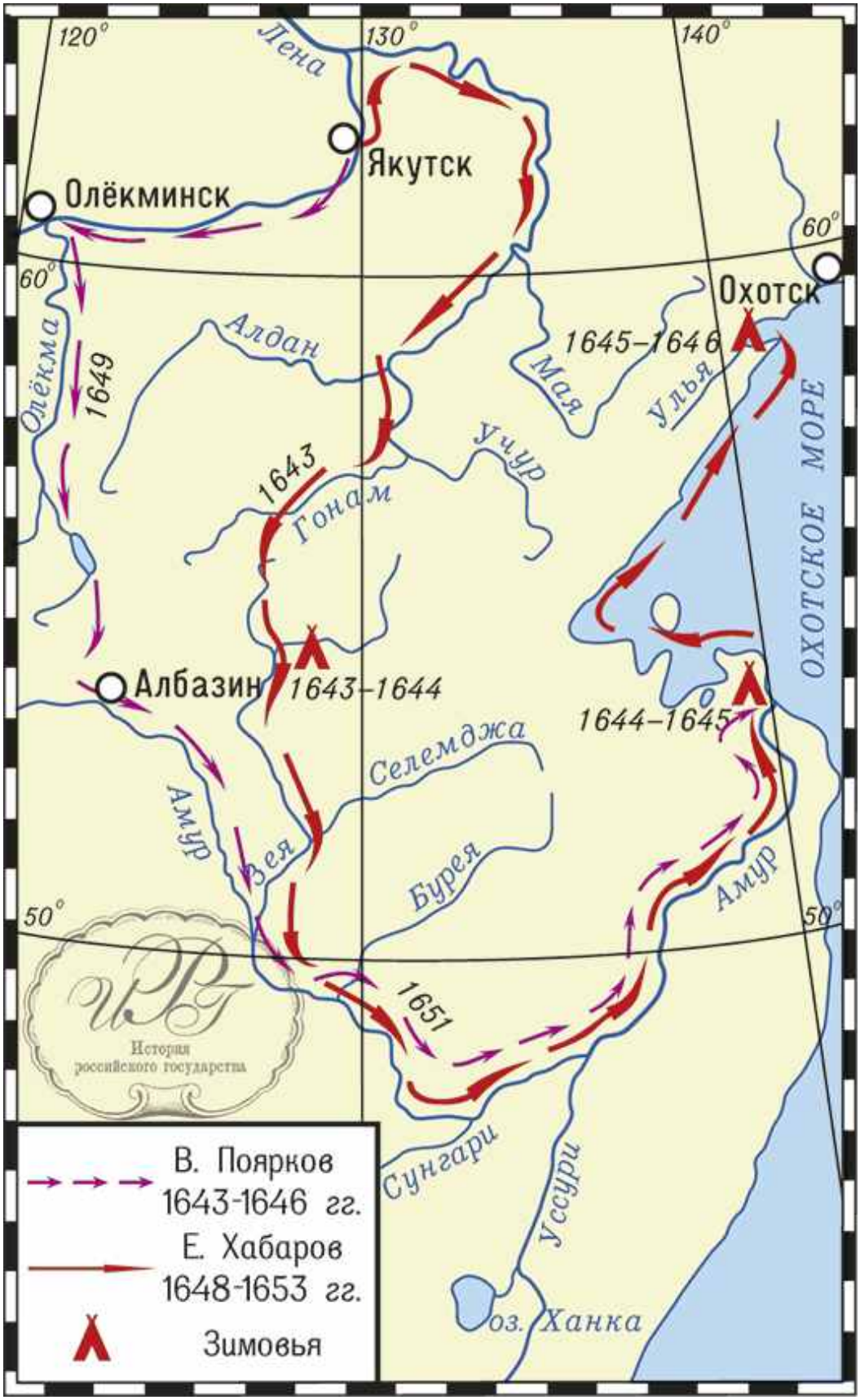
Если посмотреть по карте, как русские первопроходцы осваивали Сибирь, мы увидим странные зигзаги. Объяснялось это тем, что перемещались в основном по рекам – на лодках или на санях. Так было проще и быстрее, чем продираться через тайгу.

Основные открытия произошли в царствование Алексея Михайловича, в довольно короткий отрезок времени. Вот несколько

главных экспедиций, благодаря которым на мировой карте появилась северо-восточная часть Евразии.

Из незадолго перед тем основанного Якутска «письменный голова» (начальник воеводской канцелярии) **Василий Поярков** в 1643–1646 гг. совершил огромный трехлетний поход, целью которого было приведение в подданство новых племен. Таким образом, экспедиция – нечастый случай – была не коммерческой, а казенной. В ней участвовало 133 человека. Они спустились по Лене на плоскодонных дощаниках до реки Алдан, повернули на юг, волоком перетащили ладьи в приток Амура реку Зею, добрались по ней до самого Амура и достигли Тихого океана. Оттуда Охотским морем снова поднялись на север и так вернулись в Якутск.

За время долгого пути отряд потерял почти две трети состава в боях с туземцами и от лишений – во время одной особенно тяжелой зимовки людям даже пришлось поедать мертвецов («приели человек с пятьдесят»). Зато привезли много соболей и проложили путь на Дальний Восток следующим ватагам.


120°
130°
140°
60°
60°
50°
50°
Лена
Якутск
Олёкминск
Охотск
Олёкма
1649
Алдан
1645–1646
Мая
Улья
1643
Учур
Гонам
ОХОТСКОЕ МОРЕ
Албазин
1643–1644
1644–1645
Селемджа
Амур
Зея
Бурея
Амур
1651
Сунгари
Уссури
оз. Ханка
История российского государства
В. Поярков 1643-1646 гг.
Е. Хабаров 1648-1653 гг.
Зимовья

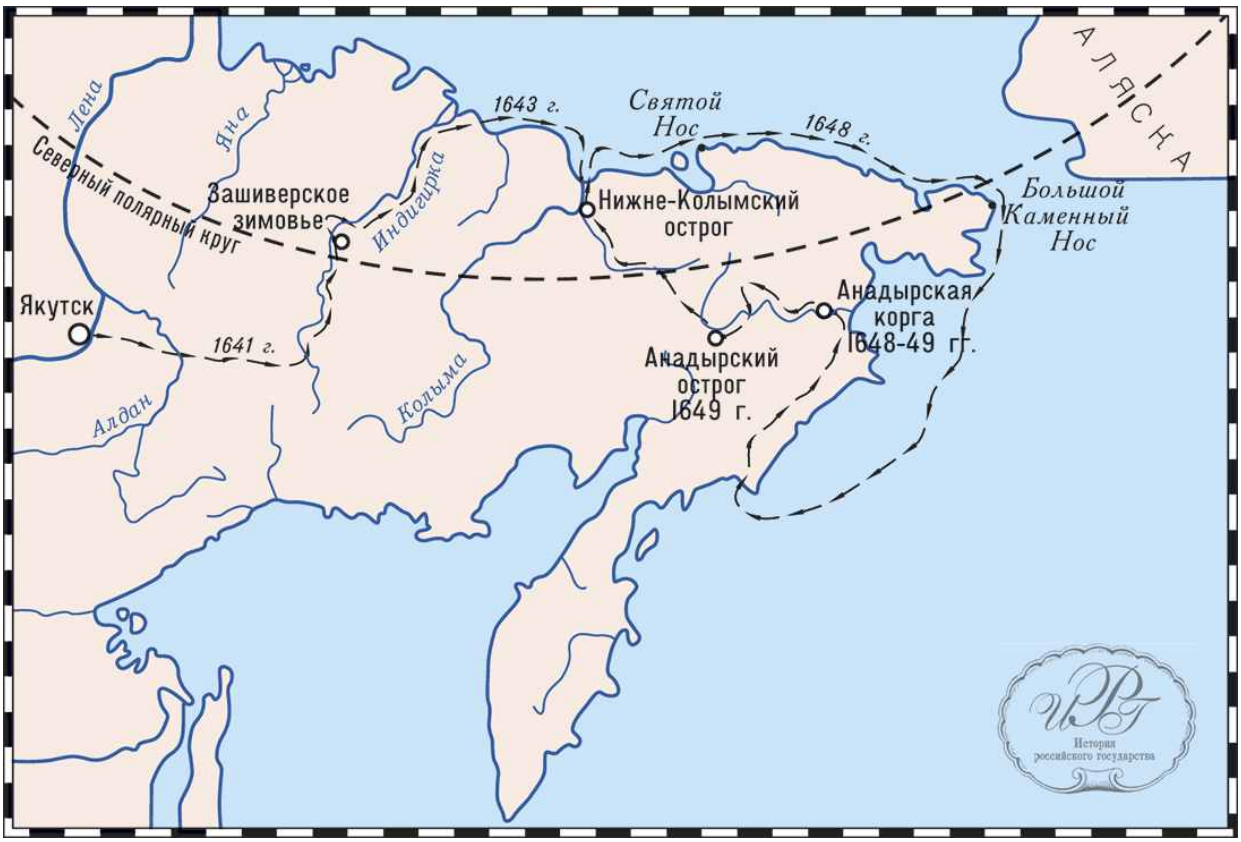
Походы Василия Пояркова и Ерофея Хабарова. *А. Журавлев*

В 1649 году из того же Якутска промышленник **Ерофей Хабаров**, вступив в долю с воеводой, сыскал более удобный путь к Амуру. Экспедиций у Хабарова было две: первая небольшая и разведывательная, нашедшая удобные волоки, а вторая уже крупная, в полтораста человек с тремя пушками, растянувшаяся на несколько лет. Амурский край показался русским достойным завоевания. Климат там был мягкий, земли пахотные, леса богаты пушным зверем, а река рыбой. Здесь жили дауры, имевшие собственные города, которые пришлось брать боем. С туземцами казаки Хабарова хоть и не без потерь, но справились, однако весной 1652 года они встретились с противником более серьезным – большим отрядом неведомых солдат, тоже вооруженных пушками и ружьями. Это были «богдойские люди», то есть подданные богдыхана (цинского императора Шуньчжи), тоже собиравшие дань в этих местах. Так произошел первый контакт русских с китайцами, приведший к кровавому бою. В своем отчете Хабаров хвастается, что одолел врагов: «Силу их всю, божиею милостию и государским счастьем и нашим радением, их, собак, побили многих», однако из опасного места пришлось уходить. Для того чтобы закрепиться в этой области, требовались более крупные силы. Освоение Амурского края произошло позднее, уже в 1670-е годы.

Третьим из великих сибирских первооткрывателей был казачий атаман и меховой промышленник **Семен Дежнев**, походы которого (1648–1652) пролегали через самую суровую части Евразии: от устья реки Колымы по Северному Ледовитому океану до самого конца материка, а потом вокруг Чукотки, по Беринговому проливу и вниз до Анадыря, где ватага основала острог.

Этот маршрут, который на карте смотрится логично и стройно, если верить самому Дежневу, сложился не от хорошей жизни. «Носило меня по морю после Покрова богородицы всюду неволею и выбросило на берег в передний конец за Анадыр-реку, а было нас на коче всех двадцать пять человек, и пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем… и шел я, бедный Семейка, с товарищи до Анадыра-реки ровно десять недель, и попали на Анадыр-реку внизу близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет, и с голоду мы, бедные, врознь

разбежались», – пишет в отчете атаман, так что его великий поход выглядит не приключением, а злоключением. Впрочем, жанр отчета предполагал жалостливость: чем больше служивый человек перенес, тем выше награда.



Экспедиция Семена Дежнева. *А. Журавлев*

Пустынный и негостеприимный берег Тихого океана понадобился русским не для заселения. Пушнины в северных широтах было немного, зато там обнаружился другой ценный продукт – моржовый зуб, добываемый на Анадырской корге (отмели). Ради него и стали наведываться в эту совсем уж дальнюю часть континента.

Заселение Сибири, кажется, вообще не рассматривалось как некая государственная задача. Земли хватало и по эту сторону Уральского хребта. Поэтому населенные пункты создавались как центры сбора охотничьей и ясачной пушнины. Если природные условия позволяли, вокруг возникали сельскохозяйственные общины – почти сплошь в ближней, западной части Сибири.

Прирост населения происходил за счет присылки служивых людей, военнопленных и ссыльных, а также благодаря необильному притоку переселенцев – как самовольных, так и поощряемых правительственными льготами. Кто-то поступал в казаки или солдаты, кто-то начинал крестьянствовать или торговать, кто-то перемещался еще дальше на восток. Так Сибирь понемногу и прирастала.

Подсчитано, что в 1625 году русских там жило тысяч пять, причем крестьян не более тысячи. Двадцать лет спустя число крестьянских хозяйств дошло до восьми тысяч. В 1660-е годы русских жителей было тысяч семьдесят, но для территории, которая к этому времени охватила пространство до Тихого океана, это, конечно, мизерная цифра.

Туземного населения, плотность которого в Сибири всегда была очень низкой, и то насчитывалось раза в три или четыре больше. Колонизаторы обращались с ним не так чудовищно, как испанцы с американскими индейцами – прежде всего потому, что русская церковь не занималась насильственной христианизацией, а русские воеводы не покушались на местный уклад жизни. Но все же хватало и притеснений, и преступлений.

«Передовщики» (так называли командиров промысловых экспедиций) были людьми суровыми и грубыми, они не щадили и своих, тем более не церемонились они с «язычниками». Промысловые ватаги, бывало, и убивали, и грабили, и насиловали. Маленькие племена, не имевшие огнестрельного оружия, убегали от страшных людей прочь, так что иногда целые области оставались безлюдными.

Было в Сибири и несколько относительно многочисленных народов, способных оказать сопротивление.

Вдоль берегов Лены жили якуты, в 1642 году поднявшие восстание. Прибайкальские буряты взялись за оружие в 1644 году. На Амуре, как я уже писал, дауры пытались отбиться от казаков Хабарова. Однако эти столкновения почти всегда были следствием каких-то отдельных эксцессов и злоупотреблений. Московское государство наказывало сибирским воеводам не озлоблять местных жителей и понуждать их к покорности (под которой имелась в виду выплата ясака) мирными средствами, самым жестким из которых было взятие в «аманаты» (заложники) детей племенных вождей.

Потому-то Сибирь и можно было сохранять под контролем, не тратясь на содержание больших гарнизонов.

Единственный эпизод, когда русской администрации пришлось об этом пожалеть, связан не с сопротивлением сибирских народов, а с внешним конфликтом.

Как уже говорилось, в 1652 году казаки Хабарова наткнулись на китайцев, которые считали даурцев своими данниками, и напали на невесть откуда взявшихся «северных варваров».

Несколько лет казаки держались на Амуре, отражая атаки отрядов империи Цинь, но в 1658 году амбань (губернатор) китайской крепости Нингута прислал большое войско, которое уничтожило русский отряд Онуфрия Степанова. Сам атаман погиб, а немногие уцелевшие разбежались кто куда.

В Москве хорошо понимали, что на таком расстоянии воевать с Китаем невозможно, и еще в 1654 году правительство предприняло первую попытку договориться. Сын боярский Федор Байков отправился в Пекин с миролюбивым посланием, добирался два года, но аудиенции у императора не получил, потому что по русскому церемониалу обязан был вручить государеву грамоту непременно самому «царю Богде», а китайский церемониал такого допустить не мог. После этой неудачи нингутский амбань, по-видимому, получил приказ уничтожить пришельцев любой ценой – и исполнил его.

Но, одолев Онуфрия Степанова, китайские войска вернулись в место дислокации, и русские снова появились на Амуре – слишком уж привлекателен был этот край. Пограничные конфликты с Китаем продолжались, хоть никакой границы, то есть официально признаваемого обеими сторонами рубежа, не существовало.

Идеология Поднебесной империи, предписывавшая относиться ко всем остальным нациям как к варварам, исключала возможность дипломатической инициативы со стороны Пекина, поэтому все попытки налаживания контактов предпринимала только Москва.

Русские купцы, не связанные протоколом, добились здесь больших успехов, чем дипломаты. Самые предприимчивые из них проложили торговый путь до китайской столицы и с большой выгодой там торговали. Известно, что торговец Аблин в 1668 году, купив в Пекине товаров на 4500 рублей, по возвращении продал их за 18 751 рубль – колоссальная сумма и завидный барыш.

Но следующее после Байкова официальное посольство Москва снарядила лишь в 1675 году. Возглавил его Николай Спафарий, происхождением молдавский грек. Прежде чем поступить на службу в русский Посольский приказ, Спафарий бывал в Турции и Европе и владел несколькими языками.

Но и такому опытному дипломату удалось добиться немногого. Русский этикет опять столкнулся с китайским.

> Попытки вручить императору Канси (1661–1722) царскую грамоту превратились в нескончаемую эпопею. Цинские чиновники сказали, что это невозможно, потому что в бумаге может оказаться что-нибудь недостойное ушей Сына Неба. Спафарий предложил сначала показать копию – не согласились. После долгих препирательств сговорились на том, что посол положит грамоту на пустое императорское место. Только после этого московит получил аудиенцию, но она была странной. Спафарий вошел в зал, где, судя по описанию, происходила чайная церемония, и кланялся богдыхану издали (по мнению китайцев, недостаточно низко), но бежать к нему вприпрыжку, как требовал обычай, счел недостойным. В результате император не удостоил его даже взглядом. Когда же встреча в конце концов состоялась, из нее не вышло проку. Посол отказался взять ответное послание царю, ибо оно звучало как письмо владыки подданному.
>
> Ни до чего не договорились. Конфликт возник даже из-за ритуального обмена дарами: китайцы назвали русские подарки «данью», а императорские – «милостивым пожалованием». Единственной пользой от посольства было увеличение объема сведений о великой азиатской империи.

Стычки на Амуре все продолжались, а в 1685 году началась настоящая война.

К этому времени основным оплотом русских в регионе стала крепость Албазин, куда даже стали назначать собственного воеводу.

В июне китайская флотилия с войском в три тысячи солдат осадила острог, где засел воевода Алексей Толбузин с гарнизоном в 450 казаков. Неделю осаждающие бомбардировали городок из тяжелых орудий и почти полностью разрушили, а потом пошли на штурм, но

русские кое-как отбились. Однако держаться было нечем, порох заканчивался, и Толбузин согласился уйти. Китайцы доломали крепость и тоже удалились, сочтя задачу выполненной.

Однако уже в августе русские вернулись. Теперь их было больше, около 800 человек, и они стали возводить более серьезные укрепления. Если раньше в крепости имелось только три пушки, то теперь привезли двенадцать.

Китайцы тоже готовились к новой кампании капитально. Им стало ясно, что разрушать Албазин бессмысленно – нужно устраивать здесь собственную базу.

В июле 1686 года полководец Лантань, одержавший победу в прошлом году, привел пять тысяч солдат – огромное войско для тех пустынных мест. Началась бомбардировка, в ходе которой воевода Толбузин был смертельно ранен, и оборону возглавил служилый немец Афанасий Бейтон.

Два приступа были безрезультатны. Началась осада, растянувшаяся на много месяцев. Обе стороны несли тяжелые потери – не столько боевые, сколько от лишений, зимних морозов и цинги. В конце концов у русских осталось всего полторы сотни человек, способных держать оружие, но они не сдавались.

Упорство албазинской обороны подействовало на пекинский двор лучше всяких посольств. Китайцы согласились на переговоры.

Первый русско-китайский договор был подписан в Нерчинске. Интересно, что переговоры велись на латыни и что с китайской стороны в них участвовали иезуиты, давно освоившиеся при пекинском дворе. С их помощью условились о следующем: русские разрушат Албазин и уйдут с Амура, а граница пройдет по реке Аргунь: «Всем землям, которые суть с стороны левые идучи тою рекою до самых вершин под владением Хинского хана да содержатца». Причина московской уступчивости состояла в том, что удерживать Амур силой при такой отдаленности было все равно невозможно, а нормализация отношений с Китаем сулила немалые выгоды.

Об этом важном дипломатическом событии, свершившемся 27 августа 1689 года, правительство Софьи Алексеевны и князя Голицына так и не узнало. Как раз в это время оно доживало свои последние дни.

Второй лагерь

Окружение «младшего царя» с самого начала находилось в оппозиции к правительнице, воспринимая ее как узурпаторшу, похитившую у Петра Алексеевича власть. Но до поры до времени никакой опасности для Софьи нарышкинская партия не представляла. Ее даже трудно назвать «партией». Вдовствующая царица Наталья осталась без какой-либо поддержки. Ее отец томился в монастыре, насильно постриженный, двое братьев были растерзаны стрельцами. Лишенный всякого влияния двор Натальи Кирилловны размещался в захудалом имении Преображенское, неподалеку от Москвы. Занятая государственными заботами Софья долгое время не обращала на преображенских сидельцев почти никакого внимания.

О самом Петре Первом, его ранних годах и воспитании будет подробно рассказано в следующем томе, целиком посвященном этому выдающемуся деятелю отечественной истории, но роль царя в событиях 1689 года, кажется, сильно преувеличена. Он был слишком юн, чтобы лично возглавить переворот, поэтому сейчас уместнее поговорить не о самом Петре, а о тех, кто за ним стоял.

Наталья Кирилловна. *Неизв. художник*

Прежде всего это, конечно, была сама Наталья Кирилловна. «Это женщина в самых цветущих летах, росту величавого, с черными глазами навыкате, лицо имеет приятное, рот круглый, чело высокое, во

всех членах изящная соразмерность, голос звонкий и приятный, и манеры самые грациозные», – так описывает ее курляндец Рейтенфельс. Борис Куракин аттестует царицу следующим образом: «Сия принцесса добраго темпераменту, добродетельнаго, токмо не была ни прилежная и не искусная в делах, и ума легкаго».

Подле царицы находился младший брат Лев Кириллович Нарышкин, уцелевший в 1682 году по юности лет. Ему и теперь, в канун грозных событий, едва сравнялось двадцать пять, и все же он состоял при мальчике-царе воспитателем. «Помянутаго Нарышкина кратко характер можно описать, а именно: что был человек гораздо посредняго ума и невоздержной к питью, также человек гордой, и хотя не злодей, токмо не склончивой и добро многим делал без резону, но по бизарии своего гумору [по прихоти, под настроение]», – пишет о дяде Петра князь Куракин.

Пожалуй, ключевой фигурой являлся князь Борис Алексеевич Голицын, кузен оберегателя, не нашедший себе места в правительстве и державшийся «нарышкинской» ориентации. Этот был подаровитей, но тоже небольшой серьезности. «Был человек ума великаго, а особливо остроты, но к делам непреложной, понеже любил забавы, а особливо склонен был к питию» (Куракин). Борис Голицын, как и Нарышкин, тоже ведал царским воспитанием, так что не приходится удивляться, что у Петра при таких учителях возникла привычка к пьянству.

Итак, «легкого ума» женщина, ее «гораздо посредняго ума» брат и острый умом, но сильно пьющий вельможа – вот основные деятели великого события, положившего конец прежней России и давшего старт новой.

Историки много пишут о важной роли «потешных полков» юного Петра, якобы ставших чуть ли не решающим фактором в успехе переворота, но это легенда.

Да, Петр игрался в живых солдатиков. Эти «потешные конюхи» маршировали строем, дудели в трубы и били в барабаны, но в 1689 году никакой военной силы они собою еще не представляли. Первые гвардейские полки, Преображенский и Семеновский, начнут формироваться уже после победы новой власти и впервые упоминаются только в 1691 году, а во времена правительницы Софьи защищать Преображенское было некому, тогда как в Москве было расквартировано девятнадцать стрелецких полков и два солдатских.

Нет, царевну Софью Алексеевну свергли не Лев Кириллович с Борисом Алексеевичем и не Петр с «потешными». Режим всемогущей правительницы развалился сам собой.

Главным врагом Софьи было течение времени. Пускай никто не брал в расчет больного царя Ивана, но здоровый Петр по мере взросления представлял собой всё бóльшую опасность – самим фактом своего существования. Каждая неудача правительства, каждая оплошность неминуемо порождала в умах подданных вопрос: а по какому праву над нами властвует, да еще так скверно, незамужняя царевна, если уже подрос законный государь?

Правительница попробовала укрепить свою легитимность, начав титуловаться самодержицей всея Руси, но этого было недостаточно.

Тогда возник другой, более смелый проект: венчаться на царство и стать не царевной, но царицей. Идея, судя по всему, принадлежала Федору Шакловитому – осторожный оберегатель Голицын на такое потрясение монархических основ не решился бы.

В 1687 году Шакловитый начал подговаривать стрельцов, чтобы они, главная военная сила государства, подали правительнице соответствующее прошение. Но небывалое дело – посадить на трон женщину – стрельцов пугало. Из затеи ничего не вышло.

А между тем ситуация становилась всё напряженней.

В январе 1689 года царица Наталья женила сына, после чего Петр стал считаться уже не отроком, а взрослым мужчиной. В мае того же года ему исполнилось семнадцать – возраст совершеннолетия, после которого всякое законное основание для регентства исчезало. Семь лет назад Софью провозгласили правительницей по «малолетству» обоих государей, и вот оно закончилось.

Подросший Петр стал позволять себе дерзости. На крестном ходу в июле того же года он вдруг потребовал, чтобы Софья не шла рядом с царями, а когда она проигнорировала претензию, сам отказался участвовать в церемонии.

В августе последовал новый афронт – Петр не захотел принять вернувшегося из Крыма злополучного полководца Василия Голицына, тем самым продемонстрировав свое отношение к провалу похода. Это был удар в самое уязвимое место правительства, которое всячески пыталось представить крымскую эпопею великой победой, хоть мало

кого могло этим обмануть. Как уже говорилось, неудача этой войны стала для шаткого режима тяжелым и даже смертельным ударом.

После этой выходки младшего царя открытый конфликт стал неизбежен, но ни одна из сторон не могла приступить к действию. Нарышкинская партия видела, что Софья утратила популярность даже среди стрельцов, но у Натальи Кирилловны и ее наперсников не было никакой военной силы – если не считать «потешных конюхов» с их барабанами. Правительница же не могла напасть на законного государя – стрелецкая масса ее не поддержала бы.

Взрыв должен был произойти сам собой, от какой-нибудь искры.

Ею стала лихорадочная активность самого энергичного помощника царевны Федора Шакловитого.

Переворот

Шакловитому как человеку практическому и нещепетильному было ясно, что единственный выход из трудного положения – избавиться от Петра. Если младший царь умрет, при больном Иване правительница сможет оставаться у власти сколько угодно.

Василий Голицын на такое злодейство был неспособен. По сведениям Невилля, у него имелся менее радикальный план: «Князь… представил ей [царевне] весь ужас этого замысла и заставил ее принять другой план, более благоразумный и, очевидно, более надежный. Он состоял в том, чтобы женить царя Ивана и ввиду его бессилия дать его жене любовника, которого она полюбила бы на благо государству, которому она дала бы наследников».

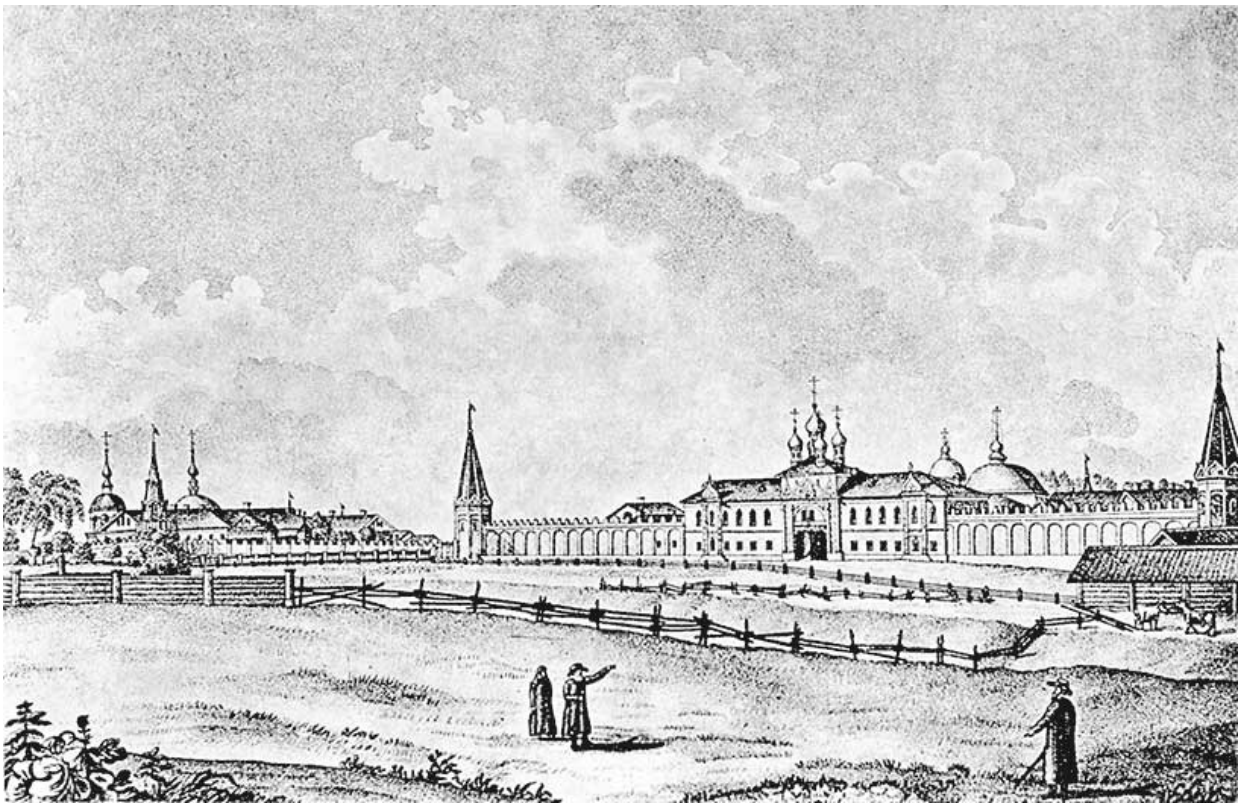
Пока Софья колебалась, Шакловитый действовал. Сначала он попытался разжечь в войсках гарнизона ненависть к Нарышкиным. Некие люди стали нападать на стрельцов, громогласно называя своего предводителя «Львом Кирилловичем». Когда провокация не сработала, Шакловитый собрал группу из нескольких стрельцов и посвятил ее в свой план. Предполагалось, что в Москве ударят в набат, как это было во время прошлого стрелецкого бунта, и распустят слух, что Нарышкины подняли мятеж против Софьи Алексеевны и старшего царя. Толпа ринется в Преображенское, и там заговорщики в суматохе порешат «медведицу – старую царицу» (которой было 37 лет) и ее сына.

Среди стрельцов, которых разогревали агитаторы, поползли слухи о затеваемом предприятии. Подробностей никто не знал, но двое рядовых, видимо надеясь на награду, решили предупредить царицу Наталью. В ночь с 7 на 8 августа 1689 года они прибежали в Преображенское, крича, что из Москвы вот-вот нагрянет толпа убийц.

Это, в общем, случайное событие и стало пресловутой искрой.

Поднятый с постели Петр прямо в ночной рубашке прыгнул на коня и кинулся спасаться. Как и во время мятежа 1682 года, самым надежным убежищем казался Троице-Сергиев монастырь с его крепкими стенами. Назавтра туда же прибыла царица Наталья с приближенными.

Так конфронтация перешла в открытую фазу.



Дворец в Преображенском. *Рис. XVIII в.*

На самом деле именно в ночь на 8 августа Шакловитый, кажется, ничего особенного не замышлял – просто из-за общей тревожности обстановки выставил усиленные караулы. Когда стало известно о внезапном бегстве Петра, стрелецкий начальник удивленно сказал: «Вольно ж ему, взбесяся, бегать».

Поспешная и нелепая эвакуация из подмосковного дворца в Троицу была единственным энергичным действием этого странного переворота. Больше беглый двор младшего царя никакой инициативы не проявлял – просто ждал развития событий. Самым деятельным человеком там был Борис Голицын, но вся его активность сводилась к тому, что он засылал в Москву агитаторов и рассылал письма по полкам, уговаривая перейти на сторону Петра Алексеевича.

А ничего другого и не требовалось. Царевна Софья уже проиграла.

Стрельцы сразу вспомнили, что семь лет назад было то же самое: они сидели в Москве, а в Троице находилась законная царская власть. Погибать за сомнительную Софью никому не хотелось. Устрашенный Голицын бездействовал. Строгого Шакловитого стрельцы не любили.

Послать на Троицу небольшой отряд верных людей, которые, наверное, сыскались бы, правительница тоже не могла – у Петра с Натальей Кирилловной уже было кем защищаться. Полковник Лаврентий Сухарев, находившийся 8 августа со своими стрельцами «на стенном карауле» в Преображенском, последовал за беглецами и в монастырь (за что был потом пожалован «пятью аршинами веницейского бархата, пятью аршинами шелка да десятью аршинами атласа»). Именно сухаревская тысяча стрельцов, а не «потешные» обеспечили безопасность Петра на первом, самом рискованном этапе противостояния.

Дальше пошло легче.

Видя, что силой проблему не решить, Софья начала слать в Троицу увещевания. В ответ шли все более грозные письма стрельцам: немедленно явиться к законному государю под угрозой сурового наказания.

Правительница тоже пугала: кто послушается – лишится головы. Вокруг Москвы были расставлены караулы ловить перебежчиков. Как и в 1682 году, царевна единственная боролась и пыталась что-то сделать, но все ее отчаянные усилия только ухудшали ситуацию. Она угощала стрельцов, рассылала по стране грамоты о своей правоте, даже выступила с речью перед толпой москвичей. Всё было тщетно.

Оставалась надежда на церковь, которая могла бы стать примирительницей. Софья отправила в Троицу патриарха Иоакима (21 августа), и это было огромной ошибкой. Патриарх всегда благоволил Нарышкиным, и теперь он просто остался с ними, то есть получалось, что от «самодержицы» отвернулась и церковь.

Тогда царевна поехала к мачехе и брату сама – бесстрашно, с небольшой свитой. Софью остановили по дороге и грубо объявили, чтоб поворачивала обратно. Трудно сказать, почему ее тогда же не задержали. Очевидно, не решились – арест правительницы, царской дочери был бы чем-то невообразимым. А может быть, в Троице уже понимали, что дело в любом случае выиграно.

После Софьиного унижения исход из Москвы стал массовым. Бояре, дворяне и стрельцы спешили явиться к царице Наталье и Петру, остановить их было невозможно.

Последний удар по гибнущему режиму нанес заслуженный и уважаемый Гордон, командир войск иноземного строя. Получив приказ

царя Петра передислоцироваться в Троицу, Гордон ушел не втихомолку, как другие, а открыто, походной колонной и с развернутым знаменем. Это произошло 5 сентября, а уже назавтра остававшиеся в Москве стрельцы явились в Кремль, чтобы схватить Шакловитого и тем самым заслужить у новой власти себе прощение. Софья храбро пыталась защитить своего соратника, но не смогла.

Василий Голицын отсиживался в своей подмосковной вотчине, но, узнав, что Шакловитый схвачен, поспешил явиться к Троице добровольно.

Царевна осталась в Кремле одна, всеми брошенная, ждать своей участи.

С ее фаворитами поступили по-разному. Шакловитого подвергли пыткам и заставили признаться во всех подлинных и, вероятно, даже вымышленных преступных замыслах, после чего очень быстро, всего через четыре дня, казнили вместе с еще несколькими стрельцами. За Василия Голицына вступился его двоюродный брат Борис Алексеевич, самая влиятельная фигура нового правительства, поэтому бывшего оберегателя пощадили – пожизненно отправили в ссылку. Петр его потом так никогда и не простил.

Свергнутой правительнице обвинений не предъявляли, никаких специальных манифестов издано не было, а просто царь Петр обратился к царю Ивану с официальным письмом, в котором говорилось: «Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте тому зазорному лицу государством владеть мимо нас» – и Софью без лишнего шума отправили в ближний Новодевичий монастырь. Андрей Матвеев (сын Артамона Сергеевича) пишет, что царевна покидала дворец «во многом плаче». После семи лет ослепительного взлета ей предстояло закончить жизнь так же, как множеству «обычных» царевен – в монастырском уединении.

Вот так, беспрецедентным женским правлением, провозвестником грядущего «женского века» российской истории, закончился недолгий век «третьего» государства – самодержавной монархии со слабыми самодержцами.

Заключение. Перед выбором пути

Многие историки считают русский семнадцатый век каким-то потерянным временем, когда страна топталась на месте, все больше отставая от Европы, но в истории российского государства этот отрезок занимает совершенно особое место. Можно смотреть на него и вот как: *это была попытка частичного отхода от «ордынской» модели, заимствованной Иваном III и затем доведенной его преемниками до абсолюта.*

Напомню, что государство «ордынского» типа стояло на четырех главных опорах.

1. Предельная централизация и концентрация власти; все мало-мальски важные решения принимались одной инстанцией – самим государем.

2. Все жители, от простолюдина до аристократа, были на положении «крепостных» у государства, которое считалось высшей ценностью: не государство существовало ради населения, а население ради государства.

3. Фигура верховного правителя была священна, любое покушение на ее авторитет считалось тяжким преступлением.

4. Воля государя стояла выше любых законов, обязательных для подданных, но не для высшей власти.

Политический кризис начала XVII века обрушил на эту жесткую конструкцию испытание, которого она не выдержала. Оказалось, что удерживать государство на одном-единственном «болте» слишком рискованно: если он ломается, всё разваливается.

Поэтому модель подверглась некоторой коррекции. Навершие пирамиды было укреплено подпорками, что позволило государству функционировать и при слабых государях, но остальные черты «ордынскости» сохранились: и тотальная централизация власти, и тотальная несвобода жителей, и тотальное верховенство приказа над законом.

Обновленное «мягкое» самодержавие помогло новой династии, как нарочно дававшей весьма слабых монархов, утвердиться и удержаться, однако эта странная гибридная структура была не в состоянии решить многие другие насущные проблемы страны.

С одной стороны, система оставалась слишком ригидной и мешала живому развитию страны, замедляя всякое периферийное и самопроизвольное развитие. Движение происходило только там, куда не дотягивалось государство – например, в Сибири.

С другой стороны, «несамодержавное самодержавие» не могло в полной мере воспользоваться и мобилизационно-принудительными механизмами, которыми отлично владеет империя классического чингисхановского типа.

Говоря упрощенно, существует два метода, с помощью которых можно побудить население к исполнению масштабных задач: или через материальную заинтересованность, или через мобилизацию, которая обеспечивается энтузиазмом либо страхом (как правило, их комбинацией). «Третье» государство не умело ни воодушевлять, ни запугивать. При кровавом деспоте Иване IV народ жил еще тяжелее и намного страшнее, но не бывало ни бунтов, ни даже ропота; при гуманном Алексее Михайловиче страну постоянно лихорадило. Через похожую эволюцию в XX веке пройдет «пятое» российское государство Советский Союз, в котором сталинская мобилизация через восторг и страх сменится демобилизацией брежневского «застоя».

Потрясения 1680-х годов показали, что «самодержавие без самодержца» все-таки не работает. Нужно было или снова «закручивать гайки», возвращаясь к «ордынскости», или менять фундаментальные параметры всей системы.

У страны в целом проблем было еще больше, чем у царской власти.

По выражению Ключевского, русские «очутились в неловком положении людей, отставших от собственных потребностей». Историк пишет: «Они поназывали несколько тысяч иноземцев, офицеров, солдат и мастеров, с их помощью кое-как поставили значительную часть своей рати на регулярную ногу и то плохую, без надлежащих приспособлений, и построили несколько фабрик и оружейных заводов, а с помощью этой подправленной рати и этих заводов после больших хлопот и усилий с трудом вернули две потерянные области, Смоленскую и Северскую, и едва удержали в своих руках половину добровольно отдавшейся им Малороссии» (добавлю – удержали исключительно благодаря кризису Речи Посполитой).

Отставание от Европы – технологическое, культурное, военное – делало Россию уязвимой перед внешними угрозами и не позволяло ей занять то положение в мире, которого заслуживала такая большая и потенциально богатая страна. Не меньшую опасность представляло само строение русского государства, не справлявшегося со своими функциями. Оно вполне могло рухнуть и безо всякого внешнего воздействия. В 1670 году, во время восстания Разина, и в 1682 году, во время военного путча, это почти и произошло.

Плохо устроенная, отсталая страна с неразвитой экономикой и слабой армией, задыхающаяся без морской торговли – вот какой пришла Россия к концу XVII столетия. Необходимость модернизации и реформы была очевидна всем государственным людям. Оставалось только выбрать, каким путем пойти.

Как я уже сказал, имелось две дороги.

Можно было заменить «вертикальную» модель на принципиально иную, «горизонтальную», которая стимулировала бы развитие провинции и самодеятельность населения, но в конечном итоге неизбежно привела бы к отмене самодержавия. Этот путь предлагал еще Афанасий Ордин-Нащокин и, судя по проекту «поправления всех дел», подробно разрабатывал Василий Голицын.

Был и второй путь: вернуться назад, к тотальному самодержавию, то есть к классической военной империи чингисхановского типа, способной форсировать развитие иными средствами – суровыми, зато быстрыми.

Сделать этот выбор предстояло новому правителю царю Петру.

---

notes

Сноски

1

Вероятно, от польского *frant* – «шут».

2

Дальнейшая судьба «великого князя русского» была печальной. Пытаясь вернуть утраченное влияние среди казаков, он вступил в тайные сношения с промосковскими заговорщиками и в конце концов был расстрелян самими поляками, что окончательно утвердило за ним репутацию законченного изменника.